

Вестник БИСТ

(Башкирского института социальных технологий)

ISSN 2078-9025

№ 2 (71) • 2026

12+

Серия «ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ»

DOI: 10.47598/2078-9025-2026-2-71



Учредитель:

Образовательное учреждение профсоюзов высшего образования «Академия труда и социальных отношений»

Научный журнал

Издается с 2009 г. Выходит ежеквартально.

ПИ № ФС77-34653 от 02 декабря 2008 г.

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии (ВАК) Министерства образования и науки Российской Федерации журнал «Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий)» включен в перечень рецензируемых научных изданий ВАК, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям:

5.2.3. Региональная и отраслевая экономика; 5.2.4. Финансы; 5.2.6. Менеджмент; 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии; 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

НИГМАТУЛЛИНА Танзиля Алтафовна — главный редактор, доктор политических наук, кандидат исторических наук, доцент, директор, заведующий кафедрой политологии, истории, теории государства и права Башкирского института социальных технологий (филиала) Академии труда и социальных отношений (Уфа, Российская Федерация)

ВЕЛЬЦ Рахиль Яковлевна — заместитель главного редактора, кандидат филологических наук, доцент, ученый секретарь Башкирского института социальных технологий (филиала) Академии труда и социальных отношений (Уфа, Российская Федерация)

АЛИМАРДАНОВ Мухамади Ибрагимович — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики и туризма Университета «Oriental University» (Ташкент, Республика Узбекистан)

АМИРОВА Людмила Александровна — доктор педагогических наук, доцент, главный научный сотрудник Управления научной работы Башкирского государственного педагогического университета имени М. Акмуллы (Уфа, Российская Федерация)

АНТОШКИН Виктор Николаевич — доктор социологических наук, кандидат философских наук, профессор, профессор Уфимского филиала Волжского университета водного транспорта (Уфа, Российская Федерация)

АРЗАМАСКИН Николай Николаевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Ульяновского государственного университета (Ульяновск, Российская Федерация)

АРИСТАРХОВА Маргарита Константиновна — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры финансовых, учетных и налоговых технологий Уфимского университета науки и технологий (Уфа, Российская Федерация)

АСАДУЛЛИН Раиль Мирваевич — доктор педагогических наук, профессор, директор научно-исследовательского института стратегии развития образования (Уфа, Российская Федерация)

АСОНОВ Николай Васильевич — доктор политических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры политологии Института истории и политики Московского педагогического государственного университета (Москва, Российская Федерация)

АХМЕДОВА Гузалхон Уткуровна — доктор юридических наук, доцент кафедры криминалистики и судебной экспертизы Ташкентского государственного юридического университета (Ташкент, Республика Узбекистан)

БУРХАНОВА Флюра Булатовна — доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории региональных исследований качества жизни Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Уфа, Российская Федерация)

ГАЛИЕВ Фарит Хатипович — доктор юридических наук, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой теории государства и права Института права Уфимского университета науки и технологий (Уфа, Российская Федерация)

ГАЛЛЯМОВ Рушан Рахимзянович — доктор социологических наук, кандидат философских наук, профессор, старший научный сотрудник сектора социально-политических исследований Института социально-экономических исследований — обособленного структурного подразделения Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук (Уфа, Российская Федерация)

ГАРЕЕВА Наиля Альфритовна — кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой финансов и кредита Нижнекамского филиала Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова (Нижнекамск, Российская Федерация)

ГАЯЗОВ Альфис Суфиянович — доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики Уфимского университета науки и технологий (Уфа, Российская Федерация)

ГЯЯЗОВ Айдарбек Токторович — доктор экономических наук, профессор, ректор Баткенского государственного университета (Баткен, Киргизская Республика)

Адрес редакции и издателя: проспект Октября, д. 74/2, г. Уфа, Республика Башкортостан, 450054

E-mail: vestnikBIST@mail.ru

Сайт: vestnik-bist.ru

ДАВЛАТОВ Кудрат Камбарович — доктор экономических наук, профессор, ректор Таджикского технического университета имени академика М. С. Осими (Душанбе, Республика Таджикистан)

ЗАЙНАШЕВА Зарима Гафаровна — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры региональной экономики и управления Института экосистем бизнеса и креативных индустрий Уфимского государственного нефтяного технического университета (Уфа, Российская Федерация)

КОДИРОВ Фируз Абдулхафизович — кандидат экономических наук, доцент, проректор по международным отношениям Таджикского государственного финансово-экономического университета (Душанбе, Республика Таджикистан)

КРИВЦОВ Артем Игоревич — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры менеджмента, маркетинга и внешнеэкономической деятельности имени И. Н. Герчиковой Московского государственного института международных отношений МИД Российской Федерации (Москва, Российская Федерация)

ЛАТЫПОВ Вадим Сагитьянович — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права, процесса и цивилистики Башкирского института социальных технологий (филиала) Академии труда и социальных отношений (Уфа, Российская Федерация)

ЛЯПУНЦОВА Елена Вячеславовна — доктор технических наук, профессор, профессор кафедры ИБМ-7 Московского государственного технического университета имени Н. Э. Баумана (Москва, Российская Федерация)

МАКАРОВА Гузель Ильясовна — доктор социологических наук, кандидат философских наук, доцент, главный научный сотрудник отдела этнологических исследований Института истории имени Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация)

МАКАРОВА Тамара Ивановна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой экологического и аграрного права Белорусского государственного университета (Минск, Республика Беларусь)

МАТВЕЕВА Любовь Дмитриевна — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой туризма, гостиничного и ресторанного сервиса Института экосистем бизнеса и креативных индустрий Уфимского государственного нефтяного технического университета (Уфа, Российская Федерация)

МЕДВЕДЕВ Николай Павлович — доктор политических наук, профессор, главный редактор издательства «Наука сегодня» (Москва, Российская Федерация)

МИРАЛИЁН Киёмиддин Абдусалимзода — доктор политических наук, доцент, председатель Исполнительного Комитета Народно-демократической партии Таджикистана в Хатлонской области, координатор Молодежной межпарламентской ассамблеи государств СНГ Парламента Республики Таджикистан (Душанбе, Республика Таджикистан)

МИХАЙЛОВА Наталья Вячеславовна — доктор политических наук, доцент, профессор кафедры публичной политики, истории государства и права Юридического института Российского университета дружбы народов (Москва, Российская Федерация)

МОХОВ Виктор Павлович — доктор исторических наук, профессор, декан гуманитарного факультета Пермского национального исследовательского политехнического университета (Пермь, Российская Федерация)

МУДАРИСОВ Равиль Зуфарович — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры философии, истории и права Уфимского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Уфа, Российская Федерация)

МУХАМЕТЗЯНОВА-ДУГГАЛ Регина Массаровна — доктор политических наук, главный научный сотрудник отдела религиоведения Института этнологических исследований имени Р. Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра РАН (Уфа, Российская Федерация)

НАЗАРОВА Ульяна Анатольевна — доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры проектного менеджмента и экономики предпринимательства Уфимского государственного нефтяного технического университета (Уфа, Российская Федерация)

НИГАТУЛЛИН Ришат Вахидович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного и интеграционного права Института права Уфимского университета науки и технологий (Уфа, Российская Федерация)

ПАНАЧЕВ Валерий Дмитриевич — доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры физической культуры Пермского национального исследовательского политехнического университета (Пермь, Российская Федерация)

ПОЛИЩУК Николай Иванович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права, международного и европейского права Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (Рязань, Российская Федерация)

РАХМАТУЛЛИНА Зугра Ягануровна — доктор философских наук, профессор, директор Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук (Уфа, Российская Федерация)

РЫКОВА Инна Николаевна — доктор экономических наук, академик РАЕН, руководитель Центра отраслевой экономики Научно-исследовательского финансового института Министерства финансов Российской Федерации (Москва, Российская Федерация)

САФИН Фаиль Габдуллович — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующий отделом этнополитологии Института этнологических исследований имени Р. Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук (Уфа, Российская Федерация)

СТЕГНИЙ Василий Николаевич — доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии и политологии Пермского национального исследовательского политехнического университета (Пермь, Российская Федерация)

ТАГАРИЕВА Ирма Рашитовна — доктор педагогических наук, доцент, заместитель научного руководителя Научно-исследовательского института стратегии развития образования Башкирского государственного педагогического университета имени М. Акмуллы (Уфа, Российская Федерация)

ТЕРНОВАЯ Людмила Олеговна — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры социологии и управления Московского автомобильно-дорожного государственного технического университета (МАДИ) (Москва, Российская Федерация)

ТЛЕПИНА Шолпан Валерьевна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права Евразийского национального университета имени Л. Н. Гумилева (Астана, Республика Казахстан)

УСМАНОВА Резида Минияровна — доктор юридических наук, доцент, декан юридического факультета Стерлитамакского филиала Уфимского университета науки и технологий (Стерлитамак, Российская Федерация)

ФЕЛЬДМАН Павел Яковлевич — кандидат политических наук, доцент, профессор кафедры философии и социологии Академии труда и социальных отношений (Москва, Российская Федерация)

ФОМЕНКОВ Артем Александрович — доктор исторических наук, доцент, доцент кафедры социально-политических коммуникаций Института международных отношений и мировой истории Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского (Нижний Новгород, Российская Федерация)

ХАБИБУЛЛИНА Айгуль Рафкатовна — доктор исторических наук, доцент, директор Уфимской санаторной школы-интерната № 2 (Уфа, Российская Федерация)

ЧЕПУС Алексей Викторович — доктор юридических наук, доцент кафедры конституционного права Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва, Российская Федерация)

ЭРГАШЕВА Шахло Тургуновна — кандидат экономических наук, профессор, директор Инновационного ресурсного центра повышения квалификации по международным стандартам финансовой отчетности и аудита при Ташкентском государственном экономическом университете (Ташкент, Республика Узбекистан)

ЮНУСОВА Дилфуза Исраиловна — доктор педагогических наук, кандидат физико-математических наук, профессор, профессор кафедры математики и методики ее преподавания Ташкентского государственного педагогического университета имени Низами (Ташкент, Республика Узбекистан)

ЯМАЛОВА Эльвира Наилевна — доктор политических наук, профессор, и. о. проректора по информационной политике Уфимского университета науки и технологий (Уфа, Российская Федерация)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

БАРАНОВА Екатерина Сергеевна — кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Института права Уфимского университета науки и технологий (Уфа, Российская Федерация)

БОЧАРОВА Татьяна Евгеньевна — ответственный секретарь журнала «Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий)», начальник отдела научной редакции (журнал «Вестник БИСТ») и издательской деятельности Башкирского института социальных технологий (филиала) Академии труда и социальных отношений (Уфа, Российская Федерация)

БЫСТРОВ Александр Ильич — кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры экономики и информационных технологий Башкирского института социальных технологий (филиала) Академии труда и социальных отношений (Уфа, Российская Федерация)

ГАЛИЕВА Гульназ Физратовна — доктор экономических наук, доцент, директор Центра карьеры Уфимского государственного нефтяного технического университета (Уфа, Российская Федерация)

СУЛЕЙМАНОВ Артур Рамилевич — кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений, истории и востоковедения Уфимского государственного нефтяного технического университета (Уфа, Российская Федерация)

Vestnik BIST

(Bashkir Institute of Social Technologies)

ISSN 2078-9025

No. 2 (71) • 2026

"SOCIAL SCIENCES"

12+

DOI: 10.47598/2078-9025-2026-2-71



Founder:

Educational Institution
of Trade Unions
of higher education
"Academy of Labour
and Social Relations"

Scientific journal

Published since 2009. Published every three months.

ПИ № ФС77-34653 dated 2nd December, 2008

Upon decision of the Presidium of the Higher Attestation Commission (HAC) of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation the scientific journal "Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)" is included in the list of peer-reviewed scientific publications HAC, which should be published basic scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Science, for the degree of Doctor of Science in scientific specialties: 5.2.3. Regional and Sectoral Economy; 5.2.4. Finance; 5.2.6. Management; 5.5.2. Political Institutions, Processes, Technologies; 5.1.2. Public Legal (State Legal) Sciences.

JOURNAL EDITORS:

NIGMATULLINA Tanzilya Altafovna — Editor-in-Chief, Doctor of Political Sciences, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Director, Head of the Department of Political Science, History, Theory of State and Law, Bashkir Institute of Social Technologies (branch) of the Academy of Labor and Social Relations (Ufa, Russian Federation)

VELTS Rakhil Yakovlevna — Deputy Editor-in-Chief, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Academic Secretary, Bashkir Institute of Social Technologies (branch) of the Academy of Labor and Social Relations (Ufa, Russian Federation)

ALIMARDANOV Mukhamadi Ibragimovich — Doctor of Economics Sciences, Professor, Professor of the Department of Economics and Tourism, Oriental University (Tashkent, Republic of Uzbekistan)

AMIROVA Lyudmila Aleksandrovna — Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Chief Researcher of the Department of Scientific Research of the Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmula (Ufa, Russian Federation)

ANTOSHKIN Viktor Nikolaevich — Doctor of Sociological Sciences, Candidate of Philosophy, Professor, Professor, Ufa branch of the Volga University of Water Transport (Ufa, Russian Federation)

ARZAMASKIN Nikolay Nikolaevich — Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russian Federation)

ARISTARHOVA Margarita Konstantinovna — Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Department of Financial, Accounting and Tax Technologies, Ufa University of Science and Technology (Ufa, Russian Federation)

ASADULLIN Rail Mirvaevich — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Director of the Research Institute of Strategic Development of Education (Ufa, Russian Federation)

ASONOV Nikolai Vasilyevich — Doctor of Political Sciences, Candidate of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Political Science, Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russian Federation)

AKHMEDOVA Guzalkhon Utkurovna — Doctor of Law Sciences, Associate Professor of the Department of Criminalistics and Forensic Expertise, Tashkent State Law University (Tashkent, Republic of Uzbekistan)

BURKHANOVA Flyura Bulatovna — Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chief Researcher, Laboratory of Regional Studies of Quality of Life, Institute of Sociology, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences (Ufa, Russian Federation)

GALIEV Farit Khatipovich — Doctor of Law, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Theory of State and Law, Institute of Law, Ufa University of Science and Technology (Ufa, Russian Federation)

GALLYAMOV Rushan Rakhimzyanovich — Doctor of Sociological Sciences, Candidate of Philosophy, Professor, Senior Researcher of the Department of Social and Political Research, Institute of Social and Economic Research — a separated structural division of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (Ufa, Russian Federation)

GAREEVA Nailya Alfrifovna — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Finance and Credit, Nizhnekamsk branch of Kazan Innovation University named after V. G. Timiryasov (Nizhnekamsk, Russian Federation)

GAYAZOV Alfis Sufiyonovich — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of the Department of Pedagogy, Ufa University of Science and Technology (Ufa, Russian Federation)

GYAZOV Aidarbek Toktorovich — Doctor of Economic Sciences, Professor, Rector, Batken State University (Batken, Kyrgyz Republic)

DAVLATOV Kudrat Kambarovich — Doctor of Economic Sciences, Professor, Rector, Tajik Technical University named after academician M. S. Osimi (Dushanbe, Republic of Tajikistan)

Editorial and publisher address: 74/2 Prospekt Oktyabrya, Ufa, the Republic of Bashkortostan, 450054

E-mail: vestnikBIST@mail.ru

Website: vestnik-bist.ru

ZAINASHEVA Zarima Gafarovna — Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Department of Regional Economics and Management, Institute of Business Ecosystems and Creative Industries, Ufa State Petroleum Technological University (Ufa, Russian Federation)

KODIROV Firuz Abdulkhafizovich — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Vice-Rector for International Relations, Tajik State Financial and Economic University (Dushanbe, Republic of Tajikistan)

KRIVTSOV Artem Igorevich — Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Department of Management, Marketing and Foreign Economic Activity named after I. N. Gerchikova, Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation)

LATYPOV Vadim Sagityanovich — Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law, Procedure and Civil Law, Bashkir Institute of Social Technologies (branch) of the Academy of Labor and Social Relations (Ufa, Russian Federation)

LYAPUNTSOVA Elena Vyacheslavovna — Doctor of Technical Sciences, Professor, Professor of the IBM-7 Department, Moscow State Technical University named after N. E. Bauman (Moscow, Russian Federation)

MAKAROVA Guzel Ilyasovna — Doctor of Sociological Sciences, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Chief Researcher of the Department of Ethnological Research, Institute of History named after Sh. Marjani, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Russian Federation)

MAKAROVA Tamara Ivanovna — Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Environmental and Agrarian Law, Belarusian State University (Minsk, Republic of Belarus)

MATVEEVA Lyubov Dmitrievna — Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Tourism, Hotel and Restaurant Services, Institute of Business Ecosystems and Creative Industries, Ufa State Petroleum Technological University (Ufa, Russian Federation)

MEDVEDEV Nikolai Pavlovich — Doctor of Political Sciences, Professor, Editor-in-Chief of the Publishing house "Science Today" (Moscow, Russian Federation)

MIRALIYON Kiyomiddin Abdusalimzoda — Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Chairman of the Executive Committee of the People's Democratic Party of Tajikistan in the Khatlon region, Coordinator of the Youth Inter-Parliamentary Assembly of the CIS States of the Parliament of the Republic of Tajikistan (Dushanbe, Republic of Tajikistan)

MIKHAILOVA Natalya Vyacheslavovna — Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Public Policy, History of State and Law of the Law Institute of the Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, Russian Federation)

MOKHOV Viktor Pavlovich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Humanities, Perm National Research Polytechnic University (Perm, Russian Federation)

MUDARISOV Ravil Zufarovich — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy, History and Law, Financial University under the Government of the Russian Federation, Ufa Branch (Ufa, Russian Federation)

MUKHAMETZYANOVA-DUGGAL Regina Massarovna — Doctor of Political Sciences, Chief Researcher of the Department of Religious Studies, Institute of Ethnological Research named after R. G. Kuzeev, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (Ufa, Russian Federation)

NAZAROVA Uliana Anatolyevna — Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Project Management and Economics of Entrepreneurship, Ufa State Petroleum Technical University (Ufa, Russian Federation)

NIGMATULLIN Rishat Vakhidovich — Doctor of Law Sciences, Professor, Head of the Department of International and Integration Law, Institute of Law, Ufa University of Science and Technology (Ufa, Russian Federation)

PANACHEV Valery Dmitrievich — Doctor of Sociological Sciences, Professor, Professor of the Department of Physical Culture, Perm National Research Polytechnic University (Perm, Russian Federation)

POLISCHUK Nikolay Ivanovich — Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Theory of State and Law, International and European Law, Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service (Ryazan, Russian Federation)

RAKHMATULLINA Zugura Yaganurovna — Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Director, Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (Ufa, Russian Federation)

RYKOVA Inna Nikolaevna — Doctor of Economic Sciences, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Head of the Center of Industry Sector Economics, Research Financial Institute of the Ministry of Finance of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation)

SAFIN Fail Gabdullovich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher, Head of the Department of Ethnopolitical Science, Institute of Ethnological Research named after R. G. Kuzeev, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (Ufa, Russian Federation)

STEGNIY Vasily Nikolaevich — Doctor of Sociological Sciences, Professor, Professor of the Department of Sociology and Political Science, Perm National Research Polytechnic University (Perm, Russian Federation)

TAGARIEVA Irma Rashitovna — Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Deputy Scientific Director of the Research Institute for Education Development Strategy, Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla (Ufa, Russian Federation)

TERNOVAYA Lyudmila Olegovna — Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Sociology and Management, Moscow Automobile and Highway State Technical University (MARI) (Moscow, Russian Federation)

TLEPINA Sholpan Valerievna — Doctor of Law, Professor, Head of the Department of International Law, Eurasian National University named after L. N. Gumilyov (Astana, Republic of Kazakhstan)

USMANOVA Rezida Miniyarovna — Doctor of Law, Associate Professor, Dean of the Faculty of Law, Ufa University of Science and Technology, Sterlitamak branch (Sterlitamak, Russian Federation)

FELDMAN Pavel Yakovlevich — Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy and Sociology, Academy of Labor and Social Relations (Moscow, Russian Federation)

FOMENKOV Artem Aleksandrovich — Doctor of History Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Socio-Political Communications, Institute of International Relations and Pestilence History, National Research Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky (Nizhny Novgorod, Russian Federation)

KHABIBULLINA Aigul Rafkatovna — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Director of the Ufa Sanatorium-Boarding School No. 2 (Ufa, Russian Federation)

CHEPUS Alexey Viktorovich — Doctor of Law, Associate Professor of the Department of Constitutional Law, Institute of Law and National Security, Russian Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russian Federation)

ERGASHEVA Shahlo Turgunovna — Candidate of Economic Sciences, Professor, Director of the Innovative Resource Center for Advanced Studies in International Financial Reporting and Auditing Standards, Tashkent State Economic University (Tashkent, Republic of Uzbekistan)

YUNUSOVA Dilfuza Israilovna — Doctor of Pedagogical Sciences, Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Professor, Professor of the Department of Mathematics and Methods of Teaching, Tashkent State Pedagogical University named after Nizami (Tashkent, Republic of Uzbekistan)

YAMALOVA Elvira Nailevna — Doctor of Political Sciences, Professor, Acting Vice-Rector for Information Policy, Ufa University of Science and Technology (Ufa, Russian Federation)

EDITORIAL BOARD:

BARANOVA Ekaterina Sergeevna — Candidate of Law Sciences, Associate Professor of the Department of Theory of State and Law, Institute of Law, Ufa University of Science and Technology (Ufa, Russian Federation)

BOCHAROVA Tatyana Evgenievna — Executive Secretary of the journal "Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)", Head of the Scientific Editorial Department ("Vestnik BIST") and Publishing Department, Bashkir Institute of Social Technologies (branch) of the Academy of Labor and Social Relations (Ufa, Russian Federation)

BYSTROV Alexander Ilyich — Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Economics and Information Technologies, Bashkir Institute of Social Technologies (branch) of the Academy of Labor and Social Relations (Ufa, Russian Federation)

GALIEVA Gulnaz Fizratovna — Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Director of the Career Center, Ufa State Petroleum Technological University (Ufa, Russian Federation)

SULEIMANOV Artur Ramilevich — Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of International Relations, History and Oriental Studies, Ufa State Petroleum Technological University (Ufa, Russian Federation)

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИКА И ИДЕОЛОГИЯ	11
Р. В. Бугров, И. З. Герштейн Эволюция медийного образа советского периода истории в государственных СМИ как инструмент формирования национальной идентичности	11
Р. Р. Галлямов Состояние и методы обеспечения устойчивости социальной динамики полиэтнического российского региона в этноконфессиональном значении (на примере Республики Башкортостан)	18
Е. А. Попова, М. А. Аракелян, В. В. Чугунов, И. В. Пивоваров Авторитет офицера МЧС России: ценностные основания, приоритеты и требования	28
Е. А. Попова, М. А. Аракелян, А. Н. Малинка, Е. В. Шатина Стиль управленческой деятельности офицера МЧС России: сущность, содержание, виды	37
Ю. Д. Якубов Представительство городских сообществ в местных legislatures Татарстана: анализ социального состава	46
ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ	53
Е. В. Алексеева, С. Г. Биденко, А. И. Коваленко, А. Ю. Погорелова Сущностная природа и ключевые характеристики теории вреда в антимонопольном регулировании	53
Е. Ю. Семенова К вопросу о сравнительном анализе форм взаимодействия юридических клиник с государственными и негосударственными структурами	64
Р. М. Усманова Правовое регулирование биоэкополиса как инструмента достижения технологического суверенитета в Российской Федерации	70
ЭКОНОМИКА И МЕНЕДЖМЕНТ ПРЕДПРИЯТИЙ	77
Д. В. Клюкина, Н. С. Вашков Анализ воздействия применения технологий искусственного интеллекта на результативность и уровень сервисного обслуживания в рыночной среде	77
Д. В. Клюкина, Б. В. Смирнов, А. Г. Комаренко Развитие транспортно-логистической инфраструктуры и ее вклад в пространственную интеграцию и экономический рост регионов Российской Федерации	83
О. В. Лесникова Гостиничный бизнес: внедрение стандартов обслуживания как инструмент повышения конкурентоспособности гостиницы	90
Р. И. Маликов, К. Ю. Михайлова, В. Н. Пахомов Оценка результатов адаптации системы менеджмента в российском малом и среднем бизнесе к изменению условий новой экономической реальности	97

Е. Г. Пономарева, Т. В. Гончаренко, Л. С. Костин Этические границы алгоритмического таргетинга в системе стратегических маркетинговых коммуникаций	105
Н. М. Сурай, Н. С. Пархоменко Влияние цифровых технологий на развитие рекламы в России	112
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ	124
Л. Х. Арасланова, Э. Ф. Мухамадиева Экологическая безопасность как фактор влияния на экономическую безопасность хозяйствующего субъекта.	124
О. И. Ишкинина, Э. Ф. Мухамадиева Формирование системы риск-индикаторов для обеспечения экономической безопасности предприятий нефтегазового сектора	131
З. М. Хурамова Современные факторы и тенденции обеспечения продовольственной безопасности в Республике Таджикистан	138
СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЭКОНОМИКИ	144
С. С. Лебедева, С. М. Безух, М. А. Семенова, Ю. Ю. Платонова Повышение качества жизни граждан пожилого возраста как центральное направление в подготовке специалистов социальной сферы	144
Т. А. Нигматуллина, Л. О. Терновская Палитра инклюзивной политики: на примере социальной защиты инвалидов.	156
НАУЧНОЕ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО	166
Е. С. Авдеева, В. С. Резник Механизм управления децентрализованной системой сертификации достижений в дополнительном IT-образовании школьников на основе блокчейн: модель, внедрение и оценка эффективности	166
А. М. Анисимова, М. А. Волкова, И. Д. Кочанжи, Н. А. Пшеничникова Некоторые аспекты учебной мотивации обучающихся в условиях современного образовательного учреждения: отдельные правовые акценты	174
ЦЕНТР UNEVOC В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА БАЗЕ БИСТ (ФИЛИАЛА) ОУП ВО «АТИСО».	183
Т. А. Нигматуллина, Н. Г. Курамшина Сертификация программ профессионально-технического образования по рекомендациям UNESCO-UNEVOC как реализация международной политики	183
НОВОСТИ ЦЕНТРА UNEVOC	189
Форум «Атайсал».	189
АВТОРАМ	190

CONTENTS

POLITICS AND IDEOLOGY	11
R. V. Bugrov, I. Z. Gershtein Evolution of the media image of the soviet period of history in state media as a tool for forming national identity	11
R. R. Gallyamov The status and methods of ensuring the sustainability of social dynamics in a multi-ethnic russian region in its ethno-confessional significance (using the Republic of Bashkortostan as a case study)	18
E. A. Popova, M. A. Arakelyan, V. V. Chugunov, I. V. Pivovarov Authority of an officer of the emercom of Russia: values, priorities, and requirements	28
E. A. Popova, M. A. Arakelyan, A. N. Malinka, E. V. Shatina Managerial style of an officer of the Russian Federation's emercom: essence, content, types	37
Yu. D. Yakubov Representation of the international community in local legislative bodies of Tatarstan: an analysis of social-group composition	46
LEGAL ISSUES	53
E. V. Alekseeva, S. G. Bidenko, A. I. Kovalenko, A. Yu. Pogorelova Essentials and properties of the theory of harm in antimonopoly regulation	53
E. Yu. Semenova On the issue of comparative analysis of forms of interaction between legal clinics and state and non-state structures	64
R. M. Usmanova Legal regulation of bioecopolis as a tool for achieving technological sovereignty in the Russian Federation	70
ECONOMY AND ENTERPRISE MANAGEMENT	77
D. V. Klyukina, N. S. Vashkov Analysis of the impact of artificial intelligence technologies on performance and service level in the market environment	77
D. V. Klyukina, B. V. Smirnov, A. G. Komarenko Development of transport and logistics infrastructure and its contribution to spatial integration and economic growth of regions of the Russian Federation	83
O. V. Lesnikova Hotel business: implementation of service standards as a tool for increasing hotel competitiveness	90
R. I. Malikov, K. Yu. Mikhailova, V. N. Pakhomov Evaluation of the results of adaptation of the management system in russian small and medium businesses to the changing conditions of the new economic reality	97

E. G. Ponomareva, T. V. Goncharenko, L. S. Kostin Ethical limits of algorithmic targeting in strategic marketing communications	105
N. M. Suray, N. S. Parkhomenko The impact of digital technologies on advertising development in Russia	112
ECONOMIC SECURITY	124
L. Kh. Araslanova, E. F. Mukhamadiyeva Environmental safety as a factor influencing the economic security of an economic entity	124
O. I. Ishkinina, E. F. Mukhamadiyeva Formation of a risk indicator system for ensuring economic security of an oil and gas sector enterprise	131
Z. M. Khuramova Contemporary factors and trends in food security in the Republic of Tajikistan.....	138
SOCIAL ASPECTS OF ECONOMY	144
S. S. Lebedeva, S. M. Bezukh, M. A. Semenova, Yu. Yu. Platonova Improving the quality of life for elderly citizens as a central focus in the training of social specialists	144
T. A. Nigmatullina, L. O. Ternovaya The palette of inclusive policy: the case of social protection of disabled people.....	156
SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL SPACE	166
E. S. Avdeeva, V. S. Reznik Digital certification governance mechanism for school students' achievements in additional it education based on blockchain: model, implementation, and effectiveness evaluation	166
A. M. Anisimova, M. A. Volkova, I. D. Kochanzhi, N. A. Pshenichnikova Some aspects of educational motivation of students in a modern educational institution: separate legal accents	174
BASHKIR INSTITUTE OF SOCIAL TECHNOLOGIES (BRANCH) EDUCATIONAL INSTITUTION OF THE TRADE UNIONS OF HIGHER EDUCATION "ACADEMY OF LABOR AND SOCIAL RELATIONS" UNEVOC CENTER	183
T. A. Nigmatullina, N. G. Kuramshina Certification of vocational and technical education programs according to the recommendations of UNESCO-UNEVOC as a realization of international policy	183
UNEVOC CENTRE NEWS	189
Ataysal Forum.....	189
FOR AUTHORS	190

Вестник Башкирского института социальных технологий). 2026. № 2(71). С. 11–17
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2026;2(71):11–17

Научная статья
УДК 32.019.51(470)
doi: 10.47598/2078-9025-2026-2-71-11-17

ЭВОЛЮЦИЯ МЕДИЙНОГО ОБРАЗА СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА ИСТОРИИ В ГОСУДАРСТВЕННЫХ СМИ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Роман Владимирович Бугров¹, Илья Захарьевич Герштейн²✉

^{1,2}Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

¹bugrov@imomi.unn.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0863-465X>

²zaharych77@mail.ru✉, <https://orcid.org/0009-0007-6399-3766>

Аннотация. Статья посвящена эволюции образа советского периода отечественной истории в российской медиакультуре. Изначально, на волне отрицания полезности советского опыта этот образ формировался вокруг негативных фактов советской эпохи: жесткого идеологического контроля, репрессий тотального дефицита. Спустя всего одно десятилетие этот мрачный опыт начинает разбавлять поколенческая ностальгия, хотя в медиасфере отрицательная оценка советского прошлого начинает доминировать. К концу первого десятилетия нового века становится ясно, что претензии страны на достойное место на международной арене во многом основаны на багаже советских достижений. Важную место в этом наследии играет вклад СССР в победу над нацизмом. После того, как одной из ключевых задач современной России становится противостояние неонацизму, происходит обращение к советскому опыту и восприятие этого периода российской истории становится все более позитивным.

Ключевые слова: медиакультура, образ советской эпохи, негативная идентичность, эволюция образа эпохи, «Русская весна», влияние специальная военная операция, трансформация медиасферы

Для цитирования: Бугров Р. В., Герштейн И. З. Эволюция медийного образа советского периода истории в государственных СМИ как инструмент формирования национальной идентичности // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2026. № 2 (71). С. 11–17. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2026-2-71-11-17>.

Research article

EVOLUTION OF THE MEDIA IMAGE OF THE SOVIET PERIOD OF HISTORY IN STATE MEDIA AS A TOOL FOR FORMING NATIONAL IDENTITY

Roman V. Bugrov¹, Ilya Z. Gershtein²✉

^{1,2}Lobachevsky State University, Nizhniy Novgorod, Russia

¹bugrov@imomi.unn.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0863-465X>

²zaharych77@mail.ru✉, <https://orcid.org/0009-0007-6399-3766>

Abstract. The article is devoted to the evolution of the image of the Soviet period of Russian history in Russian media culture. Initially, on the wave of denial of the usefulness of the Soviet experience, this image was formed around the negative facts of the Soviet era: strict ideological control, repressions, total deficit. After only one decade, this gloomy experience begins to be diluted by generational nostalgia, although in the

media sphere a negative assessment of the Soviet past begins to dominate. By the end of the first decade of the new century, it becomes clear that the country's claims to a worthy place in the international arena are largely based on the baggage of Soviet achievements. An important place in this legacy is played by the contribution of the USSR to the victory over nazism. After one of the key tasks of modern Russia becomes the confrontation with neo-Nazism, there is an appeal to the Soviet experience and the perception of this period of Russian history becomes increasingly positive.

Keywords: media culture, image of the Soviet era, negative identity, evolution of the image of the era, "Russian Spring", special military operation, transformation of the media sphere

For citation: Bugrov R. V., Gershtein I. Z. Evolution of the media image of the soviet period of history in state media as a tool for forming national identity. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2026;(2(71)):11–17. (In Russ.). <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2026-2-71-11-17>.

Современная социальная реальность, находящаяся за пределами непосредственного восприятия человека, является социальным конструктом, смоделированным специализированными институтами. В их ряду важнейшую роль играет система медиакommunikации — распространение с помощью технических средств специально подготовленного информационного контента, имеющего определенное смысловое наполнение. Специалисты характеризуют его как «сложное и неоднородное явление, характеризующееся: 1) передачей, получением, сохранением и актуализацией смысловой и оценочной информации, на основе которой происходит социальная адаптация и идентификация; 2) влиянием на социальную установку, на взаимоотношения между группами различных уровней. При этом сам уровень испытывает влияние этих взаимоотношений и во многом определяется особенностями той социальной системы, в рамках которой и происходит массовое общение; 3) наличием технических средств, при помощи которых осуществляется регулярное функционирование и тиражирование продукции массовой коммуникации: печать, радио, телевидение, Интернет» [1, с. 27].

Инициатива в определении смысловой нагрузки, выстраивающей «картину» социальной реальности в сознании большинства, принадлежит собственникам технических средств, при помощи которых происходит распространение информации. Особенностью российского медиапространства являются высокая доля участия государства в управлении СМИ, активное участие государственных корпораций в формировании массового информационного контента. Это позволяет государству активно

участвовать в формировании «картины мира» для своих граждан.

Подобная ситуация имеет как свои безусловные плюсы, так и несомненные минусы. Главным минусом, который не раз подчеркивался как в исследовательской литературе [2–4], так и в художественных антиутопиях [5], являются безальтернативность создаваемой государством картины и меры государственного принуждения за попытки усомниться в декларируемом положении вещей. Напротив, положительным следствием большой доли государственного участия в информационном пространстве становится повышенная способность мобилизации граждан на решение важнейших задач. Эта особенность наиболее важна в чрезвычайных обстоятельствах, часто возникающих в России.

Тем не менее недостатки тотального информационного контроля власти над обществом вышли на первый план в период накануне и в процессе распада СССР и в условиях необходимости формирования новой государственной идентичности Российской Федерации стали одной из главных мишеней для критики в период «негативной идентичности». Под этим термином мы понимаем «самоутверждение от противного, от другого значимого предмета или представления, но выраженное в форме отрицания каких-либо качеств или ценностей у их носителя, выступающего в виде чужого, отвратительного, пугающего, угрожающего, персонифицирующего все, что неприемлемо в членах группы или сообщества, короче, антипода» [6, с. 37].

«Негативная идентичность» — неотъемлемый первый этап формирования любой новой национально-государственной идентичности,

при условии, что она формируется не «с нуля» (то есть с догосударственных, племенных форм политической организации общества), что в современном мире случается достаточно редко. В результате визуальный образ советского периода в российских СМИ в 90-е годы XX в. — пустые полки советских магазинов и длинные очереди к ним, исторические передачи про репрессии, насмешки над качеством продукции советской промышленности и т. д. Создавался исключительно негативный образ «советскости», вызывающий лишь жалость и отвращение. Ярким примером может служить программа «Намедни» Л. Парфенова, которая в 1997–2003 году выходила как «документальный проект».

Этот период занял практически все последнее десятилетие прошлого века. Ярким примером негативного освещения «советскости» в 1990-е может послужить анализ образа советского периода на страницах одного из самых популярных изданий того времени — газеты «Аргументы и факты». Исследовавшие формирование образа «советскости» на страницах этой газеты специалисты Саратовского университета отмечают, что «советская экономика на страницах „Аргументов и фактов“ в 1990-е годы представлялась как неэффективная, несбалансированная, что, в свою очередь, трактовалось как причина экономических проблем в период постсоветского транзита» [7, с. 31]. Кроме этого, «в 1990-е и начале 2000-х годов журналисты часто критиковали советские социально-политические реалии», в это же время на страницах «Аргументов и фактов» «был создан негативный продуктовый образ СССР. Журналисты подчеркивали серость, невкусность и низкое качество продуктов, их дефицит определялся как характерная черта советской эпохи» [7, с. 31–32]. Более того, в последнее десятилетие XX в. «советская эпоха на страницах „Аргументов и фактов“ представлялась... как период накопления тяжелого долгового наследства, доставшегося Российской Федерации» [7, с. 31].

В кинематографе 1990-х Советский Союз предстает образцом антиутопии, где тоталитарная система полностью подавляет человеческое начало в людях. Примерами такого кино являются: «Хрусталева, машину» А. Герма-

на (1998), «Утомленные солнцем» Н. Михалкова (1994) и «Вор» П. Чухрая (1997).

Интернет в России 1990-х, в силу своего зачаточного состояния и низкой распространенности не был заметной частью медиапространства. Частично роль «компьютерного создателя образов» брали на себя видеоигры. Зарождающаяся индустрия компьютерного гейминга была мощным ретранслятором образов и символов, но большинство игр имели иностранное происхождение. Поэтому, если образ советской эпохи и появлялся в этих играх, то это был образ врага, которого нужно было уничтожить. Из отечественных игр можно выделить только «Подземелья Кремля» (1995), которая не имела видимого политического контекста, но сам факт, что один из символов страны показан местом обитания сонма монстров, не мог формировать положительного отношения к советской эпохе.

К началу нынешнего столетия стало ясно, что построить новую российскую идентичность только лишь на отрицании всего советского практически невозможно. Возникает феномен «исторического разрыва» — когда какие-либо события, например, революции 1917 года и распад СССР, делят отечественную историю на «до» и «после» не только в плане исторических эпох, но и в миропонимании самой России. Без преодоления этого разрыва, его объяснения с позиций единства русской истории, создать прочный фундамент для построения новой национальной идентичности невозможно.

Первые полтора десятилетия нового века стали апогеем «хаоса» в российской медийной культуре. Он объясняется отсутствием четкого вектора в формировании образа советской эпохи в этот период. С одной стороны, происходит постепенный разворот вектора исторической политики. Под «исторической политикой» понимается активная деятельность государства в области образования, науки и культуры с использованием всех доступных финансовых и административных ресурсов для организации исторических исследований с заранее заданным результатом и закреплении соответствующих интерпретаций исторических процессов в массовом сознании населения страны [8, с. 10]. Если в 1990-е все усилия прилага-

лись для компрометации советского периода истории, то в «нулевые» начинается активный поиск причин для его оправдания.

Начиная с 2001 года, все значимые факты и даты советского периода, вызывающие гордость и патриотизм, стали «привязываться» к Великой Отечественной войне и победе. Так, 7 ноября 2001 г. в центральных СМИ отмечалось 60-летие ноябрьского парада на Красной площади 1941 года, который преподносился как символ несгибаемой воли и мужества народа в сложнейший период сражения под Москвой. Логическим продолжением этой традиции стало высказывание В. В. Путина в Послании к Федеральному собранию в 2005 году, где он провозгласил, что «крушение Советского Союза было крупнейшей геополитической катастрофой века» [9]. Для авторов статьи «точкой поворота» стала неоднократная демонстрация лозунга «Back in to USSR» во время телевизионной трансляции популярной игры КВН 4 ноября 2001 г. в формате сборная XX века против сборной XXI века.

Ключевой технологией, «разворачивающей» историческую политику средств массовой информации «лицом» к советскому периоду отечественной истории, становится игра на ностальгических чувствах старшего и среднего поколения российских граждан, которые еще помнят Советский Союз.

Одновременно с этим медиакультура нулевых продуцирует большое количество телешоу, которые воспевали индивидуализм, успешность и потребительство — те качества, которые были несовместимы с «советскостью». Эти шоу были абсолютно аполитичны, но противопоставление с советским периодом подчеркивалось в отдельных репликах участников и создавало соответствующий фон.

Киноиндустрия этого периода выдавала такие «шедевры» авторского кино, как «Груз 200» А. Балабанова (2007), имевший ярко антисоветскую окраску. Популярнейший российский сериал этого десятилетия «Бригада» (2002) делает недостатки позднесоветского общества задним фоном завязки сюжета.

Важным фактором медиакультуры первых двадцати — двадцати пяти лет постсоветской России было то, что государственное финансирование считалось «пятном» на репутации создателей проекта, так как считалось, что лишь независимый, частный финансовый ресурс способен гарантировать качество медиаконтента. Большое влияние на формирование российской медийной культуры оказывали зарубежные инвестиции в этот сектор, преимущественно из США и стран Западной Европы. Понятно, что для инвесторов советская эпоха не могла иметь положительного облика и это сказывалось на медиапродуктах.

Одним из самых известных зарубежных инвесторов в современные российские медиа в девяностых — нулевых годах был Дж. Сорос. Его фонд «Открытое общество»* сначала напрямую, а потом через сеть дочерних НКО оказывал значительное влияние на российское медиaprостранство [10]. Любые проекты, например, сериал «Ликвидация», где антисоветчик — отрицательный персонаж, подвергались жесткой критике [11]. Результатом этих усилий стало то, что молодое поколение, чье взросление и становление пришлось на девяностые — нулевые — десятые годы, в большинстве своем относится к советскому периоду негативно или критически, что порождает интернет-мем «Чем моложе ваш собеседник в интернете, тем больше он пострадал от Советской власти».

Игровая индустрия этого времени носит более патриотический характер. Одной из самых удачных и популярных игр российской разработки в этот период стала стратегия «Европейские войны: Казаки XVI–XVIII веков» [12, с. 139–140].

Важнейшим рубежом, который стал эквивалентом для отечественной медиакультуры, явилась «Русская весна» 2014 года. Она вызвала тотальный раскол в российском медиaprостранстве. Либерально настроенные представители медиасообщества решительно осудили вмешательство России в конфликт, принятие Крыма и Севастополя в состав Россий-

* Внесен в «Перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации». Решение Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 26.11.2015 № 1778-р.

ской Федерации по итогам проведенных на этих территориях референдумах, благожелательную позицию российской власти и общества в целом по отношению к населению Донбасса, не признавшему государственный переворот февраля 2014 года в Киеве. Восприятие советского прошлого у этих людей, как правило, сугубо негативное. Однако большая часть отечественной культурной элиты предпочла либо напрямую поддержать жителей Юго-Востока Украины, либо занять нейтральную позицию, то есть не делать никаких политических заявлений.

Главным результатом влияния «русской весны» на российскую медиакulturу стали два тренда: 1) государство активнее стало участвовать в формировании культурной повестки в обществе; 2) началось постепенное вытеснение из сферы медиаменеджмента иностранных «наставников» и прекращение наиболее одиозных инвестиций в эту отрасль из-за рубежа.

В качестве примеров можно привести создание сетевого издания «Русская весна», которое было основано участниками соответствующих событий и занимает ярко патристическую точку зрения. В оформлении дизайна этого издания используются элементы, прямо отсылающие к великим достижениям советского прошлого, в первую очередь, к победе в Великой Отечественной войне [13].

Кинематография этого периода, обращенная к истории советского прошлого, также противоречива. Экранизация романа О. Куваева «Территория» А. Мельника (2015) построена в классических «героических» тонах борьбы человека с силами природы и их преодоление во имя высоких идеалов. Заключительная сцена фильма, где до героев доходит информация о полете Ю. А. Гагарина, вызывает гордость и ностальгию. Напротив, «Дорогие товарищи» А. Кончаловского (2020) — продолжение создания картины «тоталитарного государства» на примере новочеркасских событий 1962 года.

Постепенно отношение представителей сферы медиа к советскому прошлому становится отражением их отношения к текущим процессам. Причиной этого видится переход советского периода истории из сферы лич-

ной памяти (современники и участники), «индивидуальная память» по типологии А. Ассман, в разряд контактной или «социальной» памяти (рассказы современников, пропущенные через призму личного восприятия) [14, с. 31]. Поэтому сторонники «русской весны» и «русского мира» относятся к советскому периоду отечественной истории более позитивно, чем их противники.

Начало Специальной Военной Операции (СВО) закрепило процесс раскола русскоязычного медиапространства на «патристический» и «либеральный» лагеря. В условиях, когда одной из главных целей СВО официально называется борьба с неонацизмом, победоносный опыт советского прошлого оказывается весьма востребованным. Поэтому основной ценностью советского времени провозглашается то, что так или иначе соотносится с победой в Великой Отечественной войне. Вторым мотивом положительного восприятия этого периода прошлого является ностальгия, проявившаяся в культуре серией ремейков анимационных и кинопроектов последних лет. Современные тренды, помещенные в антураж советского времени, сопровождаются музыкальным обрамлением советского времени в современной аранжировке.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

1. Эволюция медийного образа СССР и «советскости» тесно связана с проблематикой исторической политики и феноменом негативной идентичности. При необходимости «вычищения» общественного сознания от остатков советской идентичности медиаобраз Советского Союза фокусировался на негативных фактах и характеристиках советского периода нашей истории, а когда эта необходимость отпала, на первый план вышла поколенческая ностальгия.

2. Серьезное влияние на восприятие советского прошлого оказывает современная политическая конъюнктура. Сторонники борьбы с неонацизмом обращаются к опыту Великой Победы, тогда как противники «путинской диктатуры» включают вечную песню о возвращении сталинизма и ГУЛАГа и апеллируют к худшим образцам советской и современной российской пропаганды.

3. Дальнейшая эволюция медийного образа «советскости» будет происходить по классической схеме смены видов памяти «индивидуальная — социальная — коллективная» и зафиксируется в последней в достаточно сбалансированном виде с учетом достижений и недостатков эпохи.

Список источников

1. Пескова Е. Н. Медиакоммуникация и медиадискурс: подходы к определению понятий, структура и функции // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2015. № 2(16). С. 26–31.
2. Арендт Х. Истоки тоталитаризма. Москва : ЦентрКом, 1996. 672 с.
3. Макарова О. С. Формальные признаки тоталитаризма — их позитивное и негативное определение // Социально-политические науки. 2020. № 2. С. 23–28. DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-2-23-28.
4. Нурисламова Ю. А. Тоталитаризм. Его сущность, признаки, элементы // Novainfo. 2024. № 143. С. 205–206.
5. Оруэлл Дж. 1984. Москва : ДЭМ, 1989. 320 с.
6. Гудков Л. Д.* К проблеме негативной идентификации // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2000. № 5(49). С. 35–44. EDN: HTMMFT.
7. Суслов И. В., Тихонова С. В., Балаш В. А. Конструирование образа СССР в традиционных печатных медиа (на примере «Аргументов и фактов»): опыт статистического и качественного анализа социальных стратегий // Медиалингвистика. 2024. № 2. С. 224–236. DOI: 10.21638/spbu22.2024.205.
8. Миллер А. И. Россия: Власть и история. // Pro et Contra. 2009. № 3-4. С. 6–23. EDN: YUTDGZ.
9. Путин В. В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 25.04.2005 // Президент России : официальный сайт. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22931> (дата обращения: 28.01.2026).
10. Федотова Е. Что фонд Сороса сделал для России // Коммерсант. 30.11.2015. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2866188>. Дата публикации: 30.11.2015.
11. Кокотюха А. (2007) Жеглов починає, а Гоцман програє. Телекритика // Web archive. URL: <https://web.archive.org/web/20141211093927/http://www.telekritika.ua/media-continent/2007-11-12/34853> (дата обращения: 28.01.2026).
12. Федоров А. В. Краткая история компьютерных игр в России // Медиаобразование. 2013. № 4. С. 137–148.
13. Русская Весна. Сетевое СМИ. URL: <https://rusvesna.su/> (дата обращения 28.01.2026).
14. Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. Москва : Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.

References

1. Peskova E. N. Media communication and media discourse: approaches to defining concepts, structure and functions. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya = Sign: problematic field of media education*. 2015;(2(16)):26–31. (In Russ.).
2. Arendt H. The origins of totalitarianism. Moscow: CentrCom; 1996. 672 p. (In Russ.).
3. Makarova O. S. Formal features of totalitarianism — their positive and negative definition. *Social`no-politicheskie nauki = Socio-political sciences*. 2020;(2):23–28. (In Russ.). DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-2-23-28.
4. Nurislamova Yu. A. Totalitarianism. Its essence, features, elements. *Novainfo*. 2024;(143):205–206. (In Russ.).
5. Orwell J. 1984. Moscow: DEM; 1989. 320 p. (In Russ.).
6. Gudkov L. D.* On the Problem of Negative Identification. *Monitoring obshhestvennogo mneniya: e`konomicheskie i social`ny`e peremeny` = Monitoring Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2000;(5(49)):35–44. (In Russ.). EDN: HTMMFT.
7. Suslov I. V., Tikhonova S. V., Balash V. A. Constructing the Image of the USSR in Traditional Print Media (using Arguments and Facts as an Example): A Statistical and Qualitative Analysis of Social Strategies. *Medialingvistika = Media Linguistics*. 2024;(2):224–236. (In Russ.). DOI: 10.21638/spbu22.2024.205.
8. Miller A. I. Russia: Power and history. *Pro et Contra*. 2009;(3-4):6–23. (In Russ.). EDN: YUTDGZ.

* Внесен в «Реестр иностранных агентов». Решение Минюста России о включении в реестр от 14.02.2025.

* Added to the "Register of Foreign Agents." Decision of the Russian Ministry of Justice on inclusion in the register dated February 14, 2025.

9. Putin V. V. Address to the Federal Assembly of the Russian Federation. April 25, 2005. President of Russia: official website. (In Russ.). Available from: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22931> (date of access: January 28, 2026).

10. Fedotova E. What the Soros Foundation has done for Russia. *Kommersant = Businessman*. November 30, 2015. (In Russ.). Available from: <https://www.kommersant.ru/doc/2866188> Date of publication: November 30, 2015.

11. Kokotyukha A. (2007) Zheglov starts, and Gotsman loses. *Telekritika*. Web archive. (In Ukr.). Available from: <https://web.archive.org/web/20141211093927/http://www.telekritika.ua/media-continent/2007-11-12/34853> (date of access: 28.01.2026).

12. Fedorov A. V. A brief history of computer games in Russia. *Mediaobrazovanie = Media Education*. 2013;(4):137–148. (In Russ.).

13. *Russkaya Vesna*. Online media. (In Russ.). Available from: <https://rusvesna.su/> (date of access: 28.01.2026). indicate a specific page.

14. Assman A. The long shadow of the past: memorial culture and historical policy. *Moscow: New Literary Review*; 2014. 328 p. (In Russ.).

Информация об авторах

Р. В. Бугров — кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры мировой дипломатии и международного права;

И. З. Герштейн — кандидат политических наук, доцент кафедры мировой дипломатии и международного права.

Information about the authors

R. V. Bugrov — Candidate of Science (Political), Associate Professor, Associate Professor of the Department of World Diplomacy and International Law;

I. Z. Gershtein — Candidate of Science (Political), Associate Professor of the Department of World Diplomacy and International Law.

Статья поступила в редакцию 21.01.2026; одобрена после рецензирования 18.02.2026; принята к публикации 22.06.2026.

The article was submitted 21.01.2026; approved after reviewing 18.02.2026; accepted for publication 22.06.2026.

Вестник Башкирского института социальных технологий). 2026. № 2(71). С. 18–27
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2026;2(71):18–27

Научная статья
УДК 316.47(470.57)
doi: 10.47598/2078-9025-2026-2-71-18-27

СОСТОЯНИЕ И МЕТОДЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ УСТОЙЧИВОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ ПОЛИЭТНИЧНОГО РОССИЙСКОГО РЕГИОНА В ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОМ ЗНАЧЕНИИ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН)*

Рушан Рахимзянович Галлямов

Институт социально-экономических исследований — обособленное структурное подразделение
Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, Уфа, Россия,
gal-rushan@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7080-9150>

Аннотация. На основе выработанного ранее автором определения смысла и структурного содержания феномена «устойчивость социального развития полиэтничного российского региона» проводится диахронный анализ динамики исследуемого процесса в течение последних сорока лет на примере Республики Башкортостан. Посредством изучения статистических данных и результатов социологических опросов выявляются основные тенденции состояния анализируемого явления в указанный период. Предлагаются методы, способствующие обеспечению устойчивости социальной динамики населения Башкортостана в ее этническом и конфессиональном значении.

Ключевые слова: устойчивость, социальная динамика, полиэтничный регион, Республика Башкортостан, основные тенденции состояния, методы обеспечения устойчивости, этноконфессиональный смысл

Для цитирования: Галлямов Р. Р. Состояние и методы обеспечения устойчивости социальной динамики полиэтничного российского региона в этноконфессиональном значении (на примере Республики Башкортостан) // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2026. № 2 (71). С. 18–27. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2026-2-71-18-27>.

* Исследование выполнено в рамках государственного задания УФИЦ РАН № 075-00576-26-00 на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов.

THE STATUS AND METHODS OF ENSURING THE SUSTAINABILITY OF SOCIAL DYNAMICS IN A MULTI-ETHNIC RUSSIAN REGION IN ITS ETHNO-CONFESSIONAL SIGNIFICANCE (USING THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN AS A CASE STUDY)*

Rushan R. Gallyamov

Institute of Social and Economic Research — a separate structural division of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia, gal-rushan@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7080-9150>

Abstract. Based on the author's previously developed definition of the meaning and structural content of the phenomenon of "sustainability of social development in a multi-ethnic Russian region," this article provides a diachronic analysis of the dynamics of this process over the past forty years, using the Republic of Bashkortostan as an example. Through a study of statistical data and the results of sociological surveys, the main trends in the status of this phenomenon during this period are identified. Methods are proposed to ensure the sustainability of social dynamics in Bashkortostan's population in its ethnic and religious context.

Keywords: sustainability, social dynamics, multiethnic region, Republic of Bashkortostan, key trends of the state, sustainability methods, ethno-confessional meaning

For citation: Gallyamov R. R. The status and methods of ensuring the sustainability of social dynamics in a multi-ethnic Russian region in its ethno-confessional significance (using the Republic of Bashkortostan as a case study). *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2026;(2(71)):18–27. (In Russ.). <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2026-2-71-18-27>.

Постановка проблемы

Злободневность и своевременность социологического исследования обеспечения устойчивости социальной динамики полиэтничных российских регионов в ее этноконфессиональном значении не вызывают сомнений и будут подробно обоснованы автором на теоретическом уровне в одной из запланированных публикаций. Вместе с тем, в нынешней общественно-политической ситуации значимость данной проблемы не только сохраняется, но и возрастает, а поэтому требует анализа разнообразных прикладных ее аспектов.

В рамках авторского подхода устойчивость социальной динамики регионального развития рассматривается как «управляемый, многоуровневый и институционально обеспеченный процесс, реализуемый при взаимодействии органов государственной власти, экономических субъектов и институтов гражданского общества. Его содержанием выступает обеспечение экономически результативного

и экологически сбалансированного воспроизводства регионального хозяйства, сопряженного с выверенным пространственным и социально-экономическим развитием. Конечной целью такого процесса является достижение высокого качества жизни населения при одновременном сохранении и актуализации традиционных этнокультурных и этнорелигиозных ценностей, а также поддержании согласия в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений» [1].

В этой связи особую значимость приобретает исследование этноконфессионального компонента устойчивого развития именно в тех субъектах Российской Федерации, которые отличаются сложным этнонациональным и религиозным составом населения. Одним из наиболее показательных регионов в данном отношении выступает Республика Башкортостан, расположенная в пределах Приуралья и Южного Урала. По расчетным данным, она относится

* The study was carried out within the framework of the state assignment of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences № 075-00576-26-00 for 2026 and for the planning period on 2027 and 2028.

к числу наиболее полиэтничных территорий страны и по уровню этнической мозаичности уступает в России лишь Республике Дагестан [2, с. 26–34]. Вместе с тем по степени разнообразия религиозных общин и сложности кон-

фессиональной структуры Башкортостан занимает особое место в общероссийском пространстве, что связано с высокой дисперсностью расселения и чересполосностью проживания этнических групп.

Диахронный анализ состояния этноконфессионального аспекта устойчивости социального развития Республики Башкортостан

На территории современного Башкортостана в результате масштабных миграций с Востока на Запад и обратно, происходивших на протяжении свыше одного тысячелетия, отложились множество этносов и этнических групп. Эти народы с середины XIX в. и вплоть до эпохи советского нациестроительства именно в данном макрорегионе сформировались в общности этнонационального типа. В результате, согласно данным Всероссийской переписи населения 2020 года, три самых многочисленных народа в Республике Башкортостан — русские (36,9%), башкиры (31,0%) и татары (23,9%) — вместе составили 91,8% населения. Кроме того, на территории республики мирно проживают несколько народов, включая тюркские (чуваша — 1,9%), финно-угорские (марийцы — 2,1%, удмурты — 0,4%, мордва — 0,3%) и славянские (украинцы — 0,4%, белорусы — 0,1%), которые сосуществуют и взаимодействуют на этой территории несколько веков. В постсоветский период в Башкирию мигрировало довольно большое количество представителей народов из Центральной Азии (узбеки, таджики, казахи), что оказало некоторое дополни-

тельное влияние на этническую мозаичность республики.

В целом изменения этнической структуры населения Башкортостана за последние сорок пять лет отражены в таблице 1.

Анализ приведенных данных свидетельствует о том, что основные контуры современной этнической структуры населения Башкортостана сформировались еще в позднесоветский период. В дальнейшем, в годы перестройки и в первое постсоветское десятилетие, наблюдались отдельные корректировки, затронувшие прежде всего крупнейшие этнические группы. Наиболее заметные колебания происходили в соотношении башкир и татар: на заключительном этапе советской эпохи фиксировался рост доли татар за счет сокращения доли башкир, тогда как в постсоветское время выявился обратный процесс.

Одновременно в постсоветский период отчетливо проявилась тенденция к постепенному сокращению доли русского населения, а также других славянских групп. Это, по-видимому, обусловлено сочетанием миграционного оттока за пределы региона и длительным воздействи-

Таблица 1. Состав населения Республики Башкортостан по результатам последних пяти переписей (1979–2020 гг.) по наиболее многочисленным этносам, %*

	Башкиры	Русские	Татары	Чуваши	Мари	Украинцы	Удмурты	Мордва	Белорусы	Другие
1979	24,3	40,3	24,5	3,2	2,8	2,0	0,7	0,9	0,4	0,9
1989	21,9	39,3	28,4	3,0	2,7	1,9	0,6	0,8	0,4	1,0
2002	29,8	36,3	24,1	2,9	2,6	1,3	0,6	0,6	0,4	1,3
2010	29,5	36,0	25,4	2,7	2,6	1,0	0,5	0,5	0,3	1,5
2020	31,0	36,9	23,9	1,9	2,1	0,4	0,4	0,27	0,1	3,03

* Составлено и рассчитано автором по результатам двух советских (1979 и 1989 гг.) и трех постсоветских (2002, 2010 и 2020 гг.) переписей населения в Республике Башкортостан.

ем неблагоприятных демографических факторов, включая низкий естественный прирост. Некоторое повышение доли русских по итогам последней переписи, как показывают экспертные оценки, может быть связано с методологическими и организационными недостатками проведения крайней переписной кампании [3, с. 212–242]. Сокращение же доли ряда иных нерусских этносов, вероятно, во многом объясняется происходившей в послевоенный период русскоязычной ассимиляцией, особенно в городской среде и в условиях распространения национально-смешанных семей.

Данные таблицы 2 позволяют уточнить общую картину этнодемографических изменений, проявляющихся в городской среде. В постсоветский период удельный вес русского населения в городах республики снижался, доля башкир возрастала вследствие продолжающейся миграции из сельской местности, а позиции татар в целом оставались относительно устойчивыми.

Обращение к динамике сельского населения показывает несколько иную конфигурацию процессов. Численность и доля башкир на селе под влиянием урбанизации постепенно уменьшаются, хотя башкиры по-прежнему остаются одним из наименее урбанизированных народов республики. Показатели татарского сельского населения сохраняют относительную стабильность, что дает основания предполагать, что переход части татар в категории «башкир» или «русских» в большей степени характерен для городской среды. При этом особое внимание привлекает рост доли сельских русских, который, на первый взгляд, выглядит парадоксально, учитывая высокую сте-

пень урбанизированности данного этноса: уже к 1989 году в городах проживало 83 % всех русских республики.

Не менее противоречивой выглядит и динамика доли городских русских в общей численности этноса: 1989 год — 83 %, 2002 год — 82,6 %, 2010 год — 76,7 %, 2020 год — 76,4 %. Подобная тенденция может интерпретироваться двояко: либо имеет место определенное смещение русских из городской местности в сельскую, либо сокращение городской части русского населения происходит вследствие низкой рождаемости и высокой доли старших возрастов. В обоих случаях относительное значение русских жителей села объективно возрастает (таблица 3).

Сложность исследования конфессиональной структуры населения региона обусловлена тем, что в советский и постсоветский периоды переписи не фиксировали религиозную принадлежность. По этой причине реконструкция конфессионального состава возможна лишь косвенно — на основе этнической структуры населения и результатов социологических опросов. Однако и такой путь требует осторожности, поскольку декларируемая респондентами религиозная самоидентификация нередко заметно превышает уровень реальной включенности в конфессиональную жизнь.

С опорой на этнографические и статистические данные население Башкортостана может быть условно распределено на три укрупненные конфессиональные группы: «потенциальные православные» (русские, украинцы, белорусы, мордва и часть чувашей), доля которых превышает 37,5 %; «потенциальные мусульмане» (башкиры и татары, традиционно отно-

Таблица 2. Эволюция этнонационального измерения городского населения Башкортостана в постсоветский период (по результатам всероссийских переписей), %*

	Башкиры	Русские	Татары	Чуваши	Мари	Украинцы	Удмурты	Мордва	Белорусы	Другие
2002	19,7	50,06	25,27	1,98	1,41	1,3	0,23	0,61	0,45	1,04
2010	19,4	44,67	25,27	1,79	1,41	1,2	0,23	0,48	0,24	5,38
2020	22,8	45,58	24,4	1,28	1,19	0,43	0,19	0,2	0,08	3,93

* Составлено и рассчитано автором по результатам новейших Всероссийских переписей населения 2002, 2010 и 2020 годов.

Таблица 3. Эволюция этнонационального измерения сельского населения Башкортостана в постсоветский период (по результатам всероссийских переписей), %*

	Башкиры	Русские	Татары	Чуваши	Мари	Украинцы	Удмурты	Мордва	Белорусы	Другие
2002	47,6	17,48	22,4	4,35	4,65	0,74	1,1	0,66	0,35	0,67
2010	43,18	20,68	24,03	3,81	4,26	0,64	0,97	0,5	0,32	1,72
2020	44,2	22,79	22,8	3,04	3,49	0,22	0,78	0,37	0,1	2,21

* Составлено и рассчитано автором по результатам новейших Всероссийских переписей населения 2002, 2010 и 2020 годов.

симые к суннитскому исламу), составляющие почти 55 %; а также «потенциальные язычники» (марийцы и основная часть удмуртов), доля которых равна 2,49%. На этой основе эволюция конфессионального состава населения республики по материалам последних советских и постсоветских переписей может быть представлена в следующем виде (рисунок 1).

Очевидно, что в современных условиях определить фактический уровень религиозности населения исключительно по переписным материалам невозможно. Уход поколений, являвшихся носителями дореволюционной традиционной религиозности, а также сложность оценки масштабов постсоветского религиозного воз-

рождения требуют привлечения повторных и сопоставимых социологических исследований.

Данные опросов показывают, что в первое десятилетие XXI в. процесс религиозного ренессанса в республике сохранял высокую интенсивность. Особенно отчетливо это проявлялось в мусульманской среде. Так, по итогам репрезентативного исследования 2011 года, проведенного московскими социологами, среди респондентов, соотносивших себя с мусульманской традицией, 31,5 % указали, что являются верующими и стараются соблюдать религиозные обряды, а 58,8 % отнесли себя к категории верующих, но не соблюдающих их в полной мере [4, с. 73–86]. Следовательно,



Рисунок 1. Эволюция конфессионального состава населения Башкортостана в позднесоветское и постсоветское время (по результатам переписей 1979–2020 гг.), % (рассчитано и составлено автором по материалам Всесоюзных (1979 и 1989 гг.) и Всероссийских (2002, 2010 и 2020 гг.) переписей населения)

Figure 1. Evolution of the religious composition of the population of Bashkortostan in the late Soviet and post-Soviet periods (based on the 1979–2020 censuses), % (calculated and compiled by the author based on the All-Union (1979 and 1989) and All-Russian (2002, 2010, and 2020) population censuses)

совокупная доля респондентов, идентифицировавших себя как верующих в рамках мусульманской традиции, достигала 90,3 %, что свидетельствует о крайне высоком уровне декларативной религиозности.

Вместе с тем исследования, проведенные позднее — в 2014 и 2019 годах, — фиксируют уже более сдержанную картину. По их результатам доля лиц, относящих себя к числу твердо и активно религиозных, не превышала примерно одной пятой части представителей крупнейших этносов республики. Кроме того, в ряде категорий прослеживается снижение выраженности религиозной самоидентификации (таблица 4).

Иными словами, повторные массовые опросы, выступающие в качестве проверочного инструмента по отношению к исследованиям 1990-х годов, в целом коррелируют с результатами экспертных опросов представителей мусульманской и этнической элиты, проведенных автором в 2004 и 2014 годах. Сравнение этих материалов позволяет выделить ряд оценок, характеризующих современное состояние исламской религиозности в регионе. Во-первых, рост мусульманской идентичности во многом носит инерционный характер. Во-вторых, сохраняются существенные различия между сельской и городской средой (в сельской местности религиозность выражена заметно сильнее).

В-третьих, в оценках экспертов исламская конфессия все еще воспринимается как отстающая от православия по глубине результатов религиозного возрождения. В-четвертых, нередко подчеркивается, что современная религиозность имеет преимущественно внешне-демонстративный, а не глубинный характер (количественный рост общин, приходо- и практик не всегда сопровождается качественным укреплением религиозного сознания).

Диахронный анализ переписных и социологических данных позволяет предположить, что за последние сорок пять лет в Башкортостане потенциальная доля мусульман возросла на 6,14 %, доля православных сократилась на 9,3 %, а доля язычников также уменьшилась [5, с. 56–61]. Эти изменения во многом отражают сдвиги в этнической структуре населения, в частности в процессе постепенной «татаро-башкиризации» и параллельной деславянизации региона.

Однако указанные тенденции нельзя рассматривать вне более широкого контекста внутриэтнических и межэтнических трансформаций, особенно характерных для XX века. Существенное влияние на религиозную идентичность населения оказала русскоязычная ассимиляция, значительно усилившаяся в советский период под воздействием урбанизации. Сравнение статистических материалов и данных репрезентативных исследований показы-

Таблица 4. Уровень религиозности основных народов Башкортостана в самоидентификации личности*

Ответ на вопрос: «Каково Ваше отношение к религии?»	Башкиры		Татары		Русские		Другие	
	2014	2019	2014	2019	2014	2019	2014	2019
Я верующий и соблюдаю религиозные обряды	20,0	10,1	17,2	16,6	13,6	18,1	27,0	16,9
Я верующий, но не соблюдаю религиозные обряды	61,3	55,9	61,7	59,6	63,6	46,8	46,0	41,6
Я колеблюсь	3,9	3,4	1,8	2,2	1,9	8,0	6,3	6,7
Мне все равно	1,3	8,9	5,3	7,2	4,6	8,0	4,8	6,7
Я не верующий, но уважаю тех, кто верует	9,7	15,1	12,8	12,1	13,9	12,2	11,1	9,0
Я думаю, что с религией надо бороться	0,6	3,4	0	0	0,4	0,4	0	3,4
Затрудняюсь ответить	3,2	3,3	1,3	2,2	1,9	6,7	4,8	15,7

* Таблица составлена по материалам опросов (январь 2014 г., апрель 2019 г.)

вает, что среди так называемых неправославных народов республики доля лиц, признающих русский язык родным, достигает на современном этапе 10–15% от общей численности этноса, а среди молодежи — 20–25%, прежде всего в городской среде. Так, к 2010 году уровень полной русскоязычности (признание родным языком русского) среди городских марийцев составлял 19,4%, удмуртов — 21,5%, татар — 30%, чувашей — 35% [6, с. 37–49].

Динамика вероятного конфессионального состава городского населения Башкортостана представлена на рисунке 2.

Как следует из приведенных данных, удельный вес горожан, которые потенциально могут относиться к мусульманской конфессии, вырос от примерно одной трети до почти половины городского населения. Доля потенциально православных, напротив, демонстрирует устойчивое снижение и в настоящее время уже составляет менее половины жителей городов. Такая динамика, по всей видимости, обусловлена сочетанием двух факторов: продолжающимся перемещением в города башкирского и татарского населения, а также демографическим сокращением потенциально православ-

ной части городских жителей вследствие старения и низкого естественного прироста.

В сельской местности республики конфессиональная эволюция развивалась по иной траектории. Во-первых, уже в 1979 году мусульманское население здесь значительно преобладало над представителями других конфессий, включая православных. Это объясняется тем, что в период масштабной урбанизации 1930–1950-х годов значительная часть «православных» этносов переместилась в города, прежде всего в крупные промышленные центры. Русские, украинские и белорусские села постепенно пустели, а многие из них полностью исчезли. Одновременно татарские и особенно башкирские деревни длительное время сохраняли демографическую устойчивость.

Во-вторых, большинство башкирских и татарских сельских поселений сохраняло моноэтнический характер, что создавало более благоприятные условия для постсоветского религиозного возрождения, чем в смешанной городской среде. В-третьих, именно такая модель расселения способствовала восстановлению сельских религиозных общин — махалля — и стремительному увеличению числа



Рисунок 2. Эволюция конфессионального состава городского населения Башкортостана в позднесоветское и постсоветское время (по результатам переписей 1979–2020 гг.), % (рассчитано и составлено автором по материалам Всесоюзных (1979 и 1989 гг.) и Всероссийских (2002, 2010 и 2020 гг.) переписей населения)

Figure 2. Evolution of the religious composition of the urban population of Bashkortostan in the late Soviet and post-Soviet periods (based on the 1979–2020 censuses), % (calculated and compiled by the author based on the All-Union (1979 and 1989) and All-Russian (2002, 2010, and 2020) population censuses)



Рисунок 3. Эволюция конфессионального состава сельского населения Башкортостана в позднесоветское и постсоветское время (по результатам переписей 1979–2020 гг.), % (рассчитано и составлено автором по материалам Всесоюзных (1979 и 1989 гг.) и Всероссийских (2002, 2010 и 2020 гг.) переписей населения)

Figure 3. Evolution of the religious composition of the rural population of Bashkortostan in the late Soviet and post-Soviet periods (based on the 1979–2020 censuses), % (calculated and compiled by the author based on the All-Union (1979 and 1989) and All-Russian (2002, 2010, and 2020) population censuses)

зарегистрированных исламских приходов. Если в 1990 году в республике насчитывалось около 30 мусульманских общин, то к 2014 году их количество увеличилось до 1200 [7, с. 93–140], а к 2026 году достигло 1503 [8]. При этом абсолютное большинство таких организаций действует именно в сельской местности (рисунок 3).

Православная инфраструктура в Башкортостане, напротив, в значительной степени сосредоточена в городской среде: именно там расположено большинство восстановленных

и вновь построенных храмов, а также монастырские комплексы. В сельской местности число действующих православных приходов и храмов остается ограниченным.

Несмотря на малочисленность, определенное оживление наблюдается и среди групп, сохраняющих или возрождающих языческие верования. Наиболее заметно это проявляется в районах традиционного проживания марийцев и удмуртов, для которых такие формы религиозной идентичности исторически были характерны.

Рекомендации по обеспечению этноконфессионального измерения устойчивости социальной динамики полиэтничного российского региона

Проведенный диахронный анализ показывает, что полувековая трансформация этнической структуры населения и особенно масштабное возрождение этнического и религиозного самосознания, начавшееся с конца 1980-х годов, сделали проблему устойчивости социальной динамики полиэтничных регионов в ее этноконфессиональном измерении одной из ключевых для современной России. В этих условиях особенно востребованными становятся как теоретическое осмысление происходящих про-

цессов, так и разработка практико-ориентированных социальных технологий, направленных на снижение напряженности, согласование интересов различных групп и укрепление региональной устойчивости. Республика Башкортостан, учитывая ее многонациональный и многоконфессиональный характер, объективно может рассматриваться как важная площадка для апробации подобных подходов.

Исходя из авторской концепции, представляется возможным выделить два основных на-

правления социального регулирования сложившихся отношений.

Первое направление связано с реализацией этнического компонента устойчивого развития региона. В данном случае целесообразно: содействовать деятельности национально-культурных автономий и их местных подразделений; поддерживать общественные инициативы этнокультурной направленности на региональном, муниципальном и локальном уровнях; развивать изучение национальных языков в системе образования на факультативной основе с учетом запросов семей и местных сообществ; организовывать регулярные этнокультурные мероприятия — фестивали, праздники, конкурсы, смотры народного творчества; расширять практику межэтнических совместных мероприятий в городах и сельских поселениях.

Второе направление относится к духовно-религиозному измерению устойчивости полиэтничного и многоконфессионального региона. Здесь необходимы меры, ориентированные на поддержку традиционных для территории религиозных организаций: создание благоприятных условий для их правового оформления и функционирования; выделение земельных участков под строительство культовых сооружений; разработка механизмов налоговой и иной финансовой поддержки религиозных объединений и их благотворителей; организация целевой подготовки квалифицированных служителей традиционных конфессий, в том числе для работы в сельской местности; включение традиционных этнорелигиозных ценностей в просветительскую и воспитательную деятельность образовательных учреждений с соблюдением правовых и культурных ограничений.

Список источников

1. Галлямов Р. Р., Ураев Р. Р. Устойчивое развитие сельских территорий» в многонациональном российском регионе: конфессиональный аспект реализации концепции // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 4. С. 256–260. EDN: CAAFSR.
2. Галлямов Р. Р. Многонациональный город: этносоциологические очерки. Уфа : Гилем, 1996. 199 с. : ил.
3. Бубликов В. В., Варшавер Е. А., Степанов В. В. Деконструкция переписей населения: комментарии и рассуждения // Этнографическое обозрение. 2023. № 4. С. 212–242. DOI: 10.31857/S0869541523040097. EDN: HJPWNK.
4. Ямаева Л. А. Этничность и религиозное возрождение в Башкортостане: возможности и риски для социальной интеграции (исламский путь) // Социологический ответ на «национальный вопрос»: пример Республики Башкортостан : информационно-аналитический бюллетень ИНАБ. 2012. № 5. Москва : Институт социологии РАН, 2012. С. 70–82. 1 CD ROM. Официальный сайт Института социологии РАН. URL: <https://www.isras.ru/publ.html?id=2459>.
5. Галлямов Р. Р., Емелин С. М. Религиозная идентичность жителей полиэтничного российского региона в современных условиях: основные этапы развития (на материалах Республики Башкортостан) // Историко-культурное наследие народов Урало-Поволжья. 2023. Т. 13, № 1. С. 56–61. DOI: 10.15350/26191490.2023.1.7.
6. Абрамова С. Р., Сафин Ф. Г., Халиулина А. И. Русские Башкортостана: этнодемографические и языковые процессы (1979–2014 гг.) : монография. Уфа : Первая типография, 2019, 176 с. EDN: CWWFVW.
7. Религиозные объединения Республики Башкортостан : справочник / Бакаев Р. С. и др. Уфа : ГУП РБ Уфимский полиграфкомбинат, 2014. 166 с. : ил.
8. Количество религиозных организаций в Башкирии достигло 1875 // Новостная информационная платформа Дзен. URL: <https://dzen.ru/a/aaeqVQLFUhfRkaE->. Дата публикации: 04.03.2026.

References

1. Gallyamov R. R., Urayev R. R. Sustainable development of rural areas in a multiethnic Russian region: the confessional aspect of concept implementation". *Vestnik e`konomiki, prava i sociologii = Bulletin of Economics, Law, and Sociology*. 2024;(4):256–260. (In Russ.). EDN: CAAFSR.
2. Gallyamov R. R. Multinational city: ethnosociological essays. Ufa : Gilem; 1996. 199 p.: ill. (In Russ.).
3. Bublikov V. V., Varshaver E. A., Stepanov V. V. Deconstruction of population censuses: comments and reasoning. *E`tnograficheskoe obozrenie = Ethnographic Review*. 2023;(4):212–242. (In Russ.). DOI: 10.31857/S0869541523040097. EDN: HJPWNK.
4. Yamaeva L. A. Ethnicity and religious revival in Bashkortostan: opportunities and risks for social integration (the Islamic path). *Sociologicheskij otvet na «nacional`ny`j vopros»: primer Respubliki Bashkortostan:*

informacionno-analiticheskij byulleten` INAB = Sociological response to the "National Question": the example of the Republic of Bashkortostan: information and Analytical Bulletin of INAB. 2012;(5). Moscow: Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences; 2012. P. 70–82. 1 CD ROM. Official website of the Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences. (In Russ.). Available from: <https://www.isras.ru/publ.html?id=2459>.

5. Gallyamov R. R. Emelin S. M. Religious identity of residents of a multi-ethnic Russian region in modern conditions: the main stages of development (based on materials from the Republic of Bashkortostan). *Istoriko-kul`turnoe nasledie narodov Uralo-Povolzh`ya = Historical and cultural heritage of the peoples of the Ural-Volga region. 2023;13(1):56–61. (In Russ.). DOI: 10.15350/26191490.2023.1.7.*

6. Abramova S. R., Safin F. G., Khaliulina A. I. Russians of Bashkortostan: ethnodemographic and linguistic processes (1979–2014): monograph. Ufa: First Printing House; 2019, 176 p. (In Russ.). EDN: CWWFVV.

7. Religious associations of the Republic of Bashkortostan: a directory / R. S. Bakaev et al. Ufa: State Unitary Enterprise of the Republic of Bashkortostan Ufa Printing Plant; 2014. 166 p.: ill. (In Russ.).

8. The Number of Religious Organizations in Bashkortostan Reaches 1,875 // Dzen news and information platform. (In Russ.). Available from: <https://dzen.ru/a/aaeqVQLFUhfRkaE->. Publication date: March 4, 2026.

Информация об авторе

Р. Р. Галлямов — доктор социологических наук, профессор, старший научный сотрудник.

Information about the author

R. R. Gallyamov — Doctor of Science (Sociology), Professor, Senior Researcher.

Статья поступила в редакцию 18.05.2026; одобрена после рецензирования 15.06.2026; принята к публикации 22.06.2026.

The article was submitted 18.05.2026; approved after reviewing 15.06.2026; accepted for publication 22.06.2026.

Вестник Башкирского института социальных технологий). 2026. № 2(71). С. 28–36
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2026;2(71):28–36

Научная статья
УДК 103.3(470)
doi: 10.47598/2078-9025-2026-2-71-28-36

АВТОРИТЕТ ОФИЦЕРА МЧС РОССИИ: ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ, ПРИОРИТЕТЫ И ТРЕБОВАНИЯ

**Елена Анатольевна Попова^{1✉}, Марина Александровна Аракелян²,
Вадим Владимирович Чугунов³, Игорь Валентинович Пивоваров⁴**

^{1,2,3,4}Академия гражданской защиты МЧС России, Новогорск, Россия

¹s_elena97@mail.ru✉

²koschka_1881@mail.ru

³vadimchug@mail.ru

⁴i.pivovarov@agz.50.mchs.gov.ru

Аннотация. В статье представлен социально-философский анализ авторитета офицера как одного из значимых факторов успешного функционирования структурного подразделения МЧС России. Особое внимание уделено содержательному анализу основных требований, предъявляемых к уровню развитости и внутренней сбалансированности авторитета офицера. Аргументируется положение о том, что в авторитете фокусируется уровень доверия и уважения подчиненных к личности офицера, его человеческим достоинствам, глубоким общекультурным и военно-профессиональным знаниям, богатому жизненному опыту, реальному вкладу в решение наиболее важных вопросов жизни и быта структурного подразделения. Представленный анализ позволяет сделать вывод о том, что достижение высокого уровня должностного, профессионального и морального авторитета требует значительных духовных и физических усилий со стороны каждого офицера.

Ключевые слова: авторитет, авторитет офицера, должностной авторитет офицера, профессиональный авторитет офицера, моральный авторитет офицера, профессионализм и компетентность офицера, духовно-нравственные качества офицера

Для цитирования: Авторитет офицера МЧС России: ценностные основания, приоритеты и требования / Е. А. Попова, М. А. Аракелян, В. В. Чугунов, И. В. Пивоваров // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2026. № 2 (71). С. 28–36. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2026-2-71-28-36>.

Research article

AUTHORITY OF AN OFFICER OF THE EMERCOM OF RUSSIA: VALUES, PRIORITIES, AND REQUIREMENTS

Elena A. Popova^{1✉}, Marina A. Arakelyan², Vadim V. Chugunov³, Igor V. Pivovarov⁴

^{1,2,3,4}Civil Defense Academy Emercom of Russia, Novogorsk, Russia

¹s_elena97@mail.ru✉

²koschka_1881@mail.ru

³vadimchug@mail.ru

⁴i.pivovarov@agz.50.mchs.gov.ru

Abstract. The article presents a socio-philosophical analysis of the officer's authority as one of the significant factors in the successful functioning of the structural unit of the Russian Emergencies Ministry. Particular attention is paid to the substantive analysis of the main requirements for the level of development and internal balance of the officer's authority. The position is argued that authority focuses on the level of trust and respect of subordinates to the officer's personality, his human dignity, deep general cultural and

military-professional knowledge, rich life experience, real contribution to solving the most important issues of life and everyday life of the structural unit. The presented analysis allows us to conclude that achieving a high level of official, professional and moral authority requires significant spiritual and physical efforts from each officer.

Keywords: authority, officer's authority, officer's job authority, officer's professional authority, officer's moral authority, officer's professionalism and competence, officer's spiritual and moral qualities

For citation: Authority of an officer of the Emercom of Russia: values, priorities, and requirements / E. A. Popova, M. A. Arakelyan, V. V. Chugunov, I. V. Pivovarov. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2026;(2(71)):28–36. (In Russ.). <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2026-2-71-28-36>.

Авторитет офицера как социокультурное явление является объектом изучения значительного числа общественных и гуманитарных наук. Являясь одним из наиболее сложных духовных феноменов общественной жизни, он имеет свои закономерности становления, развития и функционирования. В философском энциклопедическом словаре понятие «авторитет» (от лат. *auctoritas* — власть, влияние) трактуется как «общепризнанное неформальное влияние какого-либо лица или организации в различных сферах общественной жизни, основанное на знаниях, нравственных достоинствах, опыте» [1, с. 11].

Актуальность данной проблемы обусловлена: во-первых, повышением роли авторитета офицера в успешном управлении подчиненными и воинским коллективом; во-вторых, значительным ростом общекультурных и профессиональных требований, предъявляемых к офицерскому составу структурных подразделений МЧС России; в-третьих, необходимостью поиска наиболее действенных средств и способов существенного роста уровня должностного, профессионального и морального авторитета современного офицера. Основной целью статьи является анализ основных сущностных характеристик авторитета офицера, обоснование его роли и значения в качественном решении стоящих перед ним военно-профессиональных задач.

В современных условиях без высоко подготовленного в профессиональном плане и авторитетного офицера успешное функционирование структурного подразделения МЧС России является весьма проблематичным. Сегодня существует объективный запрос на авторитетных офицеров, способных исключительно добросовестно выполнять свои функциональные обязанности, творчески решать достаточно

сложные задачи, быть для своих подчиненных военнослужащих и гражданских специалистов примером служения своему воинскому и гражданскому долгу. Важнейшими слагаемыми высокого уровня авторитета офицера является его повседневная личная примерность в выполнении своих служебных обязанностей, профессиональное мастерство и компетентность, самокритичность, эрудиция, единство слова и дела, стиль руководства, широта мышления, волевой характер, манера общения, развитое чувство юмора. Опыт воинской службы свидетельствует о том, что чем выше у офицера авторитет в воинском коллективе, тем в большей степени он способен мотивировать своих подчиненных на достижение высоких результатов в учебе и службе.

Авторитет офицера возникает, формируется и оформляется в ходе его служебного (формального) и внеслужебного (неформального) влияния на подчиненных. В нем фокусируется высокий уровень доверия и уважения к офицеру со стороны подчиненных, добровольное признание ими наличия у него высокого уровня развития общекультурных и военно-профессиональных знаний, навыков и умений, духовно-нравственных качеств, физического совершенства. На основе высокого уровня доверия и уважения между офицером и подчиненными выстраиваются отношения взаимопонимания, взаимовыручки и сотрудничества в воинском коллективе. Важно отметить, что высокий уровень духовной поддержки офицера со стороны большинства подчиненных, добровольное признание ими его достижений и реальных заслуг, позволяет офицеру достаточно успешно решать наиболее сложные вопросы жизни и быта структурного подразделения.

Действительно авторитетный офицер способен сплотить и объединить подчиненных на

основе разделяемых ими общезначимых целей, ценностей и смыслов в интересах успешного проведения спасательных операций. Такой офицер выстраивает свою деятельность со всеми категориями подчиненных на основе учета их индивидуальных способностей и профессиональных возможностей. Хорошо продуманная и организованная командная работа в составе структурного подразделения в ходе его участия в ликвидации последствий стихийных бедствий (природного или социального характера), всегда приносит положительные результаты. Это убедительно подтверждается опытом успешного проведения спасательных операций как внутри страны, так и за ее пределами.

На наш взгляд, авторитет офицера отражает характер его военно-служебных, профессиональных и духовно-нравственных качеств во взаимоотношениях с подчиненными в воинском коллективе. В этом состоит сущность авторитета офицера, который представляет собой сложное социокультурное духовное образование, основу которого составляет уважение и доверие к нему со стороны подчиненных как руководителю воинского коллектива, обладающему должностным статусом и управленческими административно-правовыми полномочиями, высоким уровнем профессионализма и компетентности, развитыми духовно-нравственными качествами, позволяющими ему достаточно оперативно и качественно решать сложные вопросы повседневной жизни и быта структурного подразделения.

Общефилософский анализ авторитета офицера позволяет сделать ряд обобщений и выводов: во-первых, авторитет не может рассматриваться в качестве некой абстракции, так как его носителем всегда является вполне конкретный офицер; во-вторых, завоевание авторитета представляет собой достаточно сложный и длительный по времени процесс; в-третьих, авторитет не может сформироваться сам по себе, по особой команде или приказу сверху, так как заслужить доверие и уважение подчиненных можно только делами и поступками самого офицера; в-четвертых, авторитет офицера может находиться на достаточно высоком уровне, а также в силу определенных

объективных и субъективных условий может снижаться до определенного минимума и даже совсем утрачивать свою позитивную роль; в-пятых, всегда легче сохранить и упрочить уровень сложившегося авторитета, чем заново восстанавливать утраченный; в-шестых, завоевание истинного авторитета требует ежедневных весьма значительных духовных и физических усилий со стороны офицера.

В реальной жизни авторитет офицера представляет собой сложную систему субъект-объектных отношений, в рамках которой теснейшим образом взаимосвязаны его основные виды — должностной, профессиональный и моральный. Следует иметь в виду, что определяющим аспектом является уровень развитости каждого вида авторитета при взаимном дополнении и обогащении друг друга. Сегодня успешная деятельность офицера структурного подразделения может быть выстроена лишь на основе их «неразрывного единства и внутренней сбалансированности, без какого-либо доминирования одного из них над другим» [2, с. 132].

Сегодня существенно возросла роль офицерского состава структурных подразделений МЧС России в решении широкого круга вопросов: административных, хозяйственных, финансовых, технических, образовательных, воспитательных и других. Реальную помощь и поддержку офицеру в эффективном решении наиболее сложных военно-управленческих проблем оказывает должностной авторитет. Должностной авторитет офицера — это авторитет его социально-правового статуса, отражающего в себе совокупность основных прав и свобод, обязанностей и ответственности, позволяющих ему с высокой степенью эффективности решать важнейшие вопросы повседневной жизни и быта подчиненных, проявлять реальную заботу о сохранении их жизни и здоровья. Данный вид авторитета офицера во многом определяется его служебным положением и занимаемой должностью, реальным обладанием необходимых административно-правовых (властных) полномочий, предоставленных ему со стороны государства [3, с. 65].

В авторитете офицера отражается характер его военно-служебных отношений с подчи-

ненными, вышестоящими командирами и начальниками. Должностной авторитет офицера характеризует его, в первую очередь, как руководителя, занимающего соответствующую воинскую должность, несущего персональную ответственность за поддержание воинской дисциплины и правопорядка в воинском коллективе, создания в нем здоровой духовно-нравственной атмосферы. Невозможно заслужить авторитет и уважение у подчиненных в воинском коллективе, если офицер относится к ним пренебрежительно, проявляет бестактность, грубость, высокомерие, равно как и панибратство.

Как правило, назначение офицера на ту или иную воинскую должность не гарантирует ему обладание высоким уровнем авторитета. Глубоко заблуждаются (сознательно или незнательно) те, кто считают, что авторитет им обеспечен автоматически, одновременно с назначением их на воинскую должность. Смена руководителя подразделения не предполагает автоматической передачи новому обладателю воинской должности обширных управленческих знаний, практического опыта и высокого уровня авторитета. Следует исходить из того, что авторитет не прилагается к воинской должности, а зарабатывается офицером в процессе повседневного и напряженного воинского труда, исключительно добросовестного выполнения своих функциональных обязанностей. Как правило, воинская должность всегда предъявляет достаточно высокие требования к общекультурным, профессиональным и личностным качествам офицера. Высокий уровень уважения и доверия к себе со стороны подчиненных и руководства можно обеспечить исключительно на основе профессионального и добросовестного выполнения своих служебных обязанностей и общегражданского долга.

В должностном авторитете офицера отражаются его формальное право и возможность оказывать всестороннее позитивное влияние на подчиненных. И здесь особую значимость имеют не краткосрочные (ситуативные) успехи офицера, а достижение стабильно высоких результатов лично им самим и его подчиненными, воинским коллективом в повседневной учебе и службе. Следует признать, что офицеру приходится постоянно подтверждать высо-

кий уровень управленческой культуры, своего профессионализма и компетентности, духовно-нравственной зрелости (состоятельности), которые являются объектом пристального внимания со стороны его сослуживцев и подчиненных.

Каждый офицер должен занимать воинскую должность строго соответствующую его организаторским, интеллектуальным, нравственным, волевым и другим возможностям и способностям. Особую роль имеет адекватная оценка офицером своих организаторских возможностей и интеллектуальных способностей. Подчиненные очень остро чувствуют ситуацию, когда тот или иной офицер в духовном и профессиональном плане не в полной мере соответствует занимаемой им должности. Отсутствие такого соответствия приводит к тому, что в конечном итоге от этого «страдает» не только он сам, но и его подчиненные, а также воинский коллектив в целом.

Сегодня особую актуальность приобретает проблема отбора на воинские должности офицеров, обладающих высоким уровнем управленческой культуры, профессионализма и компетентности, честных, порядочных и ответственных в духовно-нравственном отношении людей, способных сделать вверенные им воинские коллективы образцовыми подразделениями. На наш взгляд, изначально обречены на неудачу все попытки завоевания должностного авторитета офицера, основанные исключительно на административно-правовом (властном) принуждении, рассматриваемого им как наиболее «эффективного» средства управления, обучения и воспитания подчиненных. К числу факторов, ведущих к утрате должностного авторитета офицера можно отнести: завышенную самооценку своих сил и возможностей, необоснованно высокие личные запросы и притязания, излишнюю самонадеянность и самоуверенность, высокомерие, амбициозность, равнодушие к повседневным нуждам и заботам подчиненных, недостаточную физическую подготовку. К потере авторитета офицера также ведут всевозможные попытки самоутвердиться перед своим непосредственным руководством за счет подчиненных.

Важную роль в успешной деятельности офицера играет его профессиональный ав-

торитет. Становление офицера, рост его профессионализма и компетентности — это весьма сложный процесс, в котором важную роль играют возрастные, образовательные, интеллектуальные, общекультурные и другие индивидуальные особенности того или иного офицера. Стабильно высокие показатели в военно-профессиональной деятельности офицера структурного подразделения определяются сегодня реальными успехами в проведении спасательных операций. Чтобы состояться в избранной профессии, офицеру необходимо практически каждый день приобретать новые управленческие знания, настойчиво овладевать практическими навыками и умениями. Это продиктовано тем обстоятельством, что истинный авторитет офицера постоянно требует реальных практических подтверждений с его стороны.

В содержании профессионального авторитета офицера МЧС России отражается факт добровольного признания со стороны подчиненных высокого уровня его профессионализма и компетентности, которые соответствуют самым высоким современным требованиям и стандартам по спасению жизни и здоровья российских граждан. По уровню и качеству профессиональной подготовленности того или иного офицера у подчиненных складывается целостное представление (позитивное или негативное) о его возможностях и способностях успешно решать стоящие перед структурным подразделением задачи. Опыт показывает, что в самых сложных ситуациях высоко профессионально подготовленный и авторитетный офицер всегда сохраняет рассудительность, хладнокровие, выдержку, сообразительность, благоразумие, оптимизм. Личный пример офицера в выполнении задач повседневной воинской службы позволяют ему ориентировать подчиненных на достижение социально значимых целей в жизни и воинской службе.

В процессе воинской службы офицеру приходится постоянно демонстрировать своему руководству и подчиненным своевременное и качественное решение им сложных вопросов жизни и быта возглавляемого им воинского коллектива. Общий успех структурного подразделения во многом определяется той ролью, которую играет офицер в деле подготовки

своих подчиненных к грамотным действиям по ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. Наличие позитивных результатов следует рассматривать в качестве одного из важных факторов, стимулирующих деятельность не только самого офицера, но и его подчиненных. В свое время В. Франкл (1905–1997) справедливо отмечал, что в жизни человека очень важным моментом является не сама работа, а его отношение к ней, которое, в конечном счете, определяет, соответствует ли он месту, на котором оказался [4, с. 233].

Постоянное развитие и самосовершенствование для авторитетного офицера становится устойчивой внутренней потребностью и важнейшим ценностным приоритетом в воинской службе. Особое значение приобретает проблема дальнейшего изучения и обобщения передового опыта в управлении воинским коллективом, переосмысление новых методик и технологий спасения людей, попавших в чрезвычайные ситуации. Характерной чертой авторитетного офицера является постоянный поиск и обретение новых профессиональных знаний, навыков и умений. В конечном счете, это отвечает общим интересам всех членов воинского коллектива.

Исключительно важную роль в формировании профессионального авторитета офицера играет уровень и качество полученного им высшего военного и гражданского образования, позволяющего оперативно решать комплекс сложных служебных и внеслужебных проблем. Безусловно, многое здесь зависит от индивидуальных особенностей самого офицера, его интеллектуальных способностей, эрудиции, мотивации, нацеленности на постоянное обновление своих общекультурных и военно-профессиональных знаний и опыта. Следует особо отметить, что достижение высокого уровня авторитета офицера всегда связано с выходом его за рамки своей основной специальности и профессии. Авторитетный офицер всегда стремится к тому, чтобы привнести в военно-профессиональную деятельность элементы инициативы, творчества и новизны, позволяющие ему успешно решать самые сложные проблемы.

Обретение необходимого уровня профессионального авторитета офицера — это тя-

желый повседневный труд, требующий значительных интеллектуальных, нравственных и волевых усилий. Важную роль здесь играет плановость и системность в работе офицера, умение правильно организовать свой воинский труд, грамотно расставить приоритеты. Профессиональный авторитет нельзя выстроить на разрозненных, фрагментарных профессиональных знаниях, оторванности офицера от решения насущных проблем подчиненных и воинского коллектива. Следует признать, что весьма существенно по своим качественным характеристикам, состоянию и направленности отличается между собой профессиональный авторитет молодых офицеров и офицеров, имеющих богатый опыт жизни и воинской службы. По вполне объективным причинам молодым офицерам, не имеющим достаточного объема теоретических знаний и практического опыта в деле управления подчиненными и воинским коллективом, требуется значительно больше времени и затрат на адаптацию к высокой интенсивности и напряженности офицерского труда. Попытки быстрого самоутверждения в воинском коллективе часто приводят отдельных из них на путь завоевания ложного авторитета (псевдоавторитета).

Офицер, задумывающийся об авторитете у подчиненных, должен обладать высоким уровнем развития таких профессиональных качеств, как ответственность, дисциплинированность, организованность, требовательность, исполнительность, целеустремленность, компетентность, инициативность. По существу, именно они позволяют ему в кратчайшие сроки освоить и в совершенстве овладеть выбранной им профессией. Весьма значимым для офицера является постоянное переосмысление достигнутых им результатов профессиональной деятельности. К числу важнейших духовных приоритетов офицера можно отнести проявление повсеместной заботы о подчиненных, умение вести равноправный диалог, слушать и слышать подчиненных, внимательно относиться к их справедливой критике в свой адрес, не превозносить свои личные достижения и заслуги. В свое время Б. Рассел (1872–1970) вполне справедливо отмечал, что «тот, кто действительно имеет авторитет, не боится признать свою ошибку» [5, с. 672]. Безусловно,

ни один офицер не застрахован от ошибок, но честное и публичное их признание, своевременное исправление неизменно способствуют формированию высокого уровня его профессионального авторитета среди подчиненных и сослуживцев.

Для успешной военно-профессиональной деятельности офицера особую актуальность и значимость приобретает обретение им необходимого уровня морального авторитета. По существу, он является необходимой и обязательной основой его индивидуальной духовности, на которой, собственно, и формируется его должностной и профессиональный авторитет. Высокий уровень морального авторитета офицера является свидетельством его высокой духовности, позволяющей реально осознавать меру своей личной ответственности перед собой, подчиненными и воинским коллективом. В самых сложных ситуациях жизни и воинской службы такой офицер всегда и во всем поступает по совести, ни при каких условиях не позволяет врать себе и подчиненным.

Моральные нормы и принципы определяют духовную зрелость офицера, обеспечивая устойчивость ценностной компоненты мировоззрения, позитивное состояние и направленность его сознания, определяя содержание его общения, поведения и деятельность. Без усвоенных нравственных ценностных установок и ориентиров профессиональные знания, навыки и умения, какими бы обширными и развитыми они ни были, не могут дать ее обладателю сколько-нибудь заметно высоких результатов. Для подчиненных важную роль играет не столько воинская должность и звание того или иного офицера, сколько постоянное проявление с его стороны честности, порядочности, доброты и справедливости. Опыт показывает, что демонстрация офицером в повседневной жизни данных качеств мотивирует подчиненных на добросовестное выполнение своего воинского и общегражданского долга намного сильнее любого отданного им приказа или распоряжения.

Каждый офицер заинтересован в поддержке уставного порядка, организованности, справедливости и честности в вверенном ему воинском коллективе. Его моральный авторитет основывается на силе нравственного при-

мера, взаимного уважения и доверия к нему в воинском коллективе. Такие духовно-нравственные качества офицера как справедливость, честность, скромность, вежливость, порядочность, отзывчивость выражают его истинное отношение к подчиненным, по которым они сверяют свои мировоззренческие ценностные ориентации и установки. В реальной жизни к авторитетным офицерам подчиненные постоянно обращаются в служебное и во внеслужебное время за необходимой поддержкой, помощью и советом, гордятся ими, берут с них пример.

В свое время русский философ В. С. Соловьев (1853–1900) обращал особое внимание на то, что «непозволительно использовать безнравственные средства для достижения высшего блага» [6, с. 311].

Недостаточно высокий уровень развитости морального авторитета офицера невозможно восполнить за счет более высокой степени развитости его должностного и профессионального авторитета. Моральный авторитет современного офицера структурного подразделения — это не дополнение к его должностному или профессиональному авторитету, а одно из необходимых условий успешной военно-профессиональной деятельности.

В военно-историческом наследии России офицер всегда представлялся как человек высоко образованный, культурный, с развитыми духовно-нравственными качествами. Лучшие представители русского офицерского корпуса всегда были примером верного служения своему Отечеству, постоянно демонстрируя верность слову, скромность, обостренное чувство справедливости. В свое время, А. В. Суворов (1730–1800) настоятельно рекомендовал офицерскому составу избегать роскоши, праздности, корыстолюбия и искать славу через истину и добродетель [7, с. 164].

Необходимо отметить, что такие духовно-нравственные качества офицера как честность, порядочность и справедливость невозможно восполнить за счет высокого уровня его профессионализма и компетентности, дисциплинированности и ответственности, уставной командирской требовательности. Опыт показывает, что к разносторонне духовно развитым, высоко культурным и образованным офи-

церам подчиненные всегда относятся с большим доверием и уважением, добровольно и без особого принуждения принимают все их требования к неукоснительному исполнению. На наш взгляд, уровень и степень развитости духовно-нравственных качеств офицера независимо от занимаемой должности, возраста, опыта и стажа воинской службы всегда должны быть предельно высокими.

Военно-профессиональная деятельность офицера структурного подразделения, осуществляемая в рамках строгого соблюдения норм права и морали, позволяет ему на всех уровнях успешно осуществлять полноценное и качественное управление воинскими коллективами, мотивировать подчиненных на достижение высоких результатов в учебе и службе [8, с. 295]. Однако, далеко не все офицеры внутренне готовы к тому, чтобы сознательно и добровольно принять высокие нравственные требования к исполнению своего воинского и общегражданского долга. Со стороны отдельных офицеров еще нередко проявления безответственности, халатности, высокомерия, равнодушия, грубости, несправедливости, которые несовместимы с требованиями кодекса чести российского спасателя. Как правило, подобным негативным проявлениям дается объективная и беспристрастная оценка со стороны своих сослуживцев и вышестоящего руководства.

Представляется, что офицер, обладающий высоким моральным авторитетом, способен заложить прочные духовно-нравственные основы у подчиненных, способствовать созданию в воинском коллективе атмосферы высокой взаимной требовательности и взыскательности. Очевидно, что невозможно сформировать высокий уровень духовно-нравственных качеств у подчиненных, если сам офицер не обладает ими в полной мере. В этой связи, хотелось бы отметить, что «не может развивать, воспитывать и образовывать других тот, кто не является сам развитым, воспитанным и образованным» [9, с. 74].

Авторитет офицера структурного подразделения МЧС России сегодня рассматривается в качестве весьма значимого социокультурного фактора (ресурса), способствующего дальнейшему сплочению воинского коллектива, по-

вышению мотивации подчиненных на достижение ими высоких результатов в учебе и службе. К числу важнейших условий, способствующих существенному повышению уровня должностного, профессионального и морального авторитета офицера, на наш взгляд, можно отнести: во-первых, добросовестное выполнение им своих профессиональных обязанностей; во-вторых, справедливость, разумность и законность повседневных требований, предъявляемых к подчиненным; в-третьих, уважение чести и достоинства подчиненных, реальная забота о сохранении их жизни и здоровья; в-четвертых, реальная забота об удовлетворении повседневных нужд и запросов подчиненных; в-пятых, умение слышать и слушать подчиненных, учитывать высказанные ими предложения, замечания и критику; в-шестых, по-

становка подчиненным реально выполнимых задач, исходя из уровня их профессиональной подготовки и интеллектуальных возможностей; в-седьмых, открытое и честное признание допущенных ошибок, а также их своевременное исправление.

Безусловно, реализация данных мер требует значительных духовных и физических затрат со стороны каждого офицера. Крайне важной задачей является дальнейшее изучение и обобщение передового опыта по обретению высокого уровня авторитета руководителей всех уровней. Крайне важно максимально задействовать все позитивные возможности, заложенные в личностном авторитете, сделав его гармонично развитым у как можно большего числа офицеров структурных подразделений МЧС России.

Список источников

1. Философский энциклопедический словарь. Москва : Советская энциклопедия, 1983. 840 с.
2. Чижик П. И. Авторитет преподавателя высшей военной школы: социально-философский анализ // Военный академический журнал. 2018. № 1 (17). С. 129–135. EDN: XNHROH.
3. Ефремов И. И. Проблема авторитета в социальной философии // Философия и общество. 2004. № 3. С. 60–70.
4. Франкл В. Человек в поисках смысла / пер. с англ. и нем.. Москва : Прогресс. 1990. 368 с. : ил. (Библиотека зарубежной психологии).
5. Энциклопедия мудрости / К. Андриевская, М. Агеев, И. Атрощенко и др. Москва : РОССА, 2007. 814 с.
6. Соловьев В. С. Оправдание добра. Нравственная философия // Собрание сочинений 1894–1897. Т. 8. С.-Петербург : Просвещение, 1914. 516 с.
7. Морихин В. Е. Традиции офицерского корпуса России. Научно-историческое исследование. Москва : Граница и др., 2003. 431 с. : ил.
8. Сальников А. В. Социологический подход к исследованию авторитета офицера российской армии: постановка проблемы // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. Вып. 1 (834). 2019. С. 285–296. EDN: PGJFRV.
9. Дистервег Ф. А. Избранные педагогические сочинения. Москва : Учпедгиз, 1956. 374 с.

References

1. Philosophical Encyclopedic Dictionary. Moscow: Sovetskaya Encyclopediya; 1983. 840 p. (In Russ.).
2. Chizhik P. I. The authority of a higher military school teacher: a social and philosophical analysis. *Voennyj akademicheskij zhurnal = Military Academic Journal*. 2018;(1(17)):129–135. (In Russ.). EDN: XNHROH.
3. Efremov I. I. The Problem of Authority in Social Philosophy". *Filosofiya i obshchestvo = Philosophy and Society*. 2004;(3):60–70. (In Russ.).
4. Frankl V. Man in search of meaning / translated from English and German. Moscow: Progress; 1990. 368 p. : ill. (Library of Foreign Psychology).
5. Encyclopedia of wisdom / K. Andrievskaya, M. Ageyev, I. Atroshchenko [et al.] Moscow: ROSSA; 2007. 814 p. (In Russ.).
6. Soloviev V. S. Justification of Good. *Moral Philosophy. Sbranie sochinenij 1894–1897 = Collected Works 1894–1897*. Vol. 8. St. Petersburg: Prosveshchenie; 1914. 516 p. (In Russ.).
7. Morikhin V. E. Traditions of the Russian officer corps. a scientific and historical study. Moscow: Granitsa et al.; 2003. 431 p.: ill. (In Russ.).
8. Salnikov A. V. A sociological approach to the study of the authority of an officer in the Russian army: statement of the problem. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshhestvennyj i*

nauki = *Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Social Sciences*. 2019;1(834):285–296. (In Russ.). EDN: PGJFRV.

9. Disterweg F. A. Selected pedagogical works. Moscow: Uchpedgiz; 1956. 374 p. (In Russ.).

Информация об авторах

Е. А. Попова — кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры философии, истории и культурологии;

М. А. Аракелян — кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой философии, истории и культурологии;

В. В. Чугунов — кандидат исторических наук, заместитель начальника управления кадров Главного командования сухопутных войск;

И. В. Пивоваров — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры философии, истории и культурологии.

Information about the authors

E. A. Popova — Candidate of Science (Historical), Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy, History, and Cultural Studies;

M. A. Arakelyan — Candidate of Science (Historical), Associate Professor, Head of the Department of Philosophy, History, and Cultural Studies;

V. V. Chugunov — Candidate of Science (Historical), Deputy Head of the Personnel Directorate of the General Command of the Ground Forces;

I. V. Pivovarov — Candidate of Science (Historical), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy, History, and Cultural Studies.

Статья поступила в редакцию 16.12.2025; одобрена после рецензирования 14.01.2026; принята к публикации 22.06.2026.

The article was submitted 16.12.2025; approved after reviewing 14.01.2026; accepted for publication 22.06.2026.

Научная статья
УДК 103.3(470)
doi: 10.47598/2078-9025-2026-2-71-37-45

СТИЛЬ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОФИЦЕРА МЧС РОССИИ: СУЩНОСТЬ, СОДЕРЖАНИЕ, ВИДЫ

Елена Анатольевна Попова^{1✉}, Марина Александровна Аракелян²,
Алексей Николаевич Малинка³, Екатерина Викторовна Шатина⁴

^{1,2,3,4}Академия гражданской защиты МЧС России, Новогорск, Россия

¹s_elena97@mail.ru✉

²koschka_1881@mail.ru

³29ma22@gmail.com

⁴cocko@mail.ru

Аннотация. В статье представлен системный анализ основных стилей управленческой деятельности офицерского состава структурных подразделений МЧС России, который приобретает в современных условиях особую актуальность и значимость. Обосновывается положение о том, что выбор того или иного стиля является результатом осмысленного выбора и последующего использования офицером наиболее эффективных форм, приемов и способов управленческого воздействия на подчиненных и воинский коллектив с целью достижения позитивного результата. Современный стиль управления должен быть достаточно гибким и в полной мере соответствовать характеру и специфике решаемых структурными подразделениями задач. Заслуживает внимания авторский вывод о том, что выработка собственного стиля военного управления, а также реализация всех заложенных в нем позитивных возможностей требует от офицера значительных духовных усилий (затрат).

Ключевые слова: стиль управления, сущность и содержание стиля управления, ценностные приоритеты стиля управления, авторитарный стиль управления, демократический стиль управления, либеральный стиль управления

Для цитирования: Стиль управленческой деятельности офицера МЧС России: сущность, содержание, виды / Е. А. Попова, М. А. Аракелян, А. Н. Малинка, Е. В. Шатина // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2026. № 2 (71). С. 37–45. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2026-2-71-37-45>.

Research article

MANAGERIAL STYLE OF AN OFFICER OF THE RUSSIAN FEDERATION'S EMERCOM: ESSENCE, CONTENT, TYPES

Elena A. Popova^{1✉}, Marina A. Arakelyan², Alexey N. Malinka³, Ekaterina V. Shatina⁴

^{1,2,3,4}Civil Defense Academy Emercom of Russia, Novogorsk, Russia

¹s_elena97@mail.ru✉

²koschka_1881@mail.ru

³29ma22@gmail.com

⁴cocko@mail.ru

Abstract. This article presents a systematic analysis of the main management styles of officers in the structural units of the Russian Ministry of Emergency Situations, which has acquired particular relevance and significance in the current context. It is argued that the choice of a particular style is the result of an officer's deliberate selection and subsequent application of the most effective forms, techniques, and methods of managerial influence on subordinates and the military collective in order to achieve positive

results. A modern management style must be sufficiently flexible and fully correspond to the nature and specifics of the tasks performed by the structural units. Worthy of note is the author's conclusion that developing a personal military management style, as well as realizing all the positive potential inherent in it, requires significant spiritual effort (expenditure) from the officer.

Keywords: management style, essence and content of management style, value priorities of management style, authoritarian management style, democratic management style, liberal management style

For citation: Managerial style of an officer of the Russian Federation's Emercom: essence, content, types / E. A. Popova, M. A. Arakelyan, Malinka A. N., Shatina E. V. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2026;(2(71)):37–45. (In Russ.). <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2026-2-71-37-45>.

Сегодня реальные успехи структурных подразделений МЧС России во многом обуславливаются качеством управленческой деятельности офицерского состава, отвечающей самым высоким требованиям. Важнейшую роль в решении данной проблемы играет совершенное владение офицером современным стилем управления (руководства). Актуальность исследуемой проблемы во многом обусловлена: во-первых, возросшими требованиями к качеству и результативности управленческой деятельности офицерского состава на всех уровнях; во-вторых, острой потребностью системного анализа основных стилей управления и их строгого соответствия характеру решаемых офицером военно-профессиональных задач; в-третьих, необходимостью дальнейшего развития и совершенствования современного стиля управления офицера независимо от занимаемой им должности и воинского звания.

Для выделения специфики и особенностей профессиональной управленческой деятельности офицера широко используются понятия «стиль управления» или «стиль руководства», которые рассматриваются как тождественные. В научный оборот данное понятие введено немецким психологом Куртом Левиным (1890–1947), который в начале XX в. обосновал существование трех основных стилей управления (руководства): а) авторитарного; б) демократического; в) либерального.

Сегодня управленческая деятельность офицера структурного подразделения отличается особой сложностью, динамичностью и высокой социальной ответственностью. Проблема стиля управления приобретает свою особую актуальность в связи с объективно высоким запросом на существенное повышение качества управленческой деятельности офицерского состава структурных подразделений. На-

личие высоких требований, предъявляемых сегодня к стилю управленческой деятельности, большинством офицеров воспринимается достаточно позитивно. Многие исходят из того, что совершенное владение современным стилем управления подчиненными и воинским коллективом обеспечивает его обладателю существенные преимущества и приносит весьма ощутимые практические результаты.

На наш взгляд, стиль управления офицера — это важнейший элемент его военно-профессиональной деятельности, представляющий собой совокупность наиболее эффективных форм, приемов и способов, обеспечивающих качественное решение управленческих задач, общение с подчиненными, сослуживцами и вышестоящим командованием в служебное и во внеслужебное время, успешное руководство структурным подразделением.

Стиль управления часто называют почерком управленческой деятельности офицера. Выбор стиля тем или иным офицером всегда выступает как его осознанная потребность в освоении наиболее эффективных форм и методов решения сложных управленческих задач. Формирование собственного стиля управления связано с колоссальной работоспособностью, высоким уровнем ответственности, дисциплины, самоорганизации и мировоззренческой целеустремленности офицера. Он не может сформироваться сам по себе, по особой команде или приказу сверху, он не прилагается к воинской должности и воинскому званию офицера. В управленческой деятельности невозможно заставить офицера быть авторитарным, демократичным или либеральным, точно также как ответственным и дисциплинированным, честным и порядочным.

Стиль управления проявляется в индивидуальных чертах руководителя и качестве ор-

ганизации им управленческой деятельности. Следует особо отметить, что стиль управления офицера структурного подразделения должен быть чрезвычайно гибким, адекватно соответствовать характеру и сложности решаемым им задач. Как правило, успех приходит к тем руководителям, кто умело и грамотно использует для достижения социально значимых целей не только приказы и распоряжения, но и активно обращается к таким формам как личный пример, убеждение, просьба, совет, одобрение. Совершенное владение офицером всей совокупности апробированных на практике форм, приемов и способов позитивного воздействия на подчиненных и воинский коллектив позволяет ему добиваться значительных успехов не только в краткосрочной, но и в долгосрочной перспективе.

Системный анализ реально существующих стилей управленческой деятельности офицера МЧС России позволяет авторам сделать ряд обобщений и выводов: во-первых, реальным носителем стиля всегда является вполне конкретный офицер со своими убеждениями, интересами, ценностными ориентациями и установками; во-вторых, высокие качественные показатели стиля офицера управления определяются уровнем развития его общей, профессиональной и личностной культуры; в-третьих, формирование собственного стиля управления представляет собой достаточно сложный и длительный по времени процесс, требующий от офицера весьма значительных интеллектуальных, образовательных, нравственных и волевых усилий (затрат); в-четвертых, развитие и совершенствование стиля управления непосредственно связано с активным поиском офицером наиболее эффективных форм, приемов и способов успешного решения как стандартных, так и нестандартных военно-профессиональных задач.

Следует признать, что по целому ряду причин объективного и субъективного характера весьма существенно отличаются между собой стили управления молодых офицеров и офицеров, имеющих богатый опыт жизни и воинской службы. Так, молодым офицерам, не имеющим достаточного объема теоретических знаний и практического опыта необходимого для успешного управления подчиненными и воин-

ским коллективом, требуется значительно больше времени на адаптацию к высокой интенсивности, напряженности и особой регламентации воинского труда, а соответственно, и на выработку собственного стиля управления.

В рамках прохождения воинской службы у каждого офицера со временем вырабатывается свой индивидуальный стиль управления подчиненными и воинским коллективом, успешное владение которым позволяет наиболее эффективно и с высоким качеством решать самые сложные задачи. Все основные стили управления (авторитарный, демократический или либеральный) представляет собой индивидуальную форму (манеру) взаимоотношения офицера с сослуживцами, подчиненными и вышестоящим руководством в процессе выполнения им своих служебных обязанностей. Следует исходить из того, что руководство людьми — это не только наука, но и искусство, которое требует огромных усилий и творчества.

Основу авторитарного стиля управления составляет строгое соблюдение принципа единоначалия, когда руководитель все функции управления подчиненными и воинским коллективом сосредотачивает в своих руках. Все управленческие усилия руководителя направляются на беспрекословное, точное и строгое выполнение подчиненными отданных им в устной или письменной форме приказаний и распоряжений. При таком стиле управления основными ценностными приоритетами воинской службы являются исполнительность, организованность, дисциплина и порядок. Категорически не допускается обсуждений отданных приказов и распоряжений, а также возражений или высказываний подчиненными собственного мнения, независимо от того, являются ли выполняемыми (или невыполнимыми) поставленные перед ними задачи. В этой связи хотелось бы особо отметить, что умение руководителя «добиться от подчиненного выполнения поручения — задача не такая простая, как это может показаться на первый взгляд» [1, с. 12].

Вовлеченность подчиненных офицеров в процесс принятия руководителем структурного подразделения управленческого решения является минимальной. Поиск и внедрение инновационных идей, проявление разумной инициативы и творчества — это прерога-

тива самого руководителя. В этом плане подчиненные (в том числе и офицеры) рассматриваются исключительно в качестве конкретных исполнителей поставленных им задач. Важно отметить, что содержание и направленность мышления, поведения и деятельности подчиненных направлены на строгое соблюдение духа и буквы воинских уставов, требований действующих ведомственных инструкций, приказов и директив. На наш взгляд, данный стиль управления представляет собой определенную жизненную философию того или иного офицера, сущность которой сводится к тому, что ему во многом «приходится рассчитывать исключительно только на свои управленческие знания и опыт, интеллектуальные силы и организаторские способности» [2, с. 168].

При выборе офицером структурного подразделения такого стиля управления особую роль играет наличие у него высокого уровня общей, профессиональной и личностной культуры, мастерства и компетентности, умений творчески и самостоятельно мыслить, выделять главное, грамотно расставлять приоритеты в жизни и службе, предъявлять к подчиненным разумные и справедливые требования, своим личным примером оказывать на них позитивное влияние. Руководитель, обладающий таким набором качеств, имеет полное моральное право требовать от своих подчиненных беспрекословного выполнения отданных им приказаний и распоряжений.

Следует признать, что в реальной жизни далеко не все действующие офицеры структурных подразделений в полной мере строго соответствуют данным требованиям. Так, одни офицеры, принимая управленческие решения, мыслят нестандартно, другие предпочитают опираться на привычные и проверенные схемы и шаблоны. Отличительной чертой молодых офицеров является стремление к быстрому решению достаточно сложных проблем служебного и внеслужебного характера с помощью относительно простых способов и приемов. Опыт наглядно свидетельствует, что решение офицером принципиально новых управленческих задач, которые в его практике ранее не встречались, объективно требует наличия высокого уровня общей и личностной культуры, а также основательных профессиональных

компетенций. Важно понимать, что важна не столько выбранная профессия, сколько то, насколько ее обладатель «в совершенстве и мастерски ею владеет» [3, с. 233].

Действуя в рамках данного стиля, офицер берет на себя всю полноту ответственности за общее состояние дел в структурном подразделении, держит под контролем все процессы, происходящие в воинском коллективе, обращая особое внимание на достижение конечного позитивного результата. Авторитарный стиль управления создает особую специфическую обстановку внутри воинского коллектива, в рамках которой руководитель выстраивает общение с подчиненными, планирует и организует свое поведение и деятельность. Офицер открыто демонстрирует свои властные полномочия и исключительно высокую уставную требовательность, определяемую его должностным положением. Вместе с тем в отношениях с вышестоящими командирами и начальниками демонстрируется предельная вежливость, учтивость и тактичность. В служебных и внеслужебных отношениях с подчиненными, он, как правило, строго соблюдает дистанцию по отношению к ним, старается избегать неформальных контактов, быть строгим и сугубо официальным. Данный стиль управления (как и другие его виды) несовместим со злоупотреблением служебным положением, грубостью, высокомерием, равнодушием по отношению к подчиненным.

В рамках авторитарного стиля руководитель оценивает своих подчиненных не с позиции достигнутого уровня их профессионального и духовно-нравственного развития, а насколько качественно и в срок они способны выполнить ту или иную поставленную им задачу. Привнесение подчиненными в воинский коллектив передового опыта, новых идей и подходов в решении задач не подлежит обсуждению, а тем более поощрению. Отсутствие реального доверия и открытости в структурном подразделении, довольно частое обращение к административным мерам принуждения в отношении подчиненных ведет к снижению их мотивации, инициативы и творчества, негативно отражается на духовно-нравственном состоянии всех членов воинского коллектива. Основная причина неудач руководителей данного типа со-

стоит, как правило, «в неумении понимать людей и адекватно с ними общаться» [4, с. 75].

Авторитарный стиль управления наиболее востребован в начальный период освоения офицером первичной воинской должности, когда вопросы организованности, дисциплины и порядка в воинском коллективе являются приоритетными. Реальным показателем высокого уровня владения авторитарным стилем управления является качество проводимых офицером служебных совещаний и грамотная разработка понятных, четких и ясных для исполнителей служебных документов. Успешность данного стиля управления во многом определяется также и тем, насколько тот или иной руководитель способен открыто признавать допущенные им ошибки, своевременно их устранять, извлекая необходимые уроки на будущее.

Следует отметить, что данный стиль показывает свою высокую эффективность в экстремальных ситуациях, в условиях привлечения структурного подразделения к ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций природного, социального или техногенного характера. Здесь он является не просто потребностью, а острой необходимостью. В ходе проведения спасательных операций очень важно максимально быстро обеспечить эвакуацию людей из зон стихийных бедствий, связанных с наводнениями и лесными пожарами, поэтому все отданные приказы и распоряжения в ходе проведения подобных операций должны выполняться неукоснительно, предельно точно и в срок. Вместе с тем, объективно оценивая свои собственные успехи и недостатки, офицер всегда должен исходить из того, что его служебные заслуги как руководителя, какими бы они реально высокими не были, всегда составляют лишь часть того, что может быть сделано усилиями всего воинского коллектива.

Главное отличие демократического стиля от всех остальных заключается в оптимальном сочетании единоначалия и коллективного поиска в решении наиболее значимых управленческих задач. Перечень наиболее сложных проблем, выносимых на коллективное обсуждение с заместителями и подчиненными офицерами, определяется всегда руководителем подразделения в зависимости от их важности, сложившейся обстановки и наличия вре-

мени. Стремление руководителя к совместной коллективной работе способствует привлечению знаний и опыта подчиненных, активному обмену идеями, созданию в нем такой духовно-нравственной атмосферы, когда подчиненные ощущают себя полноправными членами коллектива. Следует согласиться с тем, что без «согласованных коллективных действий, истинного взаимодействия и сотрудничества всех членов структурного подразделения невозможно решить ни одну сколько-нибудь важную и сложную управленческую задачу» [5, с. 215]. Такой подход существенно повышает качество и результативность всей управленческой деятельности. В качестве примера приведем совместный поиск решения чрезвычайно сложной задачи по разминированию территории Крыма в районе Керчи от боеприпасов времен Великой Отечественной войны. Осознание социальной значимости, сложности и опасности данной задачи офицерским составом способствовало ее качественному выполнению.

Воинская служба требует от офицера быть не только строгим и ответственным, но и одновременно чутким и заботливым начальником, не допускать в обращении с подчиненными грубости и мелочных придинок. В рамках демократического стиля управления офицер стремится предъявлять высокую требовательность не только к своим подчиненным, но и к самому себе: напряженно и усердно работать, быть личным примером добросовестного выполнения своих служебных обязанностей. Контроль за исполнением отдаваемых приказов и распоряжений осуществляется не только со стороны руководителя подразделения, но и самих подчиненных.

Обладатель демократического стиля управления демонстрирует повседневную скромность в быту, доступность и честность в общении с различными категориями подчиненных в служебное и внеслужебное время, выстраивая его в доброжелательной и вежливой форме. Следует отметить, что «без гуманного отношения к людям говорить о культуре управления в принципе невозможно» [6, с. 92]. Руководитель данного типа постоянно учится сам и требует того же от своих подчиненных. Такой подход позволяет офицерскому составу добиваться ощутимых результатов в управленческой

деятельности и относительно быстро самоутвердиться в структурном подразделении.

Доминантной ценностной установкой данного стиля является убеждение офицера в том, что отличившихся подчиненных необходимо обязательно поощрять, значительно меньше использовать меры принуждения. Тем самым руководитель подразделения мотивирует подчиненных на добросовестное выполнение ими поставленных задач, всячески поощряя их инициативу и творчество. При выборе наиболее эффективных форм поощрения (моральных или материальных) он всегда исходит из их справедливости и своевременности.

Руководитель подразделения, опирающийся на демократические методы управления, всегда готов оказать необходимую помощь своим подчиненным в решении самых разнообразных вопросов жизни, быта и воинской службы. Отношение к незначительным промахам и недоработкам подчиненных со стороны офицера всегда носит справедливый и сдержанный характер, без излишней строгости и мелочных придирок. Все это способствует созданию в коллективе благоприятного морально-психологического климата. Опыт свидетельствует о том, что с уходом из подразделения такого руководителя часто бывает чрезвычайно сложно найти ему в короткие сроки равноценную замену.

Для значительной части офицеров структурных подразделений МЧС, обладающих глубокими профессиональными знаниями и необходимым практическим опытом, позитивно ориентированными духовно-нравственными качествами, данный стиль управления является наиболее востребованным. Такие офицеры всегда объективно оценивают свои интеллектуальные способности и организаторские возможности, достигнутые успехи и недостатки, проявляют высокую требовательность к себе и к подчиненным, умеют ставить подчиненным реально выполнимые задачи, всячески поддерживают и поощряют их старания, инициативу и творчество, все начатое доводят до конца. В силу того, что предъявляемые со стороны руководителя требования всегда являются разумными и справедливыми, подразделение добивается стабильно высоких результатов в учебе и службе. В этой связи особую актуальность сегодня

приобретает положение о том, что «развивать, воспитывать и образовывать других может только тот, кто сам является развитым, воспитанным и образованным» [7, с. 74].

Офицера, выбирающего демократический стиль управления, всегда отличает умение приносить с собой в воинский коллектив новые методики и подходы, обобщать и распространять передовой опыт, анализировать наиболее конструктивные идеи, исходящие от подчиненных, а также самому выступать инициатором креативных идей и новаторских решений. Данный тип руководителя, как правило, оказывается «открытым» в деле изучения, освоения и реализации нового знания и опыта при проведении сложных спасательных операций. С возможными негативными последствиями для себя он готов активно отстаивать принятое им управленческое решение перед своим непосредственным руководством. Совершенное владение данным стилем управления открывает перед офицером широкий простор для дальнейшего гармоничного профессионального и духовно-нравственного развития и совершенствования.

В рамках данного стиля управления офицер демонстрирует высокий уровень доверия к подчиненным и свою уверенность в их профессиональной компетентности. В своих долгосрочных планах и программах он всегда довольно четко определяет, что будет сделано им лично, а что предстоит доверить подчиненным. Коллективный поиск наиболее успешных решений задач служебного и внеслужебного характера существенно сокращает возможность появления профессиональных ошибок и просчетов. Вместе с тем хотелось бы обратить внимание на то, что процесс консультаций и обсуждений при принятии управленческого решения по сложным вопросам может порой занять много времени, а возможное расхождение точек зрения может существенно сказаться на качестве принимаемого решения. В условиях дефицита времени и неопределенности ситуации при проведении спасательных операций, когда необходимо весьма оперативно и качественно выполнить все поставленные задачи, более предпочтительным является использование авторитарного стиля управления. Для достижения наилучшей результативности

кратковременный переход на данный стиль управления офицеру осуществить всегда значительно легче, чем с авторитарного на демократический.

Демократический стиль управления может претендовать на свою максимальную эффективность только при условии того, что руководитель обладает достаточно развитыми интеллектуальными, организаторскими и коммуникативными способностями, высоким уровнем ответственности, умеет грамотно организовать свой повседневный труд и труд своих подчиненных.

Либеральный стиль управления основывается на доверии руководителя к профессионализму и компетентности подчиненных, стимулировании их активного участия в принятии управленческих решений. Либеральный руководитель, формулируя управленческую задачу как конечный результат деятельности, делегирует своим заместителям и подчиненным ему офицерам право самостоятельной выработки и принятия обоснованного управленческого решения. Для качественного выполнения поставленной задачи им предоставляется значительная свобода для проявления самостоятельности, инициативы и творчества в выборе путей и способов ее решения. Конечно, надевая своих подчиненных значительными полномочиями при разработке и реализации управленческого решения, он изначально должен быть полностью уверен в том, что они успешно справятся с поставленной задачей.

Основная идея данного стиля управления заключается в том, чтобы способствовать раскрытию творческого потенциала подчиненных, их личной ответственности за выполнение поставленной задачи. Проявление разумной инициативы и творчества при выполнении той или иной задачи является прерогативой самих подчиненных. Руководитель, предоставляя подчиненным право самостоятельного выбора средств и способов решения задачи, при этом продолжает оставаться доступным и открытым для оказания незначительной поддержки и помощи в виде совета, рекомендации, предоставления необходимой дополнительной информации.

Данный стиль управления характеризуется минимальным количеством бюрократиче-

ских процедур и строго регламентированных уставных предписаний и правил. Основное внимание руководитель обращает на достижение качественного конечного результата без должного внимания к процессу выполнения поставленной задачи. Такой подход способствует принесению подчиненными в управленческий процесс креативных идей и новаторских решений, существенно повышающих результативность коллективных усилий. Следует отметить, что подчиненные приобретают необходимый опыт самостоятельного принятия обоснованного управленческого решения, что, в конечном счете, ведет к росту их профессиональных компетенций и личной ответственности. По существу, данный стиль управления во многом помогает находить баланс интересов внутри воинского коллектива между дисциплиной и креативностью.

Следует отметить, что отличительной чертой руководителя данного типа управления является «постоянное ожидание указаний сверху, нежелание принимать ответственность за решения и их последствия» [8, с. 92]. Такой руководитель в весьма сложных и затруднительных ситуациях всегда рассчитывает на помощь вышестоящего руководства. Он в значительной степени озабочен своим собственным имиджем, стремится понапрасну не рисковать, не вмешиваться в процесс разрешения внутренних конфликтов в воинском коллективе, до минимума свести возможность ошибок и просчетов в ходе реализации уже принятого решения.

В условиях решения задач повседневной жизни такой стиль управления имеет свою относительно высокую востребованность. В качестве позитивных моментов либерального стиля управления можно отметить, что подчиненные получают широкие возможности для применения своих знаний, навыков и умений, приобретают ценный опыт самостоятельного решения сложных управленческих проблем, учатся нести ответственность за их своевременное выполнение. Наличие доверия со стороны руководителя к подчиненным значительно повышает их мотивацию и чувство ответственности за достижение конечного результата.

Однако в рамках действий, связанных с ликвидацией последствий чрезвычайных ситуаций, либеральный стиль управления не позволяет

с высоким качеством и достаточно оперативно решать стоящие перед подразделением задачи. В экстремальных ситуациях не представляется возможным переложить персональную ответственность за решение социально значимой и ответственной задачи на своих заместителей и воинский коллектив. Необходимо иметь в виду, что за несоблюдение графика выполнения работ структурным подразделением при проведении спасательных операций всегда предельно строго спрашивают с конкретного офицера-руководителя. И тут уже не срабатывает ни «авторитет» занимаемой им должности, ни высокое воинское звание.

В рамках данного стиля управления общение офицера с подчиненными ведется доверительным тоном и в вежливой форме. Либеральный стиль управления как наименее строгий проявляет свою наибольшую востребованность в профессионально зрелом воинском коллективе, члены которого обладают высокой компетентностью, ответственностью, способностью проявлять разумную инициативу и творчество. Данный стиль управления больше подходит тем офицерам-руководителям, которые хорошо ориентируются в реальной ситуации и умеют распознавать уровни зрелости своих подчиненных, передавая (делегируя) им те функциональные обязанности, с которыми они могут успешно справиться.

Вместе с тем отсутствие должного повседневного контроля за выполнением отданных приказов и распоряжений, а также излишняя предоставленная подчиненным свобода и самостоятельность в выборе путей, приемов и способов решения сложных задач могут серьезно отражаться на качестве их выполнения. Своеобразное невмешательство руководителя в управленческий процесс может приводить к росту в воинском коллективе межличностных конфликтов как служебного, так и внеслужебного характера.

Формирование офицером своего собственного стиля управления (авторитарного, демократического и либерального) достаточно сложный процесс, зависящий от целого ряда факторов объективного и субъективного характера: масштаба и сложности решаемых задач; конкретных условий и сроков их выполнения; используемых способов и приемов для дости-

жения позитивного результата; психолого-педагогических особенностей воинского коллектива, уровня образованности и воспитанности подчиненных; социального статуса и престижа управленческой офицерской профессии; возраста офицера; качества полученного им военного и гражданского образования; наличия необходимого опыта и стажа воинской службы; занимаемой должности и др.

Современный офицер структурного подразделения осуществляет руководство подчиненными и воинским коллективом в соответствии с освоенным им стилем управления. Объективный и всесторонний анализ проблемы позволяет авторам сделать ряд важных выводов: во-первых, эффективность стиля управления напрямую зависит от гармоничного единства духовного и практического компонентов, обеспечивающих взаимосвязь целей, средств и результатов профессиональной деятельности офицера; во-вторых, выбор и освоение того или иного стиля управления всегда носит со стороны офицера сознательный и добровольный характер; в-третьих, чем сложнее управленческая деятельность офицера структурного подразделения, тем больше индивидуальных усилий и времени требуется ему для овладения современным стилем управления; в-четвертых, мастерское владение стилем позволяет офицеру добиваться весьма ощутимых успехов в управленческой деятельности; в-пятых, несоответствие стиля управления современным требованиям весьма негативно отражается на результативности военно-профессиональной деятельности офицера.

На наш взгляд, при всех своих преимуществах и недостатках, наиболее эффективным можно считать тот стиль управления, который ориентирует руководителя и подчиненных на успешную совместную деятельность, обеспечивающую достижение высоких результатов, создание в подразделении здоровой духовно-нравственной атмосферы. Владение современным стилем управления, отвечающим самым высоким требованиям и стандартам, должно стать сегодня не только нормой, но и важнейшим ценностным ориентиром каждого офицера структурного подразделения МЧС России.

Список источников

1. Розин В. М., Голубкова Л. Г. Философия управления : учебное пособие для бакалавриата и магистратуры. 2-е изд., испр. и доп. Москва : Юрайт, 2026. 439 с.
2. Чижик П. И., Наумов А. В. Творчество как необходимое условие успешной управленческой деятельности офицера МЧС России // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 4 (36). С. 165–172.
3. Франкл В. Человек в поисках смысла / пер. с англ. и нем. Москва : Прогресс. 1990. 368 с. : ил. (Библиотека зарубежной психологии).
4. Столярова А. Н., Толмачев А. Р., Петросян Д. С., Боташева Л. С. Стили руководства современной организацией // Прикладные экономические исследования. 2024. № 3. С. 68–76. EDN: VTSIXK.
5. Философско-политологические и исторические аспекты военного управления : учебно-методическое пособие. Санкт-Петербург : Военно-медицинская академия имени С. М. Кирова, 2017. 239 с.
6. Милютин П. Управленческая культура личности и факторы развития // Власть. 2007. № 5. С. 90–93. EDN: KTWKMB.
7. Дистервег Ф. А. Избранные педагогические сочинения. Москва : Учпедгиз, 1956. 374 с.
8. Соколов И. В. Современный подход к стилю руководства в деятельности военного руководителя // Вестник науки и образования. 2022. № 1-2 (121). С. 88–92. EDN: QWODNP.

References

1. Rozin V. M., Golubkova L. G. Philosophy of Management: a textbook for undergraduate and graduate programs. 2nd ed., corrected and expanded. Moscow: Yurait; 2026. 439 p. (In Russ.).
2. Chizhik P. I., Naumov A. V. Creativity as a Necessary Condition for Successful Management Activity of an Officer of the Ministry of Emergency Situations of Russia. *E`konomicheskie i social`no-gumanitarny`e issledovaniya = Economic and Social-Humanitarian Studies*. 2022;(4(36)):165–172. (In Russ.).
3. Frankl V. Man in Search of Meaning / translated from English and German. Moscow: Progress; 1990. 368 p.: ill. (Library of Foreign Psychology). (In Russ.).
4. Stolyarova A. N., Tolmachev A. R., Petrosyan D. S., Botasheva L. S. Management Styles in a Modern Organization. *Prikladny`e e`konomicheskie issledovaniya = Applied Economic Research*. 2024;(3):68–76. (In Russ.). EDN: VTSIXK.
5. Philosophical, political, and historical aspects of military management: educational-methodical manual. Saint Petersburg: Kirov Military Medical Academy; 2017. 239 p. (In Russ.).
6. Milyutin P. Managerial culture of the individual and development factors. *Vlast` = Power*. 2007;(5):90–93. (In Russ.). EDN: KTWKMB.
7. Diesterweg F. A. Selected Pedagogical Works. Moscow: Uchpedgiz; 1956. 374 p. (In Russ.).
8. Sokolov I. V. Modern approach to leadership style in the activities of a military leader. *Vestnik nauki i obrazovaniya = Bulletin of Science and Education*. 2022;(1-2(121)):88–92. (In Russ.). EDN: QWODNP.

Информация об авторах

- Е. А. Попова — кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры философии, истории и культурологии;
- М. А. Аракелян — кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой философии, истории и культурологии;
- А. Н. Малинка — кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры философии, истории и культурологии;
- Е. В. Шатина — кандидат философских наук, доцент кафедры философии, истории и культурологии.

Information about the authors

- E. A. Popova — Candidate of Science (Historical), Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy, History, and Cultural Studies;
- M. A. Arakelyan — Candidate of Science (Historical), Associate Professor, Head of the Department of Philosophy, History, and Cultural Studies;
- A. N. Malinka — Candidate of Science (Historical), Associate Professor, Professor in the Department of Philosophy, History, and Cultural Studies;
- E. V. Shatina — Candidate of Science (Philosophical), Associate Professor in the Department of Philosophy, History, and Cultural Studies.

Статья поступила в редакцию 27.03.2026; одобрена после рецензирования 23.04.2026; принята к публикации 22.06.2026.

The article was submitted 27.03.2026; approved after reviewing 23.04.2026; accepted for publication 22.06.2026.

Вестник Башкирского института социальных технологий). 2026. № 2(71). С. 46–52
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2026;2(71):46–52

Научная статья
УДК 328(470.41)
doi: 10.47598/2078-9025-2026-2-71-46-52

ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО ГОРОДСКИХ СООБЩЕСТВ В МЕСТНЫХ ЛЕГИСЛАТУРАХ ТАТАРСТАНА: АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНОГО СОСТАВА

Юсуп Диганшеевич Якубов

Казань, Россия, yusyakov@bk.ru, <https://orcid.org/0009-0005-4766-7042>

Аннотация. В локальном политическом процессе члены представительных органов являются значимым каналом продвижения партикуляристских интересов. Для ведущих акторов местные legislatures выступают каналом для представительства интересов и влияния на формирование политической повестки на локальном уровне. Потребность в артикуляции и агрегировании запросов местного сообщества и легитимации принятых на локальном уровне решений определяет как теоретический, так и практический интерес к проблеме социальной структуры местных legislatures. В центре внимания находятся местные городские собрания Республики Татарстан. В качестве кейсов рассматриваются локальные институты четырех городов, лидеров по численности населения. Целью исследования является определение степени репрезентативности различных социальных групп в местных legislatures городов Республики Татарстан. Сравнительный анализ составов депутатского корпуса местных представительных собраний выявил универсальную модель представительства в исследуемом регионе с доминированием акторов из бизнеса и бюджетной сферы.

Ключевые слова: местное самоуправление, местные legislatures, представительные органы власти, политическое представительство, городские сообщества

Для цитирования: Якубов Ю. Д. Представительство городских сообществ в местных legislatures Татарстана: анализ социального состава // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2026. № 2 (71). С. 46–52. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2026-2-71-46-52>.

Research article

REPRESENTATION OF THE INTERNATIONAL COMMUNITY IN LOCAL LEGISLATIVE BODIES OF TATARSTAN: AN ANALYSIS OF SOCIAL-GROUP COMPOSITION

Yusup D. Yakubov

Kazan, Tatarstan, Russian Federation, yusyakov@bk.ru, <https://orcid.org/0009-0005-4766-7042>

Abstract. In the local political process, members of representative bodies are a significant channel for advancing particular interests. For leading actors, local legislatures serve as a channel for representing interests and influencing the political agenda at the local level. The need to articulate and aggregate local community demands and legitimize local decisions drives both theoretical and practical interest in the social structure of local legislatures. This study focuses on local city assemblies in the Republic of Tatarstan. Local institutions in four cities with the largest populations are examined as case studies. The aim of the study is to determine the degree of representativeness of various social groups in local legislatures in cities of the Republic of Tatarstan. A comparative analysis of the composition of deputies in local representative assemblies revealed a universal model of representation in the region under study, dominated by actors from the business and public sectors.

Keywords: local self-government, local legislatures, representative authorities, political representation, urban communities

For citation: Yakubov Y. D. Representation of the international community in local legislative bodies of Tatarstan: an analysis of social-group composition. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2026;(2(71)):46–52. (In Russ.). <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2026-2-71-46-52>.

Сформировавшийся в обществе запрос на включение различных социальных групп в процесс принятия местных решений и легитимацию политической повестки актуализирует изучение отечественных локальных политических практик. Потребность в расширении механизмов участия населения в принятии решений на местном уровне определяет исследовательский фокус на проблеме представительства интересов гражданского общества. В этом контексте внимания заслуживает соотношение сил различных групп интересов в локальном политическом поле. Анализ этих процессов позволяет выявить степень инклюзивности местного самоуправления, оценить баланс влияния корпоративных, социальных и гражданских акторов.

С этой точки зрения исследование состава местных legislatures имеет как теоретическое, так и прикладное значение, поскольку эти органы выполняют важнейшую представительскую функцию в локальном политическом процессе.

В соответствии с нормативно-правовой базой местного самоуправления (Федеральный закон от 20.03.2025 N 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти»), представительный орган муниципального образования наделен комплексом институциональных полномочий, среди которых стоит выделить нормотворческую функцию (принятие и корректировка устава муниципального образования); бюджетный контроль (утверждение местного бюджета и отчета о его исполнении); фискальное регулирование (установление, изменение и отмена местных налогов и сборов); управление муниципальной собственностью (определение порядка распоряжения и эксплуатации имущественных активов).

Депутаты, выступая в качестве акторов локального политического процесса, обладают инструментами влияния на формирование повестки дня путем инициирования обсужде-

ния, а также механизмами нормотворчества по вопросам местного значения. Кроме того, местные legislatures как институциональные площадки для коммуникации местного сообщества реализуют механизмы артикуляции и агрегации интересов различных социальных групп на уровне муниципалитета. Состав legislatures демонстрирует ключевых игроков местного сообщества и формирует политический ландшафт города.

В научной среде местные legislatures представляются как значимые «каналы продвижения партикулярных интересов» [1, с. 111–112]. Именно местные представительные органы являются публичными площадками репрезентации интересов и запросов различных сегментов городского сообщества. «Расстановка политических сил в городском пространстве может отражаться в раскладе сил в местной legislature» [2, с. 117], по мнению Т. Б. Витковской. Поэтому ключевые сегменты городского сообщества стремятся включиться в процесс принятия решений посредством институционализированной нормотворческой деятельности, а не только опосредованно лоббировать свои интересы.

Исследования состава местных собраний обладают научно-практической значимостью, так как полученные данные позволяют оценить качество представительства интересов локального сообщества и получить ответ на вопрос, отражает ли состав legislatures социально-демографический профиль города. Обзор состава и структуры местных legislatures стоит рассматривать как инструмент анализа локальной политической системы, позволяющий выявить актуальное соотношение политических сил на муниципальном уровне.

Именно вариативность локальных политических процессов и соотношение групп интересов создает условия для проведения компаративистских исследований разнообразия властных практик, сложившихся в городских сообществах.

В данной статье в центре внимания находится кейс Республики Татарстан, характеризующийся наличием муниципальных образований с гетерогенными социально-экономическими (город-миллионник, моногород, малый город), демографическими и политическими профилями внутри единого правового поля. Это позволяет на примере конкретного региона проанализировать формирование и реализацию разнообразных моделей политического представительства в местных legislatures.

Несмотря на устоявшийся в отечественной политической науке тезис о том, что «представительная власть в городах значительно утратила свои возможности влияния» [3, с. 83], местные legislatures и их депутаты находятся в центре внимания следующих исследователей: Т. Б. Витковской [4–5], В. Г. Ледяева [6], А. Е. Чириковой [3]. В последние годы отечественные политологи и социологи пристально изучают проблему представительства городского сообщества в политике локального уровня на примере отдельных регионов России, например Республики Башкортостан [7], Республики Удмуртия [8], Пермского края [9], Свердловской области [10].

Особенности локального политического процесса Республики Татарстан раскрывались в исследованиях преимущественно в контексте институционализации локальных политических структур и механизмов их функционирования [11–13]. Вопрос представительства городских сообществ в данном регионе остается недостаточно проработанным, что определяет актуальность данного исследования.

В качестве объекта исследования рассматриваются местные legislatures городов Татарстана. Предметом исследования является социальный состав депутатского корпуса местных legislatures Республики Татарстан. Целью исследования является определение характера репрезентации различных социальных групп в местных legislatures городов Республики Татарстан.

В качестве кейсов исследования рассматриваются города Татарстана с населением более 100 тыс. чел., для которых характерна сложная социальная стратификация по сравнению с малыми городами или сельскими поселениями. В таких городах сосуществуют раз-

личные сегменты городского сообщества с запросом на участие в локальной политике, что определяет необходимость анализа структуры местных представительных органов. Состав местных legislatures в крупных городах, как правило, отличается многообразием политических и социальных акторов.

В случае Республики Татарстан наше внимание приковано к четырем крупным городам. Наряду со столицей региона, Казанью, в работе рассматриваются случаи промышленных городов с доминированием в экономике города машиностроительной отрасли (Набережные Челны) и нефтеперерабатывающего сектора (Альметьевск и Нижнекамск). Эти города демонстрируют высокую степень индустриализации и зависимость от крупных промышленных предприятий. Все включенные в исследование города обладают сопоставимым уровнем институционального развития и действуют в рамках единой нормативно-правовой базы местного самоуправления Республики Татарстан.

В работе рассматривается состав Казанской городской Думы, Городского Совета Набережных Челнов, Нижнекамского городского Совета и Альметьевского городского Совета. В настоящее время в местные legislatures в Татарстане депутаты избираются по смешанной системе. В Казанской городской Думе заседают 50 депутатов (25 избираются по одномандатным мажоритарным округам и 25 по пропорциональной части на основе партийных списков). Городской совет Набережных Челнов включает 45 депутатов (22 одномандатника и 23 депутата по партийным спискам). В Нижнекамский городской Совет входит 26 депутатов (13 одномандатников и 13 по партийным спискам) и Альметьевский городской совет представлен 30 депутатами (15 одномандатников и 15 по партийным спискам). В центре внимания находятся актуальные на момент написания статьи созывы местных legislatures. Для анализа были взяты данные по действующим пятым созывам городских собраний, которые были избраны в 2025 году.

В работе применен метод сравнительного анализа, который позволил выявить общие закономерности и локальные особенности представительства различных социальных групп. В ходе исследования была осуществлена оцен-

ка доли представителей следующих групп: бизнес, бюджетная сфера, некоммерческие организации (НКО), политические деятели, силовые структуры, депутаты на постоянной основе. Проведенное сравнение позволило описать структуру представительства в местных legislatures четырех городов Татарстана и объяснить причины различий через призму социально-экономических и политических факторов.

Для оценки состава депутатского корпуса местных legislatures городов Татарстана были собраны электоральные и биографические данные, опубликованные на официальных сайтах местных legislatures, официальном портале правовой информации Республики Татарстан, сайте избирательной комиссии Республики Татарстан и официальном сайте города Набережные Челны. База данных включила 151 единицу наблюдений по действующим депутатам. Анализ проводился по сфере профессиональной деятельности с целью выявления доминирующих групп в депутатском корпусе городских собраний.

Проведенный сравнительный анализ указывает на то, что масштаб города и сегментация городского сообщества напрямую отражаются в структуре депутатского корпуса (таблица 1).

В частности, чем крупнее город по численности населения, тем более диверсифицирована структура legislatures. Так, во всех исследуемых кейсах бизнес-сегмент занимает первое место по количеству представителей в депутат-

ском корпусе. Максимальная доля представлена в Набережных Челнах (75,6%), минимальный показатель наблюдается в Казани (46%). Это может свидетельствовать о значительном влиянии экономических интересов на принятие решений на местном уровне. Таким образом, выявлена зависимость модели представительства от экономической специализации города. Промышленные города (Набережные Челны, Нижнекамск, Альметьевск) демонстрируют доминирование одной-двух групп интересов с высокой степенью вовлеченности бизнес-сообщества в местное самоуправление. Среди избранных депутатов из бизнес-сегмента особо выделяются руководители различных структурных подразделений градообразующих предприятий, таких как ПАО «КАМАЗ», ПАО «Татнефть» и ПАО «Нижнекамскнефтехим» (ПАО «СИБУР Холдинг»). Это отражает влияние крупного бизнеса на формирование городской повестки и приоритеты локального развития.

В столице Республики Татарстан представительство более диверсифицировано, в состав Казанской городской Думы вошли представители крупного, среднего и малого бизнеса. Такое положение дел отражает реальную структуру экономической активности города. Особо широко представлены участники строительной отрасли, например, директора компаний-застройщиков («Авторы брокеридж», «Бриз», «Комфорт билдинг», «СМУ-88», «Унистрой», «Экострой»), что демонстрирует значительную роль данного сектора в экономике столицы.

Таблица 1. Депутатские группы в составе местных legislatures городов Республики Татарстан: численность и доля в общем составе представительных органов

Профессиональные группы	Казань	Набережные Челны	Альметьевск	Нижнекамск
Бюджетная сфера	10 (20%)	5 (11%)	9 (30%)	6 (23%)
Бизнес	23 (46%)	34 (75,6%)	14 (46%)	14 (53%)
НКО	7 (14%)	2 (4,4%)	3 (10%)	2 (8%)
Политические деятели	2 (4%)	2 (4,4%)	0	1 (4%)
Силовые структуры	3 (6%)	0	0	0
На постоянной основе	5 (10%)	2 (4,4%)	2 (6,4%)	2 (8%)
Прочие	0	0	1 (3,3%)	1 (4%)
ВСЕГО депутатов	50 (100%)	45 (100%)	30 (100%)	26 (100%)

Во всех включенных в исследование кейсах бюджетный сектор находится на втором месте по количеству представителей. Так, в промышленных городах Альметьевск и Нижнекамск повышенная доля бюджетников служит своего рода способом балансирования влияния крупного бизнеса. Отдельно выделяется кейс Набережных Челнов, в местной легислатуре которого бюджетный сектор составляет всего 11 % депутатов. Такое минимальное включение бюджетников в локальный политический процесс в данном кейсе указывает на усиление позиции бизнес-сегмента в формировании политической повестки города.

Стоит отметить, что бюджетный сектор в местных легислатурах неоднороден и включает в себя представителей сферы медицины (главы больниц, диагностических центров), образования (администрация образовательных учреждений: университетов, колледжей, школ), а также работников учреждений культуры. Отдельно выделяются главы муниципальных унитарных предприятий и муниципальных автономных предприятий, чья задача — обеспечивать предоставление населению общественно значимых услуг (водоснабжение, транспорт, уборка территорий и т. д.) и управлять муниципальным имуществом в интересах местного сообщества.

Для всех четырех исследуемых кейсов характерна ограниченная роль гражданского общества. Во всех городах доля НКО не превышает 15 %, что указывает на недостаточную включенность гражданского общества в формирование местной политики. Наибольшая представленность НКО зафиксирована в Казани (14 %), наименьший уровень в Набережных Челнах (4 %). Рассмотрим подробнее участие представителей НКО в работе Казанской городской Думы. Статус региональной столицы обуславливает сосредоточение основных ресурсов и организационных возможностей для структур гражданского общества. Например, среди депутатов из сегмента НКО в работу Думы включены учредитель благотворительной организации гармоничного развития детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) «Все для детей», директор центра социальной адаптации и реабилитации для инвалидов «Центр поддержки инвалидов», директор

организаций по оказанию помощи ветеранам боевых действий и членам их семей «За победу! Казань», директор организации по содействию развитию благотворительности «Добрая Казань». Вхождение представителей этих структур в состав местной легислатуры — индикатор наличия устойчивых каналов взаимодействия между НКО и органами власти. НКО, включаясь в структуру местной легислатуры, демонстрирует возможность агрегирования и артикуляции интересов различных социальных групп (дети с ОВЗ, ветераны, нуждающиеся в реабилитации и т. д.).

В отличие от столичного города НКО в малых и средних городах чаще испытывают дефицит финансирования, кадров и административной поддержки, что снижает их способность участвовать в политической жизни локального сообщества. Так, в промышленных городах Татарстана НКО преимущественно представлены благотворительными организациями, сотрудничающими с крупными компаниями (например, благотворительный фонд «Татнефть» в Альметьевске, профсоюз Нижнекамскнефтехим «Сибур-Профсоюз», а также организации, оказывающие поддержку ветеранам).

Локальный политический ландшафт представлен в местных легислатурах профессиональными политическими деятелями в лице секретарей местных отделений партий (Единая Россия, Коммунисты России и КПРФ) и помощника депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. Преобладание в данной группе институционализированных акторов говорит о том, что ключевую роль на местном уровне играют не независимые активисты, а представители партийных структур, интегрированные в вертикаль власти.

Приведенные в статье данные по составам местных представительных органов указывают на то, что в Республике Татарстан сегодня в депутатском корпусе представлены преимущественно интересы бизнес-сообщества в лице крупного бизнеса и градообразующих предприятий, а также акторов из бюджетного сегмента и НКО. В первую очередь именно масштаб города и диверсификация отраслей экономики региона накладывают отпечаток

на состав депутатского корпуса на местном уровне. Несмотря на различие в абсолютных цифрах, доли различных сегментов городского сообщества среди местных депутатов схожи.

Представленные показатели говорят о формировании универсальной модели представительства городского сообщества в местных легислатурах региона.

Список источников

1. Панов П. В., Петрова Р. И. Представительные органы МСУ как канал лоббирования интересов регио_на: новая система рекрутирования глав МСУ // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2017. № 2. С. 111–122.
2. Витковская Т. Б. Легислатуры в малых городах Пермского края: состав и уровень компетенций // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2015. № 3 (31). С. 116–126. EDN: UIHXDX.
3. Чирикова А. Е. Взаимодействие местных органов власти в малых российских городах: давление, манипулирование, торг? // Вестник Института социологии. 2014. № 2 (9). С. 81–100.
4. Витковская Т. Б., Рябова О. А. Лоббистский потенциал и социальный профиль локальных легислатур (на примере Пермского края) // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2016. № 3. С. 180–189.
5. Витковская Т. Б. Депутаты представительных органов местного самоуправления в пространстве неформальных практик // Власть и элиты. 2023. Том 10, № 2. С. 102–120. DOI: 10/31119/pe.2023.10.2.5. EDN: ANWKAS.
6. Ледяев В. Г. Социология власти. Теория и опыт эмпирического исследования власти в городских сообществах. Москва : Издательский дом Высшей школы экономики, 2012. 472 с. (Политическая теория).
7. Шкель С. Н. Почему депутаты не бунтуют: политический потенциал ассамблей в малых городах Республики Башкортостан // *Ars Administrandi*. 2018. № 10 (4). С. 667–686. DOI: 10.17072/2218-4-667-686.
8. Семенов А. В., Шевцова И. К. Кто правит на местном уровне: сравнительный анализ корпуса глав муниципалитетов Пермского края и Республики Удмуртия // Региональная политика. 2016. № 10. С. 259–271.
9. Подвинцев О. Б., Рябова О. А. Тенденции трансформации лоббистских структур в органах местного самоуправления малых российских городов (на примере Пермского края) // Вестник Пермского университета. Политология. 2018. № 3. С. 138–147.
10. Панов П. В. Городские думы малых и средних городов Свердловской области: потенциал автономии в отношениях с главой города // Вестник Пермского федерального исследовательского центра. 2019. № 3. С. 95–107. DOI: 10.7242/2658-705X/2019.3.10.
11. Сагдиева Э. А. Особенности территориальной организации местного самоуправления в Республике Татарстан // Южно-российский журнал социальных наук. 2025. Том 26, № 1. С. 6–21.
12. Морозова Г. В., Фатыхова Д. Р., Зиятдинова Э. М. Модели коммуникации органов местного самоуправления как субъекта современной российской политики (на примере органов местного самоуправления Республики Татарстан) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Том 26, № 2. С. 246–254. DOI: 10.15688/jvolsu4.2021.2.9.
13. Шамсутдинова Д. В. Тенденции дальнейшего развития местного самоуправления на примере Республики Татарстан // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2022. Том 7, № 2 (14). С. 117–121.

References

1. Panov P. V. Petrova R. I. Local legislatures as a chanel of lobbying interests of the region: a new system of mayors' recruitment. *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya = Bulletin of Perm University. Political Science*. 2019;(2):111–122. (In Russ.).
2. Vitkovskaya T. B. Legislatures in small towns of the perm region: composition and competence level. *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya = Bulletin of Perm University. Political Science*. 2015;(3 (31)):116–126. (In Russ.). EDN: UIHXDX.
3. Chirikova A. E. Interaction of Local Authorities in Small Russian Cities: Pressure, Manipulation, Bargaining? *Vestnik instituta sotziologii = Bulletin of the Institute of Sociology*. 2014; (2 (9)): 81–100. (In Russ.).
4. Vitkovskaya T. B., Ryabova O. A. Lobbying potential and social profile of local legislatures (a case study of the Perm region). *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya = Bulletin of Perm University. Political Science*. 2016;(3):180–189. (In Russ.).
5. Vitkovskaya T. B. Deputies of representative bodies of local government in the field of informal practices. *Vlast' i elity = Power and Elites*. 2023;10 (2):102–120. (In Russ.). DOI: 10/31119/pe.2023.10.2.5. EDN: ANWKAS.

6. Ledyayev V. G. Sociology of power. Theory and experience of empirical research of power in medium-sized communities. Moscow : Publishing House of the Higher School of Economics; 2012: 472 p. (Political Theory). (In Russ.).

7. Shkel S. N. Why deputies don't rebel: political potential of Assemblies in small towns of the Republic of Bashkortostan. *Ars Administrandi*. 2018;(10(4)):667–686. (In Russ.). DOI: 10.17072/2218-4-667-686.

8. Semenov A. V., Shevtsova I. K. Who rules at the local level: a comparative analysis of the corps of heads of municipalities of the Perm Territory and the Udmurt Republic. *Regional'naya politika = Regional Policy*. 2016;(10):259–271. (In Russ.).

9. Podvintsev O. B., Ryabova O. A. Trends in the transformation of lobbying structures in local governments of small Russian cities (on the example of the Perm Territory). *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya = Bulletin of Perm University. Political Science*. 2018;(3):138–147. (In Russ.).

10. Panov P. V. City councils of small and medium cities in Sverdlovskaya oblast: potential of autonomy in relations with the city head. *Vestnik Permskogo federal'nogo issledovatel'skogo centra = Perm Federal Research Centre Journal*. 2019;(3):95–107. (In Russ.). DOI: 10.7242/2658-705X/2019.3.10.

11. Sagdieva E. A. Features of the Territorial Organization of Local Self-Government in The Republic of Tatarstan. *Yuzhno-rossijskij zhurnal social'nyh nauk = South-Russian Journal of Social Sciences*. 2025; 26(1):6–21. (In Russ.).

12. Morozova G. V., Fatikhova D. R., Ziatdinova E. M. Communication models of local self-government as a subject of modern Russian policy (based on local self-government bodies of the Republic of Tatarstan). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya = Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations*. 2021;26(2): 246–254. (In Russ.). DOI: 10.15688/jvolsu4.2021.2.9.

13. Shamsutdinova D. V. Self-Government processes on the example of the Republic of Tatarstan: tendencies of its further development. *Uchenye zapiski Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Scientific Notes of the Kazan Law Institute of MIA of Russia*. 2022;7(2(14)): 117–121. (In Russ.).

Информация об авторе

Ю. Д. Якубов — доктор политических наук, независимый исследователь.

Information about the author

Y. D. Yakubov — Doctor of Science (Political), independent researcher.

Статья поступила в редакцию 18.05.2026; одобрена после рецензирования 15.06.2026; принята к публикации 22.06.2026.

The article was submitted 18.05.2026; approved after reviewing 15.06.2026; accepted for publication 22.06.2026.

Научная статья
УДК 338.2
doi: 10.47598/2078-9025-2026-2-71-53-63

СУЩНОСТНАЯ ПРИРОДА И КЛЮЧЕВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ТЕОРИИ ВРЕДА В АНТИМОНОПОЛЬНОМ РЕГУЛИРОВАНИИ

Елена Валентиновна Алексеева¹, Станислав Григорьевич Биденко²,
Александр Иванович Коваленко³, Анна Юрьевна Погорелова⁴✉

^{1,2,3,4}Университет «Синергия», Москва, Россия

¹eturchaninova@synergy.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4505-3638>

²modern-rivalry@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0006-3663-8657>

³alkovalenko@synergy.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3131-6107>

⁴apogorelova@synergy.ru✉, <https://orcid.org/0000-0001-8364-8395>

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена усложнением механизмов рыночной конкуренции и трансформацией антимонопольного регулирования в условиях цифровой экономики. Современные вызовы цифровой экономики, изменение моделей поведения участников рынка и усложнение форм монополизации требуют уточнения методологических основ квалификации антиконкурентных действий. Современное правоприменение антимонопольного законодательства требует более точной и структурированной методологии оценки антиконкурентного поведения. Возникает необходимость уточнения теоретико-методологической природы теории вреда в антимонопольном регулировании. Цель настоящей работы — системная концептуализация теории вреда в антимонопольном регулировании. Исследование опирается на междисциплинарный подход, сочетающий правовой анализ, экономическую теорию и компаративные методы. Методология включает формально-логический анализ и системный анализ. Выявлены и раскрыты ключевые характеристики теории вреда в антимонопольном регулировании: двойственный экономико-правовой характер, прецедентный и общеуниверсальный аспекты, множественность типов и форм вреда, методологическая гибкость, сложная структура — состав компонентов обусловлен задачами регулирования, типом поведения, институциональным статусом производителя теории вреда в антимонопольном регулировании, экономической и отраслевой спецификой. Установлено, что теория вреда представляет собой методологический, концептуально-прикладной механизм, выполняющий роль связующего звена между правовой нормой и фактической ситуацией. Она сочетает в себе правовую определенность и экономическую проверяемость (верификацию). Концепт «вреда» в антимонопольном регулировании приобретает разные формы в приложении к множеству предметов, разделяясь на отдельные типы, включая как фактический, так и потенциальный вред гипотетического характера. Выводы исследования позволяют рассматривать теорию вреда не только как аналитический инструмент доказательства, но и как нормативный ориентир для разработки правовых стандартов антимонопольной политики.

Ключевые слова: антимонопольное регулирование экономики, теория вреда, конкурентное поведение, экономический анализ, прецедентное регулирование, общественное благосостояние, рыночная власть

Для цитирования: Алексеева Е. В., Биденко С. Г., Коваленко А. И., Погорелова А. Ю. Сущностная природа и ключевые характеристики теории вреда в антимонопольном регулировании // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2026. № 2 (71). С. 53–63. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2026-2-71-53-63>.

Research article

ESSENTIALS AND PROPERTIES OF THE THEORY OF HARM IN ANTIMONOPOLY REGULATION

Elena V. Alekseeva¹, Stanislav G. Bidenko², Alexander I. Kovalenko³, Anna Yu. Pogorelova⁴✉

^{1,2,3,4}Synergy University, Moscow, Russia

¹eturchaninova@synergy.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4505-3638>

²modern-rivalry@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0006-3663-8657>

³alkovalenko@synergy.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3131-6107>

⁴apogorelova@synergy.ru✉, <https://orcid.org/0000-0001-8364-8395>

Abstract. The relevance of the study is due to the complication of market competition mechanisms and the transformation of antimonopoly regulation in a digital economy. Modern challenges of the digital economy, the change in the behavior of market participants and the complication of forms of monopolization require the clarification of the methodological foundations of the qualification of anti-competitive actions. Modern law enforcement of antimonopoly legislation requires a more accurate and structured methodology for assessing anti-competitive behavior. There is a need to clarify the theoretical and methodological nature of the theory of harm in antimonopoly regulation. The purpose of this work is the systemic conceptualization of the theory of harm in antimonopoly regulation. The study is based on an interdisciplinary approach that combines legal analysis, economic theory and comparative methods. The methodology includes formal-logical analysis and system analysis. The key characteristics of the theory of harm in the antimonopoly regulation were revealed and disclosed: dual economic and legal nature, precedent and general universal aspects, the multiplicity of types and forms of harm, methodological flexibility, complex structure — the composition of the components is determined by the tasks of regulation, the type of behavior, the institutional status of the producer of harm theory in antimonopoly regulation, economic and industry specifics. It has been established that the theory of harm is a methodological, conceptual-applied mechanism that acts as a link between the legal norm and the actual situation. It combines legal certainty and economic verifiability. The concept of "harm" in antimonopoly regulation covers many objects and types, and includes both actual and potential harm of a hypothetical nature. The conclusions of the study allow us to consider the theory of harm not only as an analytical tool of evidence, but also as a normative landmark for the development of legal standards of antimonopoly policy.

Keywords: antimonopoly regulation of the economy, harm theory, competitive behavior, economic analysis, precedent regulation, public welfare, market power

For citation: Alekseeva E. V., Bidenko S. G., Kovalenko A. I., Pogorelova A. Yu. Essentials and properties of the theory of harm in antimonopoly regulation. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social'nykh tekhnologij)* = *Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2026;(2(71)):53–63. (In Russ.). <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2026-2-71-53-63>.

Введение

В условиях институциональной трансформации рыночной экономики и усиления цифровизации возрастает значимость эффективного антимонопольного регулирования. Антимонопольное регулирование в XXI веке сталкивается с необходимостью не только выявления и пресечения антиконкурентного поведения, но и методологической обеспеченности принимаемых регуляторами решений [1]. Проблематика вреда, причиняемого конкуренции и общественному благосостоянию, выходит на первый план в правоприменительной практике антимонопольных ведомств, и требует строгой правовой и экономической аргументации.

Одним из центральных понятий современного антимонопольного регулирования выступает теория вреда (англ. *theory of harm*) — концептуальная конструкция, объясняющая причинно-следственную связь между поведением экономического субъекта и негативными последствиями для рыночной конкуренции. Сегодня в дискуссиях о проблематике антимонопольного регулирования понятие «теория вре-

да» является одной из самых популярных и часто используемых категорий. Как будет показано ниже, мода на использование термина «теория вреда» возникла внезапно и неожиданно примерно в середине 2000-х годов.

Практика использования концепции теории вреда в антимонопольном регулировании сформировалась в рамках прецедентного права, через корпус административных и судебных решений, по отдельным, конкретным случаям, со слабой теоретической осмысленностью. Поэтому практика антимонопольного регулирования уже знает несколько теорий вреда, но при этом теории конкурентного права, отраслевых рынков, государственного регулирования не предлагают хоть сколько-нибудь универсального, обобщенного понимания сущности, роли и структуры теории вреда в антимонопольном регулировании.

Концепция «теории вреда» является самостоятельным предметом исследований в теориях этики (моральной философии), права, и политических взглядах утилитаристов.

При проведении обзора научной литературы для выявления особенностей возникновения и истории развития концепции «теория вреда» в контексте антимонопольного регулирования возникла необходимость четкого различения трех отдельных ситуаций:

1) использование разных терминов и концепций в смысле и значении «теории вреда», но без фактического употребления этого словосочетания;

2) фактическое употребление словосочетания «теория вреда» без подразумевания особого (современного) концептуального значения «теории вреда»;

3) фактическое употребление словосочетания «теория вреда» в современном концептуальном значении этого понятия.

В первой (очень частой) ситуации вместо выразительного словосочетания «теория вреда» используются другие словосочетания: теория ущерба конкуренции, урон конкуренции, механизм вреда, гипотеза вреда, антиконкурентные эффекты, правило разумности. Например, после решения Верховного суда США по делу *Brunswick Corp.* против *Pueblo Bowl-O-Mat, Inc.*, использующего понятие «антимонопольного ущерба», В. Пейдж в 1979 году описал тео-

рию применения доктрины антимонопольного ущерба [2].

Далее было выявлено различие между «теорией вреда» как спонтанно составленным сочетанием слов, использованным для выразительности, и «теорией вреда» как ключевой концепции, выраженной в устоявшемся термине. В одном случае, «теория вреда» применяется в тексте почти случайно и разово (1–2 раза), в ином сочетании (теория конкурентного вреда, теория вреда конкуренции), в ряду общих синонимов: теория ущерба, принцип вреда, гипотеза вреда, антиконкурентный эффект. Во втором случае, «теория вреда» используется в тексте как ключевое понятие — постоянно и неизменно.

Так, например, одним из самых ранних примеров использования «теории вреда» в контексте антимонопольного регулирования является классическая работа Роберта Борка [3]. Очевидно, для Р. Борка нет разницы между теорией вреда (англ. *harm theory*) [3, с. 381] и теорией ущерба (англ. *damage theory*) [3, с. 246]. Оба термина являются для него не устоявшимися и взаимозаменяемыми в творческом процессе формулирования и письма. Следовательно, устойчивого термина для Р. Борка не существует. Однако формально этот случай является одним из самых ранних буквальных использовании словосочетания «теория вреда» в контексте американского антимонопольного регулирования.

В антимонопольные отношения «теория вреда» пришла без своего собственного оригинального значения и содержания. Этот термин пришел на смену ранее используемых правовых и экономических концепций, и сделал это путем присвоения содержания и объема предшествующих понятий. Поэтому принято говорить о ретроспективном характере развития теории вреда.

В 2003 году в работе С. Волкер говорит о том, как в европейском контроле экономической концентрации оценивается «рычаг давление», используя теорию конкурентного вреда термин используется как устойчивое, ключевое понятие, а не разовое выражение [4]. Это первая известная нам научная работа, в которой наблюдается ситуация третьего типа — современное значение «теории вреда».

В Европейском Союзе «теория вреда» понимается как логическое продолжение и последняя стадия развития «ориентированного на эффекты подхода» к определению антиконкурентного поведения. Так, К. Ян подчеркивает, что концепция конкурентного вреда больше соответствует принципам «основанного на эффектах подхода», который направлен на установление — а не на предположение — фактического или потенциального вреда. Это соответствие основано на предпосылке, что экономические теории являются основой концепции конкурентного вреда [5]. К. Ян называет теорию вреда описывающим вред нарративом и мостом между законом и фактом [5]. Однако, природа теорий вреда остается не раскрытой.

Х. Зенгер и М. Уокер отмечают, что хорошо разработанная теория вреда обладает следующими характеристиками:

- она должна четко описывать, как будет причинен вред конкуренции и, в конечном итоге, потребителям, по сравнению с соответствующим образом определенным контрфактическим сценарием;
- она должна быть внутренне логически непротиворечивой;
- она должна соответствовать стимулам, с которыми сталкиваются различные стороны;
- она должна соответствовать (или, по крайней мере, не противоречить) имеющимся эмпирическим данным [6, с. 1]. Такие нормативные требования не отражают отличительных и сущностных свойств теории вреда.

Анализируя массив научных работ о теории вреда в антимонопольном регулировании, можно сделать вывод, что все они посвящены отдельным формам поведения, кейсам, решениям антимонопольных ведомств и судов, то есть отдельным видам антиконкурентных эффектов, формам вреда и релевантным типам теорий вреда. В настоящее время большинство таких работ посвящены теориям вреда от сделок экономической концентрации (горизонтальных, вертикальных и конгломератных слияний/поглощений) [7], поэтому теории вреда слияний называются «классическими», и считаются наиболее хорошо разработанными. Отдельная группа работ посвящена теориям вреда от одностороннего злоупотребляю-

щего поведения, имеющего исключаящий или эксплуатационный характер [8]. В последние годы появились работы по поводу «новых» теорий вреда: инновационная теория вреда [9], экосистемная теория вреда [10], теория вреда с персональными данными [11] и другие.

Но эти и многие другие научные работы либо обходят стороной вопрос об определении и сущности теории вреда, либо специально используют для определения теории вреда не строгую терминологию, а образные выражения. Поэтому неполная концептуализация самого понятия «теория вреда» является главным исследовательским пробелом. Этот теоретический пробел существует именно потому, что теория вреда имеет прецедентную природу и для каждого конкретного разбирательства ведомственным или судебным решением создается отдельная и особенная теория вреда.

Научная проблема заключается в отсутствии единой концептуализации теории вреда как правового стандарта и экономического инструмента. Ключевой исследовательский вопрос данной работы: Какова природа теории вреда в антимонопольном регулировании?

Несмотря на рост академического интереса и активное использование теорий вреда в зарубежной практике антимонопольного регулирования экономических отношений, до сих пор сохраняются пробелы в части четкого определения природы теории вреда, систематизации ее компонентов и методологических параметров.

Цель исследования — раскрытие сущностной природы теории вреда в антимонопольном регулировании, выявление ее свойств и характеристик. Гипотеза заключается в том, что теория вреда в антимонопольном регулировании представляет собой не экономическую теорию, а правовую методологию, обеспечивающую воспроизводимый и объективный механизм анализа конкурентных нарушений.

Объект исследования — правоприменительная практика антимонопольных и судебных органов, связанная с формированием и обоснованием решений по делам о нарушении антимонопольного законодательства. Предмет исследования — сущностная природа и ключевые характеристики теории вреда в антимонопольном регулировании.

Теория и методы

Настоящее исследование представляет собой теоретический анализ концептуальных основ теории вреда в антимонопольном регулировании, основанный на междисциплинарном подходе, интегрирующем правовые и экономические методы исследования.

Для интерпретации правовых норм и сопоставления их с теорией вреда при-

менялся формально-логический анализ текстов.

Системный подход применялся для описания связей между правовыми нормами, экономическими теориями и практическими кейсами, выявления компонентов теории с интеграцией их в единую системную конструкцию.

Результаты

Момент возникновения

Источниками теоретических и методологических подходов к антимонопольному регулированию являются законодательные акты, подзаконные акты антимонопольных ведомств, судебные решения, а также научные статьи по теории экономики и права. Если пытаться проследить историю развития антимонопольного регулирования, возникает вопрос: как можно установить, в какой именно момент та или иная теория (методика) стала использоваться в антимонопольном регулировании? В этом вопросе расходятся формальный (лого-правовой) и академический (теоретико-методологический) подходы.

Любая антимонопольная теория (методика), как правило, сначала получает формализованное выражение: она впервые упоминается в конкретном источнике права (например, для США — в судебном решении, для Европы — в законе или подзаконном акте). Однако формализованное закрепление теоретико-методологической концепции еще не означает начала ее применения в антимонопольном регулировании, поскольку на этом этапе она не применяется повсеместно и не является конвенциональным, общепринятым инструментом. С точки зрения формального подхода, речь идет об исторически первом источнике и конкретном «первом» моменте возникновения. Вместе с тем первоначально сформированная концепция может представлять собой лишь «голую» идею — единичную мысль, трактуемую по-разному различными органами, ведомствами и учеными, не имеющую еще единого смыслового содержания и универсальной структуры.

Понятие теории вреда

в антимонопольном регулировании

Теория (причинения) вреда в антимонопольном регулировании — это создаваемое в каждом отдельном антимонопольном деле концептуальное понимание и обоснование того, каким образом рассматриваемое поведение фирмы снижает конкуренцию и наносит вред общественному благосостоянию. Теория вреда используется для описания, объяснения и доказательства вредоносности (антиконкурентности) рассматриваемого поведения. В любом антимонопольном деле теория вреда предполагает конкретную модель причинения вреда или их комбинацию, что является центральным элементом антимонопольного дела.

Теория вреда, опираясь на правовые нормы и экономические теории, подразумевает определенный подход к анализу и сбору доказательств, изучению конкретных обстоятельств и фактов, и предлагает последовательный нарратив, логично связывающий поведение с общественным вредом.

В настоящее время без убедительной теории вреда антимонопольный орган не сможет провести адекватное, правомерное расследование, и вынести обоснованное решение. Теория вреда позволяет определить не только вредность и противоправность спорного поведения субъекта, но и необходимость / необязательность императивного вмешательства, и стандарт доказательства, а также адекватную (проконкурентную) меру принуждения.

Типы вреда

Сам термин «теория вреда» подразумевает, что одни или несколько субъектов могут своим поведением вредить конкуренции на конкрет-

ном товарном рынке. Уже на этапе определения объекта вреда возникают альтернативные версии.

Так распространена идея, что интенсивная рыночная конкуренция — это не самоцель, а лишь средство обеспечения общественного благосостояния. Следовательно, запрещенным признается поведение, которым вред причиняется не конкуренции, а общественному экономическому благосостоянию (понимаемому как сумма выгод/полезностей/излишков всех субъектов общественно-экономической системы, в частности излишков потребителей и излишков производителей. При этом общественное благосостояние и конкуренция — не тождественные категории, и в отдельных ситуациях, когда они противостоят друг другу, приоритет отдается благосостоянию, а не конкуренции.

Смежной версией является идея о запрете поведения, которое вредит не конкуренции, а экономической эффективности. Вернее, будет так: снижение / ограничение / смягчение конкуренции приводит к росту рыночной власти фирмы, что изменяет его экономические, хозяйственные, отраслевые стимулы и само его поведение. Избавившись от конкурентного напряжения, фирма перестает фокусироваться на эффективности и продуктивности. Вред общественному благосостоянию причиняется поведением доминатора / монополиста, порождающим неэффективность в распределении ресурсов, управлении затратами и инновационном процессе. Так различают неэффективность аллокативную, производственную и динамическую.

Вред может быть причинен конкуренту, контрагенту, потребителю, их группам, всем членам общества. Вред может заключаться в ограничении свободы действий, создании конкурентных недостатков, то есть условий, ставящих отдельных участников рынка в невыгодное положение.

Конкурентные отношения рыночного или отраслевого соперничества часто характеризуются взаимным влиянием (и адресностью) действий конкурентов друг на друга. Успешное конкурентное поведение одного субъекта, увеличивающее его долю продаж на (стагнирующем) рынке, автоматически означает

относительное уменьшение доли конкурента. Возникает конкурентная игра с нулевой суммой — каждый новый покупатель является клиентом, ушедшим от конкурента. Сама принципиальная противоположность экономических интересов конкурентов, вытекающая из взаимозаменяемости конкурентных товаров, является источником взаимосвязи выигрышей одних субъектов с проигрышами других субъектов.

Таким образом, даже добросовестное и успешное ведение бизнеса одним субъектом приводит к неблагоприятным последствиям (упущенной выгоде) для его конкурентов. Однако такое причинение вреда нельзя признать противоправным, незаконным, снижающим конкуренцию и уменьшающим общественное благосостояние. В той мере, в которой конкурентные ресурсы лидера мобильны, а конкурентные преимущества лидера могут быть перехвачены, успешные добропорядочные предпринимательские практики, приводящие к отраслевому и рыночному лидерству, впоследствии могут быть скопированы конкурентами. Это приводит к общему отраслевому развитию и рыночному росту — повышению разнообразия, качества и объема предложения. Примером может служить отраслевая «диффузия» инноваций — беспрепятственное распространение и принятие инноваций (маркетинговых, продуктовых) отраслевыми конкурентами.

Открытым остается вопрос о том, что является большей причиной бедственного положения аутсайера на рынке: успешность конкурентов или собственная неэффективность управления. Однако нельзя отрицать того факта, что конкурентные действия бизнеса воздействуют на конкурентов, даже если они адресованы поставщикам или покупателям.

Эта конкурентная специфика предпринимательских отношений обостряет проблематику выявления причинения поведением фирмы относительного вреда субъектам конкурентного окружения.

Чтобы отличать добросовестное доминирование от злонамеренного, важно оценить вред процессу конкуренции, выражающийся в снижении конкурентного давления, структурных изменениях рынка. Когда с рынка уходит

неэффективный конкурент (аутсайдер), конкуренция между остальными субъектами не снижается. Наоборот, в таком случае принято говорить об очищении рынка и снижении производственной и динамической неэффективности. Поэтому для выявления антиконкурентного вреда фокусируют внимание на свободе действий и конкурентном состоянии эффективных участников рынка.

В отличие от форм недобросовестной конкуренции (например, дискредитации конкурента) и иного деликта причинения вреда (например, порчи имущества), где действия одного субъекта адресно причиняют вред другому субъекту, монополистическая деятельность — это поведение субъекта, которое снижает конкуренцию на рынке, что приводит к снижению общественного благосостояния (часто понимаемого как благосостояние потребителя). При этом снижение конкуренции может произойти как вторичный (косвенный) эффект, то есть не как прямой результат, а как опосредованное последствие от прямого результата. Строго говоря, недобросовестная конкуренция, осуществленная доминирующим субъектом или коллективно, тоже может приводить к искажению рыночного механизма и ограничению конкуренции, хотя целеполагание у недобросовестной конкуренции заключается в снижении интенсивности конкуренции для себя, а не на всем рынке.

Любой актив, обеспечивающий конкурентное преимущество, может использоваться фирмой-злоумышленником как «рычаг» для монополизации отдельного рынка. Более того, свое доминирующее положение на одном рынке субъект может использовать как «рычаг» для монополизации предстоящего и последующего рынков.

Для того, чтобы прочертить причинно-следственную связь между поведением субъекта через изменение конкуренции на рынке к снижению общественного благосостояния антимонопольные ведомства и суды конструируют конкретную теорию вреда.

Прецедентный аспект

Важно отличать теорию вреда (в антимонопольном регулировании) от правовой и экономической теорий, и понимать, что сама концепция «теории вреда в антимонопольном ре-

гулировании» относится не к раннему теоретическому, а к позднему методологическому аппарату антимонопольного регулирования, и имеет строго прецедентную природу. Антимонопольные ведомства и суды, осуществляя антимонопольное регулирование, не просто применяют ту или иную экономическую или юридическую теорию в антимонопольном деле. Они, используя разные «компоненты», конструируют (производят) конкретную теорию вреда именно для отдельного частного случая спорного поведения.

Другими словами, теория вреда всегда касается конкретного антимонопольного кейса, в рамках которого суд или антимонопольное ведомство (или частный истец) ее создали (произвели). Так, ведомство или суд производят отдельную теорию вреда для конкретного кейса поведения, используя экономическую и правовую теории, указывающие на признаки и эффекты, искомые при сборе и обработке информации.

Несмотря на прецедентный характер теории вреда, одна и та же модель теории вреда может быть использована в разных кейсах. Более того прецедентное право подлежит анализу, в рамках которого возможно провести обобщение теорий вреда. Так, появляются история развития теории вреда, ее структура, совокупность требований к теории вреда, группировка и типология всех теорий вреда.

Теории вреда производятся и антимонопольными ведомствами, и судами, и законодательными органами, и учеными в доктринах, и даже частными лицами в гражданском судопроизводстве возмещения вреда. Поэтому теории вреда в антимонопольном регулировании могут содержаться в форме международных договоров и протоколов, законов, приказов, регламентов, директив, решений, руководств, рекомендаций, отчетов, статей, мнений, уведомлений, речей, и других формах.

Теории вреда производятся и в превентивном контроле экономической концентрации (рассмотрении планируемых сделок концентрации и их прогнозируемых последствий), и в делах о недобросовестной конкуренции, и в делах о монополизации рынков.

Между правом и экономикой

С точки зрения методологии правового обеспечения и правоприменения, теорию вреда также можно понимать как правовой стандарт антимонопольного регулирования. При этом современное развитие антимонопольного регулирования предполагает использование экономической теории и методологии экономического анализа как базиса теории вреда.

Экономика используется для установления фактов из различных обстоятельств дела, или их предположения. Чтобы установить соответствующие факты, необходимо собрать и обработать информацию. Процесс сбора и анализа доказательственной информации может быть дорогостоящим, а результат — не полным, ограниченным. Поэтому регулятор в определенный момент может отказаться от дальнейшего сбора информации и начать устанавливать факты на основании анализа уже имеющейся информации, а также использовать презумпцию (предположение) факта.

Принципы и нормы конкурентного права квалифицируют антиконкурентное поведение в определенные типы запрещенных практик и используются для оценки, учета, интерпретации установленных фактов, определения того, какое правовое значение имеет каждый установленный факт, какие правовые категории следует применять в деле.

Поэтому сегодня теория вреда в антимонопольном регулировании имеет двойственную природу: правовой стандарт и экономическая теория.

В контексте двойственности рассматривают требования к теории вреда или характеристики надлежащей теории вреда.

С точки зрения экономики, теория вреда должна опираться на эмпирику, учитывать экономический контекст спорного поведения, то есть теория вреда в антимонопольном регулировании должна:

- в своем основании использовать экономическую теорию (или несколько теорий);
- четко формулировать, как причиняется вред конкуренции и, в конечном счете, потребителям относительно надлежащим образом

определенного контрфактуального состояния;

- быть внутренне логически последовательной;
- соответствовать стимулам, с которыми сталкиваются различные стороны;
- соответствовать (или, по крайней мере, не противоречить) имеющимся эмпирическим данным;
- указывать на конкретные экономические эффекты, которые следует искать в объективной действительности.

Здесь у юристов могут возникнуть очевидные проблемы с простотой применения, предсказуемостью результатов, правовой определенностью. Теория вреда предоставляет методологическую основу для анализа, без фиксированного шаблона, так что она не диктует результат анализа, во многом зависящий от обстоятельств конкретного дела.

Конструируемая в антимонопольном разбирательстве теория вреда зависит от спорного поведения, относимого к определенному типу антиконкурентной практики и имеющихся в отношении этого поведения данных, формирующих фактический сценарий причинения вреда (тип вреда, механизм причинения вреда). Определенный тип антиконкурентной практики может воплощать один или несколько механизмов причинения одного или нескольких типов конкурентного вреда. Даже если две отдельные антиконкурентные практики причиняют один тип вреда, они причиняют его разными механизмами.

Теория вреда, специфичная для конкретного случая поведения, может меняться по мере развития экономических представлений и смещения аналитического фокуса или перспективы, так как экономическое мышление является неотъемлемым компонентом теории вреда. Здесь императив согласованности и определенности теории вреда понимается в смысле ее верифицируемости, воспроизводимости. В этом смысле теория вреда (по крайней мере, та ее часть, которая касается связи поведения и вреда) должна давать всем заинтересованным сторонам возможность многократно и объективно ее подтвердить.

Обсуждение

Концептуализация теории вреда в антимонопольном регулировании выразилась в том, что теория вреда в антимонопольном регулировании представляет собой методологию применения в антимонопольном разрешении конкретного спорного случая объяснительной теории с концептуальным пониманием и обоснованием того, каким образом рассматриваемое поведение фирмы снижает конкуренцию и наносит вред общественному благосостоянию, то есть логически связывающей действия субъекта с негативными последствиями для конкуренции и общественного блага. Выявлено, что концепция теории вреда в антимонопольном регулировании относится к позднему методологическому аппарату антимонопольного регулирования и отличается от общих правовых и экономических теорий своей специфичностью и практической направленностью.

Полученные результаты подтверждают гипотезу о правовой и методологической природе теории вреда в антимонопольном регулировании и раскрывают центральную роль теории вреда как методологического аналитического инструмента современного антимонопольного регулирования. В отличие от формальной квалификации поведения по правовым признакам теория вреда в антимонопольном регулировании позволяет оценить сущностные последствия для рыночной структуры и общественного благосостояния.

Анализ исторического развития концепции теории вреда в антимонопольном регулировании выявил два методологических подхода к определению момента ее возникновения. Формальный подход определяет момент возникновения теории вреда в антимонопольном регулировании как момент первого упоминания в источнике права (судебном решении или нормативном акте) «вреда» в контексте конкуренции и экономической власти. В то время как академический подход связывает возникновение теории вреда в антимонопольном регулировании с фазой ее зрелости, когда концепция приобретает собственное особое конвенциональное смысловое содержание, структурное наполнение и институциональное закрепление.

Проведенное исследование позволило выделить следующие важные характеристики теории вреда в антимонопольном регулировании: двойственный экономико-правовой характер; прецедентный и общеуниверсальный аспекты; множественность типов и форм вреда; методологическая гибкость; сложная структура — состав компонентов обусловлен задачами регулирования, типом поведения, институциональным статусом производителя теории вреда в антимонопольном регулировании, экономической и отраслевой спецификой.

Теория вреда в антимонопольном регулировании обладает одновременно прецедентной спецификой и общей универсальностью. При этом обобщающие обзоры правоприменительной практики, законы и подзаконные акты (например, руководства) являются источниками обязанностей органов власти по применению в конкретных кейсах тех или иных компонентов теории вреда в антимонопольном регулировании. Как показывает анализ, одна и та же теория вреда может применяться в различных кейсах, но всегда адаптируется к конкретным обстоятельствам.

Теории вреда в антимонопольном регулировании обосновывают разные типы и формы вреда. Вред может быть прямым или косвенным, фактическим или потенциальным (гипотетическим), что особенно важно в делах *ex ante* контроля (например, слияний и поглощений). Вред может причиняться отдельным субъектам (потребителям, конкурентам, партнерам), группе экономических субъектов и обществу в целом. Объектом вреда может выступать не только конкуренция и благосостояние потребителей, но и иные аспекты общественного благосостояния (снижение предпринимательской, инновационной и инвестиционной активности, снижение приватности с злоупотреблением возможностью собирать и использовать персональные данные, ограничение свободы слова, экологические нарушения, социальные и политические злоупотребления концентрацией власти).

Выявленная прецедентная природа теории вреда согласуется с наблюдениями исследователей о казуистическом характере антимоно-

польного права и необходимости индивидуального подхода к анализу каждого случая антиконкурентного поведения. Теория вреда в антимонопольном регулировании формируется в рамках конкретного кейса и адаптируется к различным юрисдикциям. Универсальность теории вреда в антимонопольном регулировании как аналитической категории подтверждает демонстрируемая юрисдикциями разных правовых школ опора на схожие логико-правовые конструкции.

Сложности возникают при правовой квалификации потенциального вреда, особенно

в условиях ограниченного объема эмпирических данных. Тем не менее теория вреда обеспечивает устойчивый каркас для анализа и прогноза конкурентных последствий.

Теоретическая значимость результатов состоит в развитии концептуального понимания теории вреда в антимонопольном регулировании как междисциплинарного феномена, объединяющего правовые и экономические подходы. Практическая значимость заключается в возможности использования полученных результатов для совершенствования методологии антимонопольного регулирования.

Заключение

Настоящее исследование позволило обосновать методологическую и правовую природу теории вреда в антимонопольном регулировании, уточнить ее структуру и требования к применимости, описать ее ключевые характеристики и свойства.

Теория вреда в антимонопольном регулировании представляет собой правоприменительный методологический конструкт нового поколения, обеспечивающий концептуальную связь между поведением хозяйствующих субъектов и потенциальным ущербом для конкуренции и общественного благосостояния и таким образом объединяющий доктринальные и эмпирические основания для квалификации рыночного поведения. Ее прецедентная природа и индивидуальное конструирование для каждого дела отражают специфику антимонопольного регулирования.

Двойственный характер теории вреда в антимонопольном регулировании демонстрирует эволюцию антимонопольного права от фор-

мально-правового к экономически обоснованному подходу, что требует от правоприменителей не только юридической квалификации, но и понимания экономических механизмов функционирования рынков.

Выявленное разнообразие подходов к определению объекта вреда отражает различные философские основы антимонопольной политики и подчеркивает необходимость осознанного выбора концептуальной основы при формировании теории вреда в антимонопольном регулировании конкретного дела.

Полученные результаты открывают направления для дальнейших исследований, включая эмпирический анализ эффективности различных типов теорий вреда в антимонопольном регулировании, изучение особенностей их применения в цифровой экономике, а также сравнительный анализ подходов к теории вреда в антимонопольном регулировании в различных юрисдикциях.

Список источников

1. Коваленко А. И. Технологические гиганты на цифровых рынках — результат провала регулятора // Современная конкуренция. 2020. Т. 14. № 4 (80). С. 5–24. DOI 10.37791/1993-7598-2020-14-4-5-24.
2. Page W. H. Antitrust damages and economic efficiency: an approach to antitrust injury // The University of Chicago. Law Review. 1979. Т. 47. С. 467–504.
3. Bork R. H. The Antitrust Paradox: A policy at war with itself. New York : Free Press, 1978. 462 p.
4. Völcker S. B. Leveraging as a theory of competitive harm in EU merger control // Common Market Law Review. 2003. Vol. 40, No. 3. С. 581–614.
5. Yan X. Competition law in china and the eu: institutional dynamics and theories of harm. Taylor & Francis, 2024. 236 p.
6. Zenger H., Walker M. Theories of harm in european competition law: a progress report // Ten Years of Effects-Based Approach in EU Competition Law. Bruylant, 2012. P. 185–209.

7. Duso T., Bernhardt L., Piechucka J. The evolution of theories of harm in eu merger control // Oxford Review of Economic Policy. 2024. Vol. 40, No. 4. P. 729–762. DOI: 10.1093/oxrep/grae045.
8. Jakab M. Use of theories of harm in the application of article 102 TFEU. Prague : Charles University, 2019. 79 p.
9. Denicolò V., Polo M. The innovation theory of harm: an appraisal // Antitrust Law Journal. 2019. Vol. 82, No. 3. P. 921–954. DOI: 10.2139/ssrn.3146731.
10. Rininger B. The Ecosystem theory of harm in merger enforcement: a transatlantic comparison // University of Cincinnati Law Review. 2025. Vol. 93, No. 3. P. 830–866.
11. Abate S. Antitrust and consumer enforcement in data markets—are new theories of harm based on privacy degradation hitting the mark? // 29th European Regional Conference of the International Telecommunications Society (ITS): “Towards a Digital Future: Turning Technology into Markets?”, Trento, Italy, 1st–4th August, 2018. URL: <https://www.econstor.eu/handle/10419/184924>.

References

1. Kovalenko A. I. Technological giants in digital markets are the result of regulatory failure. *Sovremennaya konkurenciya = Journal of Modern Competition*. 2020;14(4(80)):5–24 (in Russ.). DOI: 10.37791/1993-7598-2020-14-4-5-24.
2. Page W. H. Antitrust damages and economic efficiency: an approach to antitrust injury. *The University of Chicago. Law Review*. 1979;47:467–504.
3. Bork R. H. *The Antitrust Paradox: A policy at War with Itself*. New York: Free Press; 1978. 462 p.
4. Völcker S. B. Leveraging as a theory of competitive harm in EU merger control. *Common Market Law Review*. 2003;40(3):581–614.
5. Yan X. *Competition law in China and the EU: institutional dynamics and theories of harm*. Taylor & Francis; 2024. 236 p.
6. Zenger H., Walker M. Theories of harm in european competition law: a progress report. *Ten Years of Effects-Based Approach in EU Competition Law*. Bruylant; 2012. P. 185–209.
7. Duso T., Bernhardt L., Piechucka J. The evolution of theories of harm in EU merger control. *Oxford Review of Economic Policy*. 2024;40(4):729–762. DOI: 10.1093/oxrep/grae045.
8. Jakab M. Use of theories of harm in the application of article 102 TFEU. Prague: Charles University; 2019. 79 p.
9. Denicolò V., Polo M. The innovation theory of harm: an appraisal. *Antitrust Law Journal*. 2019;82(3):921–954. DOI: 10.2139/ssrn.3146731.
10. Rininger B. The ecosystem theory of harm in merger enforcement: a transatlantic comparison. *University of Cincinnati Law Review*. 2025;93(3):830–866.
11. Abate S. Antitrust and consumer enforcement in data markets—are new theories of harm based on privacy degradation hitting the mark? // 29th European Regional Conference of the International Telecommunications Society (ITS): “Towards a Digital Future: Turning Technology into Markets?”, Trento, Italy, 1st–4th August, 2018. Available from: <https://www.econstor.eu/handle/10419/184924>.

Сведения об авторах

Е. В. Алексеева — доцент кафедры предпринимательства и конкуренции;

С. Г. Биденко — аспирант;

А. И. Коваленко — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры предпринимательства и конкуренции;

А. Ю. Погорелова — доцент кафедры предпринимательства и конкуренции.

Information about the authors

E. V. Alekseeva — Associate Professor of the Department of Entrepreneurship and Competition;

S. G. Bidenko — a graduate student;

A. I. Kovalenko — Candidate of Science (Economics), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Entrepreneurship and Competition;

A. Yu. Pogorelova — Associate Professor of the Department of Entrepreneurship and Competition.

Статья поступила в редакцию 30.04.2026; одобрена после рецензирования 20.05.2026; принята к публикации 22.06.2026.

The article was submitted 30.04.2026; approved after reviewing 20.05.2026; accepted for publication 22.06.2026.

Вестник Башкирского института социальных технологий). 2026. № 2(71). С. 64–69
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2026;2(71):64–69

Научная статья
УДК 347.9(470)
doi: 10.47598/2078-9025-2026-2-71-64-69

К ВОПРОСУ О СРАВНИТЕЛЬНОМ АНАЛИЗЕ ФОРМ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ КЛИНИК С ГОСУДАРСТВЕННЫМИ И НЕГОСУДАРСТВЕННЫМИ СТРУКТУРАМИ

Елена Юрьевна Семенова

Институт права Уфимского университета науки и технологий, Уфа, Россия, elena-127@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу форм взаимодействия юридических клиник с государственными и негосударственными организациями. Актуальность темы обусловлена необходимостью систематизации многообразных форм сотрудничества юридических клиник с ключевыми институтами — от судебной системы до адвокатских палат. На основе изучения различных практик деятельности юридических клиник выделены базовые форматы сотрудничества: правовое просвещение, оказание бесплатной юридической помощи и информационная поддержка и проч. Предложена многокритериальная классификация моделей взаимодействия по месту проведения, функционально-целевому назначению, степени устойчивости связей и глубине вовлеченности в процесс. Автор приходит к выводу, что происходит эволюция сотрудничества юридических клиник: от разовых мероприятий к устойчивому процессуальному длительному взаимодействию, что способствует превращению юридических клиник в полноценные площадки практико-ориентированного обучения.

Ключевые слова: юридические клиники, бесплатная юридическая помощь, форматы сотрудничества, негосударственные структуры, государственные структуры, классификация

Для цитирования: Семенова Е. Ю. К вопросу о сравнительном анализе форм взаимодействия юридических клиник с государственными и негосударственными структурами // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2026. № 2 (71). С. 64–69. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2026-2-71-64-69>.

Research article

ON THE ISSUE OF COMPARATIVE ANALYSIS OF FORMS OF INTERACTION BETWEEN LEGAL CLINICS AND STATE AND NON-STATE STRUCTURES

Elena Yu. Semenova

Institute of Law, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, elena-127@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of forms of interaction between legal clinics and state and non-state organizations. The relevance of the topic is determined by the need to systematize the diverse forms of cooperation between legal clinics and key institutions — from the judicial system to bar associations. Based on the study of various practices of legal clinics, the basic formats of cooperation are identified: legal education, provision of free legal aid, information support, etc. A multi-criteria classification of interaction models is proposed based on the venue, functional purpose, degree of sustainability of ties, and depth of involvement in the process. The author concludes that the cooperation of legal clinics is evolving from one-time events to sustainable, long-term procedural interaction, which contributes to the transformation of legal clinics into full-fledged platforms for practice-oriented training.

Keywords: legal clinics, free legal aid, forms of cooperation, non-governmental structures, governmental structures, classification

For citation: Semenova E. Yu. On the issue of a comparative analysis of the forms of interaction between legal clinics and government and non-governmental structures. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2026;(2(71)):64–69. (In Russ.). <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2026-2-71-64-69>.

Юридические клиники занимают особое место, выступая связующим звеном между теоретической подготовкой будущих юристов и практической помощью для социально незащищенных слоев населения. Эффективность деятельности юридических клиник и их вклад в правовое просвещение зависит, в том числе, от характера внешнего сотрудничества.

Актуальность данной работы обусловлена необходимостью систематизации многообразных форм сотрудничества юридических клиник с ключевыми государственными институтами (судебной системой, органами исполнительной власти, уполномоченными по правам человека и пр.) и негосударственными организациями (некоммерческими организациями, адвокатскими палатами, профессиональными ассоциациями и бизнес-структурами). Анализ работ, где уделяется внимание особенностям сотрудничества юридических клиник, показал фрагментарность, а именно сфокусированность только на конкретных структурах, что является определенным недостатком в данном контексте.

Юридические клиники в России призваны осуществлять две функции: «образовательную, направленную на профессиональную подготовку квалифицированных юристов и социальную, связанную с оказанием бесплатной юридической помощи населению» [1]. Контекст оказания бесплатной юридической помощи регулируется Федеральным законом от 21.11.2011 № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» (далее — Закон о бесплатной юридической помощи) [2]. Этот закон предоставляет образовательным и научным учреждениям право самостоятельно выбирать, как именно организовывать работу юридических клиник и какими видами деятельности им заниматься, устанавливая лишь базовые требования к качеству предоставляемых правовых услуг.

Получается юридические клиники имеют возможность устанавливать собственную сферу деятельности [3], поэтому мы можем видеть

специализированные направления. Например, юридическая клиника Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» специализируется на вопросах защиты персональных данных [4], а юридическая клиника Волгоградского института бизнеса занимается вопросами поддержки предпринимательства.

Согласно ч. 4 ст. 23 Закона о бесплатной юридической помощи, «юридические клиники оказывают бесплатную юридическую помощь в виде правового консультирования в устной и письменной форме, составления заявлений, жалоб, ходатайств и других документов правового характера» [2]. Изучение этого перечня показывает, что указанный субъект бесплатной юридической помощи выполняет очень большой объем работы, однако аналогичные функции в пределах своих полномочий осуществляют и многие другие государственные и частные организации. Согласно ст. 15 Закона о бесплатной юридической помощи, участниками государственной системы бесплатной юридической помощи являются:

«1) федеральные органы исполнительной власти и подведомственные им учреждения;

1.1) Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации, уполномоченные по правам человека в субъектах Российской Федерации;

2) органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации и подведомственные им учреждения;

3) органы управления государственных внебюджетных фондов;

4) государственные юридические бюро.

2. Адвокаты, нотариусы могут наделяться правом участвовать в государственной системе бесплатной юридической помощи в порядке, установленном законодательством» [2].

Статья 22 Закона о бесплатной юридической помощи устанавливает перечень участников негосударственной системы бесплатной юридической помощи: «юридические клиники (студенческие консультативные бюро, студен-

ческие юридические бюро и другие) и негосударственные центры бесплатной юридической помощи» [2].

Получается, юридические клиники, будучи в негосударственной системе бесплатной юридической помощи в своей повседневной деятельности объективно могут взаимодействовать с широким кругом структур, перечисленных в Законе о бесплатной юридической помощи, — от федеральных органов исполнительной власти и государственных юридических бюро до адвокатуры и института уполномоченных по правам человека. Более того, именно совпадение ключевых функций (правовое консультирование, составление документов) и общность целевой аудитории (социально незащищенные граждане) создают прочную основу для множества форм сотрудничества.

Если обратиться к практической деятельности юридических клиник, то все многообразие их внешних связей можно свести к нескольким устойчивым форматам взаимодействия, вне зависимости от субъекта сотрудничества: государственный орган, адвокатура или некоммерческая организация и проч. Их взаимодействие, как правило, реализуется в следующих базовых формах:

- проведение публичных просветительских мероприятий (лекции, семинары, интеллектуальные игры и проч.);
- оказание бесплатной юридической помощи (консультации на местах либо выездные приемы граждан);
- информационная поддержка (листовки, размещение информации на электронных ресурсах и проч.).

Рассмотрим некоторые практики более подробно. Больше всего распространено сотрудничество, направленное на правовое просвещение. Безусловно, правовое просвещение играет важную роль в формировании правосознания граждан, что подчеркнуто в «Основах государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан» [5]. Данное понятие общее, но в рамках данной статьи в качестве правового просвещения рассмотрены различные публичные мероприятия. Например, юридическая клиника в Ростовском филиале ФГБОУ ВО «Российский государственный уни-

верситет правосудия» в рамках Дней открытых дверей организует экскурсии и встречи с преподавателями кафедр в целях более подробного ознакомления школьников с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) с реализуемыми направлениями и специальностями [6]. В юридической клинике Института права ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», к примеру, для правового просвещения приглашаются адвокаты и представители других профессий для проведения мастер-классов для студентов. Данные примеры показывают, что формат правового просвещения обладает определенным синергетическим эффектом. С одной стороны, организация Дней открытых дверей для школьников с ОВЗ или публичных лекций реализует социальную функцию клиники и способствует достижению целей государственной политики в сфере повышения правовой грамотности, ведь «ценность юридических клиник состоит в том, что с их помощью происходит повышение уровня правосознания и уровня правовой культуры у населения» [7]. С другой стороны, приглашение практикующих адвокатов для проведения мастер-классов напрямую работает на реализацию образовательной функции, что углубляет профессиональную подготовку студентов.

Следующая форма сотрудничества — это оказание бесплатной юридической помощи. Это прямой функционал юридических клиник, но в данном направлении бывают видоизменения: выездные консультации, совместная работа, помощь конкретной организации и проч. Так, юридическая клиника Ростовского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия» оказывает консультативную поддержку школе-интернату — ее воспитанникам и их законным представителям [6]. Юридические клиники, действующие в Саратовской области, в партнерстве со службой финансового уполномоченного на регулярной основе предоставляют гражданам бесплатную правовую поддержку [8]. Консультанты юридической клиники ФКОУ ВО «Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний» совершают дополнительные выезды в исправительные учреждения по графику Дней открытых дверей. В ходе этих мероприятий они проводят с родствен-

никами просветительские беседы и оказывают им консультативную помощь [9]. Студенты Юридической клиники ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет» с согласия граждан и по поручению сотрудников прокуратуры участвуют в прокурорских проверках по жалобам, присутствуют на приеме граждан у работников прокуратуры, а также могут проводить первичное интервьюирование заявителей для выявления правовых проблем, ставших причиной обращения, и выполнять иные аналогичные функции [10].

Еще один формат взаимодействия — это предоставление пространства для проведения приема граждан. В качестве примера можно привести юридическую клинику ФГБОУ ВО «Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого», которая с 2006 года ведет прием граждан, используя для этого площадки Новгородского районного суда и Дома мировой юстиции [11]. Данный формат взаимодействия дает возможность юридической клинике оказать своевременную помощь.

Информационная поддержка также играет важное значение в сотрудничестве. В качестве примера можно привести судейское сообщество Великого Новгорода, которое оказывает юридической клинике информационную поддержку: размещает сведения о приеме граждан на сайте судов, а также на сайте Комитета записи актов гражданского состояния и организационного обеспечения деятельности мировых судей Новгородской области [11].

Анализируя ныне действующие практики сотрудничества, можно выделить еще несколько классификаций форматов взаимодействия.

1) По месту проведения:

- выездная консультация;
- консультация на местах.

2) По функционально-целевому назначению:

– социально-ориентированные модели (совместные приемы социально-незащищенных слоев населения, выезды в школы интернаты и проч.);

– учебно-ориентированные модели (лекции от практикующих специалистов в разных областях, присутствие студентов на реальных судебных процессах либо участие в прокурорской работе).

– научно-методические модели (подготовка докладов для уполномоченного по правам человека и проч.).

3) По степени устойчивости связей:

– разовые модели сотрудничества (например, разовое мероприятие день правовой помощи в юридической клинике, где участвуют представители разных государственных структур);

– долгосрочные модели сотрудничества — системная работа на основе ежегодных мероприятий (дни бесплатной юридической помощи, выездные консультации и прочее).

4) По глубине вовлеченности в процесс:

– информационный уровень: размещение объявлений, анонсы мероприятий;

– консультационный уровень: совместные приемы граждан;

– процессуальный уровень: совместное ведение дела (адвокат берет на себя суд, работа в прокуратуре).

По итогам данной работы можно сделать ряд выводов:

Во-первых, анализ законодательства и научной литературы показывает, что юридические клиники, будучи субъектами негосударственной системы бесплатной юридической помощи, интегрированы в систему бесплатной юридической помощи.

Во-вторых, обобщение имеющихся практик позволило выделить три основные формы взаимодействия: организацию публичных просветительских мероприятий, прямое предоставление бесплатной юридической помощи и информационную поддержку.

В-третьих, анализ конкретных практик позволил выявить многомерность существующих моделей взаимодействия и предложить их развернутую классификацию критериям.

Приведенные примеры демонстрируют определенную траекторию развития сотрудничества: от разовых просветительских акций и информационного обмена юридические клиники закономерно движутся в сторону устойчивого процессуального взаимодействия. Наиболее показательными в этой связи являются практики участия студентов в прокурорских проверках под руководством сотрудников прокуратуры или ведение приема граждан на базе районных судов и дома

мировой юстиции. Именно такие форматы, выходящие за рамки простого консультирования, превращают юридическую клинику из вспомогательной студенческой структуры

в полноценную площадку практико-ориентированного обучения, где будущие юристы приобретают навыки реальной процессуальной работы.

Список источников

1. Кульмашева И. Ф. Взаимодействие с юридическими клиниками как одна из форм реализации право-просветительской функции органов прокуратуры // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 3. С. 227–231.
2. «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» : Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ : Принят Государственной Думой 2 ноября 2011 года : Одобрен Советом Федерации 9 ноября 2011 года : последняя редакция // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102152039>.
3. Дранжевский М. Д. Вариативность моделей юридических клиник как средство обеспечения доступности бесплатной юридической помощи // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2015. № 6. С. 89–99.
4. Защита персональных данных // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» : официальный сайт. URL: <https://lc.hse.ru/personaldata> (дата обращения: 15.03.2026).
5. «Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан» : утв. Президентом Российской Федерации 28.04.2011 № Пр-1168 // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации : официальный сайт. URL: <https://legalacts.ru/doc/osnovy-gosudarstvennoi-politiki-rossiiskoi-federatsii-v-sfere/>.
6. Безрякова О. Н., Боброва Л. В., Галкина В. И. Сотрудничество с Юридической клиникой — эффективное средство развития правового сознания и правовой культуры обучающихся с ОВЗ, а также повышения их мотивации в контексте профессиональной ориентации // Юридическая клиника как основная форма практико-ориентированного обучения в юридическом вузе : сборник научных статей по материалам Межвузовского круглого стола, Санкт-Петербург, 25 ноября 2020 года. Санкт-Петербург : Центр научно-информационных технологий "Астерион", 2022. С. 23–26.
7. Прохорко Т. Н. Юридическая клиника как форма взаимодействия с гражданами при оказании бесплатной юридической помощи // Актуальные вопросы гуманитарных и социальных наук: от теории к практике : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Чебоксары, 25 апреля 2024 года. Чебоксары: Издательский дом «Среда», 2024. С. 387–389. EDN: DOVABW.
8. Магомедова М. У. Взаимодействие Службы финансового уполномоченного с юридическими клиниками: опыт Саратовской области // Роль юридической клиники в системе оказания бесплатной юридической помощи : сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 22 ноября 2024 года. Санкт-Петербург : Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2025. С. 86–89.
9. Владимирова О. А. Формы работы юридических клиник в образовательных учреждениях ФСИН (на примере юридической клиники Самарского юридического института ФСИН России) // Профессиональное юридическое образование и наука. 2022. № 4(8). С. 17–19. EDN BTFWTD.
10. Говорова О. Б. Юридическая клиника СПбГУ: опыт взаимодействия с участниками системы бесплатной юридической помощи // Петербургский юрист. 2017. № 2. С. 116–119. EDN YMFKYD.
11. Трофимова М. С. Механизмы взаимодействия юридических клиник и государственных органов: правовые, организационные и этические проблемы // Правовое государство: теория и практика. 2021. № 3 (65). С. 211–224. DOI: 10.33184/pravgos-2021.3.17.

References

1. Kulmasheva I. F. Interaction with legal clinics as one of the forms of implementing the legal education function of the prosecutor's office. *Probely v rossijskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian legislation*. 2012;(3):227–231. (In Russ.).
2. "On Free Legal Aid in the Russian Federation": Federal law dated November 21, 2011 No. 324-FL: Adopted by the State Duma on November 2, 2011: Approved by the Federation Council on November 9, 2011: latest version. Official Internet portal of legal information. (In Russ.). Available from: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102152039>.

3. Dranzhevsky M. D. Variability of legal clinic models as a means of ensuring the availability of free legal aid. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11. Pravo = Bulletin of Moscow University. Series 11. Law.* 2015;(6):89–99. (In Russ.).

4. Personal data protection. National Research University Higher School of Economics: official website. (In Russ.). Available from: <https://lc.hse.ru/personaldata> (accessed: March 15, 2026).

5. "Fundamentals of the State Policy of the Russian Federation in the Sphere of Developing Legal Literacy and Legal Awareness of Citizens": approved by the President of the Russian Federation on April 28, 2011, No. Pr-1168. Laws, Codes, and Regulatory Legal Acts of the Russian Federation: official website. (In Russ.). Available from: <https://legalacts.ru/doc/osnovy-gosudarstvennoi-politiki-rossiiskoi-federatsii-v-sfere/>.

6. Bezryakova O. N., Bobrova L. V., Galkina V. I. Cooperation with the Legal Clinic is an effective means of developing legal consciousness and legal culture of students with disabilities, as well as increasing their motivation in the context of career guidance. *Yuridicheskaya klinika kak osnovnaya forma praktiko-orientirovannogo obucheniya v yuridicheskom vuze : sbornik nauchny`x statej po materialam Mezhvuzovskogo kruglogo stola, Sankt-Peterburg, 25 noyabrya 2020 goda = Legal Clinic as the Main Form of Practice-Oriented Education in a Law School: a collection of scientific articles based on the materials of the Interuniversity Round Table, St. Petersburg, November 25, 2020.* St. Petersburg: Scientific and Information Technology Center "Asterion"; 2022. P. 23–26. (In Russ.).

7. Prokhorko T. N. Legal Clinic as a Form of Interaction with Citizens in the Provision of Free Legal Aid. *Aktual`ny`e voprosy` gumanitarny`x i social`ny`x nauk: ot teorii k praktike : vaterialy` Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodny`m uchastiem, Cheboksary` , 25 aprelya 2024 goda = Current Issues in the Humanities and Social Sciences: From Theory to Practice: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation, Cheboksary, April 25, 2024.* Cheboksary: Publishing House "Sreda"; 2024. P. 387–389. (In Russ.). EDN: DOVABW.

8. Magomedova M. U. Interaction of the Financial Ombudsman Service with Legal Clinics: Experience of the Saratov Region. *Rol` yuridicheskoy kliniki v sisteme okazaniya besplatnoj yuridicheskoy pomoshhi : sbornik statej po materialam Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Sankt-Peterburg, 22 noyabrya 2024 goda = The Role of the Legal Clinic in the System of Providing Free Legal Aid: A Collection of Articles Based on the Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, November 22, 2024.* St. Petersburg: Center for Scientific and Information Technologies "Asterion"; 2025. P. 86–89. (In Russ.).

9. Vladimirova O. A. Forms of work of legal clinics in educational institutions of the Federal Penitentiary Service (using the Legal Clinic of the Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia as an example). *Professional`noe yuridicheskoe obrazovanie i nauka = Professional Legal Education and Science.* 2022;(4(8)):17–19. (In Russ.). EDN BTFWTD.

10. Govorova O. B. Legal Clinic of St. Petersburg State University: experience of interaction with participants of the free legal aid system. *Peterburgskij yurist = Petersburg Lawyer.* 2017;(2):116–119. (In Russ.). EDN YMFKYD.

11. Trofimova M. S. Mechanisms of interaction between legal clinics and government agencies: legal, organizational, and ethical issues. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule of Law: Theory and Practice.* 2021. No. 3 (65). Pp. 211–224. DOI: 10.33184/pravgos-2021.3.17.

Информация об авторе

Е. Ю. Семенова — старший преподаватель кафедры гражданского процесса.

Information about the author

E. Yu. Semenova — Senior Lecturer of the Department of Civil Procedure.

Статья поступила в редакцию 28.04.2026; одобрена после рецензирования 20.05.2026; принята к публикации 22.06.2026.

The article was submitted 28.04.2026; approved after reviewing 20.05.2026; accepted for publication 22.06.2026.

Вестник Башкирского института социальных технологий). 2026. № 2(71). С. 70–76
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2026;2(71):70–76

Научная статья
УДК: 349.6(470)
doi: 10.47598/2078-9025-2026-2-71-70-76

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ БИОЭКОПОЛИСА КАК ИНСТРУМЕНТА ДОСТИЖЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Резида Минияровна Усманова

Стерлитамакский филиал Уфимского университета науки и технологий, Стерлитамак, Россия,
rezidausmanova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7913-2246>

Аннотация. В статье рассматривается концепция биоэкополиса как перспективного инструмента укрепления технологического суверенитета Российской Федерации в условиях глобальных вызовов и санкционного давления. Автор анализирует потенциал биоэкополисов в интеграции передовых биотехнологий, принципов циркулярной экономики и экологического урбанизма для создания автономных, устойчивых поселений с замкнутым циклом жизнеобеспечения. Основные выводы статьи подчеркивают, что развитие сети биоэкополисов способно стимулировать инновационную активность и коммерциализацию отечественных научных разработок, обеспечить устойчивое развитие отдаленных и депрессивных регионов, а также стать драйвером роста национальной биоэкономики и достижения технологического лидерства.

Ключевые слова: технологический суверенитет, биоэкополис, биоэкономика, биотехнологии, устойчивое развитие

Для цитирования: Усманова Р. М. Правовое регулирование биоэкополиса как инструмента достижения технологического суверенитета в Российской Федерации // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2026. № 2 (71). С. 70–76. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2026-2-71-70-76>.

Research article

LEGAL REGULATION OF BIOECOPOLIS AS A TOOL FOR ACHIEVING TECHNOLOGICAL SOVEREIGNTY IN THE RUSSIAN FEDERATION

Resida M. Usmanova

Sterlitamak branch of the Ufa University of Science and Technology, Sterlitamak, Russia,
rezidausmanova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7913-2246>

Abstract. The article examines the concept of a bio-ecopolis as a promising tool for strengthening the technological sovereignty of the Russian Federation in the face of global challenges and sanctions pressure. The author analyzes the potential of bio-ecopolis to integrate advanced biotechnologies, principles of circular economy, and ecological urbanism to create autonomous, sustainable settlements with a closed life support cycle. The main conclusions of the article emphasize that the development of a network of bio-ecopolis can stimulate innovative activity and the commercialization of domestic scientific developments, ensure the sustainable development of remote and depressed regions, and become a driver for the growth of the national bio-economy and the achievement of technological leadership.

Keywords: technological sovereignty, bio-ecopolis, bio-economy, biotechnology, sustainable development

For citation: Usmanova R. M. Legal regulation of bioecopolis as a tool for achieving technological sovereignty in the Russian Federation. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij)* = *Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2026;(2(71)):70–76. (In Russ.). <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2026-2-71-70-76>.

Современный этап развития мировой экономики характеризуется усилением геополитической напряженности, трансформацией глобальных цепочек поставок и ростом конкуренции за технологические преимущества. В этих условиях технологический суверенитет становится критически важным фактором национальной безопасности и устойчивого социально-экономического развития любого государства.

На сегодняшний день в юридической литературе представлено ограниченное число работ, в которых подробно рассматриваются правовые аспекты указанного явления. Это создает определенный пробел в научном понимании его юридической природы и механизмов регулирования. Как верно, пишет А. В. Пуляев «без четкого понимания того, что именно подразумевается под технологическим суверенитетом, какие элементы он включает и какие критерии его определяют, невозможно выстроить систему регулирования правовых отношений в данной сфере» [1, с. 56]. Так под ним следует понимать «способность государства контролировать и защищать свои технологические ресурсы, знания и интеллектуальную собственность, а также разрабатывать и использовать собственные технологии для достижения своих экономических, социальных и политических целей» [2, с. 131]. Интересна и позиция П. В. Степанова, который считает, что «нет технологического суверенитета. Есть факторы и условия, которые оказывают влияние на способность принимать самостоятельные политические решения, проводить независимую внутреннюю и внешнюю политику и противодействовать необоснованному воздействию политических, экономических, технологических и иных способов и средств» [3, с. 38].

Отсюда относительно технологического суверенитета отметим следующее:

– технологический суверенитет дает возможность достигать и реализовать национальные интересы путем создания наукоемких технологий, тем самым внося вклад в материальную составляющую ВВП России.

– технологический суверенитет подразумевает развитие собственных инновационных продуктов и технологий, обеспечивающих долгосрочную независимость в критически важных отраслях [4, с. 12];

– технологический суверенитет, согласно Стратегии национальной безопасности, утвержденной Указом Президента Российской Федерации, — это элемент комплексной системы обеспечения безопасности;

– технологический суверенитет обеспечивается в двух основных формах: 1) исследования, разработка и внедрение критических и сквозных технологий (по установленному перечню); 2) производство высокотехнологичной продукции, основанное на указанных технологиях.

Одним из ключевых направлений технологического суверенитета является развитие биотехнологий, что послужило толчком к формированию концепции биоэкономики — экономики, основанной на синергии с экологией, где эффективно используются природные ресурсы, осуществляются экономические процессы, с целью уменьшения вредного влияния на окружающую среду» [5, с. 450]. Материальное воплощение идей биоэкономики на уровне локального сообщества можно увидеть на примере создания биоэкополисов, где демонстрируется работоспособность принципов замкнутого цикла, возобновляемости и экологичности, тестируются биотехнологии перед их масштабированием.

Само понятие биоэкополис (БЭП) впервые документально было закреплено в Комплексной программе развития биотехнологий в Российской Федерации на период до 2020 года [6]. Так, согласно документу, биоэкополис — это малое поселение, вписанное в экологически чистый ландшафт, созданное с применением биотехнологических способов ведения аграрного хозяйства, с быстровозводимыми, дешевыми и энергоэффективными домами-усадебками. Данное понятие не встречается больше в федеральном законодательстве. Однако, анализ всего нормативно-правового материала показывает, что ряд актов так или иначе способны регулировать отношения, связанные с БЭП. К ним в частности можно отнести:

1) акты в сфере природоподобных технологий в Российской Федерации. Так, Распоряжением Правительства России от 21 февраля 2026 г. № 337-р утверждены основные принципы, критерии и приоритетные направления развития природоподобных технологий, к ко-

торым могут относиться и биотехнологические решения, применяемые в БЭП;

2) акты, касающиеся развития сельского хозяйства и законодательства об охране окружающей среды;

3) акты, касающиеся обращения с отходами и экологических платежей, если БЭП будут заниматься производственной деятельностью, связанной с отходами.

Несмотря на отсутствие данного понятия в федеральном законодательстве, ряд субъектов Российской Федерации активно не только регламентировали БЭП, но и внедрили этот инструмент в практику развития своего региона на основе биотехнологий.

Согласно Постановлению Кабинета Министров Республики Татарстан от 24.03.2010 № 180 «Об утверждении целевой программы «Развитие биотехнологии в Республике Татарстан на 2010–2020 годы» за БЭП закреплена задача повышения уровня жизни сельского населения. Так в Республике Татарстан появилось энергоэффективное поселение Актюба, которое сочетает современные технологии и принципы циркулярной экономики. В поселении создаются рабочие места, вырабатывается собственная тепловая и электрическая энергия, производится экологичная продукция и формируется новая культура устойчивого мышления [7].

Постановлением Кабинета Министров Чувашской Республики от 26.03.2010 № 84 «О Стратегии „Чувашия — биорегион“ до 2020 года», одним из приоритетных направлений выделено создание БЭП [8]. И уже с 2016 года реализуется проект «Поселение малого масштаба на принципах биоэкополиса (проект «Биоэкополис»)» в д. Большие Бикшихи Канашского района, который предполагает использование современных, экологически безопасных технологий производства из биомассы (включая отходы и доступные природные ресурсы) кормовой и топливно-энергетической продукции (биогаз, биоудобрение, биотопливо и др.) [9]. Согласно Постановлению Администрации Канашского района Чувашской Республики от 08.02.2021 № 80 «Об утверждении Комплексной программы «Социально-экономическое развитие Канашского района Чувашской Республики на 2020–2025 годы» проект («Био-

экополис»)» в д. Большие Бикшихи Канашского района окончательно должен быть реализован в 2023–2025 годы [9].

Безусловно, в систему правового регулирования БЭП входят и муниципально-правовые акты. Например, БЭП как начало формирования новой и самой перспективной модели жизнеустройства в XXI веке, обозначены Программой социально-экономического развития Красночетайского района Чувашской Республики на 2010–2012 годы, утвержденной Решением Собрания депутатов Красночетайского района от 29.04.2010 № 3. БЭП как поселение, где электроэнергия и утилизация происходят за счет биотехнологий регламентировано и Стратегией социально-экономического развития муниципального образования городского округа «Инта» Республики Коми на период до 2020 года, утвержденной Решением Совета муниципального образования городского округа «Инта» от 28.02.2014 г. № II-28/3.

Как видим, несмотря на отсутствие федеральных актов, субъекты развивают у себя данный инструмент. Отметим, что в настоящее время развитие БЭП соотносится с целями национального проекта «Технологическое обеспечение биоэкономики», который направлен на достижение технологического суверенитета к 2030 году и лидерства к 2036 году. Его логика — не отраслевой «секторный» проект, а горизонтальный технологический проект, который связывает воедино биотехнологии, использование возобновляемых биоресурсов в биоэкополисах и создание новых материалов.

В научной литературе не так много трудов, в которых бы рассматривалось данное понятие. Анализ существующих мнений показал, что имеются различные точки зрения. Так, БЭП рассматриваются в плане деурбанизации страны, то есть перераспределении населения России. И драйвером такого процесса, по мнению В. Давыдова, и являются биоэкопоселения, которые могут быть созданы на основе высоких технологий, автономных (по необходимости), находящихся в гармонии с окружающей средой [10]. БЭП рассматривается и как метод освоения огромных отдаленных пространств России [11]. Есть и такие мнения, согласно которым БЭП рассматриваются и как инструменты развития сельского хозяйства и сельских тер-

риторий [12], как механизм преодоления массовой безработицы, трансформации профессий, решения экологических и ресурсных проблем в АПК [13]. БЭП рассматривается и как «биоэнергетическая деревня», где активно могут использоваться возобновляемые источники энергии в сельской местности [14].

Что бы ни бралось в основу определения БЭП, самое главное в них это — использование передовых биотехнологий. Биоэкономика — основной вид научно-производственной деятельности в них. БЭП — это поселение малого масштаба, в значительной мере обеспечивающее себя продовольствием, электро- и теплоэнергией и утилизирующее свои отходы с применением природоподобных технологий [15]. По мнению Р. Г. Василовой, это не просто поселение, а автономная экосистема с фундаментальными характеристиками: 1) природоподобие, что означает проектирование и функционирование поселения в гармонии с естественными экосистемами, с опорой на принципы биомимикрии и имитацию природных процессов; 2) эко-энергоэффективность, то есть внедрение технологий, снижающих энергопотребление и экологический след, а также использование возобновляемых источников энергии; 3) биосоциальность, предполагающая необходимость учета современных социальных изменений и адаптацию человека к условиям, когда природная среда все сильнее трансформируется под воздействием технологий.

Объединение этих принципов позволяет создать целостную модель биоэкополиса, интегрирующую лучшие практики: от экологического урбанизма и концепции «умного города» до идей комфортной среды и устойчивого экологического общества [16, с. 108]. Как пишет М. С. Котова «биоэкополис это площадка для реализации и развития проектов использования альтернативной энергетики, „зеленых” технологий сельского хозяйства и „умного” домостроения» [17, с. 108].

В мире в практике проектирования БЭП отслеживаются два стратегических подхода.

1. Этот путь реорганизации действующих муниципальных структур, который предполагает целенаправленное совершенствование отдельных районов или целых населенных

пунктов. Основное внимание уделяется экологизации инфраструктуры и улучшению социально-психологической среды, в том числе за счет внедрения энергоэффективных решений, переработки отходов, развития зеленых зон и социальных программ. Например, в Республике Татарстан энергоэффективное поселение Актюба.

2. Проектирование новых поселений «с нуля». В этом случае БЭП создается как полностью автономная хозяйственная единица. Его ключевые особенности: замкнутый цикл самообеспечения ресурсами, использование экологичных технологий и минимизация негативного влияния на экосистему. Такой подход позволяет изначально заложить принципы устойчивого развития без необходимости перестройки существующей инфраструктуры.

Именно по последнему пути идет Китай, который внедряет различные экологические проекты, создавая новые поселения с возобновляемым источником энергии, замкнутых циклов переработки отходов, развитие вертикальных ферм. Думаем, что последний путь будет характерен и для освоения территорий Арктики и Дальнего Востока.

Все вышеизложенное позволяет нам утверждать, что БЭП выступает инструментом достижения технологического суверенитета, воплощает ключевые его принципы через: автономность технологических процессов, использование отечественных биотехнологий, локализацию производства.

Однако, на современном этапе, к сожалению, мало практик создания БЭП в России. Тому есть определенные причины. Среди проблем можно выделить следующие:

1. Отсутствие финансовых ресурсов, что тормозит полное оснащение поселения биотехнологиями. Для решения этой проблемы требуется привлечение внешних источников финансирования, использование института государственно-частного партнерства, способного оказать многостороннее положительное воздействие на улучшение социально-экономического климата в сельской местности. Практика показывает, что проект БЭП эффективно реализуется там, где инвестор — коммерческая структура (например, участие Татнефти в создании БЭП Актюба Республики Татарстан).

2. Отсутствие высококвалифицированных кадров, способных работать с биотехнологиями. Необходимо выстраивать эффективную систему подготовки кадров, обладающих необходимыми компетенциями в сфере высоких технологий, осуществлять обучение фермеров технологиям.

3. Отсутствие федерального закона также выступает одной из проблем в реализации проекта поселения, устроенного на принципах биоэкономики и биотехнологий.

В заключение подчеркнем — биоэкополис и технологический суверенитет образуют единую систему: первый выступает «полигоном» для внедрения отечественных технологий, второй обеспечивает ресурсную, научную и правовую поддержку для его развития. Их интеграция позволяет снизить зависимость от импорта в критических сферах, создать устойчивые модели освоения территорий. Верно от-

мечено, что «созданные поселения на новом технологическом укладе эффективно могут функционировать в любых природно-климатических условиях России, в том числе на территориях с экстремальным климатом [8]. Это утверждение наглядно иллюстрирует потенциал биоэкополисов как площадок для апробации и внедрения инновационных решений, адаптированных к сложным условиям.

Таким образом, развитие биоэкополисов становится стратегическим инструментом достижения технологического суверенитета. В свою очередь укрепление технологического суверенитета — гарантия успешного масштабирования концепции биоэкополисов на территории России. Взаимосвязь биоэкополисов и технологического суверенитета носит синергетический характер: успехи в одной сфере усиливают потенциал другой, формируя долгосрочную устойчивость национальной экономики.

Список источников

1. Пуляев А. В. Концепция технологического суверенитета как система правоотношений // Законодательство : право для бизнеса. 2024. № 10. С. 56–65.
2. Катульский Е. Д., Иванов А. А. Человеческий капитал в IT-индустрии, экономическая безопасность и технологический суверенитет // Социально-трудовые исследования. 2023. № 52(3). С. 130–137.
3. Степанов П. В. Подходы к пониманию цифрового суверенитета России // Журнал российского права. 2024. № 4. С. 37–51. EDN: RHIXXR.
4. Зубов Ю. С. Содействие формированию технологического суверенитета России — ключевая задача Роспатента // Вестник ФИПС. 2022. № 1(1). С. 10–16.
5. Левушкин А. Н. Обеспечение баланса частноправового регулирования общественных отношений в парадигме конвергенции норм права: научные воззрения доктора юридических наук, профессора А. Н. Левушкина : монография : в 2 т. Т. 2. Москва : Юстицинформ, 2023. 950 с.
6. Комплексная программа развития биотехнологий в Российской Федерации на период до 2020 года : утв. Правительством РФ от 24 апреля 2012 г. № 1853п-П8) // ГАРАНТ. РУ : сайт. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70068244/>.
7. Экосистема Актюбы признана одним из лучших климатических проектов Евразии // Альметьевск : сайт. URL: <https://almet.uvt.online/news/ekosistema-aktyubyi-priznana-odnim-iz-luchshih-klimaticheskikh-proektov-evrazii-540>. Дата публикации: 01.07.2025.
8. «О Стратегии «Чувашия — биорегион» до 2020 года» : Постановление Кабинета Министров Чувашской Республики от 26.03.2010 № 84 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов : сайт. URL: <https://docs.cntd.ru/document/473612250>.
9. «Об утверждении Комплексной программы «Социально-экономическое развитие Канашского района Чувашской Республики на 2020 - 2025 годы» : Постановление Администрации Канашского района Чувашской Республики от 8 февраля 2021 г. № 80 // ГАРАНТ.РУ: сайт. URL: <https://base.garant.ru/400444309/3e22e51c74db8e0b182fad67b502e640>.
10. Валерий Давыдов — о возможности создания биоэкопоселений в Арктике // Пора в Арктику : сайт. URL: <https://goarctic.ru/opinions/valeriy-davydov-o-vozmozhnosti-sozdaniya-bioekoposeleniy-v-arktike/>. Дата публикации: 21.11. 2024.
11. Будущее в технологиях: ученые рассказали о биоэкопоселениях и токамаках нового поколения // Известия : официальный сайт. URL: <https://iz.ru/2049622/denis-gritcenko-andrei-korshunov/budushchee-v-tekhnologiiakh-uchenye-rasskazali-o-bioekoposeleniiakh-i-tokamakakh-novogo-pokoleniia>. Дата публикации: 27.02.2026.

12. Павлова Ю. В. Ворожейкина Т. М. Биоэкополис — институт социально-экономического развития сельских территорий // Экономика сельского хозяйства России. 2021. № 3. С. 88–92. EDN: HSVVWG.

13. Лазовский В. В., Зайцев Н. А., Павлова Ю. В. Экологизация производства как путь преодоления надвигающейся массовой безработицы // Вестник Российского университета кооперации. 2020. № 4 (42). С. 45–50.

14. Сидоров А. А. Концептуальная модель создания «биоэнергетической деревни» // Российская наука: актуальные исследования и разработки : сборник научных статей VI Всероссийской научно-практической конференции, Самара, 01 ноября 2018 года. Самара : Самарский государственный экономический университет, 2018. С. 205–209. EDN: VRAPFG.

15. Василев Р. Г. Новые подходы к развитию территорий на основе природоподобных технологий и биоэкономики. Новосибирск. 2024 // Биоросинфо : сайт. URL: https://biorosinfo.ru/upload/file/vasilov_25.09.2024-condensed.pdf (дата обращения: 02.04.2026).

16. Гаева Т. Н., Василев Р. Г. Конфликт между биосферой и техносферой: поиск путей к биосферосовместимому развитию // Вестник Военного инновационного технополиса «ЭРА». 2022. Т. 3, № 1. С. 102–112.

17. Котова М. С. Биоэкополис как инфраструктурный элемент экономики шестого технологического уклада // Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 5. С. 81–89.

References

1. Pulyaev A. V. The Concept of technological sovereignty as a system of legal relations. *Zakonodatel`stvo : pravo dlya biznesa = Legislation: Law for Business*. 2024;(10):56–65. (In Russ.).

2. Katulsky E. D., Ivanov A. A. Human capital in the IT industry, economic security, and technological sovereignty. *Social`no-trudovye issledovaniya = Social and Labor Research*. 2023;(52(3))":130–137. (In Russ.).

3. Stepanov P. V. Approaches to understanding Russia's digital sovereignty. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*. 2024;(4):37–51. (In Russ.). EDN: RHIXXR.

4. Zubov Yu. S. Promoting the formation of Russia's technological sovereignty — a key task of Rospatent. *Vestnik FIPS = Bulletin of Federal Institute of Industrial Property*. 2022;(1(1)):10–16. (In Russ.).

5. Levushkin A. N. Ensuring a balance of private-law regulation of public relations in the paradigm of legal norms convergence: scientific views of Doctor of Law, Professor A. N. Levushkin: Monograph: in 2 volumes. Vol. 2. Moscow: Yustitsinform; 2023. 950 p. (In Russ.).

6. Comprehensive Program for the Development of Biotechnology in the Russian Federation through 2020: approved by the Government of the Russian Federation on April 24, 2012, No. 1853p-P8). GARANT. RU: website. (In Russ.). Available from: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70068244/>.

7. The Aktobe ecosystem is recognized as one of the best climate projects in Eurasia. Almet'yevsk: website. (In Russ.). Available from: <https://almet.uvt.online/news/ekosistema-aktyubiy-priznana-odnim-iz-luchshih-klimaticheskikh-proektov-evrazii-540>. Publication date: July 1, 2025.

8. "On the Strategy "Chuvashia — a Bioregion" until 2020": Resolution of the Cabinet of Ministers of the Chuvash Republic dated March 26, 2010 No. 84. Electronic Fund of Legal and Regulatory Technical Documents: website. (In Russ.). Available from: <https://docs.cntd.ru/document/473612250>.

9. "On Approval of the Comprehensive Program "Socio-Economic Development of the Kanashsky District of the Chuvash Republic for 2020-2025": Resolution of the Administration of the Kanashsky District of the Chuvash Republic dated February 8, 2021 No. 80. GARANT.RU. website. (In Russ.). Available from: <https://base.garant.ru/400444309/3e22e51c74db8e0b182fad67b502e64>.

10. Valery Davydov on the possibility of creating bio-eco-settlements in the Arctic. Time to go to the Arctic: website. (In Russ.). Available from: <https://goarctic.ru/opinions/valeriy-davydov-o-vozmozhnosti-sozdaniya-bioekoposeleniy-v-arktike/>. Publication date: November 21, 2024.

11. The future in technology: scientists talk about next-Generation bio-eco-Settlements and tokamaks. Izvestia: official website. (In Russ.). Available from: <https://iz.ru/2049622/denis-gritcenko-andrei-korshunov/budushchee-v-tekhnologiiakh-uchenye-rasskazali-o-bioekoposeleniiakh-i-tokamakakh-novogo-pokoleniia>. Publication date: 27.02.2026.

12. Pavlova Yu. V., Vorozheykina T. M. Bioecopolis — an institute for socio-economic development of rural territories. *E`konomika sel`skogo khozyajstva Rossii = Agricultural Economics of Russia*. 2021;(3):88–92. (In Russ.). EDN: HSVVWG.

13. Lazovsky V. V., Zaitsev N. A., Pavlova Yu. V. Greening of production as a way to overcome the impending mass unemployment. *Vestnik Rossijskogo universiteta kooperacii = Bulletin of the Russian University of Cooperation*. 2020;(4(42)):45–50. (In Russ.).

14. Sidorov, A. A. A conceptual model for creating a "Bioenergy Village". *Rossiyskaya nauka: aktual`ny`e issledovaniya i razrabotki : sbornik nauchny`x statej VI Vserossiyskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Samara, 01 noyabrya 2018 goda = Rossiyskaya Nauka: Relevant Research and Development, Collection of Scientific Articles from the VI All-Russian Scientific and Practical Conference, Samara, November 1, 2018*. Samara: Samara State University of Economics; 2018. P. 205–209. (In Russ.). EDN: VRAPFG.
15. Vasilov R. G. New approaches to territorial development based on nature-like technologies and bioeconomics. Novosibirsk, 2024. Biorosinfo: website. (In Russ.). Available from: https://biosinfo.ru/upload/file/vasilov_25.09.2024-condensed.pdf (date of access: April 2, 2026). (In Russ.).
16. Gaeva T. N., Vasilov R. G. Conflict between the Biosphere and the Technosphere: Searching for Paths to Biosphere-Compatible Development. *Vestnik Voennogo innovacionnogo texnopolisa «E`RA» = Bulletin of the Military Innovative Technopolis "ERA"*. 2022;3(1):102–112. (In Russ.).
17. Kotova M. S. Bioecopolis as an infrastructure element of the economy of the sixth technological order. *Gumanitarny`e i social`ny`e nauki = Humanitarian and Social Sciences*. 2012;(5):81–89. (In Russ.).

Информация об авторе

Р. М. Усманова — доктор юридических наук, декан юридического факультета, заведующий кафедрой публичного и частного права.

Information about the author

R. M. Usmanova — Doctor of Science (Law), Dean of the Faculty of Law, Head of the Department of Public and Private Law.

Статья поступила в редакцию 21.04.2026; одобрена после рецензирования 20.05.2026; принята к публикации 22.06.2026.

The article was submitted 21.04.2026; approved after reviewing 20.05.2026; accepted for publication 22.06.2026.

Научная статья
УДК 338.46:004.8
doi: 10.47598/2078-9025-2026-2-71-77-82

АНАЛИЗ ВОЗДЕЙСТВИЯ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА НА РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ И УРОВЕНЬ СЕРВИСНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ В РЫНОЧНОЙ СРЕДЕ

Дина Владимировна Ключкина¹, Никита Сергеевич Вашков²✉

^{1,2}Академия труда и социальных отношений, Москва, Россия

¹falileeva142@mail.ru

²sir.vashkov1@gmail.com✉

Аннотация. Данное исследование посвящено изучению того, как цифровизация меняет индустрию сервисного обслуживания в нынешних реалиях. Важность рассматриваемой проблематики определяется ролью инновационных технологий в улучшении благосостояния граждан через модернизацию услуг. Задачей работы выступает исследование трансформационных процессов в сервисной отрасли под влиянием цифровизации и определение векторов ее эволюции. В материале изучается, какие преобразования претерпевает предоставление услуг с интеграцией IT-решений. В статье производится оценка современного уровня развития сервисных технологий и перспективы их развития в будущем. Значительное внимание уделено анализу влияния информационных технологий на повышение конкурентоспособности предприятий сферы рынка услуг.

Ключевые слова: искусственный интеллект, сервис, обслуживание, рынок, цифровизация

Для цитирования: Ключкина Д. В., Вашков Н. С. Анализ воздействия применения технологий искусственного интеллекта на результативность и уровень сервисного обслуживания в рыночной среде // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2026. № 2 (71). С. 77–82. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2026-2-71-77-82>.

ECONOMY AND ENTERPRISE MANAGEMENT

Research article

ANALYSIS OF THE IMPACT OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES ON PERFORMANCE AND SERVICE LEVEL IN THE MARKET ENVIRONMENT

Dina V. Klyukina¹, Nikita S. Vashkov²✉

^{1,2}Academy of Labor and Social Relations, Moscow, Russia

¹falileeva142@mail.ru

²sir.vashkov1@gmail.com✉

Abstract. This study examines how digitalization is changing the service industry in the current context. The importance of this topic stems from the role of innovative technologies in improving citizens' well-being through service modernization. The objective of this paper is to investigate the transformation processes in the service industry under the influence of digitalization and identify the vectors of its evolution. This paper examines the transformations undergone by service delivery with the integration of IT solutions. The article assesses the current state of service technology development and the prospects for their future development. Considerable attention is paid to analyzing the impact of information technology on improving the competitiveness of service market enterprises.

Keywords: artificial intelligence, service, maintenance, market, digitalization

For citation: Klyukina D. V., Vashkov N. S. Analysis of the impact of artificial intelligence technologies on performance and service level in the market environment. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2026;(2(71)):77–82. (In Russ.). <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2026-2-71-77-82>.

Современные технологические достижения привели к существенному снижению цены вычислительного оборудования и одновременно росту его производительности при обработке информации. Это открыло возможности для внедрения систем искусственного интеллекта (ИИ) в практическую деятельность компаний из разных отраслей, а не ограничиваться лишь лабораторными экспериментами [1].

Влияние ИИ на маркетинговые подходы, бизнес-стратегии, методы реализации товаров и способы взаимодействия с покупателями, а также на их потребительские привычки станет определяющим фактором в перспективе. Научные работы о цифровых торговых площадках преимущественно концентрировались на вопросах внедрения онлайн-торговли, ее распространения, бизнес-моделях в электронной среде и механизмах принятия решений покупателями. Изучение потребительского поведения в условиях виртуальных торговых платформ носило фрагментарный характер, хотя электронные рынки функционируют практически с момента появления возможности использования интернет-технологий в коммерческой деятельности. Опрос, проведенный MIT Sloan Management Review, выявил, что приблизительно 85 % компаний видят в использовании ИИ инструмент для укрепления своих позиций на рынке, тогда как свыше 80 % считают его перспективным стратегическим направлением. Внедрение ИИ-технологий открывает перед организациями множество преимуществ, включая оптимизацию операционных процессов, сокращение издержек и рост прибыльности. Некоторые эксперты с энтузиазмом заявляют, что технологии ИИ революционизируют традиционные бизнес-стратегии в различных отраслях экономики по всему миру [2–3].

Цель исследования — теоретический анализ воздействия применения технологий ИИ на результативность и уровень сервисного обслуживания в рыночной среде.

Используя ключевые термины «технология», «искусственный интеллект», «рыночная сре-

да» и «сервис», был проведен расширенный поиск в базах электронных библиотек eLIBRARY, Google Scholar. Временной диапазон включенных в обзор исследований ограничился периодом с 2019 по 2025 год, что позволило выделить 15 полнотекстовых публикаций, находящихся в открытом доступе. Поисковая работа включала применение специальных запросов и ключевых слов в информационных базах данных.

В 2019 году Российская Федерация утвердила собственную Национальную стратегию по развитию ИИ, рассчитанную на период до 2030 года [2]. Этому предшествовала волна аналогичных инициатив: в период с 2018 по 2020 год свыше 30 государств с развитой экономикой внедрили подобные программные документы, среди которых оказалась и Россия. Китайская Народная Республика и Япония стали первопроходцами в этом направлении, представив свои стратегические планы развития ИИ в том же году, когда были сформулированы основополагающие цели. Эти целевые установки в области ИИ стали катализатором масштабных преобразований, способствуя не только внутреннему прогрессу отдельных государств, но и формируя образец для международного сообщества [4].

В документе были определены фундаментальные цели и задачи, регулирующие сотрудничество между заинтересованными участниками процесса. Первоначальная концепция делала акцент на достижении технологического суверенитета и улучшении качества жизни населения, выделяя основные векторы развития ИИ. Впоследствии, в 2020 году, российское правительство провело корректировку курса и запустило процесс формирования обновленной концепции с горизонтом планирования до 2024 года, где центральное место заняли вопросы соблюдения юридических норм и моральных принципов при внедрении ИИ-технологий и роботизированных систем. Разработка передовых решений требует объединения технологической составляющей с этическими принципами, что приобрета-

ет критическую важность в эпоху глобальных процессов. Стратегический курс направлен на формирование прогрессивных механизмов, способных гармонично сочетать эти аспекты. Запуск инициативы по интеграции современных разработок в различные экономические отрасли стал одним из ключевых направлений деятельности. Параллельно развивается плодотворное взаимодействие с представителями науки, что включает финансирование исследований в сфере машинного интеллекта. Подобная политика укрепляет позиции России на глобальном технологическом пространстве, стимулируя развитие молодых компаний, специализирующихся на ИИ-технологиях, и внедряя инновационные методологии. Проблематика, связанная с развитием ИИ, находится в фокусе внимания, что определяет приоритетность выработки комплексного подхода к ее преодолению [5].

Благодаря смартфонам и планшетам современные потребители осуществляют подбор продукции и сервисов в различных областях — от коммерческих операций до развлечений и медицинских услуг. Несколько лет назад для описания этого явления появилось понятие *always on generation*, обозначающее группу людей с непрерывным доступом к цифровым технологиям. Визуальная привлекательность и обширный функционал мобильных приложений усилили этот эффект [6].

Специалисты постоянно уделяют пристальное внимание сектору услуг благодаря его существенной роли в экономике и общественной жизни. Исследования показывают, что внедрение цифровых технологий в бизнес-процессы приводит к трансформации отраслевых показателей. Анализ нескольких направлений сервисной индустрии выявил тенденцию к уменьшению количества действующих компаний и сокращению рабочих мест. Одновременно наблюдается структурная перестройка отрасли — возрастает присутствие технологически продвинутых услуг, автоматизация вытесняет рутинные операции, требующие низкой квалификации, что способствует повышению эффективности работы сотрудников и развитию гибких форм организации труда. Цифровая трансформация ставит перед организациями задачи по реструктуризации рабочих процессов, адаптации и со-

вершенствования операционной деятельности компаний в эпоху цифровизации, при этом модификация моделей трудоустройства влечет за собой качественные изменения кадрового состава и увеличение спроса на специалистов высокой квалификации [7].

Современная сфера рынка услуг переживает стремительные изменения, связанные с внедрением цифровых решений во все аспекты деятельности. Сфера сервисного обслуживания демонстрирует уникальную динамику адаптации к технологическим новшествам, что требует детального изучения происходящих процессов. Аналитическое изучение трансформационных процессов в индустрии услуг позволило систематизировать развитие цифровизации через три последовательные фазы развития. Первоначальная фаза характеризовалась экспериментальным внедрением технологий — период, когда компании начали тестировать цифровые инструменты для повышения качественных характеристик предоставляемых услуг. Организации осторожно исследовали потенциал новых технологий, стремясь оптимизировать существующие бизнес-процессы. Следующая фаза объединения ознаменовалась масштабным распространением мобильных устройств по всему миру. Повсеместная доступность смартфонов стала катализатором для формирования интегрированных сетевых платформ предоставления услуг. Этот период характеризовался синергией различных цифровых каналов и созданием экосистемного подхода к обслуживанию клиентов. Завершающая стадия представляет собой фундаментальную реорганизацию всей системы создания ценности. На этом этапе происходит радикальное переосмысление традиционных бизнес-моделей, где клиент перестает быть пассивным получателем услуг. Потребители превращаются в активных соавторов инновационных решений, их вовлеченность становится ключевым драйвером развития новых сервисных предложений. Именно взаимодействие с пользователями генерирует прорывные идеи и формирует конкурентные преимущества компаний [8].

Таким образом, цифровая трансформация сервисной экономики представляет собой многоуровневый процесс последовательных качественных изменений, каждое из которых

закладывает фундамент для следующего этапа развития.

Особую значимость приобретают взаимоотношения реляционного характера. Переориентация с транзакционного подхода, где в центре находится продукция, на взаимодействие, базирующееся на сервисных услугах реляционного типа, происходит под влиянием желания организаций увеличить свою прибыльность и конкурентные позиции. Процесс такой реляционной модификации реализуется через механизм цифровой сервисизации. Интеграция технологий цифрового характера в хозяйственно-производственные процессы трансформирует как взаимосвязи между участниками рынка, так и характер их коммуникации с покупателями и заказчиками. Примерно половина компаний, работающих в ключевых сервисных отраслях, стремится получать информацию о продукции и услугах от своих деловых партнеров. Цифровые инструменты и современные технологии открывают новые горизонты для партнерских связей, обеспечивая удобство коммуникации и защиту данных вне зависимости от географии и временных рамок. Эти возможности становятся особенно ценными в контексте диджитал трансформации бизнеса. В нестабильной экономической среде организации все чаще осознают, что сотрудничество приносит больше выгод, чем соперничество на рынке. Наблюдаемые трансформации в совокупности, по всей видимости, свидетельствуют о развитии реляционного взаимодействия. К активно вовлеченным сферам относятся коммерция, сектор информационно-коммуникационных технологий, медицинские учреждения и университетское образование. Приблизительно одинаковое количество участников производят расчеты через цифровые платформы и публикуют данные о необходимых им продуктах, услугах и выполняемых работах [9–10].

Внедрение современных цифровых решений в управленческие процессы и операционную деятельность крупнейших секторов сервисной экономики демонстрирует их переход к масштабной цифровой трансформации. Комплекс поддерживающих инициатив, запланированных на ближайшую перспективу, включая положения Указа Президента от 02.03.2022 № 83

«О мерах по обеспечению ускоренного развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации» [11], предположительно придаст дополнительный импульс данным преобразованиям. Развитию цифровой трансформации в сегменте малых и средних предприятий призваны содействовать льготные программы, предполагающие возмещение половины затрат на покупку специализированного программного обеспечения. В рамках государственной программы по развитию цифровой экономики страны предусмотрено финансирование разработчиков программного обеспечения через механизм возмещения затрат на лицензирование. Российские фонды получают целевые дотации для оказания помощи IT-сектору, одновременно компаниям выделяются гранты. Эти меры призваны снизить зависимость от иностранных решений, удержать специалистов в стране и активизировать процессы цифровой трансформации. Постановление Правительства от 13 октября 2022 г. № 1826 инициировало создание консолидированной базы данных организаций, которые пользуются господдержкой в инновационной сфере. Это решение оптимизирует взаимодействие между различными государственными платформами учета и базами данных институтов, занимающихся развитием экономики [12].

Существенную роль играют и дополнительные инициативы. Организация без коммерческого статуса под названием «Фонд содействия инновациям», полное наименование которой звучит как «Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере», предоставляет денежную поддержку начинающим исследователям и компаниям малого бизнеса, ведущим научные проекты с перспективой успешной коммерциализации. Инициатива «СберПро Цифровое развитие» способствует формированию стратегии цифровой трансформации, а также созданию и применению практических инструментов для цифровой модернизации предпринимательской деятельности. Отечественный рейтинговый проект «ТехУспех» функционирует как платформа для выявления и селекции российских перспективных предприятий. В рамках программы Минэкономразвития «Национальные чемпионы», нацеленной на поддержку передовых частных высокотехнологичных пред-

приятый, ведется отбор технологических корпораций. Среди участников проекта представлены IT-организации, работающие в сервисном секторе, включая компанию «Форсайт», специализирующуюся на создании инструментов для бизнес-аналитики. Для определения получателей государственной помощи регулярно проводится анализ и формируется характеристика среднего технологического бизнеса России [9].

Таким образом, сегодня отрасль сервисного обслуживания играет ключевую позицию в экономической системе и занимает лидирующие места в обеспечении потребностей населения. При рассмотрении глобального масштаба применения информационных технологий в данной сфере становится очевидным их стратегическое значение, выходящее за рамки локальных наблюдений.

Современные сервисные компании вынуждены нести существенные расходы на внедрение цифровых решений, что требует обязательного учета при формировании управленческой стратегии и организационной структуры бизнеса. Достижение превосходства над

конкурентами становится реальным исключительно благодаря профессиональному применению актуальных цифровых инструментов и платформ. Проведенное исследование продемонстрировало прямую взаимосвязь между прогрессом сервисной индустрии в текущих рыночных реалиях и степенью интеграции IT-решений в бизнес-процессы.

Внедрение цифровых решений оказывает положительное влияние на развитие производственного сектора и одновременно снижает дефицит кадров на локальном рынке труда, стимулируя при этом экономическое развитие территории. Модернизация услуг через применение современных технологий улучшает качество обслуживания во всех направлениях. Цифровая трансформация сферы услуг приводит к увеличению эффективности работы персонала и росту заработной платы граждан, что существенно повышает уровень их материального благополучия. Такие процессы играют важную роль как в формировании совокупного регионального продукта, так и в обеспечении трудовой занятости местного населения.

Список источников

1. Кашеварова Н. А., Панова Д. А. Анализ современной практики применения технологии искусственного интеллекта в финансовой сфере и его влияния на трансформацию финансовой экосистемы // Креативная экономика. 2020. Том 14, № 8. С. 1565–1580. DOI: 10.18334/ce.14.8.110708.
2. Алешина И. В. Искусственный интеллект : цифровая глобализация и маркетинг // Маркетинг в России и за рубежом. 2019. № 1. С. 74–80. EDN: YUZRKP.
3. Davenport T., Guha A., Grewal D. et al. How artificial intelligence will change the future of marketing // Journal of the Academy of Marketing Science. 2020. Vol. 48. P. 24–42. DOI: 10.1007/s11747-019-00696-0.
4. Эртель В. Введение в искусственный интеллект : учебник / перевод с английского А. Горман. Москва : Эксмо, 2019. 448 с. : ил. (Библиотека Сбербанка).
5. Щербина А. В., Чернова М. А. Влияние применения искусственного интеллекта на качество обслуживания клиентов в банковском секторе // Естественно-гуманитарные исследования. 2025. № 1 (57). С. 538–546.
6. Солнцева О. Г., Ганусич К. В. Формирование маркетинговой концепции предприятий ресторанно-гостиничного бизнеса // Институциональная экономика: развитие, преподавание, приложения: материалы VI Международной научной конференция, Москва, 14–15 ноября 2019 года. Москва : Государственный университет управления, 2019. С. 251–255. EDN: RBOYHO.
7. Сидоров А. А. Развитие сферы услуг в условиях цифровой трансформации национальной экономики // Теоретическая и прикладная экономика. 2021. № 1. С. 39–47. DOI: 10.25136/2409-8647.2021.1.35316.
8. Chin H., Marasini D. P., Lee D. Digital Transformation Trends in Service Industries // Service Business. 2023. Vol. 17. P. 11-36.
9. Восколович Н. А. Особенности трансформации сферы услуг в новой экономической реальности // Государственное управление. Электронный вестник. 2023. № 99. С. 35–48. DOI: 10.24412/2070-1381-2023-99-35-48.
10. Kamalaldin A., Linde L., Sjödin D., Parida V. Transforming provider-customer relationships in servitization: a relational view on digitalization // Industrial Marketing Management. 2020. Vol. 89. P. 306–325. DOI: 10.1016/j.indmarman.2020.02.004.

11. «О мерах по обеспечению ускоренного развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации»: Указ Президента от 2 марта 2022 г. № 83 // Президент России : официальный сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47593>.
12. «О Едином реестре конечных получателей государственной поддержки инновационной деятельности»: Постановление Правительства от 13 октября 2022 г. № 1826 // ГАРАНТ.РУ : сайт. URL: <https://base.garant.ru/405541833/>.

References

1. Kashevarova N. A., Panova D. A. Analysis of the modern practice of applying artificial intelligence technology in the financial sector and its impact on the transformation of the financial ecosystem. *Kreativnaya e`konomika = Creative Economy*. 2020;14(8):1565–1580. (In Russ.). DOI: 10.18334/ce.14.8.110708.
2. Aleshina I. V. Artificial Intelligence: Digital Globalization and Marketing. *Marketing v Rossii i za rubezhom = Marketing in Russia and Abroad*. 2019;(1):74–80. (In Russ.). EDN: YUZRKP.
3. Davenport T., Guha A., Grewal D. et al. How artificial intelligence will change the future of marketing. *Journal of the Academy of Marketing Science*. 2020;48:24–42. DOI: 10.1007/s11747-019-00696-0.
4. Ertel V. Introduction to Artificial Intelligence: textbook / translated from English by A. Gorman. Moscow: Eksmo; 2019. 448 p.: ill. (Sberbank Library). (In Russ.).
5. Shcherbina A. V., Chernova M. A. The Impact of Artificial Intelligence on the Quality of Customer Service in the Banking Sector. *Estestvenno-gumanitarny`e issledovaniya = Research in Natural Sciences and Humanities*. 2025;(1(57)):538–546. (In Russ.).
6. Solntseva O. G., Ganusich K. V. Formation of a Marketing Concept for Restaurant and Hotel Business Enterprises. *Institucional`naya e`konomika: razvitie, prepodavanie, prilozheniya: materialy` VI Mezhdunarodnoj nauchnoj konferenciya, Moskva, 14–15 noyabrya 2019 goda = Institutional Economics: Development, Teaching, Applications: Proceedings of the VI International Scientific Conference, Moscow, November 14–15, 2019*. Moscow: State University of Management; 2019. P. 251–255. (In Russ.). EDN: RBOYHO.
7. Sidorov A. Development of the service sector in the context of digital transformation of the national economy. *Teoreticheskaya i prikladnaya e`konomika = Theoretical and applied economics*. 2021;(1):39–47. (In Russ.). DOI: 10.25136/2409-8647.2021.1.35316.
8. Chin H., Marasini D. P., Lee D. Digital Transformation Trends in Service Industries. *Service Business*. 2023;17:11–36.
9. Voskolovich N. A. Features of the transformation of the service sector in the new economic reality. *Gosudarstvennoe upravlenie. E`lektronny`j vestnik = Public administration. Electronic bulletin*. 2023;99:35–48. (In Russ.). DOI: 10.24412/2070-1381-2023-99-35-48.
10. Kamalaldin A., Linde L., Sjödin D., Parida V. Transforming provider-customer relationships in servitization: a relational view on digitalization. *Industrial Marketing Management*. 2020;89:306–325. DOI: 10.1016/j.indmarman.2020.02.004.
11. “On measures to ensure the accelerated development of the information technology industry in the Russian Federation”: Presidential Decree dated March 2, 2022 No. 83. President of Russia: official website. (In Russ.). Available from: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47593>.
12. "On the Unified Register of End Recipients of State Support for Innovative Activities": Government Resolution dated October 13, 2022 No. 1826. GARANT.RU: website. (In Russ.). Available from: <https://base.garant.ru/405541833/>.

Информация об авторах

Д. В. Ключкина — кандидат экономических наук, доцент, профессор кафедры непроеизводственной сферы и социальных технологий;
Н. С. Вашков — аспирант.

Information about the authors

D. V. Klyukina — Candidate of Science (Economics), Associate Professor, Professor of the Department of Non-Production Sphere and Social Technologies;
N. S. Vashkov — a postgraduate student.

Статья поступила в редакцию 06.04.2025; одобрена после рецензирования 23.04.2026; принята к публикации 22.06.2026.

The article was submitted 06.04.2025; approved after reviewing 23.04.2026; accepted for publication 22.06.2026.

Вестник Башкирского института социальных технологий). 2026. № 2(71). С. 83–89
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2026;2(71):83–89

Научная статья
УДК: 338.47:656(470)
doi: 10.47598/2078-9025-2026-2-71-83-89

РАЗВИТИЕ ТРАНСПОРТНО-ЛОГИСТИЧЕСКОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ И ЕЕ ВКЛАД В ПРОСТРАНСТВЕННУЮ ИНТЕГРАЦИЮ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ РЕГИОНОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Дина Владимировна Ключкина¹, Борис Владимирович Смирнов²✉,
Алексей Григорьевич Комаренко³

^{1,2,3}Академия труда и социальных отношений, Москва, Россия

¹falileeva142@mail.ru

²smirnovboris11@gmail.com✉

³komalexey@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу роли транспортно-логистической инфраструктуры в обеспечении пространственной интеграции и экономического роста регионов Российской Федерации. Актуальность исследования обусловлена усилением значимости транспортных коридоров, переориентацией части грузопотоков, необходимостью устранения инфраструктурных «узких мест» и снижением межрегиональных диспропорций. Цель работы — обосновать и методически описать вклад транспортно-логистической инфраструктуры в рост валового регионального продукта (ВРП) и связанность регионов, предложив сопоставимый индекс развития транспортно-логистической инфраструктуры и рамку для эконометрической оценки эффектов с учетом временных лагов. Методология включает системный и сравнительный анализ, построение интегрального индекса транспортно-логистической инфраструктуры на региональных данных и панельное моделирование с фиксированными эффектами. Информационная база опирается на официальные данные Федеральной службы государственной статистики, материалы Министерства транспорта Российской Федерации, Федерального дорожного агентства, ОАО «Российские железные дороги», Федерального агентства воздушного транспорта и Федерального агентства морского и речного транспорта, а также стратегические документы транспортного и пространственного развития. Практическая значимость заключается в возможности применения предложенного подхода для мониторинга инфраструктурной обеспеченности и обоснования приоритетов инвестиционной политики.

Ключевые слова: транспортно-логистическая инфраструктура, пространственная интеграция, экономический рост, ВРП, транспортная доступность, регионы Российской Федерации, инвестиции, логистические коридоры

Для цитирования: Ключкина Д. В., Смирнов Б. В., Комаренко А. Г. Развитие транспортно-логистической инфраструктуры и ее вклад в пространственную интеграцию и экономический рост регионов Российской Федерации // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2026. № 2 (71). С. 83–89. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2026-2-71-83-89>.

Research article

DEVELOPMENT OF TRANSPORT AND LOGISTICS INFRASTRUCTURE AND ITS CONTRIBUTION TO SPATIAL INTEGRATION AND ECONOMIC GROWTH OF REGIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Dina V. Klyukina¹, Boris V. Smirnov^{2✉}, Aleksey G. Komarenko³

^{1,2,3}Academy of Labor and Social Relations, Moscow, Russia

¹falileeva142@mail.ru

²smirnovboris11@gmail.com✉

³komalexey@mail.ru

Abstract. This article analyzes the role of transport and logistics infrastructure in supporting spatial integration and economic growth in Russian regions. The study is relevant given the increasing importance of transport corridors, the reorientation of some freight flows, the need to eliminate infrastructure bottlenecks, and reduce interregional disparities. The aim of the study is to substantiate and methodologically describe the contribution of transport and logistics infrastructure to gross regional product (GRP) growth and regional connectivity, proposing a comparable index of transport and logistics infrastructure development and a framework for econometrically assessing the effects, taking into account time lags. The methodology includes systemic and comparative analysis, the construction of an integrated index of transport and logistics infrastructure based on regional data, and panel modeling with fixed effects. The information base is based on official data from the Federal State Statistics Service, materials from the Ministry of Transport of the Russian Federation, the Federal Road Agency, Russian Railways, the Federal Air Transport Agency, and the Federal Agency for Maritime and River Transport, as well as strategic documents on transport and spatial development. The practical significance of the proposed approach lies in the possibility of applying it to monitoring infrastructure provision and substantiating investment policy priorities.

Keywords: transport and logistics infrastructure, spatial integration, economic growth, GRP, transport accessibility, regions of the Russian Federation, investment, logistics corridors

For citation: Klyukina D. V., Smirnov B. V., Komarenko A. G. Development of transport and logistics infrastructure and its contribution to spatial integration and economic growth of regions of the Russian Federation. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2026;(2(71)):83–89. (In Russ.). <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2026-2-71-83-89>.

Транспортно-логистическая инфраструктура (ТЛИ) является базовым элементом функционирования единого экономического пространства: она определяет издержки перемещения, доступность рынков, надежность цепочек поставок и скорость экономических взаимодействий. Для Российской Федерации, характеризующейся значительной территориальной протяженностью и неоднородностью размещения населения и производства, ТЛИ выступает одним из ключевых факторов пространственной интеграции регионов и устойчивости экономического роста.

Значимость ТЛИ усилилась под воздействием структурных изменений в логистике и торговых маршрутах, а также в связи с реализацией масштабных инфраструктурных программ и стратегий (в том числе транспортного

и пространственного развития), особенно за период 2020–2026 гг. [1–3]. При этом сохраняются диспропорции: развитые узловые регионы и агломерации получают преимущества концентрации потоков, тогда как периферийные территории сталкиваются с ограниченной доступностью и меньшей «отдачей» от инфраструктурных инвестиций без сопутствующих мер развития экономики и институтов.

Объект исследования — ТЛИ регионов Российской Федерации (линейная инфраструктура и узлы, обеспечивающие перевозки и логистические сервисы).

Предмет исследования — экономические связи и механизмы влияния развития ТЛИ на пространственную интеграцию и экономический рост регионов Российской Федерации в 2020–2026 гг., включая снижение транс-

портных издержек, расширение рынков, агломерационные эффекты и инвестиционные мультипликаторы.

Цель исследования — структурировать и обосновать вклад ТЛИ в пространственную интеграцию и рост региональных экономик в 2020–2026 гг. на основе индексного и панельного подходов.

Задачи:

1) систематизировать теоретические подходы к оценке инфраструктуры как фактора роста и интеграции;

2) определить систему показателей развития ТЛИ и прокси-индикаторов пространственной интеграции;

3) предложить метод построения интегрального индекса развития ТЛИ по регионам;

4) описать эконометрическую постановку оценки вклада ТЛИ в валовой региональный продукт (ВРП) с учетом лагов и гетерогенности;

5) сформулировать рекомендации инфраструктурной и региональной политики.

В макроэкономических и прикладных исследованиях общественная инфраструктура трактуется как компонент общественного капитала, повышающий производительность частных факторов и снижающий транзакционные издержки. Классические эмпирические работы показали статистически значимую связь между инфраструктурными расходами и выпуском, при этом подчеркивается проблема причинности и эндогенности (богатые территории чаще инвестируют больше) [4–5]. В дальнейшем исследования развивали подходы к учету агломерационных эффек-

тов, неоднородности отдачи и сетевой природы транспортной инфраструктуры [6–7]. Снижение транспортных издержек и рост связности — один из ключевых механизмов пространственной экономики: расширение «эффективного рынка» может усиливать специализацию и концентрацию (агломерацию), одновременно повышая взаимосвязанность территорий [8–9]. Современные обзоры по экономике транспорта подчеркивают, что эффект инфраструктуры определяется не только протяженностью сети, но и «узловыми» элементами, качеством, пропускной способностью, организацией логистических сервисов и институциональной средой [7].

На сегодняшний день можно выделить следующий основной нерешенный вопрос применительно к Российской Федерации — это сохранение методических трудностей, который, в свою очередь, порождает:

- несопоставимость показателей ТЛИ (разные масштабы регионов, структура сети, качество);

- трудности учета временного лага эффекта (инфраструктура «работает» после ввода и адаптации бизнеса);

- различие отдачи между агломерациями и периферией;

- необходимость привязки инфраструктурных эффектов к стратегическим документам и программам развития [1–3].

Для возможности сопоставления данных и дальнейших расчетов исследуемые регионы разбиваются по ряду блоков, представленных в таблице 1.

Таблица 1. Структура эмпирической базы исследования: блоки, показатели и источники данных

Блок	Показатели	Источники информации
Экономика региона	ВРП, инвестиции, занятость, структура ВРП	Росстат [10–11]
Автомобильная сеть	Плотность дорог, доля нормативных, ввод	Росавтодор, Росстат [11–12]
Ж/д инфраструктура	Грузооборот, узкие места (по отчетам), инвестиции	ОАО «РЖД» [13]
Узлы и мультимодальность	Портовый/аэропортовый оборот (прокси), наличие хабов	Росморречфлот, Росавиация [14–15]
Стратегический контекст	Приоритеты, коридоры, программы	Правительство РФ [1–3]

На основании данных, систематизированных в таблице 1 возможно рассчитать несколько индексов. Основной из них — индекс развития ТЛИ $I_{it}^{ТЛИ}$ — это интегральный (композиционный) показатель, который в одном числе отражает уровень инфраструктурной обеспеченности региона с точки зрения возможности быстро, надежно и экономично перемещать грузы/пассажиров и организовывать логистические операции (перевалка, хранение, распределение, мультимодальные перевозки).

$$I_{it}^{ТЛИ} = \sum_{j=1}^m w_j \cdot z_{jit},$$

где z_{jit} — нормированное значение показателя j в регионе i в год t .

Чаще всего применяют *min-max* нормирование по выборке регионов:

$$z_{jit} = \frac{x_{jit} - \min(x_j)}{\max(x_j) - \min(x_j)}.$$

Рекомендуемый набор показателей (адаптируется под доступность статистики):

- x_1 — плотность автодорог с твердым покрытием (км на 1000 кв. км);
- x_2 — доля дорог, соответствующих нормативным требованиям;
- x_3 — ж/д грузооборот (или плотность ж/д сети);
- x_4 — оборот/мощность транспортных узлов (прокси: портовый грузооборот; пассажиропоток аэропортов);
- x_5 — инвестиции в транспорт и хранение (на душу населения или к ВРП) [10–11].

w_j веса j -го показателя может определяться: равными долями, статистически, экспертным методом.

На основании $I_{it}^{ТЛИ}$ — индекса развития ТЛИ — регионы можно ранжировать на группы с высоким, средним и низким интегральным индексом развития ТЛИ, представленным в таблице 2.

По результатам, представленным в таблице 2, можно сделать вывод, что регионы Российской Федерации существенно неоднородны по уровню развития ТЛИ, и поэтому инфраструктурная политика должна быть дифференцированной, а не одинаковой для всех. Таблица 2 фактически показывает, что максимальный результат даст перераспределение инструментов по типам территорий: в развитых регионах — оптимизация и повышение эффективности; в средних — наращивание узлов и сервисов; в отстающих — обеспечение минимально необходимой связности. Это снижает риск неэффективных вложений и помогает сокращать пространственные диспропорции.

Для оценки влияния ТЛИ на экономический рост региона используется панельная регрессия с фиксированными эффектами и лагом. Это панельная регрессия (данные по регионам во времени), где оценивается, как развитие ТЛИ (индекс ТЛИ) влияет на ВРП с учетом лагов, контрольных переменных и фиксированных эффектов.

$$\ln(BPP_{it}) = \alpha + \beta \ln(I_{it-k}^{ТЛИ}) + \theta (\ln(I_{it-k}^{ТЛИ}) \cdot Di) + \gamma X_{it} + \mu_i + \tau_t + \varepsilon_{it},$$

где $\ln(BPP_{it})$ — натуральный логарифм ВРП региона i в год t ;

α — константа (средний базовый уровень);

Таблица 2. Группировка регионов по значению индекса развития транспортно-логистической инфраструктуры

Группа	Содержание	Приоритеты
Высокий $I_{it}^{ТЛИ}$	Узловые регионы, агломерации, коридоры	Устранение «узких мест», терминалы, цифровизация [1–2]
Средний $I_{it}^{ТЛИ}$	Развитая базовая сеть, но слабая узловая составляющая	Развитие ТЛЦ, повышение качества дорог [12]
Низкий $I_{it}^{ТЛИ}$	Периферия, низкая доступность	Базовая связанность, «последняя миля», субсидирование доступности [3]

$I_{it-k}^{ТЛИ}$ — индекс развития ТЛИ региона i с лагом k лет (например, $k = 1, 2, 3$);

$\ln(\)$ — логарифмирование: (коэффициенты читаются как эластичности (в % к %));

Di — фиктивная переменная (*dummy*) для типа региона/группы (например, 1 — «коридорные/узловые», 0 — остальные);

X_{it} — вектор контрольных переменных (инвестиции, занятость, структура ВРП и т. д.);

γ — коэффициенты при контролях X_{it} ;

μ^i — фиксированные эффекты региона (неизменные во времени особенности: география, историческая специализация);

τ_t — фиксированные эффекты года (общие шоки: кризис, санкции, инфляция, федеральная политика и т. д.);

ε_{it} — случайная ошибка (то, что модель не объяснила).

На основе произведенных расчетов, теории и эмпирической традиции [4–5, 7] формулируются проверяемые гипотезы для территорий Российской Федерации на определенный период.

Сопоставление теоретических положений и предлагаемого инструментария позволяет сделать три методических акцента.

Во-первых, измерение ТЛИ только по протяженности сети недостаточно: экономический эффект формируется на стыке «сеть — узлы — сервисы» (подход согласуется с современной литературой по транспортной экономике) [7].

Во-вторых, при оценке вклада ТЛИ в рост региона необходимо учитывать эндогенность: экономически сильные регионы чаще инвестируют в инфраструктуру.

В-третьих, пространственная интеграция — не только перевозки, но и институциональная

способность региона извлекать выгоды из транзита: развитие ТЛЦ, промышленных парков, переработки, сервисов, цифровых решений и кадрового обеспечения. Этот вывод согласуется с логикой стратегического управления пространственным развитием [3] и транспортными приоритетами [1–2].

Таким образом, авторы отмечают:

1. ТЛИ является ключевым фактором пространственной интеграции регионов Российской Федерации, влияя на связанность рынков и снижая издержки перемещения товаров и услуг, а в связи с реализацией масштабных инфраструктурных проектов, запущенных в период 2020–2026 гг., формируют основу для устойчивого экономического роста [1–3].

2. Для сопоставимой региональной диагностики предложен индекс развития ТЛИ, объединяющий показатели дорожной и железнодорожной обеспеченности, узловой инфраструктуры и инвестиционной активности [10–16].

3. Эконометрическая постановка на панельных данных предполагает положительную взаимосвязь между индексом развития ТЛИ и панельной регрессией с фиксированными эффектами и лагом, при этом эффект неоднороден по типам регионов, что соответствует современным теоретическим и эмпирическим результатам исследований инфраструктуры [4–5, 7].

4. Для усиления эффекта ТЛИ на рост и интеграцию целесообразны: устранение «узких мест» в коридорах, развитие мультимодальных транспортно-логистических центров, повышение качества дорожной сети, цифровизация логистических процессов и увязка инфраструктурных проектов с промышленной и инвестиционной политикой региона [1–3, 12].

Список источников

1. «Об утверждении Транспортной стратегии Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года»: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 27 ноября 2021 года № 3363-р // Министерство транспорта Российской Федерации: официальный сайт. URL: <https://mintrans.gov.ru/documents/8/11577>.

2. «Об утверждении Комплексного плана модернизации и расширения магистральной инфраструктуры на период до 2024 года»: Распоряжение Правительства РФ от 30 сентября 2018 года № 2101-р // Правительство России: официальный сайт. URL: <http://government.ru/docs/34297/>.

3. Распоряжение Правительства РФ от 28 декабря 2024 года № 4146-р об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации до 2030 года с прогнозом до 2036 года // Правительство России: официальный сайт. URL: <http://government.ru/docs/all/157308/>.

4. Aschauer D. A. Is public expenditure productive? // Journal of Monetary Economics. 1989. Vol. 23, No. 2. P. 177–200.

5. Gramlich E. M. Infrastructure investment: a review essay // *Journal of Economic Literature*. 1994. Vol. 32, No. 3. P. 1176–1196.
6. World Bank. Logistics Performance Index : website. URL: <https://lpi.worldbank.org> (date of accessed: 14.04.2026).
7. Redding S. J., Turner M. A. Transportation costs and the spatial organization of economic activity // *Handbook of Regional and Urban Economics* / ed. by G. Duranton, J. V. Henderson, W. C. Strange. Vol. 5. Amsterdam : Elsevier, 2015. P. 1339–1398.
8. Krugman P. Increasing returns and economic geography // *Journal of Political Economy*. 1991. Vol. 99, No. 3. P. 483–499.
9. Fujita M., Krugman P., Venables A. J. *The Spatial Economy: Cities, Regions, and International Trade*. Cambridge, MA : MIT Press, 1999.
10. Регионы России. Социально-экономические показатели : статистический сборник. 2021–2025 гг. // Федеральная служба государственной статистики : официальный сайт. URL: <https://www.rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>
11. Федеральная служба государственной статистики : официальный сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru>.
12. Федеральное дорожное агентство (Росавтодор) : официальный сайт. URL: <https://rosavtdor.gov.ru>.
13. Годовой отчет. 2020–2025 // Российские железные дороги : официальный сайт. URL: <https://company.rzd.ru/ru/9471>.
14. Федеральное агентство воздушного транспорта (Росавиация) : официальный сайт. URL: <https://favt.gov.ru>.
15. Федеральное агентство морского и речного транспорта (Росморречфлот) : официальный сайт. URL: <https://morflot.gov.ru>.
16. Министерство транспорта Российской Федерации : официальный сайт. URL: <https://mintrans.gov.ru/>.

References

1. "On Approval of the Transport Strategy of the Russian Federation until 2030 with a Forecast for the Period until 2035": Order of the Government of the Russian Federation dated November 27, 2021 No. 3363-r. Ministry of Transport of the Russian Federation: official website. (In Russ.). Available from: <https://mintrans.gov.ru/documents/8/11577>.
2. "On Approval of the Comprehensive Plan for the Modernization and Expansion of Trunk Infrastructure for the Period until 2024": Order of the Government of the Russian Federation dated September 30, 2018 No. 2101-r. Government of Russia: official website. (In Russ.). Available from: <http://government.ru/docs/34297/>.
3. Order of the Government of the Russian Federation dated December 28, 2024, No. 4146-r on approval of the Strategy for Spatial Development of the Russian Federation until 2030 with a Forecast until 2036. Government of the Russian Federation: official website. (In Russ.). Available from: <http://government.ru/docs/all/157308/>.
4. Aschauer D. A. Is public expenditure productive? *Journal of Monetary Economics*. 1989;23(2):177–200.
5. Gramlich E. M. Infrastructure investment: a review essay. *Journal of Economic Literature*. 1994;32(3):1176–1196.
6. World Bank. Logistics Performance Index: website. Available from: <https://lpi.worldbank.org> (date of accessed: 14.04.2026).
7. Redding S. J., Turner M. A. Transportation costs and the spatial organization of economic activity. *Handbook of Regional and Urban Economics* / ed. by G. Duranton, J. V. Henderson, W. C. Strange. Vol. 5. Amsterdam: Elsevier; 2015. P. 1339–1398.
8. Krugman P. Increasing returns and economic geography. *Journal of Political Economy*. 1991;99(3):483–499.
9. Fujita M., Krugman P., Venables A. J. *The Spatial Economy: Cities, Regions, and International Trade*. Cambridge, MA: MIT Press; 1999.
10. Regions of Russia. Socioeconomic Indicators: Statistical Digest. 2021–2025. Federal State Statistics Service: official website. (In Russ.). Available from: <https://www.rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>.
11. Federal State Statistics Service: official website. URL: <https://rosstat.gov.ru>.
12. Federal Roads Agency (Rosavtdor): official website. (In Russ.). Available from: <https://rosavtdor.gov.ru>.
13. Annual Report. 2020–2025. Russian Railways: official website. (In Russ.). Available from: <https://company.rzd.ru/ru/9471>.
14. Federal Air Transport Agency (Rosaviatsiya): official website. (In Russ.). Available from: <https://favt.gov.ru>.

15. Federal Agency for Maritime and River Transport (Rosmorrechflot): official website. (In Russ.). Available from: <https://morflot.gov.ru>.

16. Ministry of Transport of the Russian Federation: official website. (In Russ.). Available from: <https://mintrans.gov.ru/>.

Информация об авторах

Д. В. Ключина — кандидат экономических наук, доцент, профессор кафедры туризма и социальных коммуникаций;

Б. В. Смирнов — старший преподаватель кафедры туризма и социальных коммуникаций;

А. Г. Комаренко — аспирант.

Information about the authors

D. V. Klyukina — Candidate of Science (Economics), Associate Professor, Professor of the Department of Tourism and Social Communications;

B. V. Smirnov — Senior Lecturer of the Department of Tourism and Social Communications;

A. G. Komarenko — a postgraduate student.

Статья поступила в редакцию 20.04.2026; одобрена после рецензирования 20.05.2026; принята к публикации 22.06.2026.

The article was submitted 20.04.2026; approved after reviewing 20.05.2026; accepted for publication 22.06.2026.

Вестник Башкирского института социальных технологий). 2026. № 2(71). С. 90–96
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2026;2(71):90–96

Научная статья
УДК 338.462
doi: 10.47598/2078-9025-2026-2-71-90-96

ГОСТИНИЧНЫЙ БИЗНЕС: ВНЕДРЕНИЕ СТАНДАРТОВ ОБСЛУЖИВАНИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ГОСТИНИЦЫ

Ольга Валентиновна Лесникова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия, lesguu@yandex.ru

Аннотация. В статье обоснована ключевая роль стандартов обслуживания в повышении конкурентоспособности гостиничного предприятия. Рассматривается поэтапный процесс их разработки и внедрения, включая анализ рынка, формализацию процедур и обучение персонала. Особое внимание уделяется методике оценки эффективности внедренных стандартов через призму лояльности гостей и роста ключевых финансово-экономических показателей. Доказывается, что системная стандартизация сервиса является не просто элементом операционной деятельности, а стратегическим инструментом укрепления рыночных позиций гостиницы. Материалы статьи имеют практическую ценность для развития туристской инфраструктуры муниципальных образований.

Ключевые слова: стандарты обслуживания, конкурентоспособность гостиницы, управление качеством сервиса, лояльность гостей, гостиничный бизнес, профессиональные стандарты, повышение эффективности гостиницы, муниципальная туристская инфраструктура

Для цитирования: Лесникова О. В. Гостиничный бизнес: внедрение стандартов обслуживания как инструмент повышения конкурентоспособности гостиницы // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2026. № 2 (71). С. 90–96. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2026-2-71-90-96>.

Research article

HOTEL BUSINESS: IMPLEMENTATION OF SERVICE STANDARDS AS A TOOL FOR INCREASING HOTEL COMPETITIVENESS

Olga V. Lesnikova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, lesguu@yandex.ru

Abstract. This article substantiates the key role of service standards in enhancing the competitiveness of a hotel company. It examines the step-by-step process of their development and implementation, including market analysis, formalization of procedures, and staff training. Particular attention is paid to the methodology for assessing the effectiveness of implemented standards through the lens of guest loyalty and the growth of key financial and economic indicators. It demonstrates that systemic service standardization is not simply an element of operational activity, but a strategic tool for strengthening a hotel's market position. The article's findings have practical value for the development of tourism infrastructure in municipalities.

Keywords: service standards, hotel competitiveness, service quality management, guest loyalty, hotel business, professional standards, improving hotel efficiency, municipal tourism infrastructure

For citation: Lesnikova O. V. Hotel business: implementation of service standards as a tool for increasing hotel competitiveness. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2026;2(71):90–96. (In Russ.). <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2026-2-71-90-96>.

Введение

В гостиничном бизнесе есть одно неписаное правило. Его редко озвучивают на конференциях, но все о него спотыкаются: плохой сервис обходится дороже, чем неудачное расположение. Невозможность смены локации отеля делает ее заведомо менее гибким параметром по сравнению с качеством обслуживания. А вот отношение к гостям, скорость реакции горничной, состояние полотенец — все это можно менять. И нужно. Но долгое время стандарты обслуживания воспринимались как неизбежная, утомительная формальность. Толстые папки с регламентами собирали пыль в кабинетах управляющих. Сотрудники ставили подписи об ознакомлении, не вникая. И все делали вид, что порядок есть.

В 2025–2026 годах эта иллюзия рухнула. Цифры говорят сами за себя. По данным консалтинговой компании HVS, глобальный RevPAR (доходность на доступный номер) по итогам 2025 года сократился на 0,3%. Прогноз на 2026 год тоже не радует — прирост не выше 0,5–1,0%. При этом операционные рас-

ходы отелей растут как на дрожжах. С 2020 по 2024 год совокупные выплаты персоналу в секторе размещения подскочили на 26,5%. Зарабатывать больше не выходит, а тратить больше — вынуждены.

В такой ситуации стандарты перестают быть просто внутренними бумажками. Они превращаются в инструмент экономии, в рычаг контроля качества и, по сути, — в главное оружие в конкурентной борьбе за каждого гостя. В статье мы разбираем, как именно стандарты повышают конкурентоспособность отеля, какие механизмы за этим стоят и почему без четких правил сегодня невозможно удержать ни маржу, ни репутацию. Кроме того, мы показываем, почему грамотная стандартизация сервиса в одном отеле дает толчок развитию всей туристской инфраструктуры муниципального образования. Речь идет не только о повышении инвестиционной привлекательности района, но и о росте налоговых поступлений в местный бюджет — то есть о выгоде, которая выходит далеко за пределы одного здания.

Экономическая логика стандартизации: от хаоса к предсказуемости

Главный дар, который стандарт приносит любому бизнесу, — это предсказуемость. Для гостиницы это означает простую вещь: гость, который заходит в номер в понедельник, а потом возвращается в пятницу, должен получать одинаковый уровень чистоты, одинаковую скорость реакции персонала и одинаковую вежливость на ресепшене. Казалось бы, что тут сложного? Но именно с этой «очевидностью» у большинства отелей проблемы.

Платформа TrustYou проанализировала 82 млн отзывов за 2025 год. И картина получилась показательная. Общая оценка сервиса в европейских отелях — 7,85 балла. Вроде неплохо. Но когда копнули глубже и вытащили субшкалу «обслуживание номеров», цифра ушла в минус: –6,32. И дело тут не в том, что горничные вдруг разленились. Причина иная. Индустрия наткнулась на феномен «усталого номера». Последние годы отели работали с высокой загрузкой, но при этом экономили на ремонтах и на персонале. В итоге номера просто

не выдерживают такого ритма — износ накапливается, и гость это чувствует.

И вот тут стандарт работает как предохранительный клапан. Прописанный до мелочей алгоритм приемки номера после уборки, понятный регламент, как горничной взаимодействовать с инженерной службой, контрольные листы на каждое помещение — все это снижает разброс качества. А чем меньше разброс, тем меньше негатива в отзывах и тем реже гости стучатся на ресепшен с одной и той же жалобой.

Экономический эффект от таких систем — не теория, а цифры. Согласно отраслевым исследованиям, переход от реактивного управления (то есть когда реагируют на проблему) к стандартизированному сокращает среднее время ответа на запрос с 8,5 минут до менее чем 2 минут. Мелочь? На первый взгляд. Но для бизнеса это возможность перераспределить нагрузку на сотрудников, а значит — снизить операционные издержки. В ряде случаев удавалось срезать расходы до 42% без увольне-

ния людей. Экономия приходит не за счет того, что кого-то сократили. Она возникает потому, что исчезают дублирующие функции и лишние

перемещения персонала. Горничная перестает бегать туда-сюда за тряпками и пылесосом — все уже спроектировано [1].

Поэтапный процесс разработки и внедрения стандартов

Создать систему стандартов обслуживания с наскока не получится. Это не разовое мероприятие, а последовательная работа. Если разбить ее на этапы, получится четыре крупных блока. Ошибка на любом из них обнуляет все остальные усилия.

Первый этап — анализ рынка и внутренний аудит. Прежде чем писать правила, надо честно признать: где у нас хромает сервис? Для этого используют несколько инструментов. Тайный гость — анонимная проверка качества. Анализ отзывов с агрегаторов. Хронометраж операционных процессов: сколько на самом деле занимает заселение, сколько — уборка, сколько — подача завтрака. Данные гостиничного консалтинга говорят: до 60% потерь времени случаются не потому, что сотрудники ленивы, а потому что нет внятного регламента. Горничная идет за тряпкой в один конец коридора, за пылесосом — в другой. Задача стандарта — спроектировать эти перемещения так, чтобы они были минимальны.

Второй этап — формализация процедур. Здесь рождаются те самые SOP — Standard Operating Procedures. Важно понять: хороший стандарт — это не эссе, не роман и не приказ начальника. Это алгоритм. Он должен быть написан так, чтобы новый сотрудник взял и выполнил задание без помощи наставника. Лучше всего — чек-лист с шагами и фотографиями

того, как должно быть в итоге. Не «номер должен быть чистым», а «зеркало в ванной протерто до отсутствия разводов; проверено при боковом освещении». Конкретика. Никакой воды.

Третий этап — обучение персонала. Это самый недооцененный этап и он же — самый провальный. Большинство отелей проводят двухчасовую лекцию, раздают папки и выдыхают: все, внедрились. Ошибка. Взрослые люди не учатся на лекциях. Они учатся на практике, на собственных ошибках, на разборе реальных ситуаций. Лучшие примеры из отрасли показывают: эффективное внедрение стандарта требует минимум три недели ежедневных коротких тренировок — по 15–20 минут — с обязательной обратной связью. Без этого стандарт остается мертвой буквой.

Четвертый этап — контроль соблюдения и обратная связь. Аксиома: стандарт, за которым никто не следит, перестает быть стандартом. Система контроля может выглядеть по-разному. Ежедневные выборочные проверки, аудиозапись звонков на ресепшен, фотофиксация уборки номеров. Но главное здесь — не карательные меры, главное — обратная связь для сотрудника. Человек должен понимать, что именно он сделал не так и как это исправить. Наказывать без обучения — пустая трата времени и нервов. Ничему хорошему это не приводит.

Стандарты безопасности и доверия: новая цена вопроса

Пандемия изменила отельный сервис глубже, чем многие думают. То, что раньше считалось приятным бонусом — идеальная чистота, прозрачная уборка, контроль санобработки — теперь не бонус вовсе, а жесткое условие. И рынок это условие проверяет без скидок.

Данные глобального исследования 2025 года: 83% путешественников назвали сертификаты здоровья и безопасности решающим фактором при выборе отеля. Цена и местополо-

жение отошли на второй план. Это не просто тренд, это фундаментальный сдвиг. Гость покупает не койку на ночь, он покупает подтвержденную процедуру. Фраза «у нас чисто» больше не работает. Ему нужны доказательства: пломбы на постельном белье, чек-листы уборки, открытая информация — когда, чем и как обрабатывали поверхности.

Отели, которые внедрились независимые стандарты чистоты (вроде GBAC STAR™ или их локальных аналогов), фиксируют рост за-

грузки в среднем на 12 % по сравнению с конкурентами без таких сертификатов. Почему? Сертификат снимает тревожность. А в мире, где новости про новые вирусы и инфекции льются со всех сторон, умение снять тревожность стоит дорого. Это и есть конкурентное преимущество.

От реактивного обслуживания к прогностическому

Следующий уровень зрелости — это выход за пределы простого реагирования. Большинство отелей до сих пор работают по принципу «позвали — пришли». Гость звонит на ресепшен, просит подушку — несут подушку. Жалуются на холод — включают обогреватель. Эта схема себя исчерпала. Причем по двум причинам. Первая: она дорогая. Каждый звонок съедает время сотрудника. Вторая: она раздражает самого гостя. Ему приходится тратить свои силы на проблемы, которых изначально не должно было быть [2].

Альтернатива — прогностическое обслуживание. Основано на данных и на стандартизированных алгоритмах их обработки. На словах сложновато, на деле все проще. Отель должен помнить, что гость любил в прошлый раз, и автоматически применять это к новому заезду.

Проблема человеческого фактора и пути ее решения

Самый больной вопрос при внедрении стандартов: как не превратить живое общение в роботизированную вежливость? Отраслевые исследования 2025 года говорят однозначно: холодное следование скрипту раздражает почти так же сильно, как открытая грубость. Гость чувствует фальшь. И эта фальшь убивает все — даже идеально вылизанный номер [3].

Успешные отели в последние два года уходят от обезличенных скриптов. Они переходят к сценариям, построенным на так называемом ситуационном суждении. Сотрудника не учат зазубривать фразы. Его учат распознавать тип ситуации и выбирать из набора допустимых реакций ту, что уместна именно сейчас. Это требует другого обучения. Не лекций, а кейсов, разборов, ролевых игр.

И здесь важный нюанс. Речь именно о внешних, верифицируемых стандартах. Внутренние регламенты, которые гость не видит и не может проверить, почти бесполезны. Прозрачность — вот что превращает скучную санобработку в маркетинговый актив. Если гость не видит — значит, этого нет.

Аналитика больших данных позволяет превратить статичный стандарт в живой процесс. Если система знает, что этот гость в прошлый раз заказывал жесткую подушку и два одеяла, эта информация должна автоматически попасть в чек-лист горничной. Это не про «индивидуальный подход» в старом, затратном смысле, когда портье носится с блокнотом и записывает пожелания. Это про масштабируемую технологию, встроенную в стандарт.

Прогнозы на 2026 год: около 30 % высококлассных отелей уже тестируют такие предиктивные системы. В массовом сегменте цифра скромнее — примерно 8–10 %, но динамика положительная. Эффект: обращения на ресепшен падают на 15–20 %, повторные бронирования растут до 25 %. Отель, который решает проблему до того, как она возникла, получает лояльность без всяких скидок. И это дорогого стоит.

Ключевой момент: стандарт не должен убивать инициативу, он задает границы. Внутри этих границ сотрудник остается свободным. Пример. Стандарт может предписывать: «При жалобе на холод в номере сотрудник обязан предложить три варианта — обогреватель, дополнительное одеяло или переселение. А какой из них выбрать, сотрудник решает сам, по согласованию с гостем». Это не жесткий алгоритм. Это рамка, внутри которой работает живое человеческое суждение [4].

Статистика по рынку EMEA: отели, которые отвечают на отзывы в 55–70 % случаев (Великобритания и ОАЭ при среднемировых 48 %), используют именно такой подход. Они не заставляют персонал лепить ответы по шаблону. Они дают свободу формулировок,

но требуют соблюдать стандарт по срокам и тональности. Результат: повторные брони-

рования выше на 12–15 процентных пунктов.

Методика оценки эффективности внедренных стандартов

Внедрение стандартов — это не вопрос веры. Это инвестиция. А любую инвестицию надо мерить. Практика выработала несколько групп показателей, по которым видно: система работает или только делает вид.

Первая группа — операционные метрики. Самые простые и самые честные: среднее время заселения; количество повторных обращений по одному и тому же вопросу; процент номеров, сданных горничными до 14:00; время от звонка на ресепшен до решения проблемы. Все эти цифры после внедрения стандартов должны улучшаться. Если нет — либо плохие стандарты, либо их никто не соблюдает.

Вторая группа — метрики качества по оценкам гостей. Здесь важен не общий балл (он часто смазанный), а динамика конкретных пунктов, на которые влияет стандарт. Внедрили новый регламент уборки ванной? Смотрите не на общий рейтинг отеля, а на оценки пункта «чистота ванной» в отзывах за последние три

месяца. Рост с 4,2 до 4,7 — отлично. Стояние на месте — провал [5].

Третья группа — экономические показатели. Самый убедительный аргумент для собственника. Рост повторных бронирований (прямой индикатор: люди возвращаются). Снижение комплиментов (бесплатных услуг за испорченное впечатление). Рост среднего чека за счет дополнительных продаж — потому что персонал освободился от рутины и наконец-то может заниматься гостями.

В 2025–2026 годы набирает популярность методика расчета «стоимости некачественного сервиса». Суммируют все: комплименты гостям, скидки за испорченный отдых, затраты на разбор претензий и самое трудное — потерянные будущие бронирования от тех, кто ушел недовольным и больше никогда не вернется. Исследования показывают: в отелях без внятных стандартов эта стоимость отнимает 8–12% выручки. В системных отелях — не больше 2–3%. Разница и есть чистая прибыль [6].

Связь с развитием туристской инфраструктуры муниципальных образований

На первый взгляд может показаться, что стандарты в отдельном отеле — дело только его владельцев. Но нет. Качественная гостиница, работающая по четким правилам, становится якорем для всей туристической экосистемы муниципалитета.

Как это выглядит на практике? Берем город на 50–70 тыс. чел., через который идет туристический поток. Если в этом городе есть отель с надежным сервисом (чисто, предсказуемо, безопасно), туроператоры охотнее включают его в свои маршруты. Экскурсионные автобусы останавливаются не транзитом, а с ночевкой. Гости тратят деньги не только на номер, они ужинают в местных ресторанах, покупают сувениры, садятся в такси, идут в музеи. Деньги остаются в муниципалитете в виде налогов, в виде рабочих мест, в виде загрузки местного малого бизнеса [7].

Кроме того, гостиница с системным сервисом поднимает инвестиционную привлекательность территории. Инвестор приходит, видит: здесь можно положиться на качество размещения — и охотнее вкладывается в сопутствующие проекты: от кемпингов до ресторанных сетей. А муниципалитет получает аргумент для участия в федеральных и региональных туристических программах: «У нас есть инфраструктура, мы готовы принимать гостей».

Обратный пример тоже показателен. Муниципалитеты, где гостиницы работают «как бог на душу положит», где нет единых стандартов чистоты и безопасности, быстро обрастают репутацией «некомфортных для туризма». Поток идет в обход. Деньги утекают в соседние районы. Местный бизнес чахнет. Так что стандартизация сервиса в гостиничном сек-

торе — это не частный вопрос. Это элемент муниципальной экономической политики.

Пусть не всегда очевидный, но от того не менее важный [8].

Заключение

Гостиничный бизнес в середине 2020-х зажат в тиски. Доходы не растут. Расходы растут. Каждый процент операционной маржи достается с боем. В таких условиях стандарты обслуживания — это не роскошь и не прихоть бюрократов. Это единственный способ перевести качество из разряда «как повезет» в разряд предсказуемых вещей, когда знаешь, что получишь, даже если сегодня пятница, тринадцатое, а горничная — новенькая.

Коротко пройду по главным выводам. Их четыре.

Первый: стандарт экономит деньги. Сокращается время ответа на запросы. Исчезают дублирующие функции. Текучка снижается, потому что обучение становится внятным. Все это дает измеримый финансовый результат. Исследования говорят: операционные издержки можно срезать на 40% и больше, не увольняя при этом ни одного человека.

Второй: стандарт продает безопасность. В мире, где тревожность по поводу чистоты и здоровья только растет, подтвержденная процедура перевешивает цену. Сертифицированные отели получают прирост загрузки в среднем на 12%. Ни одна скидочная акция не даст такого эффекта.

Третий: стандарт не должен быть врагом живого общения. Жесткие алгоритмы убивают доверие, гибкие правила — укрепляют. Успешные отели уходят от скриптов к сценари-

ям, оставляют сотрудникам пространство для ситуационных решений. И это окупается.

Четвертый: стандартизация в одном отеле работает на развитие целого муниципального образования. Предсказуемое качество привлекает туристический поток, он стимулирует местный бизнес, поднимает инвестиционную привлекательность территории. Управление отелем перестает быть только частным делом, оно становится частью региональной туристской политики — хочешь ты этого или нет.

Что дальше? Будущее за стандартами нового поколения, встроенными в цифровую среду, опирающимися на данные о предпочтениях, допускающими человеческую вариативность. Те сети и независимые отели, которые перестанут видеть в регламентах обузу и начнут использовать их как инструмент управления эффективностью, получат решающее преимущество.

Конкуренция перетекает из ценовой плоскости в плоскость операционного совершенства. Отель, где все работает как часы, но люди при этом остаются людьми — вот что сегодня называется по-настоящему конкурентоспособным. А город, в котором есть такой отель, выигрывает вдвойне: и как туристская дестинация, и как территория, куда хочется возвращаться. Не потому что дешево, а потому что надежно, понятно и по-человечески.

Список источников

1. Чудновский, А. Д., Жукова М. А. Менеджмент в туризме и гостиничном хозяйстве : учебник. Москва : КноРус, 2020. 319 с.
2. Кротенко Т. Ю. Интеграция систем среднего профессионального и высшего образования: внешние воздействия и организационные механизмы // Экономика образования. 2026. № 1(152). С. 33–43. EDN: TCOLXV.
3. Прокопьев В. Н. Туристический бизнес и его виды (краткий обзор литературы) // Молодой ученый. 2021. № 9 (351). С. 50–61. URL: <https://moluch.ru/archive/351/78927>.
4. Кротенко Т. Ю. Пространственные параметры в образовательной сфере: новые направления развития // Ярославский педагогический вестник. 2025. № 1(142). Р. 49–57. DOI: 10.20323/1813-145X-2025-1-142-49.
5. Чаусов Н. Ю., Денисова Т. И., Чаусова Л. А. Исследование конкурентоспособности организаций рынка гостиничных услуг // Российский экономический интернет-журнал. 2022. № 4. 11 с. URL: <https://www.e-rej.ru/upload/iblock/d9e/0wb1q0zh95nmsohvvp5w3dar8ymc1ahp.pdf>. EDN: LIWQJP.

6. Кротенко Т. Ю. Экономика непрерывного образования (Lifelong Learning) как новая бизнес-модель университета // Экономика образования. 2026. № 2(153). С. 17–26. EDN: AAJNZK.

7. Лесникова О. В., Кануникова М. И. Качество в предоставлении гостиничных услуг как фактор удовлетворенности и лояльности клиентов // Муниципальная академия. 2023. № 4. С. 136–143. DOI: 10.52176/2304831X_2023_04_136.

8. Krotenko T. Yu. Problems and prospects of STEM technology: relevance of disciplinary convergence in engineering education // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2025. № 1. С. 40–53. DOI: 10.15593/2224-9354/2025.1.3. (In Eng.).

References

1. Chudnovsky, A. D., Zhukova M. A. Management in tourism and hotel industry: a textbook. Moscow: KnoRus; 2020. 319 p. (In Russ.).

2. Krotenko, T. Yu. Integration of secondary vocational and higher education systems: external influences and organizational mechanisms. *E`konomika obrazovaniya = Economics of Education*. 2026;(1(152)):33–43. (In Russ.). EDN: TCOLXV.

3. Prokopyev V. N. Tourism business and its types (a brief literature review). *Molodoj ucheny`j = Young Scientist*. 2021;(9(351)):50–61. (In Russ.). Available from: <https://moluch.ru/archive/351/78927>.

4. Krotenko T. Yu. Spatial parameters in the educational sphere: new directions for development. *Yaroslavskij pedagogicheskiy vestnik = Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 2025;(1(142)):49–57. (In Russ.). DOI: 10.20323/1813-145X-2025-1-142-49.

5. Chausov N. Yu., Denisova T. I., Chausova L. A. Study of the competitiveness of organizations in the hotel services market. *Rossiyskiy e`konomicheskij internet-zhurnal = Russian Economic Internet Journal*. 2022;(4):11. (In Russ.). URL: <https://www.e-rej.ru/upload/iblock/d9e/0wblq0zh95nmsohvvp5w3dar8ymc1ahp.pdf/>. EDN: LIWQJP.

6. Krotenko T. Yu. Lifelong learning as a new business model for the university. *E`konomika obrazovaniya = Economics of Education*. 2026;(2(153)):17–26. (In Russ.). EDN: AAJNZK.

7. Lesnikova O. V., Kanunikova M. I. Quality in the provision of hotel services as a factor in customer satisfaction and loyalty. *Municipal`naya akademiya = Municipal Academy*. 2023;(4):136–143. (In Russ.). DOI: 10.52176/2304831X_2023_04_136.

8. Krotenko T. Yu. Problems and prospects of STEM technology: relevance of disciplinary convergence in engineering education. *Vestnik Permskogo nacional`nogo issledovatel`skogo politexnicheskogo universiteta. Social`no-e`konomicheskije nauki = Bulletin of Perm National Research Polytechnic University. Social and Economic Sciences*. 2025;(1):40–53. DOI: 10.15593/2224-9354/2025.1.3.

Информация об авторе

О. В. Лесникова — кандидат экономических наук, доцент кафедры гостиничного дела и международного бизнеса.

Information about the author

O. V. Lesnikova — Candidate of Science (Economics), Associate Professor of the Department of Hotel Business and International Business.

Статья поступила в редакцию 17.04.2026; одобрена после рецензирования 20.05.2026; принята к публикации 22.06.2026.

The article was submitted 17.04.2026; approved after reviewing 20.05.2026; accepted for publication 22.06.2026.

Вестник Башкирского института социальных технологий). 2026. № 2(71). С. 97–104
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2026;2(71):97–104

Научная статья
УДК 338.242(470)
doi: 10.47598/2078-9025-2026-2-71-97-104

ОЦЕНКА РЕЗУЛЬТАТОВ АДАПТАЦИИ СИСТЕМЫ МЕНЕДЖМЕНТА В РОССИЙСКОМ МАЛОМ И СРЕДНЕМ БИЗНЕСЕ К ИЗМЕНЕНИЮ УСЛОВИЙ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Рустам Илькамович Маликов¹, Ксения Юрьевна Михайлова²,
Виталий Николаевич Пахомов³✉

^{1,2,3}Уфимский государственный нефтяной технический университет, Уфа, Россия

¹malikovri@rambler.ru

²xeniamikhaylova@mail.ru

³vitalik17.0822@gmail.com✉

Аннотация. Переход российской экономики в состояние новой геополитической реальности, характеризующейся усилением нестабильности и высокой степени неопределенности, охватывает абсолютно все субъекты хозяйственной жизни страны, в том числе и представителей малого и среднего бизнеса. Целый ряд вызовов и угроз связан с влиянием на протекание рыночных процессов все большего числа факторов внешнего характера, оказывающих непосредственное влияние на конечные результаты деятельности отечественных предприятий, что требует обоснования новых подходов к построению концепций и стратегии развития хозяйствующего субъекта и повышает требования к качеству менеджмента в ведении бизнеса. Данный фактор является причиной, актуализирующей важность исследований способов и мер адаптации хозяйствующих субъектов малого и среднего бизнеса к резко меняющимся условиям функционирования, оценке их эффективности и перспектив развития. В данной статье рассмотрены вопросы механизмов адаптации, которые сложились в среде российского малого бизнеса в период турбулентности мировой экономики и позволили им не только выжить, но и увеличить свою долю на рынке в связи с открывающимися возможностями, связанными с масштабным уходом иностранных конкурентов с российского рынка.

Ключевые слова: малый и средний бизнес, санкции, кризис, турбулентность, санкционное давление, адаптация, стратегии, риски, предпринимательство, экономическая безопасность

Для цитирования: Маликов Р. И., Михайлова К. Ю., Пахомов В. Н. Оценка результатов адаптации системы менеджмента в российском малом и среднем бизнесе к изменению условий новой экономической реальности // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2026. № 2 (71). С. 97–104. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2026-2-71-97-104>.

Research article

EVALUATION OF THE RESULTS OF ADAPTATION OF THE MANAGEMENT SYSTEM IN RUSSIAN SMALL AND MEDIUM BUSINESSES TO THE CHANGING CONDITIONS OF THE NEW ECONOMIC REALITY

Rustam I. Malikov¹, Ksenia Yu. Mikhailova², Vitaly N. Pakhomov³✉

^{1,2,3}Ufa State Petroleum Technological University, Ufa, Russia

¹malikovri@rambler.ru

²xeniamikhaylova@mail.ru

³vitalik17.0822@gmail.com✉

Abstract. The transition of the Russian economy to a new geopolitical reality characterized by increased instability and a high degree of uncertainty affects absolutely all subjects of economic life of the country, including representatives of small and medium businesses. A number of challenges and threats associated with the influence of an increasing number of external factors on the course of market processes that violate the principles of economic determinism and require the formation of new relevant approaches and concepts to building a development strategy for an economic entity, have a direct impact on the final results of domestic enterprises and increase the requirements for the quality of management in doing business. This factor is the reason that actualizes the importance of research into the methods and measures of adaptation of small and medium-sized businesses to dramatically changing operating conditions, assessing their effectiveness and development prospects. This article examines the issues of adaptation mechanisms that have developed in the Russian small business environment during the period of global turbulence and allow them not only to survive, but also to increase their market share in connection with the emerging opportunities associated with the large-scale departure of foreign competitors from the Russian market.

Keywords: small and medium businesses, sanctions, crisis, turbulence, sanctions pressure, adaptation, strategies, risks, entrepreneurship, economic security

For citation: Malikov R. I., Mikhaylova K. Yu., Pakhomov V. N. Evaluation of the results of adaptation of the management system in Russian small and medium businesses to the changing conditions of the new economic reality. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social'nykh tekhnologii) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2026;(2(71)):97–104. (In Russ.). <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2026-2-71-97-104>.

Одним из наиболее значимых трендов и ключевых факторов международной экономической политики стало развязывание Западом санкционной войны против России с беспрецедентными по масштабам и глубине последствиями, что стало точкой отсчета для перехода российской экономической системы на принципиально новый уровень организации распределения экономического влияния и ответственности между различными уровнями крупного, среднего и малого бизнеса. Данный взгляд на текущие события с учетом воздействия факторов обострения международной напряженности и усиления конкурентной борьбы за дефицитные рынки сырья и технологий характерен для многих представителей политической элиты Российской Федерации [1]. Подобную позицию высказывают и в экспертном сообществе, справедливо полагая неизбеж-

ность наступления долгосрочных последствий для бизнеса от протекающих на данный момент процессов структурной перестройки всей системы мировой торговли [2].

Малый бизнес, обеспечивая рост экономики, новые рабочие места и разнообразие товаров с услугами для потребителей, крайне уязвим к внешним потрясениям — особенно к затяжным и крупномасштабным, с которыми мы сталкиваемся сегодня. Понимание важности формирования благоприятной среды для масштабирования деятельности отечественного малого бизнеса со стороны общества и государственных структур не позволяет дать однозначную положительную оценку результатам экономической политики российских властей в данной области. Хотя основной показатель значимости малого бизнеса в национальной экономике — его доля в валовом внутреннем

продукте (ВВП) — растет, несмотря на последствия пандемии и санкции от недружественных государств, этот уровень все равно значительно уступает аналогичным характеристикам развитых экономик.

На рисунке 1 отображена динамика изменения вклада малого и среднего бизнеса (МСП) в ВВП России в период с 2021 по 2025 год.

Согласно данным, представленным на рисунке 1, по итогам 2025 года доля МСП в ВВП России достигла рекордного показателя за последние пять лет — 22,3% [3–4]. Положительная

динамика в 2024–2025 годах способствовала адаптации бизнеса к новым условиям и мерам государственной поддержки в связи с изменившимися внешними условиями деловой среды.

В сравнении показателей с аналогичными данными других стран достижения России в этой сфере выглядят далеко не такими впечатляющими, на чем неоднократно заостряли внимание высшие российские руководители в своих выступлениях [5]. На рисунке 2 представлена доля МСП в формировании ВВП некоторых стран за 2025 год.

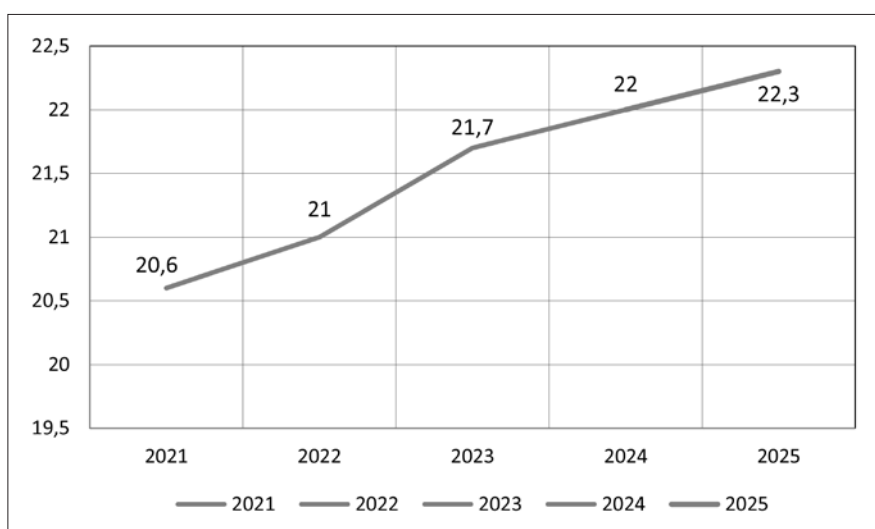


Рисунок 1. Динамика доли малого и среднего предпринимательства в ВВП России за 2021–2025 гг. [2]
Figure 1. Dynamics of the share of small and medium-sized businesses in Russia’s GDP for 2021–2025 [2]

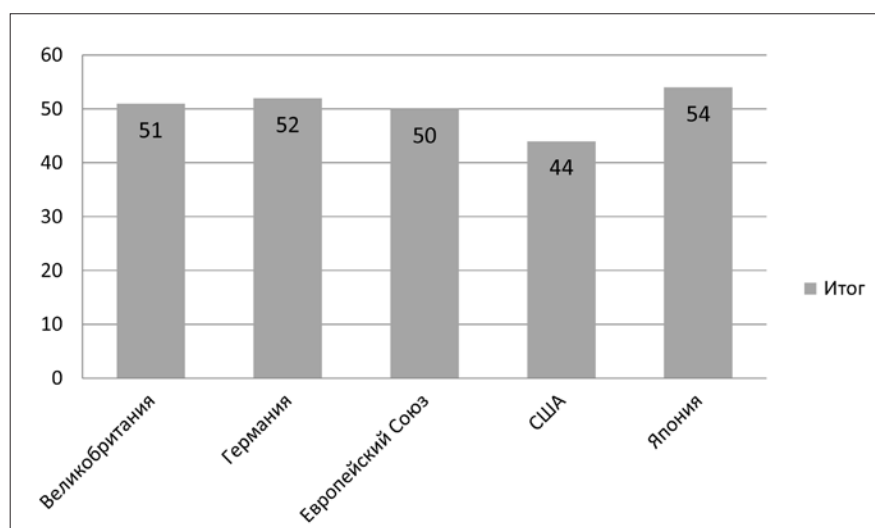


Рисунок 2. Доля МСП в формировании ВВП некоторых стран за 2025 год (в %) [6]
Figure 2. Share of SMEs in GDP of some countries in 2025 (in %) [6]

Стоит отметить, что доля малого бизнеса в добавленной стоимости ВВП России стабильно держится на отметке 20–22 % в течение многих лет, так и не поднявшись выше, несмотря на обширные государственные меры по улучшению условий для развития бизнеса — от снижения бюрократической нагрузки до разнообразных программ льготного финансирования.

Россия, согласно результатам межстранового сопоставления, отстает от уровня развитых стран в среднем в 2–2,5 раза, что является неизменным с начала ведения с 2017 года регулярных наблюдений и публикаций данного показателя в статистических сборниках Росстата. Эта ситуация указывает на существенные трудности в реализации задач нацпроекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы», направленного на рост вклада МСП в добавленную стоимость экономики страны [7].

Несмотря на то, что целевые показатели проекта на данный период не выполнены, статистические данные по динамике развития российского малого и среднего бизнеса в 2021–2025 годы показывают устойчивый рост числа таких предприятий как результат адаптации их к санкционным вызовам. На рисунке 3 отражена динамика количества МСП в России за 2021–2025 годы.

По состоянию на 10 июля 2025 г. в России зарегистрировано 6,4 млн субъектов МСП, что на 3,2 % больше, чем в 2024 году [8]. При этом количество индивидуальных предпринимателей достигло 4,4 млн, что подтверждает высокую предпринимательскую активность населения [8]. По данным на сентябрь 2025 г., число субъектов МСП достигло 6,64 млн, что на 11,4 % больше, чем в 2019 году [2, 4]. На конец 2025 г., по информации Минэкономразвития, количество субъектов МСП составило 6,76 млн единиц [9].

Таким образом, наблюдаемая динамика численности МСП в России за 2022–2025 годы свидетельствует о формировании навыков адаптации у менеджмента малого и среднего бизнеса к изменившейся геэкономической обстановке, чему способствовал ряд факторов:

- гибкость и маневренность МСП, помогающие преодолевать трудности быстрее, чем крупным компаниям, с меньшими временными потерями;
- стремительный рост числа самозанятых, особенно среди молодежи, пополняющий ряды новых предпринимательских структур в стране;
- возможность занять новые или освобожденные ниши на рынке после массового ухода иностранных фирм;

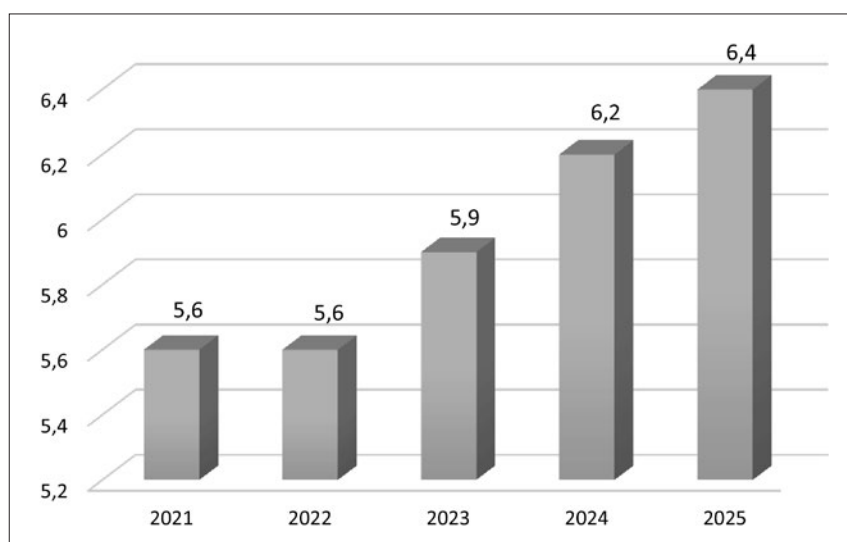


Рисунок 3. Динамика количества субъектов МСП за 2021–2025 годы (источник)

Figure 3. Dynamics of the number of SMEs for 2021–2025 (source)

– повсеместная цифровизация, особенно в *e-commerce*, где сектор показывает взрывной рост благодаря притоку именно МСП [8];

– усиление мер по импортозамещению для стабилизации внутреннего рынка после ухода западных игроков, с акцентом на вовлечение малого и среднего бизнеса;

– внедрение мероприятий по реализации концепции технологического лидерства как приоритета государственной политики, где ключевую роль играют малые инновационные фирмы, эффективно использующие имеющиеся ограниченные ресурсы для создания высоко конкурентных товаров, услуг;

– совершенствование господдержки через снижение бюрократических барьеров, предоставление льготных кредитов для субъектов МСП в ключевых секторах экономики для социально ориентированного бизнеса.

Следовательно, комплексный подход к достижению паритетного взаимодействия бизнеса с региональными и местными администрациями, позволяет руководству малых и средних компаний лучше адаптироваться к внешнему кризису и не закрыться. А также эти меры дали толчок к увеличению числа субъектов МСП и их финансовых показателей. По итогам 2024 года в секторе МСП трудились 29,3 млн чел., что на 36,3% больше, чем пять лет назад [4]. При этом по данным Федеральной на-

логовой службы количество работников в секторе МСП (без учета самозанятых) составляет 15,2 млн чел. [8].

Однако, несмотря на данные достижения, существуют барьеры и вызовы, с которыми приходится сталкиваться менеджменту в МСП. Среди наиболее существенных рисков стабильно фигурируют высокие темпы инфляции. На рисунке 4 представлена динамика индекса потребительских цен в России за 2021–2025 гг.

Как показывают данные рисунка 4, после пиковых значений 2022 года инфляция снизилась до 7,42% в 2023 году, затем вновь выросла до 9,52% в 2024 году, однако по итогам 2025 года составила 5,59% — самый низкий показатель за последние пять лет (после 2020 года, когда инфляция составила 4,9%) [11]. Таким образом, снижение уровня инфляции в 2025 году оказывает положительное влияние на потребительский спрос, способствуя росту покупательной способности, и последующему улучшению условий для кредитования граждан, бизнеса.

Серьезной проблемой в развитии отечественной инновационной сферы являлось наблюдаемое в 2022 году серьезное сокращение венчурных инвестиций. Однако в 2023–2025 гг. ситуация начала меняться. По данным аналитической платформы *Venture Guide*, объем российского венчурного рынка за

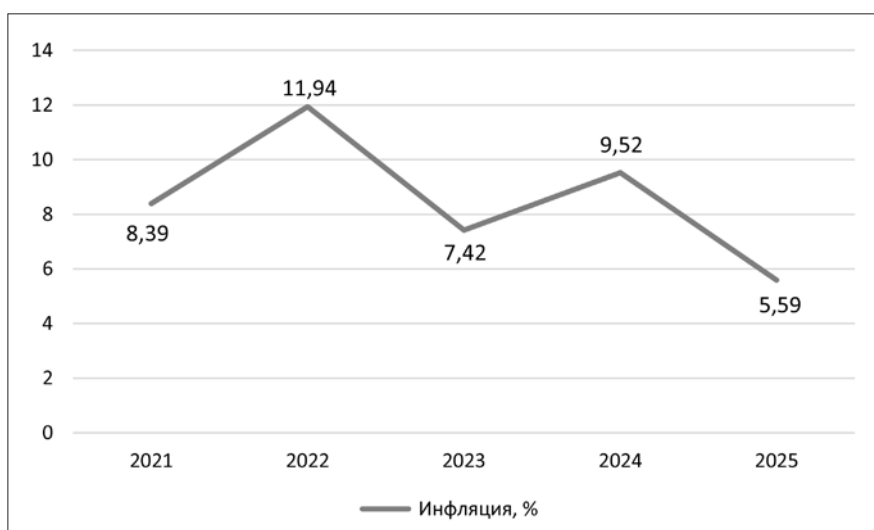


Рисунок 4. Динамика инфляции в России за 2021–2025 гг. (в процентах, декабрь к декабрю предыдущего года) [10]

Figure 3. Inflation dynamics in Russia for 2021–2025 (in percent, December to December of the previous year) [10]

2024 год составил \$91,7 млн, что на 23% меньше показателя 2023 года [10]. В первом полугодии 2025 г. количество сделок на российском венчурном рынке сократилось по сравнению с аналогичным периодом 2024 года на 27% (с 74 до 54), однако объем инвестиций увеличился на 86% — с \$46 млн до \$78 млн, а средний чек одной инвестиции вырос с \$600 тыс. до \$1,4 млн [10]. Эксперты отмечают, что рынок венчурных инвестиций в России демонстрирует восстановление, чему способствуют адаптация инвесторов к новым условиям, отложенный спрос и высокий интерес к технологиям импортозамещения, кибербезопасности и искусственному интеллекту.

При проведении анализа параметров предпринимательской активности субъектов МСП в условиях воздействия санкционных ограничений 2022–2025 гг. можно отметить сохранение общей положительной динамики основных индикаторов состояния МСП в России: увеличение количества субъектов (до 6,4–6,76 млн в 2025 году в зависимости от даты измерения [4, 8–9]) и рост доли сектора в ВВП (до 21,7% в 2023 году с сохранением тренда [3–4]). Вы-

сокая степень адаптивности менеджмента малого и среднего бизнеса к резко ухудшающимся условиям делового климата заключается в присущей для них мобильности, а также новых возможностях увеличения доли на рынке за счет ухода иностранных конкурентов. Также большую роль в сохранении устойчивых темпов роста субъектов МСП играет государственная поддержка по различным направлениям. Восстановление рынка венчурных инвестиций в 2024–2025 гг. (рост объема инвестиций на 86% в первом полугодии 2025 г. по сравнению с аналогичным периодом прошлого года [10]) свидетельствует о постепенном преодолении кризисных явлений в инновационном секторе. Однако существуют направления работы, которые требуют выработки новых методов и средств улучшения инвестиционного климата в России, а также создания более стабильных и предсказуемых условий ведения бизнеса, в том числе за счет более эффективных методов борьбы с инфляцией (снижение до 5,59% в 2025 году [11–12]) и кадровым голодом, и применения мер активной стимулирующей политики по поддержке отечественного МСП.

Список источников

1. Силуанов заявил о выработке антител к новой реальности у РФ за прошедший год // Известия. 2023. 15 июня // Известия : сайт. URL: <https://iz.ru/1528746/2023-06-15/siluanov-zaiavil-o-vyrobotke-antitel-k-novoi-realnosti-u-rf-za-proshedshii-god>. Дата публикации: 15.06.2023.
2. Пахомов В. Н., Мамателашвили О. В. Результаты адаптации российского малого и среднего бизнеса к условиям новой экономической реальности // Актуальные проблемы обеспечения экономической безопасности государства, регионов, предприятий : сборник научных статей VIII Международной научно-практической конференции, Уфа, 03 июня 2023 года. Уфа : Уфимский государственный нефтяной технический университет, 2024. С. 254-258. EDN: XUYOYU.
3. Александр Новак. МСП вышло на качественно новый уровень развития» / Эксперт. 2025. 25 июня // Эксперт : сайт. URL: <https://expert.ru/mnenie/msp-vyshlo-na-kachestvenno-novyy-uroven-razvitiya/>. Дата публикации: 25.06.2025.
4. Павел Исаев. Сектор МСП в России: новые рекорды по числу предприятий и вкладу в экономику // Агентство Бизнес Новостей : официальный сайт. URL: <https://abn.agency/2026/01/07/sector-msp-v-rossii-novye-rekordy-po-chislu-predpriyatij-i-vkladu-v-ekonomiku/>. Дата публикации: 07.01.2026.
5. Эксперты назвали направления развития экономики России // ТАСС : официальный сайт. URL: <https://tass.ru/novosti-partnerov/14256753>. Дата публикации: 01.04.2022.
6. Франке Н. Роль малого бизнеса в экономике США // Cifra. Экономика. 2023. № 2 (2). URL: <https://economics.cifra.science/archive/2-2-2023-august/10.23670/ECNMS.2023.2.6>. DOI: 10.23670/ECNMS.2023.2.6. EDN: ISOTVC.
7. Национальный проект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» // Стратегия 24 : официальный сайт. URL: <https://strategy24.ru/rf/business/projects/prioritetnyy-proekt-malyu-biznes-i-podderzhka-individualnoy-predprinimatelskoy-initsiativy>. Дата публикации: 17.12.2018.
8. Бойко А. Минэк зафиксировал 13-кратный рост числа компаний МСП в сфере электронной торговли // Ведомости : сайт. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2023/03/14/966335-minek-zafiksiroval-13-kratnii-rost-chisla-kompanii-msp>. Дата публикации: 14.03.2023.

9. Минэкономразвития: на 200 тысяч увеличилось число МСП по сравнению с прошлым годом // Мой бизнес. Республики Калмыкия : официальный сайт. URL: <https://xn--08-9kqjffxf3b.xn--p1ai/novosti/minekonomrazvitiya-na-200-tysyach-velichilos-chislo-msp-po-sravneniyu-s-proshlym-godom>. Дата публикации: 26.12.2025.

10. Исакова Т. Стартап наполовину пуст // Коммерсантъ : сайт. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5760695>. Дата публикации: 12.01.2023.

11. Инфляция в России по итогам прошлого года оказалась ниже прогноза ЦБ // Ведомости : сайт. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2026/01/19/1170052-inflyatsiya-v-rossii-po-itogam-proshlogo-goda-okazalas-nizhe-prognoza-tsb>. Дата публикации: 19.01.2026.

12. Гальчева А. Предприятия завершат год с рекордным за десять лет оптимизмом // РБК : сайт. URL: <https://www.rbc.ru/economics/16/12/2023/657c19c29a7947d26ef294bb>. Дата публикации: 16.12.2023.

References

1. Siluanov announced that the Russian Federation has developed antibodies to the new reality over the past year. Izvestia: website. (In Russ.). Available from: <https://iz.ru/1528746/2023-06-15/siluanov-zaiavil-o-vyrabotke-antitel-k-novoi-realnosti-u-rf-za-proshedshii-god>. Publication date: June 15, 2023.

2. Pakhomov V. N., Mamatelashvili O. V. Results of adaptation of Russian small and medium businesses to the conditions of the new economic reality. *Aktual`ny`e problemy` obespecheniya e`konomicheskoy bezopasnosti gosudarstva, regionov, predpriyatij : sbornik nauchny`x statej VIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii = Actual problems of ensuring the economic security of the state, regions, enterprises: a collection of scientific articles from the VIII International scientific and practical conference, Ufa, June 3, 2023*. Ufa: Ufa State Petroleum Technical University; 2024. P. 254–258. EDN: XUYOYU. (In Russ.).

3. Alexander Novak. SMEs have reached a qualitatively new level of development". Expert: website. (In Russ.). Available from: <https://expert.ru/mnenie/msp-vyshlo-na-kachestvenno-novy-uroven-razvitiya/>. Publication date: June 25, 2025.

4. Pavel Isaev. The SME sector in Russia: new records in the number of enterprises and contribution to the economy. Business News Agency: official website. (In Russ.). Available from: <https://abn.agency/2026/01/07/sector-msp-v-rossii-novye-rekordy-po-chislu-predpriyatij-i-vkladu-v-ekonomiku/>. Publication date: January 7, 2026.

5. Experts name directions for Russian economic development. TASS: official website. (In Russ.). Available from: <https://tass.ru/novosti-partnerov/14256753>. Publication date: April 1, 2022.

6. Franke N. The role of small business in the US economy. *Cifra. E`konomika = Cifra. Economy*. 2023. No. 2 (2). (In Russ.). Available from: <https://economics.cifra.science/archive/2-2-2023-august/10.23670/ECNMS.2023.2.6>. DOI: 10.23670/ECNMS.2023.2.6. EDN: ISOTVC.

7. National Project "Small and Medium Entrepreneurship and Support for Individual Entrepreneurial Initiative". Strategy 24: official website. (In Russ.). Available from: <https://strategy24.ru/rf/business/projects/prioritetnyy-proekt-malyy-biznes-i-podderzhka-individualnoy-predprinimatelskoy-initsiativy>. Publication date: December 17, 2018.

8. Boyko A. The Ministry of Economic Development recorded a 13-fold increase in the number of SMEs in e-commerce. Vedomosti: website. (In Russ.). Available from: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2023/03/14/966335-minek-zafiksiroval-13-kratnii-rost-chisla-kompanii-msp>. Publication date: March 14, 2023.

9. Ministry of Economic Development: the number of SMEs increased by 200 thousand compared to last year. My business. Republic of Kalmykia: official website. (In Russ.). Available from: <https://xn--08-9kqjffxf3b.xn--p1ai/novosti/minekonomrazvitiya-na-200-tysyach-velichilos-chislo-msp-po-sravneniyu-s-proshlym-godom>. Publication date: December 26, 2025.

10. Isakova T. The startup is half empty. Kommersant: website. (In Russ.). Available from: <https://www.kommersant.ru/doc/5760695>. Publication date: January 12, 2023.

11. Inflation in Russia at the end of last year was lower than the Central Bank's forecast. Vedomosti: website. (In Russ.). Available from: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2026/01/19/1170052-inflyatsiya-v-rossii-po-itogam-proshlogo-goda-okazalas-nizhe-prognoza-tsb>. Publication date: January 19, 2026.

12. Galcheva A. Enterprises will end the year with record optimism in ten years. RBC: website. (In Russ.). Available from: <https://www.rbc.ru/economics/16/12/2023/657c19c29a7947d26ef294bb>. Publication date: December 16, 2023.

Информация об авторах

Р. И. Маликов — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры проектного менеджмента и экономики предпринимательства;

К. Ю. Михайлова — инженер-исследователь кафедры проектного менеджмента и экономики предпринимательства;

В. Н. Пахомов — аспирант.

Information about the authors

R. I. Malikov — Doctor of Science (Economics), Professor, Professor of the Department of Project Management and Entrepreneurship Economics;

K. Yu. Mikhailova — Research Engineer of the Department of Project Management and Entrepreneurship Economics;

V. N. Pakhomov — a postgraduate student.

Статья поступила в редакцию 23.04.2026; одобрена после рецензирования 20.05.2026; принята к публикации 22.06.2026.

The article was submitted 23.04.2026; approved after reviewing 20.05.2026; accepted for publication 22.06.2026.

Вестник Башкирского института социальных технологий). 2026. № 2(71). С. 105–111
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2026;2(71):105–111

Научная статья
УДК 37.01
doi: 10.47598/2078-9025-2026-2-71-105-111

ЭТИЧЕСКИЕ ГРАНИЦЫ АЛГОРИТМИЧЕСКОГО ТАРГЕТИНГА В СИСТЕМЕ СТРАТЕГИЧЕСКИХ МАРКЕТИНГОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ

Елена Георгиевна Пономарева¹, Татьяна Владимировна Гончаренко²,
Леонид Сергеевич Костин³

^{1,2,3}Академия труда и социальных отношений, Москва, Россия

¹e.g.53@mail.ru

²GTV_Bel@mail.ru

³Ponomaster@yadex.ru

Аннотация. В статье исследуются этические границы применения алгоритмического таргетинга в системе стратегических маркетинговых коммуникаций в условиях цифровой трансформации экономики. Обосновывается, что отсутствие четко определенных этических ограничений создает стратегические риски для бренда, включая подрыв доверия, фрагментацию идентичности и усиление регуляторного давления. Предлагается концептуальная модель стратегически ответственного алгоритмического таргетинга, основанная на принципах прозрачности, сохранения бренд-ядра, ограничения манипулятивных практик и приоритета долгосрочной ценности над краткосрочной эффективностью. Сделан вывод о необходимости интеграции этических критериев в систему стратегического управления маркетинговыми коммуникациями.

Ключевые слова: алгоритмический таргетинг, искусственный интеллект, маркетинговые коммуникации, стратегическое управление, бренд, персонализация, информационная асимметрия, поведенческое воздействие, цифровая этика, репутационные риски

Для цитирования: Пономарева Е. Г., Гончаренко Т. В., Костин Л. С. Этические границы алгоритмического таргетинга в системе стратегических маркетинговых коммуникаций // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2026. № 2 (71). С. 105–111. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2026-2-71-105-111>.

Research article

ETHICAL LIMITS OF ALGORITHMIC TARGETING IN STRATEGIC MARKETING COMMUNICATIONS

Elena G. Ponomareva¹, Tatyana V. Goncharenko², Leonid S. Kostin³

^{1,2,3}Academy of Labor and Social Relations, Moscow, Russia

¹e.g.53@mail.ru

²GTV_Bel@mail.ru

³Ponomaster@yadex.ru

Abstract. The article explores the ethical boundaries of the application of algorithmic targeting in the system of strategic marketing communications in the context of digital transformation of the economy. It is argued that the lack of clearly defined ethical restrictions creates strategic risks for a brand, including the erosion of trust, fragmentation of identity, and increased regulatory pressure. The paper proposes a conceptual model of strategically responsible algorithmic targeting based on the principles of transparency, preservation of the brand core, limitation of manipulative practices, and prioritization of long-term value over short-term

efficiency. The paper concludes that it is necessary to integrate ethical criteria into the system of strategic management of marketing communications.

Keywords: algorithmic targeting, artificial intelligence, marketing communications, strategic management, brand, personalization, information asymmetry, behavioral impact, digital ethics, reputational risks

For citation: Ponomareva E. G., Goncharenko T. V., Kostin L. S. Ethical limits of algorithmic targeting in strategic marketing communications. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2026;(2(71)):105–111. (In Russ.). <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2026-2-71-105-111>.

Введение

Цифровая трансформация экономики радикально изменила характер маркетинговых коммуникаций. Внедрение технологий искусственного интеллекта, машинного обучения и обработки больших данных привело к формированию алгоритмических систем управления коммуникационным воздействием. Если традиционные модели маркетинговых коммуникаций были ориентированы на сегментацию аудитории и стандартизированное позиционирование, то современные алгоритмические решения обеспечивают микро-таргетинг, динамическую персонализацию и предиктивное моделирование поведения потребителей.

Активное внедрение технологий искусственного интеллекта, предиктивной аналитики и автоматизированных систем персонализации трансформируют характер коммуникационного воздействия на аудиторию. В современных условиях алгоритмический таргетинг выходит за рамки традиционной сегментации, переходя к моделированию и прогнозированию поведенческих реакций потребителей, что усиливает асимметрию информации между компанией и аудиторией.

Алгоритмический таргетинг представляет собой качественно новый этап развития коммуникационных стратегий. Его сущность заключается не только в точном определении целевой аудитории, но и в прогнозировании вероятных поведенческих реакций на основе анализа цифровых следов, транзакционных данных и контекстуальных факторов. Таким образом, коммуникации переходят от передачи сообщения к управлению вероятностями поведения.

Данная трансформация усиливает информационную асимметрию между компанией и потребителем. Организации получают доступ

к массивам данных, позволяющим выявлять когнитивные особенности, поведенческие паттерны и уязвимости аудитории, в то время как механизмы алгоритмического воздействия остаются непрозрачными для пользователей. В этих условиях алгоритмический таргетинг начинает выходить за пределы традиционного маркетингового инструментария, приближаясь к инструментам поведенческого управления.

В научной литературе активно обсуждаются вопросы эффективности персонализации, оптимизации конверсии и повышения релевантности коммуникаций [1, с. 130]. Вместе с тем проблематика стратегических и этических границ алгоритмического воздействия остается недостаточно систематизированной. Большинство исследований сосредоточено либо на технологических аспектах работы алгоритмов, либо на нормативных дискуссиях о защите персональных данных. Однако интеграция этического измерения в систему стратегического управления маркетинговыми коммуникациями требует более комплексного анализа.

Особую актуальность приобретает вопрос о соотношении краткосрочной коммуникационной эффективности и долгосрочной ценности бренда. Гиперперсонализация, основанная на эксплуатации когнитивных и поведенческих особенностей аудитории, может обеспечивать рост показателей отклика и продаж, однако одновременно формирует риски снижения доверия, фрагментации бренд-идентичности и усиления регуляторного давления [2, с. 140]. В результате возникает стратегическая дилемма: где проходит граница между допустимой персонализацией и манипулятивным воздействием?

Таким образом, формируется исследовательский разрыв, связанный с отсутствием системного подхода к определению этических

границ алгоритмического таргетинга в контексте стратегического управления маркетинговыми коммуникациями. Решение данной про-

блемы требует переосмысления роли этики не как внешнего ограничения, а как элемента стратегической устойчивости бренда.

Теоретические основания алгоритмического таргетинга в системе маркетинговых коммуникаций

Развитие цифровых технологий обусловило постепенный переход от традиционных моделей сегментации к *data-driven* маркетингу, основанному на анализе массивов пользовательских данных [3, с. 107]. В рамках данной парадигмы решения о коммуникационном воздействии принимаются на основе эмпирически выявленных поведенческих закономерностей.

Однако дальнейшая технологическая эволюция привела к формированию более сложной модели — *algorithm-driven* коммуникаций. В отличие от *data-driven* подхода, где данные служат основанием для управленческих решений, *algorithm-driven* система предполагает автономную обработку информации и автоматизированную оптимизацию коммуникаций в режиме реального времени.

Алгоритм выполняет не только аналитическую функцию, но и функцию принятия решений:

- определяет сегмент;
- формирует сообщение;
- выбирает канал;
- устанавливает время контакта;
- корректирует стратегию на основе обратной связи.

Таким образом, коммуникационная деятельность частично передается алгоритмическим системам, что трансформирует структуру управленческой ответственности [1, с. 129].

Традиционная сегментация основывалась на демографических и социальноэкономических характеристиках аудитории. Современные алгоритмические системы используют:

- поведенческие данные;
- историю взаимодействий;
- транзакционную активность;
- цифровые следы;
- контекстуальные параметры.

Это позволяет перейти от описательной сегментации к вероятностному моделированию поведения. Алгоритмический таргетинг ориен-

тирован не только на выявление интересов, но и на прогнозирование:

- склонности к покупке;
- эмоциональной реакции;
- уровня вовлеченности;
- вероятности отказа.

Таким образом, коммуникация перестает быть актом передачи информации и становится инструментом управления вероятностями поведенческих решений.

Одним из ключевых теоретических оснований анализа алгоритмического таргетинга является концепция информационной асимметрии. Организация обладает значительным массивом данных о поведении потребителя, в то время как пользователь не имеет доступа к пониманию логики алгоритмического отбора и персонализации сообщений. Данный дисбаланс формирует структурное неравенство:

- компания прогнозирует поведение;
- пользователь не осознает механизмы воздействия.

Алгоритмическая непрозрачность усиливает управляемость аудитории и снижает ее автономность. Это переводит проблему из плоскости маркетинговой эффективности в плоскость этической допустимости. Алгоритмический таргетинг активно использует результаты исследований поведенческой экономики. В частности:

- эффект фрейминга;
- якорение;
- социальное доказательство;
- ограниченная рациональность;
- когнитивные искажения.

Персонализированные сообщения могут усиливать данные эффекты, направляя выбор потребителя в предсказуемом направлении.

Возникает вопрос: где проходит граница между облегчением выбора и эксплуатацией когнитивных уязвимостей?

Данная проблема приобретает стратегическое значение в контексте формирования до-

верия к бренду. Современные коммуникации функционируют в условиях платформенной инфраструктуры, где данные становятся ключевым ресурсом. В рамках данной модели пользовательская активность преобразуется в поведенческий капитал, используемый для прогнозирования и модификации будущих действий.

Алгоритмический таргетинг становится частью более широкой системы цифрового над-

зора и поведенческого анализа. Коммуникации интегрируются в алгоритмическую экосистему, где решения принимаются на основе непрерывного мониторинга [4, с. 47].

Это усиливает стратегическую значимость этических ограничений, поскольку коммуникационная деятельность оказывается встроенной в инфраструктуру управления вниманием.

Этические дилеммы алгоритмического таргетинга в стратегических коммуникациях

Алгоритмический таргетинг радикально усиливает точность коммуникационного воздействия. Персонализация позволяет учитывать поведенческие паттерны, эмоциональные реакции и когнитивные особенности пользователя [5, с. 140].

Однако именно эта точность порождает ключевую дилемму: в какой момент персонализация превращается в манипуляцию? Манипулятивность возникает не из самого факта персонализации, а из асимметрии намерений и осведомленности. Если пользователь не осознает, что сообщение сформировано на основе анализа его уязвимостей, какие данные используются, какие альтернативы от него скрыты, то его выбор становится частично сконструированным.

Особую проблему представляет использование триггерных факторов, таких как:

- дефицит времени;
- страх упущенной выгоды;
- социальное давление;
- эмоциональная нестабильность.

Алгоритм, выявляя состояния повышенной восприимчивости, может усиливать склонность к импульсивным решениям. В этом случае коммуникация смещается от информирования к поведенческому подталкиванию. Таким образом, центральная дилемма формулируется как баланс между релевантностью и автономией потребителя.

Машинное обучение основывается на исторических данных. Если в данных присутствуют системные перекосы, алгоритм воспроизводит и усиливает их.

Это может проявляться в:

- различной ценовой политике для разных групп,

- ограничении доступа к предложениям,
- исключении определенных сегментов из коммуникации,
- предвзятом прогнозировании платежеспособности.

В результате алгоритмический таргетинг становится механизмом воспроизводства социального неравенства. Проблема усугубляется тем, что дискриминация может быть неявной — она возникает как статистический эффект, а не как намеренное решение. Ответственность в таких случаях распределяется между разработчиками, платформами и заказчиками рекламы, что усложняет механизм контроля. Этический вызов заключается в необходимости разработки процедур аудита алгоритмов и критериев справедливости.

Большинство алгоритмических систем функционируют по принципу «черного ящика». Пользователь не знает, почему ему показывается конкретное сообщение, какие параметры влияют на ранжирование, какие альтернативы были исключены.

Отсутствие прозрачности снижает доверие к бренду и платформе. Более того, непрозрачность ограничивает возможность критического восприятия информации. С точки зрения коммуникационной стратегии, долгосрочная ценность доверия может оказаться выше краткосрочной эффективности гиперперсонализации. Следовательно, этическая прозрачность становится конкурентным преимуществом.

Алгоритмические системы позволяют формировать индивидуальные версии коммуникации для каждого пользователя [5, с. 135]. Это повышает конверсию, но создает стратегический риск:

- бренд перестает существовать как единое смысловое поле;
- аудитория получает фрагментированные образы;
- коммуникационная идентичность размывается.

Возникает парадокс: чем точнее сообщение, тем слабее его коллективное символическое значение. Для компаний это означает необходимость балансировать между индивидуальной релевантностью и целостностью бренд-нарратива. Современные платформы собирают значительные объемы поведенческой информации. Даже при формальном согласии пользователя остается вопрос: насколько осознанным является это согласие?

Дополнительную проблему создает вторичное использование данных — анализ, не заявленный при первичном сборе. Этический риск здесь связан не только с утечками информации, но и с трансформацией цифрового профиля пользователя в инструмент коммерческого прогнозирования без его активного участия [6, с. 5].

Концепция «ALERT-подхода» (*Algorithmic Legitimacy & Ethical Responsible Targeting*). Модель основана на переходе от контроля последствий к проектированию ответственности на этапе создания алгоритмической коммуникации. ALERT включает пять взаимосвязанных модулей.

A — Algorithmic Accountability (алгоритмическая подотчетность). Предполагает фиксацию управленческой ответственности за:

- критерии сегментации;
- источники данных;
- поведенческие триггеры;
- параметры оптимизации.

Ключевой принцип: алгоритм не может быть «автономным» от ответственности компании.

Практическая реализация:

- внутренний аудит алгоритмов;
- документация логики персонализации;
- назначение ответственного подразделения.

Это переводит этику из декларативной плоскости в управленческую.

L — Legibility (прозрачность и объяснимость). Принцип объяснимости предполагает,

что пользователь должен иметь возможность понять:

- почему он видит конкретное сообщение;
- какие категории интересов используются;
- как можно изменить параметры персонализации.

Не требуется раскрывать код алгоритма, но необходимо обеспечить понятный уровень коммуникационной прозрачности. В долгосрочной перспективе это снижает репутационные риски и формирует доверительный капитал.

E — Equity (справедливость и недискриминационность). Модель предполагает регулярную проверку алгоритмов на:

- скрытые перекосы;
- системную сегрегацию;
- ценовую дискриминацию;
- исключение уязвимых групп.

В рамках подхода предлагается внедрение:

- тестирования на симулированных профилях;
- анализа различий в показах;
- корректировки обучающих выборок.

Этическая устойчивость в данном случае становится фактором конкурентной устойчивости.

R — Respect for Autonomy (уважение автономии пользователя). Здесь ключевой вопрос — степень допустимого поведенческого давления. Предлагается ограничение использования:

- триггеров тревожности;
- агрессивных FOMO-механик;
- уязвимых состояний пользователя (ночное время, признаки эмоциональной нестабильности).

Модель вводит принцип «мягкой персонализации» — алгоритм должен усиливать релевантность, но не эксплуатировать слабости.

T — Trust Sustainability (устойчивость доверия). Эффективность алгоритмического таргетинга не должна оцениваться исключительно через краткосрочную конверсию. В модель вводится дополнительный показатель — индекс доверия, который включает в себя:

- уровень отказов от персонализации;
- частоту блокировок рекламы;
- динамику лояльности;
- репутационные индикаторы.

Тем самым этика интегрируется в систему KPI.

Структурная логика модели — ALERT-подход предполагает три уровня внедрения:

1. Стратегический уровень. Формирование принципов этической архитектуры коммуникаций.

2. Операционный уровень. Разработка процедур аудита и корректировки алгоритмов.

3. Метриковый уровень. Включение показателей доверия и справедливости в систему оценки эффективности. В отличие от существ-

вующих регуляторных подходов, ориентированных на ограничения (GDPR, комплаенс-механизмы), предложенная модель:

– интегрирует этику в маркетинговую стратегию;

– рассматривает доверие как капитал;

– соединяет технологическую и коммуникационную ответственность.

Это не запретительная модель, а модель устойчивого роста.

Заключение

Алгоритмический таргетинг стал неотъемлемой частью цифровой экономики, трансформировав механизмы взаимодействия брендов и аудитории. Его эффективность основана на глубоком анализе поведенческих данных и предиктивном моделировании, что усиливает точность коммуникационного воздействия.

Однако усиление точности сопровождается усилением ответственности. Информационная асимметрия, непрозрачность алгоритмов и использование когнитивных особенностей пользователей формируют новые этические вызовы, выходящие за пределы традиционных маркетинговых дискуссий.

Проведенный анализ показал, что устойчивое развитие алгоритмических коммуникаций возможно лишь при переходе к управляемой

модели этической интеграции. Предложенная авторская концепция ALERT демонстрирует возможность соединения технологической эффективности и принципов ответственного взаимодействия.

Интеграция этических принципов в алгоритмический таргетинг позволяет сбалансировать краткосрочную эффективность коммуникаций и долгосрочную ценность бренда, снижая репутационные риски и укрепляя доверие аудитории.

Перспективы дальнейших исследований связаны с эмпирической верификацией модели, разработкой инструментов измерения алгоритмической справедливости и формированием индекса доверия в цифровых коммуникациях.

Список источников

1. Губская Н. Н., Пономарева Е. Г. Современные тенденции развития инновационных видов туризма в России // Проблемы и перспективы развития туризма в Российской Федерации : сборник научных трудов VII Всероссийской конференции с международным участием, Симферополь, 1 августа — 1 октября 2022 г. Симферополь : Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, 2022. С. 128–132. EDN: ZWNMYC.

2. Спорыхина С. Н. Необходимость изучения организационного поведения современными менеджерами // Актуальные вопросы гуманитарных и социальных наук: от теории к практике : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Чебоксары, 19 января 2023 г. Чебоксары : Издательский дом «Среда», 2023. С. 139–141. EDN: GRMDSY.

3. Эволюция развития технологии BIG DATA и ее маркетинговые возможности при продвижении банковских продуктов и услуг / Е. О. Шипулев, Н. И. Быканова, Т. В. Гончаренко, И. С. Короткова // Modern Economy Success. 2023. № 3. С. 106–111. EDN: ASSSKI.

4. Энеева Е. Х., Рабышев Д. Е. Масштабирование практики эффективного всесезонного туристического продукта // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2024. № 1 (62). С. 43–52. DOI: 10.47598/2078-9025-2024-1-62-43-52.

5. Гончаренко Т. В., Живага А. Ю., Спорыхина С. Н. UGC как инструмент формирования туристских брендов // Финансовая экономика. 2026. № 2. С. 137–141.

6. Арсеньева Н. В., Табакова Н. Д., Гончаренко Е. Е. Интеллектуальные системы и виртуальный туризм как новая форма социальной коммуникации // Финансовая экономика. 2026. № 2. С. 3–6.

References

1. Gubskaya N. N., Ponomareva E. G. Current Trends in the Development of Innovative Types of Tourism in Russia. *Problemy i perspektivy razvitiya turizma v Rossijskoj Federacii: sbornik nauchnyx trudov VII Vserossijskoj konferencii s mezhdunarodnyx uchastiem, Simferopol, 1 avgusta — 1 oktyabrya 2022 g.* = *Problems and Prospects of Tourism Development in the Russian Federation: Collection of Scientific Papers of the VII All-Russian Conference with International Participation. Simferopol, August 1 — October 1, 2022.* Simferopol: V. I. Vernadsky Crimean Federal University; 2022. P. 128–132. (In Russ.). EDN: ZWHMYC.
2. Sporykhina S. N. The Need to Study Organizational Behavior by Modern Managers. *Aktualnye voprosy gumanitarnyx i socialnyx nauk: ot teorii k praktike: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnyx uchastiem, Cheboksary, 19 yanvarya 2023 g.* = *Current Issues in the Humanities and Social Sciences: From Theory to Practice: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation, Cheboksary, January 19, 2023.* Cheboksary: Sreda Publishing House; 2023. P. 139–141. (In Russ.). EDN: GRMDSY.
3. Evolution of BIG DATA technology development and its marketing opportunities in promoting banking products and services / E. O. Shipulev, N. I. Bykanova, T. V. Goncharenko, I. S. Korotkova. *Modern Economy Success.* 2023;(3):106–111. (In Russ.). EDN: ASSSKI.
4. Eneyeva E. Kh., Rabyshev D. E. Scaling the practice of an effective all-season tourism product. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta socialnyx texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies).* 2024;(1(62)):43–52. (In Russ.). DOI: 10.47598/2078-9025-2024-1-62-43-52.
5. Goncharenko T. V., Zhivaga A. Yu., Sporykhina S. N. UGC as a Tool for Forming Tourist Brands. *Finansovaya ekonomika = Financial Economics.* 2026;(2):137–141. (In Russ.).
6. Arsenyeva N. V., Tabakova N. D., Goncharenko E. E. Intelligent Systems and Virtual Tourism as a New Form of Social Communication. *Finansovaya ekonomika = Financial Economics.* 2026;(2):3–6. (In Russ.).

Информация об авторах

Е. Г. Пономарева — кандидат экономических наук, профессор кафедры туризма и социальных коммуникаций;
 Т. В. Гончаренко — кандидат экономических наук, доцент кафедры туризма и социальных коммуникаций;
 Л. С. Костин — аспирант.

Information about the authors

E. G. Ponomareva — Candidate of Science (Economics), Professor of the Department of Tourism and Social Communications;
 T. V. Goncharenko — Candidate of Science (Economics), Associate Professor of the Department of Tourism and Social Communications;
 L. S. Kostin — a postgraduate student.

Статья поступила в редакцию 12.03.2026; одобрена после рецензирования 23.04.2026; принята к публикации 22.06.2026.

The article was submitted 12.03.2026; approved after reviewing 23.04.2026; accepted for publication 22.06.2026.

Вестник Башкирского института социальных технологий). 2026. № 2(71). С. 112–123
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2026;2(71):112–123

Научная статья

УДК 339.1:004.9(470)

doi: 10.47598/2078-9025-2026-2-71-112-123

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА РАЗВИТИЕ РЕКЛАМЫ В РОССИИ

Наталья Михайловна Сурай^{1✉}, Никита Сергеевич Пархоменко²

^{1,2}Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, Москва, Россия

Автор, ответственный за переписку: Наталья Михайловна Сурай,

natalya.mixajlovna.1979@mail.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0001-6219-4363>

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу влияния цифровых технологий на развитие рекламной индустрии в России в 2023–2025 гг. В работе рассматриваются структурные изменения рекламного рынка, связанные с ростом digital-сегмента и перераспределением бюджетов в пользу интернет-коммуникаций, что подтверждается отраслевыми исследованиями Ассоциации коммуникационных агентств России. Особое внимание уделено алгоритмизации рекламных процессов, внедрению искусственного интеллекта, развитию вычислительной рекламы и programmatic-закупок как факторов повышения управляемости и измеримости рекламных кампаний. На основе анализа научных публикаций 2024–2025 гг. раскрываются механизмы таргетинга, персонализации и интегрированных маркетинговых коммуникаций, а также оцениваются их экономические эффекты. В статье систематизированы ключевые риски цифровой рекламы, включая угрозы кибербезопасности, алгоритмическую предвзятость и манипулятивное воздействие, что позволяет выявить противоречие между ростом эффективности и усилением технологических и социальных ограничений. Сделан вывод о формировании гибридной модели рекламного рынка, в которой цифровые инструменты доминируют, но сосуществуют с традиционными каналами коммуникации.

Ключевые слова: цифровая реклама, рекламный рынок, цифровые технологии, таргетинг, персонализация, интегрированные маркетинговые коммуникации, медиапланирование, социальные сети

Для цитирования: Сурай Н. М., Пархоменко Н. С. Влияние цифровых технологий на развитие рекламы в России // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2026. № 2 (71). С. 112–123. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2026-2-71-112-123>.

Research article

THE IMPACT OF DIGITAL TECHNOLOGIES ON ADVERTISING DEVELOPMENT IN RUSSIA

Natalia M. Suray^{1✉}, Nikita S. Parkhomenko²

^{1,2}Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

Author responsible for correspondence: Natalia M. Suray,

natalya.mixajlovna.1979@mail.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0001-6219-4363>

Abstract. This article provides a comprehensive analysis of the impact of digital technologies on the development of the advertising industry in Russia in 2023–2025. It examines structural changes in the advertising market associated with the growth of the digital segment and the redistribution of budgets in favour of internet communications, as confirmed by industry research conducted by the Association of Communication Agencies of Russia. Particular attention is paid to the algorithmisation of advertising processes, the introduction of artificial intelligence, the development of computational advertising and programmatic purchasing as factors in improving the manageability and measurability of advertising

campaigns. Based on an analysis of scientific publications from 2024–2025, the mechanisms of targeting, personalisation and integrated marketing communications are revealed, and their economic effects are assessed. The article systematises the key risks of digital advertising, including cybersecurity threats, algorithmic bias and manipulative influence, which allows us to identify the contradiction between increased efficiency and increased technological and social restrictions. The conclusion is made about the formation of a hybrid model of the advertising market, in which digital tools dominate but coexist with traditional communication channels.

Keywords: digital advertising, advertising market, digital technologies, targeting, personalization, integrated marketing communications, media planning, social networks

For citation: Suray N. M., Parkhomenko N. S. The impact of digital technologies on advertising development in Russia. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2026;(2(71)):112–123. (In Russ.). <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2026-2-71-112-123>.

Цифровая трансформация рекламного рынка России в ретроспективе после 2020-х гг. разворачивается на фоне изменения медиапотребления и технологической инфраструктуры коммуникаций. Согласно отраслевому исследованию «Объем рынка маркетинговых коммуникаций в 2023 году», подготовленному Ассоциацией коммуникационных агентств России в 2024 году, общий объем рынка маркетинговых коммуникаций составил 730,7 млрд руб., при этом сегмент интернет-сервисов занял крупнейшую долю в структуре рекламных расходов. Данные показатели фиксируют устойчивый структурный сдвиг в сторону digital-каналов и подтверждают закрепление цифровой рекламы как доминирующего направления развития отрасли.

Глобальный контекст цифровизации задается международной статистикой. По данным исследований Всемирного банка и Международного союза электросвязи, в 2010-х гг. доля населения, использующего интернет, в Российской Федерации стабильно увеличивалась, что сформировало инфраструктурную основу для расширения онлайн-рекламы. Указанная динамика обусловила переход от охватной телевизионной модели продвижения к платформенной среде, основанной на алгоритмическом управлении медиапланированием.

Технологическая трансформация рекламной деятельности раскрывается в публикациях 2025 года, где искусственный интеллект (ИИ) рассматривается как инструмент модернизации коммуникационных стратегий компаний. В. А. Лысов-Миланич, Х. Цао, С. Ю. угли Собиоров и Е. М. Ершов указывают, что алгоритмы ИИ обеспечивают прогнозирование поведения аудитории и адаптивную персонализацию

сообщений, что изменяет архитектуру рекламных кампаний [1].

Развитие вычислительной рекламы, использующей ИИ, усиливает алгоритмическую составляющую медиапланирования. А. В. Милицын, В. В. Потехин и Х. Чэн демонстрируют, что коммуникационная стратегия в сфере *automated advertising* «строится на нейросетевых моделях и анализе поведенческих данных, что повышает точность таргетирования и управляемость кампаний» [2].

Платформенная трансформация рекламы особенно заметна в социальных сетях. В. И. Кравченко и Д. А. Мартынова подчеркивают, что в условиях развития ИИ социальные сети становятся пространством алгоритмического управления поведенческими сценариями, что усиливает таргетированное воздействие и трансформирует роль бренда в цифровой коммуникации [3].

Теоретические основания цифровизации рекламы связаны с эволюцией маркетинговых технологий. Х. С. А. Улубаева отмечает, что цифровая экономика «интегрирует данные и технологические инструменты в процессы продвижения продукции, переводя рекламу в плоскость алгоритмического управления» [4].

Изменение медиапотребления подтверждается исследованием Н. Д. Петраш, в котором анализируется трансформация кинокоммуникаций в современных массмедиа и фиксируется переход к цифровым форматам восприятия контента, усиливающих значение видеорекламы и интерактивных форматов [5].

Как следует из упоминаемых точек зрения, рекламный рынок России в 2020-х гг. формируется под влиянием цифровой инфраструктуры, алгоритмических технологий и трансфор-

мации медиасреды, что требует комплексного научного анализа.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью оценки структурных изменений рекламной индустрии в условиях алгоритмизации коммуникационных процессов и внедрения ИИ в медиапланирование.

Цель исследования заключается в комплексном анализе цифровой трансформации рекламного рынка Российской Федерации и выявлении ключевых технологических факторов, определяющих изменение архитектуры рекламных коммуникаций.

Задачи исследования:

- проанализировать динамику и структуру рынка маркетинговых коммуникаций;
- исследовать влияние алгоритмических систем и ИИ на рекламные стратегии;
- определить роль социальных платформ в трансформации медиапотребления;
- выявить институциональные последствия цифровизации рекламной деятельности.

Объект исследования — рекламный рынок Российской Федерации в условиях цифровой трансформации.

Предмет исследования — технологические и институциональные изменения, обусловленные внедрением алгоритмических и интеллектуальных систем в рекламную деятельность.

Исследование основано на контент-анализе научных публикаций 2024–2025 гг., и на сопоставлении их выводов с отраслевыми данными Ассоциации коммуникационных агентств России и международной статистикой Всемирного банка. Контент-анализ применяется для выделения повторяющихся механизмов цифровизации рекламы, включая персонализацию, алгоритмическую оптимизацию, интеграцию каналов и автоматизацию креатива (рисунок 1).

Сравнительный анализ используется для сопоставления традиционных и цифровых подходов к рекламе. В частности, работа А. А. Итатова и П. В. Трифонова позволяет раскрыть значение интегрированных маркетинговых коммуникаций как модели согласования каналов продвижения в единой стратегии [6].

Для анализа инноваций в таргетировании и оптимизации кампаний используется научная статья Б. А. Тхорикова, в которой марке-

тинговые инновации рассматриваются как инструмент повышения управляемости рекламных расходов и эффективности кампаний [7].

Риск-ориентированный анализ опирается на статью К. А. Татарина о влиянии ИИ на кибербезопасность, где раскрывается двойственная роль ИИ как средства защиты и источника новых уязвимостей [8].

Современное состояние рекламного рынка России в 2020-х гг. описывается через одновременное усиление цифровых каналов и сохранение значимости части традиционных форматов. Рынок фиксирует перераспределение рекламных расходов в пользу *digital*-площадок, а внутри *digital* растет роль автоматизированных закупок и алгоритмической оптимизации, что в литературе связывается с технологическим усложнением медиапланирования и переходом к вычислительным практикам управления коммуникациями.

Структурная динамика рекламного рынка России может быть представлена как модель распределения каналов, где традиционные медиа формируют «базовый охват», а цифровые каналы обеспечивают управляемую сегментацию и измеримость результата. В исследованиях по цифровым технологиям в рекламе и связях с общественностью подчеркивается, что *digital*-инструменты повышают управляемость коммуникации за счет технологического контроля размещений и обратной связи, что особенно заметно в практике крупных рекламных платформ. Эта характеристика согласуется с выводами П. Э. Шрамко о влиянии цифровых технологий на развитие рекламы и связей с общественностью, где цифровая среда рассматривается как фактор изменения инструментария и каналов взаимодействия бренда и аудитории [9].

Детализация структуры рынка требует разделения уровня «канал» и уровня «механизм закупки». Телевидение, наружная реклама и печатные СМИ остаются каналами коммуникации, а *programmatic* выступает механизмом закупки внутри *digital*, что важно для корректного описания распределения. В профессиональных обзорах рынка *programmatic* обычно трактуется как часть интернет-сегмента, потому что алгоритмические закупки встраиваются в цифровые платформы размещения и используют их инфраструктуру данных. По этой при-

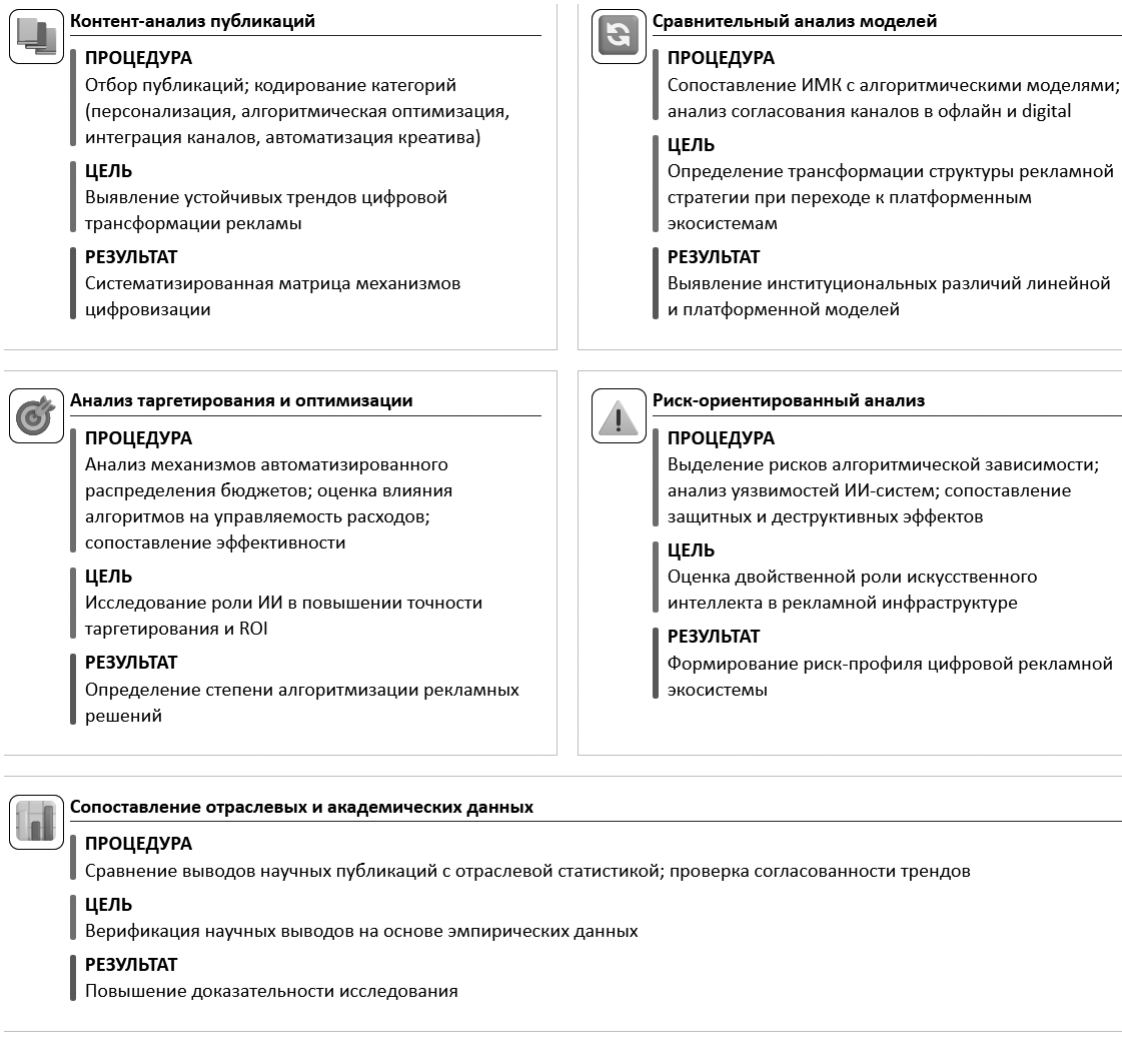


Рисунок 1. Методологическая схема: анализ цифровой трансформации рекламы (составлено авторами)

Figure 1. Methodological framework: analysis of the digital transformation of advertising (compiled by the authors)

чине в таблице 1 *programmatic* показан как компонент *digital*-сегмента, а не как самостоятельный канал, что позволяет сохранить сопоставимость агрегирования.

В таблице 1 отражена структурная модель рынка по каналам коммуникации и демонстрируется, что цифровой сегмент формируется не только контекстом и социальными сетями, но и ростом автоматизации закупок. Внутренняя логика таблицы показывает, как в исследованиях о цифровых технологиях и алгоритмической рекламе описывается переход к управляемым форматам размещения.

В региональном измерении цифровизация проявляется как фактор, способный усилить

торговую динамику, когда цифровые маркетинговые технологии становятся частью механизмов стимулирования спроса и повышения эффективности коммуникации в рознице. Это особенно важно для России из-за неоднородности уровня цифровых практик в разных субъектах. В исследовании Е. С. Куликовой и О. А. Дурандиной цифровые маркетинговые технологии рассматриваются в связке с динамикой розничной торговли на региональном уровне, что позволяет интерпретировать цифровизацию рекламы не только как медиасдвиг, но и как фактор изменения потребительской активности [10].

Структурные изменения рынка сопровождаются изменением коммуникационных страте-

Таблица 1. Структура рекламного рынка России по каналам коммуникации

Канал коммуникации	2020 г., %	2023 г., %	2025 г. оценка, %	Тенденция и интерпретация
Телевидение	36	30	28	Снижение доли на фоне роста цифрового потребления и платформенных практик
Наружная реклама	8	9	10	Умеренный рост за счет цифровых форматов размещения и интеграции с мобильными сценариями
Печатные СМИ	7	4	3	Сокращение доли из-за смещения внимания аудитории в цифровые каналы
<i>Digital</i> всего, включая контекст, соцсети, видеорекламу	45	55	58	Рост доли как отражение перехода рекламных бюджетов в интернет-сегмент
Programmatic внутри <i>digital</i>	15	25	30	Рост автоматизации закупок и алгоритмической оптимизации кампаний

гий компаний, где приоритетом становится интеграция каналов и согласование сообщений на разных площадках. В литературе 2025 года интегрированные маркетинговые коммуникации рассматриваются как модель, позволяющая связывать цифровые и традиционные инструменты в единую управленческую конфигурацию, а эффективность трактуется через согласованность каналов и последовательность контактов. Такой подход отражен в работе А. А. Итазова и П. В. Трифонова, где выбор оптимальной модели интегрированных маркетинговых коммуникаций связывается с задачей повышения результативности коммуникации при управлении набором каналов [6].

Перестройка стратегии особенно заметна в социальных сетях, где рекламное сообщение включается в потоки контента и становится частью рекомендательных механик. В исследовании В. И. Кравченко и Д. А. Мартыновой социальные сети описываются как среда, в которой развитие ИИ усиливает алгоритмическое управление вниманием и формирует поведенческие сценарии, что меняет инструменты и этику рекламного воздействия [3].

Вместе с тем изменение коммуникационных стратегий проявляется и в расширении роли личных брендов и новых медиа. В работе А. К. Шиловой личные бренды рассматриваются как объект маркетингового исследования в новых медиа, что позволяет связывать рост доверия и вовлеченности аудитории с тем, как

выстраивается персонализированная коммуникация в цифровой среде [11].

Цифровая реклама в 2024–2025 гг. все чаще описывается как вычислительная система, где ключевые операции выполняются алгоритмами. В. А. Лысов-Миланич, Х. Цао, С. Ю. угли Собиров и Е. М. Ершов связывают ИИ с обновлением коммуникационных стратегий, где прогнозирование и персонализация выступают основными функциями управления рекламным сообщением и выбором аудитории [1].

А. В. Милицын, В. В. Потехин, Х. Чэн и соавторы анализируют коммуникационную стратегию вычислительной рекламы на основе ИИ и показывают роль нейросетевых моделей и обработки поведенческих данных в настройке рекламных воздействий [2] (таблица 2).

В креативном контуре цифровизации реклама также меняется за счет нейросетевых решений. В исследовании Ц. С. Филенко нейросети рассматриваются в контексте устойчивого дизайна рекламы и анализа российских кейсов, что позволяет интерпретировать креатив как технологически управляемый процесс, а не только как творческую деятельность [12].

Развитие цифровой рекламы в 2024–2025 гг. все чаще описывается через переход к таргетированной и персонализированной модели коммуникации, где рекламное сообщение формируется на основе анализа

Таблица 2. Функциональные возможности искусственного интеллекта в рекламе и их практическое значение

Технология	Применение в рекламе	Практический результат для кампании	Риски и ограничения
Машинное обучение	Оптимизация ставок и выбор аудитории	Повышение управляемости закупок, ускорение корректировок	Алгоритмическая предвзятость, снижение прозрачности решений
Нейросетевые модели	Персонализация сообщений и адаптация к контексту	Рост релевантности коммуникации, повышение вовлеченности	Уязвимости данных, зависимость от качества обучающих выборок
Аналитика больших данных	Сегментация и моделирование поведения	Улучшение точности таргетинга и распределения бюджета	Риски нарушения конфиденциальности и правовые ограничения
Генеративные инструменты	Создание и вариативность креатива	Ускорение производства материалов, тестирование вариантов	Риск однотипности, ошибки брендинга и комплаенса

поведенческих данных пользователя, а выбор аудитории осуществляется алгоритмически с учетом истории взаимодействий. В исследовании Б. А. Тхорикова маркетинговые инновации в таргетировании напрямую связываются с оптимизацией рекламных кампаний и повышением управляемости затрат, при этом акцент делается на системной настройке параметров аудитории и динамической корректировке кампаний в цифровой среде [7].

Таргетинг (выбор целевой аудитории на основе цифровых данных) в современной рекламе включает поведенческую сегментацию, контекстуальный анализ и прогнозирование вероятности отклика. В публикации А. В. Милицына, В. В. Потехина, Х. Чэна и соавторов вычислительная реклама рассматривается как система, где алгоритмы машинного обучения повышают точность сегментации аудитории и адаптируют рекламное сообщение в зависимости от вероятности конверсии [2].

Персонализация (индивидуализация рекламного сообщения на основе профиля пользователя) усиливает вовлеченность аудитории, поскольку сообщение адаптируется под интересы, возраст, цифровое поведение и медиапредпочтения потребителя. В работе В. А. Лысова-Миланича и соавторов подчеркивается, что ИИ в коммуникационных стратегиях компаний используется для прогнозирования реакции аудитории и настройки сообщений в ре-

альном времени, что усиливает управляемость кампаний и их адаптивность [1].

Рост персонализации в цифровой рекламе сопряжен с усилением роли социальных сетей как среды формирования поведенческих сценариев. В статье В. И. Кравченко и Д. А. Мартыновой отмечается, что алгоритмические механизмы социальных платформ структурируют информационное поле пользователя, а реклама интегрируется в поток контента и становится частью цифровой повседневности [3].

В региональном аспекте цифровой таргетинг может рассматриваться как фактор влияния на розничную динамику. Е. С. Куликова и О. А. Дурандина анализируют влияние цифровых маркетинговых технологий на динамику розничной торговли, показывая, что интеграция *digital*-инструментов в маркетинговые стратегии торговых компаний сопровождается изменением структуры продаж и каналов коммуникации с потребителем [10].

Вместе с тем алгоритмизация таргетинга вызывает дискуссию о риске стандартизации рекламных сообщений и формировании так называемых информационных «пузырей», где пользователь получает преимущественно контент, соответствующий его прежним предпочтениям. Этот аспект пересекается с выводами М. А. Осиповой и Е. В. Сайгановой, которые рассматривают рекламную технологию как форму коммуникативного воздействия и под-

черкуют необходимость осмысления ее социального эффекта [13].

Расширение цифровых рекламных практик сопровождается увеличением объемов обрабатываемых пользовательских данных и усложнением инфраструктуры хранения и анализа информации. В исследовании К. А. Татиринова подчеркивается, что ИИ одновременно используется для выявления угроз и создает новые уязвимости в цифровых системах, поскольку алгоритмы опираются на большие массивы данных и требуют сложной архитектуры обработки [8].

В цифровой рекламе риски кибербезопасности проявляются в нескольких направлениях. Во-первых, это риск утечки персональных данных при работе с большими массивами *Big Data*, которые используются для сегментации аудитории и построения прогнозных моделей. Во-вторых, алгоритмическая предвзятость может приводить к дискриминационным эффектам и снижению репутационной устойчивости

бренда. В-третьих, манипулятивный характер поведенческого таргетинга вызывает вопросы нормативного регулирования и прозрачности алгоритмов, что отражено в работах М. А. Осиповой и Е. В. Сайгановой, где рекламная технология рассматривается в контексте влияния на молодежь и общественное сознание [13].

Систематизация рисков цифровой рекламы представлена на рисунке 2, где показаны основные источники угроз и инструменты минимизации.

Результаты анализа показывают, что цифровизация рекламы в России формирует комплексную модель, в которой рост эффективности и управляемости кампаний сочетается с усилением технологических и социальных рисков.

Экономический эффект цифровизации рекламы в 2023–2025 гг. проявляется в изменении структуры медиапланирования, скорости корректировки кампаний и управляемости рекламных затрат. Согласно отраслевому



Рисунок 2. Риски цифровой рекламы и механизмы их минимизации (составлено авторами)

Figure 2. Risks of digital advertising and mechanisms for minimising them (compiled by the authors)

исследованию «Объем рынка маркетинговых коммуникаций в 2023 году», подготовленному Ассоциацией коммуникационных агентств России в 2024 году, интернет-сегмент демонстрирует наибольшую динамику перераспределения бюджетов, что отражает стремление рекламодателей к инструментам с измеримой отдачей. Digital-каналы обеспечивают возможность оперативной корректировки ставок и креатива, тогда как традиционные форматы предполагают более длительный цикл планирования и размещения.

В научной литературе 2025 года эффективность цифровых кампаний связывается прежде всего с алгоритмической оптимизацией. В публикации В. А. Лысова-Миланича, Х. Цао, С. Ю. угли Собирова и Е. М. Ершова подчеркивается, что ИИ позволяет прогнозировать поведение потребителя и адаптировать сообщение под конкретный сегмент аудитории, что повышает управляемость коммуникационных стратегий компаний [1].

Дополнительное подтверждение технологической эффективности дает исследование А. В. Милицына, В. В. Потехина и Х. Чэна, где вычислительная реклама описывается как

система, в которой нейросетевые алгоритмы повышают точность сегментации и улучшают настройку рекламных стратегий [2].

С точки зрения управленческой логики цифровая реклама отличается возможностью непрерывной оптимизации. В статье Б. А. Тхорикова отмечается, что маркетинговые инновации в таргетировании позволяют корректировать кампании в режиме динамической оптимизации, что повышает гибкость медиапланирования и снижает издержки неэффективных размещений [7].

Сравнительный анализ эффективности традиционных и цифровых форматов обобщен на рисунке 3.

Итак, экономический эффект цифровизации рекламы проявляется не только в количественном перераспределении бюджета, но и в изменении самой архитектуры управления рекламной деятельностью.

Социальные последствия цифровизации рекламы связаны с трансформацией медиапотребления и изменением роли аудитории. Н. Д. Петраш анализирует механизмы трансформации кинокоммуникаций в современных массмедиа и подчеркивает, что цифро-



Рисунок 3. Сравнительный анализ эффективности традиционной и цифровой рекламы (составлено авторами)

Figure 3. Comparative analysis of the effectiveness of traditional and digital advertising (compiled by the authors)

вая среда переводит аудиторию из пассивного потребителя в активного участника медиапроцесса, что усиливает интерактивность и изменяет формат рекламного контакта [5].

Социальные сети формируют новую модель восприятия рекламы, где сообщение интегрируется в поток пользовательского контента. В исследовании В. И. Кравченко и Д. А. Мартыновой подчеркивается, что алгоритмическое управление вниманием в социальных сетях усиливает влияние цифровой рекламы на поведенческие сценарии аудитории [3].

Одновременно реклама в цифровой среде приобретает черты коммуникативной технологии воздействия. М. А. Осипова и Е. В. Сайганова рассматривают рекламную технологию наряду с пропагандой и агитацией как форму целенаправленного влияния на аудиторию, что усиливает требования к социальной ответственности рекламодателей и прозрачности цифровых механизмов [13].

Рост использования нейросетевых инструментов в создании рекламного контента также изменяет социальную структуру коммуникации. Ц. С. Филенко показывает, что нейросетевые технологии используются для генерации и адаптации рекламного дизайна, что трансформирует креативный процесс и расширяет спектр цифровых форматов [12].

Социальная трансформация рекламной коммуникации проявляется в трех взаимосвязанных направлениях. Во-первых, усиливается интерактивность и вовлеченность аудитории. Во-вторых, возрастает роль алгоритмов в управлении вниманием. В-третьих, повышается значение цифровой грамотности и нормативного контроля в условиях расширения поведенческого таргетинга.

Анализ цифровой трансформации рекламы в России в 2023–2025 гг. позволяет выделить несколько системных изменений, которые проявляются одновременно на технологическом, экономическом и социальном уровнях.

Во-первых, фиксируется институционализация *digital*-сегмента как ведущего направления развития рынка. Данные Ассоциации коммуникационных агентств России «Объем рынка маркетинговых коммуникаций в 2023 году» отражают структурное перерас-

пределение бюджетов и закрепление цифровых каналов как ключевого направления инвестиций.

Во-вторых, наблюдается алгоритмизация рекламной инфраструктуры. В публикации В. А. Лысова-Миланича, Х. Цао, С. Ю. угли Собинова и Е. М. Ершова подчеркивается, что ИИ меняет коммуникационные стратегии компаний через прогнозирование поведения аудитории и персонализацию сообщений, что свидетельствует о переходе от интуитивного к вычислительному управлению рекламой [1].

Третье изменение связано с переходом к вычислительной рекламе как системе алгоритмической закупки и анализа. А. В. Милицын, В. В. Потехин и Х. Чэн отмечают, что коммуникационная стратегия в сфере вычислительной рекламы базируется на нейросетевых моделях и обработке больших массивов данных, что усиливает точность сегментации и изменяет архитектуру медиапланирования [2].

При этом нельзя говорить о полном вытеснении традиционных форматов. Структурные данные по каналам коммуникации показывают, что телевидение сохраняет значимую долю рынка, несмотря на усиление *digital*-сегмента. Это свидетельствует о гибридной модели развития, где цифровые технологии интегрируются в уже существующую медиасистему, а не заменяют ее одномоментно. Подобная конфигурация указывает на институциональную устойчивость традиционных каналов и необходимость интегрированных стратегий продвижения.

Дискуссионным остается вопрос о социальной устойчивости алгоритмической рекламы. В исследованиях В. И. Кравченко и Д. А. Мартыновой подчеркивается, что социальные сети в условиях развития ИИ становятся средой формирования алгоритмически управляемых поведенческих сценариев, что усиливает воздействие рекламы на аудиторию [3].

Одновременно М. А. Осипова и Е. В. Сайганова рассматривают рекламную технологию как форму коммуникативного воздействия, что ставит вопрос о нормативном регулировании и прозрачности цифровых механизмов [13].

Технологический прогресс усиливает и рискованный контур цифровой рекламы. К. А. Татарина подчеркивает двойственную роль ИИ,

который используется для повышения уровня кибербезопасности и одновременно создает новые уязвимости цифровых систем [8].

Таким образом, обсуждение показывает, что цифровизация рекламы в России формирует сложную, многоуровневую систему, где экономическая эффективность сочетается с социальными и технологическими противоречиями.

Проведенный анализ позволил выявить ключевые направления трансформации рекламного рынка России в условиях цифровизации. Первое направление связано с институционализацией *digital*-сегмента как ведущего канала продвижения, что подтверждается отраслевыми данными Ассоциации коммуникационных агентств России о перераспределении рекламных бюджетов и объеме рынка в 2023 году.

Второе направление заключается в алгоритмизации рекламных процессов. ИИ, по данным исследования В. А. Лысова-Миланича и соавторов, обеспечивает прогнозирование поведения аудитории и адаптацию сообщений, что усиливает персонализацию и повышает управляемость кампаний.

Третье направление связано с развитием вычислительной рекламы, где нейросетевые модели и анализ больших данных, описанные

А. В. Милицыным и соавторами, формируют новую архитектуру медиапланирования.

Четвертое направление отражает социальные последствия цифровизации. Исследования Н. Д. Петраш и В. И. Кравченко показывают, что цифровые платформы меняют формат медиапотребления и усиливают алгоритмическое влияние на аудиторию.

Пятое направление связано с рисками цифровой среды. К. А. Татаринцов подчеркивает необходимость учета киберугроз и развития механизмов защиты данных в условиях расширения применения ИИ.

Россия входит в тройку мировых лидеров, обладающих профессиональными компетенциями в цифровых технологиях [14]. В XXI веке цифровые технологии проникают во все сферы жизнедеятельности, в том числе в сегменты торговли [15]. Стратегические перспективы цифровой рекламы в России связаны с дальнейшей интеграцией ИИ в процессы медиапланирования, развитием персонализированных форматов и усилением нормативной и технологической защиты цифровой инфраструктуры. Цифровизация рекламы выступает не как временный тренд, а как структурная трансформация коммуникационной системы, определяющая траекторию развития отрасли в среднесрочной перспективе.

Список источников

1. Влияние искусственного интеллекта на коммуникационные стратегии компаний / В. А. Лысов-Миланич, Х. Цао, С. Ю. угли Собиров, Е. М. Ершов // Информационные технологии в экономике : сборник научных трудов Всероссийской научно-практической Интернет-конференции студентов, аспирантов и молодых ученых с международным участием, Луганск, 26–27 марта 2025 года. Москва : Перо, 2025. С. 1040–1046. EDN: RBTCFL.
2. Исследование коммуникационной стратегии в сфере вычислительной рекламы на основе искусственного интеллекта / А. В. Милицын, В. В. Потехин, Х. Чэн [и др.] // Международная конференция по мягким вычислениям и измерениям. 2025. Т. 1. С. 426–432. EDN: CPERGN.
3. Кравченко В. И., Мартынова Д. А. Влияние социальных сетей на рекламу в условиях зарождающегося искусственного интеллекта // Миссия конфессий. 2025. Т. 14, № 5(86). С. 137–143. EDN: MYJWRW.
4. Улубаева Х. С. А. Эволюция маркетинговых технологий и их роль в продвижении продукции в условиях цифровой экономики // Актуальные вопросы таможенного дела и внешнеэкономической деятельности: проблемы и направления развития : сборник научных статей 3-й Всероссийской научно-практической конференции, Курск, 24 апреля 2025 года. Курск : Университетская книга, 2025. С. 119–121. EDN: SVVWLP.
5. Петраш Н. Д. Динамика и механизмы трансформации кинокоммуникаций в современных масс-медиа // Общество: философия, история, культура. 2025. № 4(132). С. 86–91. DOI: 10.24158/fik.2025.4.11. EDN: WWPGYN.
6. Итазов А. А., Трифонов П. В. Выбор оптимальной модели интегрированной маркетинговых маркетинговой коммуникаций в сфере спорта // Инновации и инвестиции. 2025. № 7. С. 123–125. EDN: OENBWE.
7. Тхориков Б. А. Маркетинговые инновации в таргетировании на фоне оптимизации рекламных кампаний // Экономика и управление: проблемы, решения. 2025. Т. 15, № 3(156). С. 113–118. DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2025.03.15.013. EDN: UVCSUI.

8. Татаринов К. А. Влияние искусственного интеллекта на кибербезопасность // Вопросы российского и международного права. 2025. Т. 15, № 5-1. С. 197–205. EDN: WXEBFP.
9. Шрамко П. Э. Влияние цифровых технологий на развитие рекламы и связей с общественностью // Молодежь и наука: реальность и будущее : материалы XVII Международной научно-практической конференции, Невинномысск, 22 мая 2024 года. Невинномысск : Невинномысский институт экономики, управления и права, 2024. С. 171–172. EDN: WASAAY.
10. Куликова Е. С., Дурандина О. А. Анализ влияния цифровых маркетинговых технологий на динамику розничной торговли в Свердловской области // Региональные проблемы преобразования экономики. 2025. № 5(175). С. 171–179. DOI: 10.26726/rppe2025v5aotio. EDN: JMWYBW.
11. Шилова А. К. Маркетинговое исследование новых медиа на примере личных брендов в медиа // Молодежная инициатива — 2025 : сборник статей городской научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 08 февраля — 29 марта 2025 года. Ростов-на-Дону : Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 2025. С. 330–337. EDN: WHESQS.
12. Филенко Ц. С. Использование нейросетей в устойчивом дизайне рекламы: анализ современных российских кейсов // Технологии и качество. 2025 № 3(69). С. 59–65. DOI: 10.34216/2587-6147-2025-3-69-59-65. EDN: ONPSNF.
13. Осипова, М. А., Сайганова Е. В. Типы коммуникативных технологий и их влияние на молодежь (пропаганда, агитация, манипуляция, рекламная технология) // Актуальные проблемы гуманитарных и социальных-экономических наук. 2025. № 4 (114). С. 133–135. EDN: TUJSYQ.
14. Сурай Н. М., Теплая Н. А. Современные тренды в области применения цифровых технологий в российском ретейле // Экономика. Профессия. Бизнес. 2024. № 2. С. 94–104. DOI: 10.14258/epb202428. EDN: DDJVAG.
15. Кудинова М. Г., Сурай Н. М., Елистратова Т. Г., Уварова Е. В. Развитие интернет-торговли в России в условиях цифровизации // Инновации и инвестиции. 2022. № 4. С. 238–243. EDN: KHEOXZ.

References

1. The Impact of Artificial Intelligence on Company Communication Strategies / V. A. Lysov-Milanich, H. Cao, S. Yu. Sobirov, E. M. Ershov. *Informacionny`e tehnologii v`ekonomike: sbornik nauchny`x trudov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy Internet-konferencii studentov, aspirantov i molody`x ucheny`x s mezhdunarodny`m uchastiem, Lugansk, 26-27 marta 2025 goda.* = *Information Technologies in Economics: Collection of Scientific Papers of the All-Russian Scientific and Practical Internet Conference of Students, Postgraduates, and Young Scientists with International Participation, Lugansk, March 26–27, 2025.* Moscow: Pero Publishing House; 2025. P. 1040–1046. (In Russ.). EDN: RBTCFL.
2. A Study of Communication Strategy in Computational Advertising Based on Artificial Intelligence / A. V. Militsyn, V. V. Potekhin, H. Chen [et al.]. *Mezhdunarodnaya konferenciya po myagkim vy`chisleniyam i izmereniyam = International Conference on Soft Computing and Measurements.* 2025;1:426–432. (In Russ.). EDN: CPERGN.
3. Kravchenko V. I., Martynova D. A. The Impact of Social Networks on Advertising in the Context of Emerging Artificial Intelligence. *Missiya konfessij = Mission of Confessions.* 2025;14(5(86)):137–143. (In Russ.). EDN: MYJWRW.
4. Ulubaeva Kh. S. A. Evolution of Marketing Technologies and Their Role in Product Promotion in the Digital Economy. *Aktual`ny`e voprosy` tamozhennogo dela i vneshnee`konomicheskoy deyatel`nosti: problemy` i napravleniya razvitiya : sbornik nauchny`x statej 3-j Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Kursk, 24 aprelya 2025 goda = Current Issues of Customs and Foreign Economic Activity: Problems and Development Directions: Collection of Scientific Articles from the 3rd All-Russian Scientific and Practical Conference, Kursk, April 24, 2025.* Kursk: University Book; 2025. P. 119–121. (In Russ.). EDN: SVVWLP.
5. Petrash N. D. Dynamics and mechanisms of transformation of film communications in modern mass media. *Obshhestvo: filosofiya, istoriya, kul`tura = Society: philosophy, history, culture.* 2025;(4(132)):86–91. (In Russ.). DOI 10.24158/fik.2025.4.11. EDN: WWPGYN.
6. Itazov A. A., Trifonov P. V. Selecting the Optimal Model of Integrated Marketing Communications in the Field of Sports. *Innovacii i investicii = Innovations and Investments.* 2025;(7):123–125. (In Russ.). EDN: OENBWE.
7. Tkhorikov B. A. Marketing Innovations in Targeting against the Background of Optimization of Advertising Campaigns. *E`konomika i upravlenie: problemy`, resheniya = Economy and management: problems, solutions.* 2025;15(3(156)):113–118. (In Russ.). DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2025.03.15.013. EDN: UVCSUI.

8. Tatarinov K. A. The Impact of Artificial Intelligence on Cybersecurity. *Voprosy`rossijskogo i mezhdunarodnogo prava = Issues of Russian and International Law*. 2025;15(5-1):197–205. (In Russ.). EDN: WXEBFP.

9. Shramko P. E. The impact of digital technologies on the development of advertising and public relations. *Molodezh`i nauka: real`nost`i budushhee: materialy`XVII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Nevinnomy`ssk, 22 maya 2024 goda = Youth and science: reality and future: proceedings of the XVII International scientific and practical conference, Nevinnomyssk, May 22, 2024*. Nevinnomyssk: Nevinnomyssk Institute of Economics, Management and Law; 2024. P. 171–172. (In Russ.). EDN: WASAAY.

10. Kulikova E. S., Durandina O. A. Analysis of the Impact of Digital Marketing Technologies on the Dynamics of Retail Trade in the Sverdlovsk Region. *Regional`ny`e problemy`preobrazovaniya e`konomiki = Regional problems of economic transformation*. 2025;(5(175)):171–179. (In Russ.). DOI: 10.26726/rppe2025v5aotio. EDN: JMWYBW.

11. Shilova A. K. Marketing research of new media on the example of personal brands in the media. *Molodezhnaya iniciativa — 2025 : sbornik statej gorodskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Rostov-na-Donu, 08 fevralya — 29 marta 2025 goda = Youth initiative — 2025: collection of articles from the city scientific and practical conference, Rostov-on-Don, February 08–29, 2025*. Rostov-on-Don: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education "Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration"; 2025. P. 330–337. (In Russ.). EDN: WHESQS.

12. Filenko Ts. S. Using Neural Networks in Sustainable Advertising Design: Analysis of Modern Russian Cases. *Texnologii i kachestvo = Technologies and quality*. 2025;(3(69)):59–65. (In Russ.). DOI: 10.34216/2587-6147-2025-3-69-59-65. EDN: ONPSNF.

13. Osipova, M. A., Saiganova E. V. Types of communication technologies and their impact on young people (propaganda, agitation, manipulation, advertising technology). *Aktual`ny`e problemy`gumanitarny`x i social`no-e`konomicheskix nauk = Actual problems of humanitarian and socio-economic sciences*. 2025;(4(114)):133–135. (In Russ.). EDN: TUJSYQ.

14. Suray N. M., Teplaya N. A. Modern Trends in the Application of Digital Technologies in Russian Retailing. *E`konomika. Professiya. Biznes = Economics. Profession. Business*. 2024;(2):94–104. (In Russ.). DOI: 10.14258/epb202428. EDN: DDJVAG.

15. Kudinova M. G., Suray N. M., Elistratova T. G., Uvarova E. V. Development of Online Shopping in Russia in the Context of Digitalization. *Innovacii i investicii = Innovations and Investments*. 2022;(4):238–243. (In Russ.). EDN: KHEOXZ.

Информация об авторах

Н. М. Сурай — кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры рекламы, связей с общественностью и дизайна;

Н. С. Пархоменко — студент 4-го курса

Information about the authors

N. M. Suray — Candidate of Science (Technical), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Advertising, Public Relations, and Design;

Nikita S. Parkhomenko — 4th year student.

Статья поступила в редакцию 27.03.2026; одобрена после рецензирования 23.04.2026; принята к публикации 22.06.2026.

The article was submitted 27.03.2026; approved after reviewing 23.04.2026; accepted for publication 22.06.2026.

Вестник Башкирского института социальных технологий). 2026. № 2(71). С. 124–130
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2026;2(71):124–130

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Научная статья

УДК 332.1:504.06(470.57)

doi: 10.47598/2078-9025-2026-2-71-124-130

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ФАКТОР ВЛИЯНИЯ НА ЭКОНОМИЧЕСКУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ ХОЗЯЙСТВУЮЩЕГО СУБЪЕКТА

Ляйсан Хадисовна Арасланова^{1✉}, Эльвира Фанировна Мухамадиева²

^{1,2}Уфимский государственный нефтяной технический университет, Уфа, Россия

¹Lyaysan-86@yandex.ru ✉

²teffi83@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуется влияние экологической безопасности на экономическую безопасность предприятия. Актуальность обусловлена переходом от абсолютизации экономического роста к необходимости решения экологических проблем, ужесточением природоохранного законодательства Российской Федерации и ростом финансовых рисков для бизнеса. Цель работы — анализ влияния экологического фактора, в частности механизма экологического сбора, на экономическую безопасность хозяйствующих субъектов. Методология базируется на системном анализе, сравнительном правоведении, статистических методах и экспертных оценках. На основе эмпирических данных (2024–2025 гг.) выявлены типичные ошибки предприятий при сдаче отчетности, систематизированы изменения законодательства (рост ставок экосбора на 1 % в 2025 году, введение коэффициентов экологичности, ужесточение штрафов). Результаты показали, что сумма экосбора в Республике Башкортостан выросла в 2 раза (до 316,3 млн руб.), количество привлеченных к ответственности нарушителей превысило 150. Предложены практические рекомендации: внедрение комплаенс-контроля, переход на упаковку с содержанием вторичного сырья $\geq 55\%$, проверка лицензий утилизаторов, создание собственных перерабатывающих мощностей. Сделан вывод, что экологическая безопасность превращается из внешнего ограничителя во внутренний фактор экономической безопасности.

Ключевые слова: экологическая безопасность, экономическая безопасность предприятия, экологический сбор, расширенная ответственность производителей, экологические риски, утилизация отходов, вторичное сырье

Для цитирования: Арасланова Л. Х., Мухамадиева Э. Ф. Экологическая безопасность как фактор влияния на экономическую безопасность хозяйствующего субъекта // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2026. № 2(71). С. 124–130. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2026-2-71-124-130>.

ECONOMIC SECURITY

Research article

ENVIRONMENTAL SAFETY AS A FACTOR INFLUENCING THE ECONOMIC SECURITY OF AN ECONOMIC ENTITY

Lyaysan Kh. Araslanova^{1✉}, Elvira F. Mukhamadiyeva²

^{1,2}Ufa State Petroleum Technical University, Ufa, Russia

¹Lyaysan-86@yandex.ru ✉

²teffi83@yandex.ru

Abstract. The article examines the influence of environmental safety on the economic security of an enterprise. The relevance is due to the transition from the absolutization of economic growth to the need to solve environmental problems, the tightening of environmental legislation in the Russian Federation and the

growth of financial risks for business. The purpose of the work is to analyze the influence of the environmental factor, in particular the mechanism of the environmental fee, on the economic security of economic entities. The methodology is based on system analysis, comparative law, statistical methods and expert assessments. Based on empirical data (2024–2025), typical errors of enterprises in reporting are identified, changes in legislation are systematized (increase in environmental fee rates by 15% in 2025, introduction of environmental coefficients, tightening of fines). The results showed that the amount of the environmental fee in the Republic of Bashkortostan doubled (up to 316.3 million rubles), the number of violators brought to justice exceeded 150. Practical recommendations are proposed: introduction of compliance control, transition to packaging with recycled content $\geq 55\%$, verification of licenses of recyclers, creation of own recycling facilities. It is concluded that environmental safety is transformed from an external constraint into an internal factor of economic security.

Keywords: environmental safety, economic security of an enterprise, environmental fee, extended producer responsibility, environmental risks, waste recycling, recycled materials

For citation: Araslanova L. Kh., Mukhamadieva E. F. Environmental safety as a factor influencing the economic security of an economic entity. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2026;(2(71)):124–130. (In Russ.). <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2026-2-71-124-130>.

Введение

Современные экономические потрясения последних лет вскрыли системную уязвимость прежней модели роста, которая долгое время делала ставку исключительно на количественные показатели, пренебрегая социальными и экологическими ограничениями. Побочным эффектом такой индустриальной экспансии стало накопление загрязняющих веществ, разрастание свалок и деградация водных объектов. Как справедливо отмечается в работе [1], здоровье населения и состояние естественных ландшафтов оказались прямой платой за технологическое развитие.

На фоне глобального тренда к раскрытию нефинансовой отчетности экологический фактор перестает быть второстепенным. Сегодня он напрямую влияет на экономическую безопасность компании: предприятие, наносящее ущерб природе, не может считаться ни устойчивым, ни инвестиционно привлекатель-

ным. В связи с этим встает вопрос о срочном внедрении защитных систем, снижающих техногенную нагрузку и риски.

Цель исследования — анализ влияния экологического фактора, в частности механизма экологического сбора, на экономическую безопасность хозяйствующего субъекта.

Задачи исследования:

- исследовать теоретические основы экологической составляющей в системе экономической безопасности;
- проанализировать правовые основы и способы обеспечения экологической безопасности;
- провести оценку показателей, характеризующих экономическую безопасность на примере хозяйствующих субъектов Республики Башкортостан;
- разработать практические рекомендации по снижению экологических рисков.

Степень разработанности темы исследования

В литературе сложилось несколько классических трактовок экономической безопасности предприятия. Их удобно разделить на три группы: финансово-ресурсный подход (И. А. Бланк, Л. К. Иванова), конкурентно-технологический (Ю. Г. Лысенко, А. В. Козаченко) и системно-адаптационный (В. К. Сенчагов). Обобщение этих позиций представлено в таблице 1.

Под экологической безопасностью хозяйствующего субъекта мы будем понимать такое

состояние его природоохранной деятельности, при котором соблюдаются все установленные нормативы и отсутствуют неустраняемые риски для окружающей среды. При этом любой компонент среды (воздух, вода, почва, живые организмы), способный оказать влияние на производственные процессы или здоровье людей, рассматривается как экологический фактор (согласно подходу, изложенному в источнике [6]).

Таблица 1. Интерпретация понятия «экономическая безопасность предприятия»

Автор	Понятие
Бланк И. А. [1]	Финансовая компонента выступает в качестве базового значения уровня и структуры финансового потенциала предприятия в обеспечении целей его экономического развития
Иванова Л. К. [2]	Наличие конкурентных преимуществ, обусловленных соответствием материального, финансового, кадрового, технологического потенциалов стратегическим целям
Лысенко Ю. Г., Мищенко С. Г., Руденский Р. А., Спиридонов А. А. [3]	Состояние производственно-экономической системы, при котором функционируют механизмы предотвращения или уменьшения воздействия угроз
Козаченко А. В., Пономарев В. П., Ляшенко А. Н. [4]	Наличие конкурентных преимуществ, обусловленных соответствием материального, финансового, кадрового, технико-технологического потенциалов
Сенчагов В. К. [5]	Состояние объекта в системе его связей с точки зрения способности к выживанию и развитию в условиях внутренних и внешних угроз

Методология и методы исследования

Работа опирается на сочетание общенаучных и специальных методов юридического и экономического анализа.

Системный подход позволил представить экологическую безопасность не как изолированное требование, а как неотъемлемую «подсистему» в общем контуре экономической безопасности предприятия.

Сравнительно-правовой метод использовался для отслеживания изменений в федеральном законодательстве — прежде всего в части экологического сбора и штрафных санкций.

Для обработки цифровых данных (объемы поступлений сборов, динамика отчетности) применялись стандартные статистические инструменты: группировка, расчет темпов роста, выявление отклонений.

Кроме того, в работе использован метод экспертных оценок: более 50 отчетов по экологическому сбору были проанализированы вручную для выявления типичных ошибок и нарушений.

Нормативно-эмпирическую базу исследования составили:

- актуальные редакции статей КоАП РФ, федеральных законов и постановлений Правительства Российской Федерации [7–13];
- данные Федеральной службы по надзору в сфере природопользования (Росприроднадзор) и официальная статистика по Республике Башкортостан [14];
- практический опыт авторов, полученный при камеральной обработке деклараций.

Результаты исследования

Что такое экологический сбор и как он рассчитывается.

Экологический сбор (в практике также используется термин «экосбор») представляет собой обязательный платеж, который производители и импортеры перечисляют в бюджет, если их товары или упаковка после утраты потребительских свойств становятся отходами. Главная цель этого механизма — финансово

стимулировать переработку отходов и снижать нагрузку на полигоны.

Важно: экосбор взимается не со всех товаров подряд, а только с тех позиций, которые поименованы в специальном перечне, утвержденном Постановлением Правительства Российской Федерации от 29.12.2023 № 2414 [9]. Собранные средства направляются на строительство мусороперерабаты-

вающих заводов и природоохранные мероприятия.

Формула расчета.

Сумма экологического сбора определяется как:

$$ЭС = С \cdot М \cdot (НУ \cdot Мф),$$

где ЭС — итоговая сумма сбора к уплате;

С — ставка сбора за единицу массы (руб./т);

М — масса товаров или упаковки, выпущенных в обращение (в т);

НУ — норматив утилизации, установленный для данной категории (в %);

Мф — фактическая масса отходов, которая была реально утилизирована (в т).

Пример из практики.

Предположим, компания ввезла в Россию партию зеркал весом 500 кг. Для зеркал:

ставка экосбора = 2858 руб./т,

коэффициент (для упрощения) = 1,

норматив утилизации = 10 %.

Расчет:

$$2858 \text{ руб.} \cdot 0,5 \text{ т} \cdot 10 \% = 142,9 \text{ руб.}$$

Если в той же партии есть упаковка из гофрированного картона (40 кг):

ставка = 2378 руб./т,

норматив утилизации = 45 %.

Расчет:

$$2378 \text{ руб.} \cdot 0,04 \text{ т} \cdot 45 \% = 42,8 \text{ руб.}$$

Рост ставок экосбора на 2025–2027 годы.

В 2025 году базовые ставки экологического сбора были увеличены на 15% по сравнению с предыдущим годом. Правительство Российской Федерации утвердило новые значения для 52 групп товаров и упаковки [11]. В дальнейшем запланирована индексация (таблица 2):

2026 год — дополнительный рост на 8%;

2027 год — еще на 4%.

С 1 января 2025 г. у компаний появился законный способ снизить платежи: если в упаковке содержится не менее 55% вторичного сырья, можно претендовать на скидку. В 2026 году этот порог повысится до 75% [12].

Штрафы: как изменилась ответственность с августа 2024 года.

С 19 августа 2024 г. вступили в силу существенно более жесткие штрафы за сокрытие экологической информации или искажение отчетности [13]. Основные виды нарушений и санкции сведены в таблицу 3.

Проверка отчетности по Республике Башкортостан показала, что в 2025 году в территориальные органы Росприроднадзора по Республике Башкортостан поступило:

Таблица 2. Наглядный пример индексации по отдельным позициям

Вид товара	Ставка 2025 г. (руб./т)	Ставка 2027 г. (руб./т)
Шины	10 310	11 580
Текстильные изделия	18 750	21 060

Таблица 3. Штрафы за нарушения в сфере экологического сбора

Вид нарушения	Штраф для юридических лиц	Штраф для ИП / должностных лиц	Статья КоАП РФ
Несдача отчетности или просрочка	70–150 тыс. руб.	ИП: 50–70 тыс. руб.; должностные лица: 3–6 тыс. руб.	ч. 1 ст. 8.5.1
Неполный комплект или ошибочные данные	двукратный размер суммы экосбора, но не менее 250 тыс. руб.	двукратный размер, но не менее 100 тыс. руб.	ч. 2 ст. 8.5.1
Неуплата экосбора	трехкратный размер суммы, но не менее 500 тыс. руб.	трехкратный размер, но не менее 250 тыс. руб.	ст. 8.41.1

- отчетов о выполнении нормативов утилизации — 613;
 - расчетов суммы экологического сбора — 612;
 - отчетов о массе выпущенных товаров за 2024 год — 289;
 - отчетов о самостоятельной утилизации — 2.
- Общая сумма начисленного экосбора достигла 316 311 066,81 руб., что ровно в 2 раза больше, чем в предыдущем отчетном периоде.

Всего обработано 1759 отчетных документов. Авторами проанализированы более 50 отчетов.

Типичные ошибки, которые выявляются при проверке:

- разница в данных о количестве выпущенных товаров по сравнению с теми сведениями, которые ранее передавали производители;
- отсутствие подтверждающих документов на утилизацию отходов или на использование вторсырья;
- расхождения с данными Федеральной таможенной службы.

По итогам 2024–2025 годов к административной ответственности привлечены свыше 150 юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и должностных лиц [14].

Выводы и практические рекомендации

Проведенное исследование позволяет сделать следующие обобщения.

1. Экологическая безопасность перестала быть внешним ограничителем, который можно учитывать по «остаточному принципу». Сегодня это внутренний фактор, напрямую влияющий на финансовые потоки и устойчивость бизнеса.

2. Пренебрежение экологическими требованиями оборачивается:

- штрафами (до 500 тыс. руб. только за неуплату сбора, не считая других нарушений);
- расходами на ликвидацию вреда окружающей среде;
- репутационными потерями и риском потери контрагентов.

3. Экологический сбор эволюционирует от чисто фискального инструмента к регуляторному. Повышение ставок (+15 % в 2025 году и далее) и введение коэффициентов экологичности создают понятные экономические стимулы для перехода на вторичное сырье и принципы циркулярной экономики.

4. Зафиксирован двукратный рост поступлений экосбора (до 316,3 млн руб.) при высоком количестве нарушений. Основные проблемы: расхождения с данными Федеральной таможенной службы и отсутствие подтверждающих документов об утилизации.

Рекомендации для предприятий (дорожная карта):

1. Внедрить комплаенс-контроль экологической отчетности. Создать внутренний ре-

гламент, по которому перед отправкой отчета в Росприроднадзор данные сверяются между производственным отделом, закупками/логистикой и бухгалтерией. Это исключит расхождения с таможенными декларациями.

2. Пересмотреть стратегию работы с упаковкой. Оценить экономическую эффективность перехода на упаковку, содержащую $\geq 55\%$ вторсырья (с 2026 года — $\geq 75\%$). Затраты на сертификацию окупаются скидкой по экосбору.

3. Обеспечить прозрачность цепочки утилизации. Если вы привлекаете сторонние организации — проверяйте их лицензии, реальные мощности и документальное подтверждение факта утилизации. Отсутствие таких подтверждений — главное основание для доначисления сбора и штрафа.

4. Рассмотреть долгосрочную стратегию: создание собственных мощностей. В кооперации с другими производителями можно создать собственный перерабатывающий участок. Это требует инвестиций сегодня, но позволит полностью обнулить плату за экосбор в будущем, повысить инвестиционную привлекательность и снизить регуляторные риски.

Таким образом, комплексное управление экологическими рисками и проактивная (упреждающая) адаптация к меняющемуся законодательству — это сегодня не дань «зеленой» повестке, а прямой источник экономической безопасности и устойчивости предприятия.

Список источников

1. Белик И. С. Эколого-экономическая безопасность : учебное пособие / И. С. Белик, Л. А. Бурмакина, К. А. Выварец, Н. В. Стародубец. Екатеринбург : УрФУ, 2015. 152 с.
2. Иванова Л. К. Экономическая безопасность предприятия // Экономическая безопасность: концепция, стандарты. 2013. Т. 17, № 7 (60). С. 30–33.
3. Лысенко Ю. Г. Экономическая безопасность предприятия : монография / Ю. Г. Лысенко, С. Г. Мищенко, Р. А. Руденский, А. А. Спиридонов. Донецк : ДонНУ, 2018. 420 с.
4. Козаченко А. В. Экономическая безопасность предприятия: сущность и механизмы обеспечения / А. В. Козаченко, В. П. Пономарев, А. Н. Ляшенко. Киев : Либра, 2003. 280 с.
5. Сенчагов В. К. Экономическая безопасность России : монография. Москва : Дело, 2005. 896 с.
6. Воскресенская О. Л. Организм и среда: факториальная экология : учебное пособие / О. Л. Воскресенская, Е. А. Скочилова, Т. И. Копылова и др. Йошкар-Ола : Марийский государственный университет, 2005. 180 с. EDN: RRZBYF.
7. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ : редакция от 08.08.2024 // Президент России : официальный сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/17704/page/2>.
8. «Об отходах производства и потребления» : Федеральный закон от 24.06.1998 № 89-ФЗ : Принят Государственной Думой 22 мая 1998 года : Одобрен Советом Федерации 10 июня 1998 года : последняя редакция // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 26. Ст. 3009.
9. «Об утверждении перечней товаров, упаковки, отходы от использования которых подлежат утилизации, и нормативов утилизации отходов от использования товаров, упаковки» : Постановление Правительства Российской Федерации от 29.12.2023 № 2414 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 2. Ст. 345.
10. «О порядке взимания экологического сбора» : Постановление Правительства Российской Федерации от 08.10.2015 № 1073 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 41. Ст. 5675.
11. «О нормативах утилизации отходов от использования товаров» : Постановление Правительства Российской Федерации от 31.12.2024 № 1990 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2025. № 2. Ст. 180.
12. «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 11 марта 2010 г. № 138» : Постановление Правительства Российской Федерации от 30.12.2024 № 1991 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2025. № 3. Ст. 210.
13. «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» : Федеральный закон от 08.08.2024 № 242-ФЗ : Принят Государственной Думой 22 июля 2025 года : Одобрен Советом Федерации 25 июля 2025 года // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации : официальный сайт. 2024. URL: <https://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-08082024-n-242-fz-ovnesenii-izmenenii/> (дата обращения: 10.12.2025).
14. Отчет о начислении и поступлении экологического сбора на территории Республики Башкортостан за 2024–2025 годы. Уфа : Управление Федеральной службы по надзору в сфере природопользования по Республике Башкортостан, 2025. 28 с.

References

1. Belik I. S. Ecological and economic security: a textbook / I. S. Belik, L. A. Burmakina, K. A. Vyvarets, N. V. Starodubets. Ekaterinburg: UrFU; 2015. 152 p. (In Russ.).
2. Ivanova L. K. Economic security of an enterprise. *E`konomicheskaya bezopasnost` : koncepciya, standarty` = Economic security: concept, standards*. 2013;17(7(60)):30–33. (In Russ.).
3. Lysenko Yu. G. Economic security of an enterprise: a monograph / Yu. G. Lysenko, S. G. Mishchenko, R. A. Rudensky, A. A. Spiridonov. Donetsk: DonNU; 2018. 420 p. (In Russ.).
4. Kozachenko A. V. Economic Security of an Enterprise: Essence and Mechanisms of Support / A. V. Kozachenko, V. P. Ponomarev, A. N. Lyashenko. Kyiv: Libra; 2003. 280 p. (In Russ.).
5. Senchagov V. K. Economic Security of Russia: Monograph. Moscow: Delo; 2005. 896 p. (In Russ.).
6. Voskresenskaya O. L. Organism and Environment: Factorial Ecology: Textbook / O. L. Voskresenskaya, E. A. Skochilova, T. I. Kopylova, et al. Yoshkar-Ola: Mari State University; 2005. 180 p. (In Russ.). EDN: RRZBYF.
7. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses dated December 30, 2001 No. 195-FL: version dated August 8, 2024. President of Russia: official website. (In Russ.) Available from: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/17704/page/2>.

8. "On Production and Consumption Waste": Federal Law dated June 24, 1998 No. 89-FL: Adopted by the State Duma on May 22, 1998: Approved by the Federation Council on June 10, 1998: latest version. *Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii = Collected Legislation of the Russian Federation*. 1998;(26):Art. 3009. (In Russ.).

9. "On Approval of the Lists of Goods, Packaging, Waste from the Use of Which Are Subject to Disposal, and the Standards for the Disposal of Waste from the Use of Goods and Packaging": Resolution of the Government of the Russian Federation dated December 29, 2023 No. 2414. *Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii = Collected Legislation of the Russian Federation*. 2024;(2):Art. 345. (In Russ.).

10. "On the Procedure for Collecting the Environmental Fee": Resolution of the Government of the Russian Federation dated October 8, 2015 No. 1073. *Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii = Collected Legislation of the Russian Federation*. 2015;(41):Art. 5675. (In Russ.).

11. "On the Standards for the Disposal of Waste from the Use of Goods": Resolution of the Government of the Russian Federation dated December 31, 2024 No. 1990. *Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii = Collected Legislation of the Russian Federation*. 2025;(2):Art. 180. (In Russ.).

12. "On Amendments to the Resolution of the Government of the Russian Federation of March 11, 2010 No. 138": Resolution of the Government of the Russian Federation dated December 30, 2024 No. 1991. *Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii = Collected Legislation of the Russian Federation*. 2025;(3):Art. 210. (In Russ.).

13. "On Amendments to the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses": Federal Law dated August 8, 2024 No. 242-FL: Adopted by the State Duma on July 22, 2025: Approved by the Federation Council on July 25, 2025. *Laws, Codes, and Regulatory Legal Acts of the Russian Federation: official website*. (In Russ.) Available from: <https://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-08082024-n-242-fz-o-vnesenii-izmenenii/> (date of access: 10.12.2025). (In Russ.).

14. Report on the accrual and receipt of environmental fees in the Republic of Bashkortostan for 2024–2025. Ufa: Office of the Federal Service for Supervision of Natural Resources in the Republic of Bashkortostan; 2025. 28 p. (In Russ.).

Информация об авторах

Л. Х. Арасланова — кандидат технических наук, доцент кафедры охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов;

Э. Ф. Мухамадиева — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономической безопасности.

Information about the authors

L. Kh. Araslanova — Candidate of Science (Technical), Associate Professor of the Department of Environmental Protection and Rational Use of Natural Resources;

E. F. Mukhamadieva — Candidate of Science (Economics), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Economic Security.

Статья поступила в редакцию 18.05.2026; одобрена после рецензирования 15.06.2026; принята к публикации 22.06.2026.

The article was submitted 18.05.2026; approved after reviewing 15.06.2026; accepted for publication 22.06.2026.

Вестник Башкирского института социальных технологий). 2026. № 2(71). С. 131–137
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2026;2(71):131–137

Научная статья
УДК 338.1:005.334(470)
doi: 10.47598/2078-9025-2026-2-71-131-137

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ РИСК-ИНДИКАТОРОВ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ НЕФТЕГАЗОВОГО СЕКТОРА

Олеся Ивановна Ишкинина^{1✉}, Эльвира Фанировна Мухамадиева²

^{1,2}Уфимский государственный нефтяной технический университет, Уфа, Россия

¹olesya-ioh@mail.ru✉

²teffi83@yandex.ru

Аннотация. В условиях геополитической нестабильности и высокой волатильности сырьевых рынков обеспечение экономической безопасности предприятий нефтегазового сектора требует перехода от реактивного к проактивному управлению. Главным инструментом такого управления является система риск-индикаторов. Цель исследования — разработка теоретико-методических подходов к формированию системы риск-индикаторов для предприятий нефтегазового сектора. Методологическую основу составили системный подход, методы финансового и экономического анализа, сравнительный анализ методических подходов (порогового, экспертного, факторного), методы систематизации и классификации. Обоснована многоуровневая классификация факторов экономической безопасности, проведен сравнительный анализ методических подходов к оценке, сформирован унифицированный комплекс риск-индикаторов по пяти ключевым функциональным областям (финансовая, производственно-технологическая, кадровая, экологическая, правовая), предложена индикативная система оценки и комбинированная методика установления пороговых значений (бенчмаркинг, ретроспективный анализ, экспертные оценки). Разработанная система риск-индикаторов, адаптированная к специфике нефтегазовых предприятий и учитывающая динамический характер угроз, может быть интегрирована в существующие системы риск-менеджмента компаний топливно-энергетического комплекса для повышения их устойчивости. Направления дальнейших исследований связаны с созданием программного продукта для автоматизации мониторинга и разработкой сценарных моделей прогнозирования уровня экономической безопасности.

Ключевые слова: экономическая безопасность предприятия, риск-индикаторы, нефтегазовый сектор, пороговые значения, мониторинг рисков, индикативная система оценки, проактивное управление

Для цитирования: Ишкинина О. И., Мухамадиева Э. Ф. Формирование системы риск-индикаторов для обеспечения экономической безопасности предприятий нефтегазового сектора // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2026. № 2 (71). С. 131–137. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2026-2-71-131-137>.

Research article

FORMATION OF A RISK INDICATOR SYSTEM FOR ENSURING ECONOMIC SECURITY OF AN OIL AND GAS SECTOR ENTERPRISE

Olesya I. Ishkinina^{1✉}, Elvira F. Mukhamadieva²

^{1,2}Ufa State Petroleum Technical University, Ufa, Russia

¹olesya-ioh@mail.ru✉

²teffi83@yandex.ru

Abstract. The article substantiates the need for a transition from reactive to proactive management of economic security of oil and gas sector enterprises in the context of geopolitical instability and sanctions pressure. The purpose of the study is to develop theoretical and methodological approaches to the formation of a risk indicator system for oil and gas sector enterprises. The methodological basis includes a systematic approach, methods of financial and economic analysis, comparative analysis of methodological approaches (threshold, expert, factorial), methods of systematization and classification. The results of the study: a multi-level classification of economic security factors is substantiated, a comparative analysis of methodological approaches to assessment is carried out, a unified set of risk indicators for five key functional areas (financial, production-technological, personnel, environmental, legal) is formed, an indicative assessment system and a combined method for establishing threshold values (benchmarking, retrospective analysis, expert assessments) are proposed. Conclusions: the developed risk indicator system, adapted to the specifics of oil and gas enterprises and taking into account the dynamic nature of threats, can be integrated into existing risk management systems of fuel and energy companies to increase their sustainability. Further research directions are related to the creation of a software product for monitoring automation and the development of scenario models for forecasting the level of economic security.

Keywords: economic security of an enterprise, risk indicators, oil and gas sector, threshold values, risk monitoring, indicative assessment system, proactive management

For citation: Ishkinina O. I., Mukhamadieva E. F. Formation of a risk indicators system for ensuring economic security of an oil and gas sector enterprise. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2026;(2(71)):131–137. (In Russ.). <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2026-2-71-131-137>.

Современные условия хозяйствования для российских предприятий нефтегазового сектора отличаются беспрецедентной динамикой внешней среды. Геополитическая нестабильность, жесткие санкции, резкие колебания сырьевых рынков и технологические ограничения заставляют пересматривать сложившиеся подходы к экономической безопасности. Традиционное реактивное управление, направленное на устранение последствий уже случившихся угроз, здесь уже неэффективно. Как показано в работе [1], экономическая безопасность предприятия — это не статическое состояние, а динамическое равновесие между защитой и развитием организации. Для предприятий нефтегазового сектора, где цена ошибки может измеряться миллиардами рублей и экологическими катастро-

фами, переход к проактивному управлению рисками является стратегическим приоритетом. Инструментом такого управления выступает система риск-индикаторов — набора метрик, позволяющего выявлять угрозы на ранних стадиях и своевременно корректировать управленческие решения.

Проблема в том, что сегодня отсутствует целостная, адаптированная к отраслевой специфике система риск-индикаторов для российских нефтегазовых предприятий. Существующие методики либо универсальны и не учитывают такие отраслевые черты, как высокая капиталоемкость, длинный инвестиционный цикл и критическая зависимость от импортных технологий, либо сосредоточены только на финансах, игнорируя нарастающие кадровые, технологические и инновационные риски.

Мы исходим из гипотезы, что многоуровневая система риск-индикаторов, включающая как традиционные финансово-экономические показатели, так и отраслевые индикаторы технологического уровня, кадрового потенциала и инновационной активности, позволит точнее диагностировать угрозы и повысить эффективность управленческих решений.

Цель работы — разработать теоретико-методические подходы к формированию системы риск-индикаторов для обеспечения экономической безопасности предприятий нефтегазового сектора. Для этого необходимо решить следующие задачи: обосновать многоуровневую классификацию факторов, определяющих условия экономической безопасности, систематизировать существующие методические подходы к оценке и оценить их применимость для нефтегазового сектора, сформировать унифицированный комплекс риск-индикаторов по ключевым функциональным областям, предложить индикативную систему оценки и методике установления пороговых значений с учетом отраслевой специфики.

Теоретико-методологическую базу исследования составили работы ведущих российских и зарубежных ученых в области экономической безопасности предприятия и риск-менеджмента. Значительный вклад в развитие теории внесли Г. Б. Клейнер, В. П. Тамбовцев и Р. М. Качалов, рассматривающие предприятие как сложную систему, функционирующую в нестабильной среде [1]. Вопросы финансовой безопасности рассматривались в трудах О. Н. Бадаевой [2], Е. В. Левкиной [3] и О. Н. Сорокиной [4]. Зарубежный опыт управления финансовыми рисками обобщен в работах К. Рэдхэда и С. Хьюса [5], а также Э. А. Уткина [6].

В последние годы растет интерес к отраслевым аспектам экономической безопасности. В исследованиях по нефтегазовому сектору подчеркивается, что высокий износ основных фондов (45–60%), зависимость от внешнеэкономической конъюнктуры и особая система налогообложения формируют специфический профиль рисков. В условиях санкций 2022–2024 гг. особенно острыми стали риски технологической зависимости и нехватки квалифицированных кадров по новым направлениям.

Сравнительный анализ методических подходов к оценке экономической безопасности (пороговый, экспертный, факторный) показывает, что наиболее применим для нефтегазового сектора пороговый подход, который основан на сопоставлении фактических значений с нормативными. Экспертный подход используется для качественных индикаторов (качество управления, инновационный потенциал). Факторный подход позволяет выявить количественное влияние различных факторов на интегральный уровень безопасности.

При многообразии публикаций практически отсутствуют работы, предлагающие комплексную систему риск-индикаторов, учитывающую современные геополитические и технологические вызовы. Существующие разработки либо узко отраслевые, либо очень универсальны. Этим определяется актуальность и научная новизна исследования, состоящая в адаптации системы риск-индикаторов к специфике российских нефтегазовых предприятий в условиях санкционного давления.

Методологической основой исследования послужила совокупность общенаучных и специальных методов познания. В основе работы лежит системный подход, позволяющий рассматривать экономическую безопасность как сложную многоуровневую систему, взаимодействующую с внешней средой. Использованы также элементы динамического и интегративного подходов, учитывающих способность предприятия адаптироваться к быстро меняющимся условиям.

В работе применялись следующие методы исследования:

- методы финансового и экономического анализа для оценки традиционных показателей деятельности предприятий;
- сравнительный анализ методических подходов (порогового, экспертного, факторного);
- методы систематизации и классификации для построения многоуровневой классификации факторов и комплекса риск-индикаторов;
- контент-анализ для изучения корпоративных политик управления рисками и нормативных документов.

Информационную базу исследования составили:

– официальная отчетность и корпоративные политики управления рисками крупнейших предприятий нефтегазового сектора Российской Федерации;

– материалы отраслевых аналитических агентств;

– научные публикации в рецензируемых журналах за последние пять лет [2–3; 7–9];

– данные Федеральной службы государственной статистики.

В результате анализа теоретических основ и практики деятельности предприятий нефтегазового комплекса были получены следующие основные результаты.

1. Многоуровневая классификация факторов экономической безопасности.

Обеспечение экономической безопасности определяется двумя группами факторов: внешними и внутренними (таблица 1). Особенностью текущего этапа является доминирование внешних геополитических и технологических факторов, которые раньше имели второстепенное значение.

2. Выявление ключевых отраслевых особенностей.

В ходе анализа были подтверждены и уточнены следующие отраслевые особенности, которые имеют важное значение для формирования системы риск-индикаторов:

а) высокая капиталоемкость и длительный инвестиционный цикл (от 3 до 10 лет);

б) критическая зависимость от доступа к передовым технологиям и импортному оборудованию в условиях санкционных ограничений;

в) значительный износ основных фондов (в среднем по отрасли 45–60%);

г) высокая чувствительность к кадровым рискам, включая дефицит специалистов по новым технологическим направлениям (цифровизация, импортозамещение программного обеспечения).

3. Формирование унифицированного комплекса риск-индикаторов.

На основе выявленных особенностей и классификации факторов был разработан комплекс риск-индикаторов по пяти ключевым функциональным областям (таблица 2). В отличие от существующих подходов, предложенная система комплексно учитывает как традиционные финансовые показатели, так и новые стратегические индикаторы: уровень цифровизации производства, долю импортного оборудования в критических процессах, долю сотрудников, прошедших переобучение по новым технологиям.

4. Разработка методики установления пороговых значений и регламента мониторинга.

Для практической реализации системы предложен комбинированный подход к установлению пороговых значений, включающий три метода:

1. Нормативно-сравнительный (бенчмаркинг) — сравнение со среднеотраслевыми значениями.

2. Историко-динамический метод — анализ ретроспективы предприятия за 5–7 лет.

Таблица 1. Многоуровневая классификация факторов, влияющих на экономическую безопасность предприятий нефтегазового сектора*

Уровень	Группа факторов	Конкретные факторы
Внешние	Геополитические	Санкционное давление, геополитическая напряженность
	Рыночные	Волатильность цен на энергоносители, курсы валют
	Технологические	Технологические ограничения, доступ к импортному оборудованию
Внутренние	Финансовые	Финансовая устойчивость, ликвидность, рентабельность
	Производственные	Технико-технологический уровень, износ ОФ
	Управленческие	Качество управления, инновационный и кадровый потенциал

* Составлено авторами на основе исследований [1; 7].

Таблица 2. Комплекс риск-индикаторов экономической безопасности предприятий нефтегазового сектора*

Функциональная область	Группа индикаторов	Примеры конкретных показателей
Финансовая безопасность	Ликвидность	Коэффициент текущей и абсолютной ликвидности
	Финансовая устойчивость	Коэффициент автономии, соотношение заемных и собственных средств
	Рентабельность	ROS, ROA, ROE
Производственно-технологическая безопасность	Состояние ОФ	Коэффициент износа и обновления ОС
	Технологический уровень	Доля импортного оборудования в критических процессах, уровень цифровизации
	Инвестиционная активность	Доля CAPEX в выручке, объем геологоразведочных работ
Кадровая безопасность	Стабильность	Коэффициент текучести кадров, доля ключевых специалистов
	Развитие	Доля сотрудников, прошедших переобучение по новым технологиям
	Потенциал	Доля сотрудников с высшим образованием, доля молодых специалистов
Экологическая безопасность	Природоохранные затраты	Доля затрат на охрану окружающей среды в себестоимости
	Риски аварий	Количество инцидентов, объем штрафов за нарушения
Инновационная безопасность	Инновационная активность	Коэффициент инвестиционной активности в НИОКР, доля новых технологий в производстве

* Составлено авторами.

3. Экспертно-целевой метод — для качественных индикаторов и для учета специфических отраслевых рисков.

В таблице 3 представлены предлагаемые пороговые значения для ключевых индикаторов, дифференцированные по трем зонам («зеленая» — норма, «желтая» — зона внимания, «красная» — зона кризиса).

Разработанный регламент мониторинга предполагает:

- ежемесячный контроль финансовых индикаторов;
- ежеквартальный контроль производственных и кадровых индикаторов;
- ежегодную переоценку пороговых значений с учетом изменения внешней среды.

Особое внимание уделяется мониторингу индикаторов технологической и кадровой

безопасности, которые в условиях санкционного давления имеют стратегическое значение.

В проведенном исследовании уточнено понятие риск-индикатора применительно к задачам проактивного управления, обоснована многоуровневая классификация факторов экономической безопасности, учитывающая современные геополитические и технологические вызовы.

Разработанная индикативная система, в отличие от существующих, комплексно учитывает специфику нефтегазового сектора через интеграцию традиционных финансово-экономических показателей и индикаторов технологического уровня, кадрового потенциала и инновационной активности. Предложенная комбинированная методи-

Таблица 3. Предлагаемые пороговые значения риск-индикаторов для предприятий нефтегазового сектора*

Индикатор	Зеленая зона (норма)	Желтая зона (внимание)	Красная зона (кризис)
Коэффициент текущей ликвидности	> 1,8	1,2–1,8	< 1,2
Коэффициент автономии	> 0,6	0,4–0,6	< 0,4
Коэффициент износа основных средств	< 45 %	45–60 %	> 60 %
Коэффициент текучести кадров	< 5 %	5–10 %	> 10 %
Доля импортного оборудования в критических процессах	< 30 %	30–50 %	> 50 %

* Составлено авторами на основе отраслевых данных и экспертных оценок.

ка установления пороговых значений (бенчмаркинг + ретроспективный анализ + экспертные оценки) и подробный регламент мониторинга создают основу для интеграции системы в действующую практику риск-менеджмента компаний топливно-энергетического комплекса.

Для повышения экономической безопасности предприятиям нефтегазового сектора рекомендуется внедрить предложенную систему риск-индикаторов, уделив особое внимание пороговым значениям для технологических и кадровых рисков, проводить ежеквартальный мониторинг с последующей корректировкой управленческих решений.

Дальнейшие исследования могут быть направлены на:

- создание программного продукта для автоматизации сбора, обработки и визуализации данных системы риск-индикаторов;
- расширение блока информационных и кибер-рисков, значимость которых для объектов критической инфраструктуры (нефтегазовые предприятия) постоянно растет;
- разработку сценарных моделей для прогнозирования уровня экономической безопасности при различных вариантах развития внешней среды (например, падение цен на нефть, ужесточение санкций, технологические прорывы в области «зеленой» энергетики).

Список источников

1. Клейнер Г. Б., Тамбовцев В. П., Качалов Р. М. Предприятие в нестабильной экономической среде: риски, стратегии, безопасность Москва : Экономика, 1997. 288 с.
2. Бадаева О. Н., Цулко Е. В. Оценка финансовой безопасности малых и средних предприятий // Российское предпринимательство. 2013. № 14 (236). С. 71–83.
3. Левкина Е. В., Лялина Ж. И., Локша А. В. Оценка финансовой составляющей экономической безопасности организации (на примере ПАО АКБ «Приморье», г. Владивосток) // Экономическая безопасность. 2021. Том 4, № 4. С. 1277–1300. DOI: 10.18334/ecsec.4.4.113789.
4. Сорокина О. Н. Содержание финансовой безопасности предприятия // Российское предпринимательство. 2012. № 14 (212). С. 74–80.
5. Рэдхэд К., Хьюс С. Управление финансовыми рисками / пер. с англ. Москва : ИНФРА-М, 1996. 287 с. : ил. (Серия «Финансы»).
6. Уткин Э. А. Риск-менеджмент : учебник. Москва : Тандем, 1998. 287 с.
7. Кравченко Л. Н., Шевченко М. В. К вопросу о формировании структуры капитала как фактора финансовой устойчивости предприятия // Проблемы современной экономики. 2021. № 2 (78). С. 77–81. EDN: HBNHQA.
8. Володина И. Г. Пути обеспечения финансовой безопасности предприятия // Молодой ученый. 2013. № 9. С. 156–160. EDN: RBBPDR.
9. Яковлева Е. Н. Интегрированная система риск-менеджмента: комбинирование методов для повышения эффективности // Российское предпринимательство. 2021. Т. 22. № 4. С. 145–162. DOI: 10.18334/rp.22.4.113557.

References

1. Kleiner G. B., Tambovtsev V. P., Kachalov R. M. Enterprise in an unstable economic environment: risks, strategies, security. Moscow: Ekonomika; 1997. 288 p. (In Russ.).
2. Badaeva O. N., Tsulko E. V. Assessment of financial security of small and medium-sized enterprises. *Rossijskoe predprinimatel`stvo = Russian Entrepreneurship*. 2013;(14(236)):71–83. (In Russ.).
3. Levkina E. V., Lyalina Zh. I., Loksha A. V. Assessment of the financial component of the economic security of an organization (using the example of JSCB Primorye, Vladivostok). *E`konomicheskaya bezopasnost` = Economic Security*. 2021;4(4):1277–1300. DOI: 10.18334/ecsec.4.4.113789. (In Russ.).
4. Sorokina O. N. The content of financial security of an enterprise. *Rossijskoe predprinimatel`stvo = Russian Entrepreneurship*. 2012;(14(212)):74–80. (In Russ.).
5. Redhead K., Hughes S. Financial Risk Management. Moscow: INFRA-M: 1996. 287 p. : il. (Finance Series). (In Russ.).
6. Utkin E. A. Risk management. Moscow: Tandem; 1998. 287 p. (In Russ.).
7. Kravchenko L. N., Shevchenko M. V. On the issue of forming the capital structure as a factor of financial stability of an enterprise. *Problemy` sovremennoj e`konomiki = Problems of Modern Economics*. 2021;(2(78)):77–81. (In Russ.). EDN: HBHFQA.
8. Volodina I. G. Ways to ensure the financial security of an enterprise. *Molodoj ucheny`j = Young Scientist*. 2013;(9):156–160. (In Russ.). EDN: RBBPDR.
9. Yakovleva E. N. Integrated risk management system: combining methods to improve efficiency. *Rossijskoe predprinimatel`stvo = Russian Entrepreneurship*. 2021;22(4):145–162. DOI: 10.18334/rp.22.4.113557. (In Russ.).

Сведения об авторах

- О. И. Ишкинина — кандидат химических наук, доцент кафедры охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов;
- Э. Ф. Мухамадиева — кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой экономической безопасности.

Information about the authors

- O. I. Ishkinina — Candidate of Science (Chemical), Associate Professor of the Department of Environmental Protection and Rational Use of Natural Resources;
- E. F. Mukhamadieva — Candidate of Science (Economics), Associate Professor, Head of the Department of Economic Security.

Статья поступила в редакцию 21.05.2026; одобрена после рецензирования 15.06.2026; принята к публикации 22.06.2026.

The article was submitted 21.05.2026; approved after reviewing 15.06.2026; accepted for publication 22.06.2026.

Вестник Башкирского института социальных технологий). 2026. № 2(71). С. 138–143
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2026;2(71):138–143

Научная статья
УДК 330(575.3)
doi: 10.47598/2078-9025-2026-2-71-138-143

СОВРЕМЕННЫЕ ФАКТОРЫ И ТЕНДЕНЦИИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН

Замира Маматкуловна Хурамова

Таджикский государственный финансово-экономический университет, Душанбе, Республика Таджикистан,
zamira6565@mail.ru

Аннотация. В статье исследованы современные факторы, определяющие состояние продовольственной безопасности Республики Таджикистан. Цель исследования состоит в выявлении ключевых внутренних и внешних ограничений устойчивого обеспечения населения продовольствием на основе официальных статистических данных за 2023–2025 гг. Методическую основу составили сравнительный, структурно-динамический и статистический анализ. Установлено, что при росте валовой продукции сельского хозяйства сохраняется высокая зависимость от внешних поставок продовольственных и связанных с ними товарных групп, а отрицательное сальдо внешней торговли усиливает уязвимость национального продовольственного рынка. Дополнительное давление оказывают климатические риски, ограниченность ирригационной и складской инфраструктуры, ценовая волатильность и высокая доля расходов домохозяйств на питание. Обосновано, что укрепление продовольственной безопасности требует одновременного расширения внутреннего производства, развития переработки, поддержки сельхозпроизводителей, повышения логистической устойчивости и совершенствования механизмов адресной социальной поддержки.

Ключевые слова: продовольственная безопасность, сельское хозяйство, импортозависимость, внешняя торговля, ценовая доступность, Республика Таджикистан

Для цитирования: Хурамова З. М. Современные факторы и тенденции обеспечения продовольственной безопасности в Республике Таджикистан // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2026. № 2 (71). С. 138–143. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2026-2-71-138-143>.

Research article

CONTEMPORARY FACTORS AND TRENDS IN FOOD SECURITY IN THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN

Zamira M. Khuramova

Tajik State University of Finance and Economics, Dushanbe, Republic of Tajikistan, zamira6565@mail.ru

Abstract. The article examines the current factors shaping food security in the Republic of Tajikistan. The study aims to identify the key internal and external constraints to sustainable food provision for the population using official statistical data for 2023-2025. The methodological framework is based on comparative, structural-dynamic and statistical analysis. The findings show that despite the growth of gross agricultural output, Tajikistan remains highly dependent on imports of food and food-related commodity groups, while the negative trade balance increases the vulnerability of the national food market. Additional pressure comes from climate risks, limited irrigation and storage infrastructure, price volatility and the high share of household expenditures on food. The article argues that strengthening food security requires simultaneous expansion of domestic production, development of processing industries, support for agricultural producers, improvement of logistics resilience and refinement of targeted social support mechanisms.

Keywords: food security, agriculture, import dependence, foreign trade, affordability, Republic of Tajikistan

For citation: Khuramova Z. M. Contemporary factors and trends in ensuring food security in the Republic of Tajikistan. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2026;(2(71)):138–143. (In Russ.). <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2026-2-71-138-143>.

Продовольственная безопасность относится к числу базовых составляющих экономической и социальной устойчивости государства. Для Республики Таджикистан эта проблема имеет многомерный характер: с одной стороны, страна располагает значительным аграрным потенциалом, а с другой — сохраняет высокую чувствительность к внешним поставкам продовольствия, колебаниям цен, климатическим рискам и инфраструктурным ограничениям [1–2].

Актуальность усиливается тем, что официальная статистика 2024–2025 гг. показывает одновременный рост валовой сельскохозяйственной продукции и углубление отрицательного сальдо внешней торговли. Это означает, что рост производства сам по себе еще не обеспечивает достаточную устойчивость продовольственного рынка и требует анализа факторов доступа, распределения и переработки продовольствия [4–6].

Цель исследования — выявить и систематизировать современные факторы, влияющие на продовольственную безопасность Республики Таджикистан, а также предложить практические направления ее укрепления. Информационной базой выступили официальные публикации Агентства по статистике при Президенте Республики Таджикистан, материалы *Food and Agriculture Organization of the United Nations (FAO)* и Всемирного банка [4–10].

Институциональные условия обеспечения продовольственной безопасности входят в нормативную основу в рассматриваемой сфере и формируют Закон Республики Таджикистан «О продовольственной безопасности» [1], действующие государственные программы в области продовольственной безопасности и безопасности пищевой продукции [2–3], а также систему статистического мониторинга, позволяющую оценивать производство, внешнюю торговлю, ценовую динамику и потребление основных видов продовольствия [4–7].

Современный этап государственной политики характеризуется переходом от преимущественно количественного наращивания вы-

пуска к комплексному подходу, включающему устойчивость цепочек поставок, развитие переработки, ценовую доступность и безопасность пищевой продукции. В этой связи особое значение имеет синхронизация аграрной, торговой, инфраструктурной и социальной политики.

По официальным данным Агентства по статистике, внешнеторговый оборот Таджикистана вырос с 8328,9 млн долл. США в 2023 году до 8955,0 млн долл. в 2024 году и до 10 793,1 млн долл. в 2025 году. Однако динамика экспорта и импорта была несбалансированной: в 2024 году экспорт сократился до 1947,4 млн долл., тогда как импорт увеличился до 7007,6 млн долл.; в 2025 году экспорт восстановился до 2487,9 млн долл., но импорт вырос еще сильнее — до 8305,2 млн долл. [4–5] (таблица 1).

В результате коэффициент покрытия импорта экспортом снизился с 41,6% в 2023 году до 27,8% в 2024 году и лишь незначительно улучшился до 30,0% в 2025 году. Отрицательное сальдо торгового баланса достигло 5817,3 млн долл. в 2025 году, что усиливает зависимость внутреннего продовольственного рынка от внешних каналов поставок и валютно-ценовых колебаний.

Несмотря на рост импортозависимости, аграрный сектор продолжает играть системообразующую роль в экономике страны. Объем валовой продукции сельского хозяйства во всех категориях хозяйств составил 73 976,6 млн сомони в 2024 году и 84 653,8 млн сомони в 2025 году; темпы роста в сопоставимых ценах достигли соответственно 10,6% и 9,5% [5–6].

Вместе с тем международные оценки показывают, что высокая общая экономическая динамика не сопровождалась сопоставимым ростом производительности сельского хозяйства. По данным Всемирного банка, в 2024 году реальный ВВП Таджикистана увеличился на 8,4%, тогда как прирост добавленной стоимости в сельском хозяйстве был ограничен 0,8%. Среди причин выделяются недостаточная обеспеченность техникой, слабость консультационных и сервисных служб, деградация почв и усиливающееся влияние климатических изменений [10].

Таблица 1. Основные показатели внешней торговли Республики Таджикистан в 2023–2025 гг., млн долл. США*

Показатель	2023	2024	2025	2024 к 2023, %	2025 к 2024, %
Внешнеторговый оборот	8328,9	8955,0	10 793,1	107,5	120,5
Экспорт	2448,8	1947,4	2487,9	79,5	127,7
Импорт	5880,1	7007,6	8305,2	119,2	118,5
Сальдо	–3431,3	–5060,2	–5817,3		
Коэффициент покрытия импорта экспортом, %	41,6	27,8	30,0		

* Составлено автором по данным Агентства по статистике при Президенте Республики Таджикистан [4–5].

Следовательно, фактор продовольственной безопасности связан не только с объемом производства как таковым, но и с эффективностью использования земельных и водных ресурсов, технологическим уровнем хозяйств, глубиной переработки и способностью внутреннего рынка абсорбировать произведенную продукцию с минимальными потерями.

Для оценки внешней зависимости целесообразно рассматривать не только общий объем импорта, но и продовольственно значимые товарные группы. В действующей оперативной статистике они представлены в укрупненной

классификации, что позволяет сопоставимо анализировать динамику 2024–2025 гг. [4–5].

Как показывают расчеты, импорт по четырем ключевым продовольственным и связанным с ними группам вырос с 1329,1 млн долл. США в 2024 году до 1564,0 млн долл. в 2025 году, то есть на 17,7 %. Особенно заметно увеличились поставки живых животных и продуктов животного происхождения — в 1,8 раза, а также жиров и масел — на 23,0 %. Это свидетельствует о том, что при росте внутреннего аграрного выпуска сохраняются сегменты, по которым страна существенно зависит от внешнего предложения (таблица 2).

Таблица 2. Импорт продовольственных и связанных с ними товарных групп в Республике Таджикистан в 2024–2025 гг. (по укрупненной официальной классификации), тыс. долл. США*

Товарная группа	2024	2025	2025 к 2024, %	Уд. вес импорте 2025, %
Живые животные и продукты животного происхождения	101 045,0	183 997,6	182,1	2,2
Продукты растительного происхождения	503 154,3	533 902,9	106,1	6,4
Готовые пищевые продукты, алкогольные и безалкогольные напитки и др.	583 570,6	672 277,5	115,2	8,1
Жиры и масла животного и растительного происхождения	141 310,5	173 789,2	123,0	2,1
Итого по выбранным продовольственным группам	1 329 080,4	1 563 967,2	117,7	18,8

Примечание. Использована укрупненная товарная группировка официальной статистики импорта; суммарный показатель отражает совокупный объем четырех продовольственно значимых групп.

* Составлено автором по данным Агентства по статистике при Президенте Республики Таджикистан [4–5].

Важнейшим параметром продовольственной безопасности является не только физическое наличие продуктов, но и их экономическая доступность. По данным бюллетеня «Продовольственная безопасность и бедность», доля потребительских расходов домашних хозяйств на продукты питания по республике возросла с 47,3% в 2023 году до 50,5% в 2024 году; в сельской местности она увеличилась с 43,0% до 47,3% [6].

Высокая доля расходов на питание означает, что даже умеренные ценовые колебания заметно ухудшают доступность продовольствия для уязвимых групп населения. За 2024 год среднедушевое потребление хлебных продуктов составило 170,04 кг, картофеля — 43,87 кг, овощей и бахчевых — 129,58 кг, молока и молочных продуктов — 43,04 кг, мяса и мясных продуктов — 24,88 кг, яиц — 176 шт. [6]. Структура расходов остается смещенной в сторону базовых продуктов, причем на хлебные продукты приходится 32,1% стоимости продовольственной корзины [6].

Инфляционный фактор также сохраняет значение. По данным официальной статистики, индекс цен на продовольственные товары в 2025 году составил 104,5% к 2024 году, а в 2024 году с начала года цены на продовольствие выросли на 3,0% [5–6]. Это подтверждает, что продовольственная безопасность зависит не только от аграрного производства, но и от доходов населения, эффективности торговли и адресности социальной поддержки.

Климатический фактор продолжает оказывать прямое влияние на устойчивость продовольственного обеспечения. По оценке ФАО, совокупный урожай зерновых в Таджикистане в 2024 году составил около 1,8 млн т и был выше средних пятилетних значений благодаря благоприятным погодным условиям [8]. Однако именно такая зависимость от погодного режима делает продовольственную систему чувствительной к засухам, дефициту воды, температурным аномалиям и деградации почв.

Не менее значимы инфраструктурные ограничения: потери при хранении и транспортировке, слабое развитие холодильных цепочек, неоднородность доступа к оросительным системам, ограниченность сельскохозяйственного страхования и кредитования. Эти факто-

ры снижают эффективность внутренних производителей и увеличивают ценовую волатильность на рынке.

Дополнительным вызовом выступает технологический разрыв между потребностями отрасли и фактическим уровнем механизации, селекции, цифрового сопровождения и агросервисов. Поэтому продовольственная безопасность должна рассматриваться как результат взаимодействия производственных, торговых, социальных, инфраструктурных и природно-климатических факторов.

Предложения и рекомендации по улучшению продовольственной безопасности:

1. Ускорить модернизацию аграрного производства за счет обновления сельскохозяйственной техники, расширения доступа к качественным семенам, развитию агрохимического и консультационного сопровождения хозяйств.

2. Сконцентрировать инвестиции на ирригационной инфраструктуре, водосберегающих технологиях, системах хранения и логистики, включая холодильные мощности и оптово-распределительные центры.

3. Повысить уровень переработки сельскохозяйственного сырья внутри страны. Для этого необходимы меры поддержки малого и среднего бизнеса в пищевой промышленности, стимулирование кооперации производителей и переработчиков, а также снижение транзакционных издержек.

4. Развивать механизмы финансовой устойчивости сельхозпроизводителей: льготное кредитование, агрострахование, сезонные оборотные кредиты и программы субсидирования наиболее чувствительных направлений.

5. Усилить мониторинг цен и адресную поддержку домохозяйств с высокой долей расходов на питание, особенно в сельской местности. Социальные меры должны быть увязаны с динамикой цен на базовые продукты.

6. Совершенствовать систему контроля безопасности пищевой продукции, включая прослеживаемость, лабораторный контроль и гармонизацию стандартов с требованиями внешних рынков [2–3].

7. Использовать положения новой Программы продовольственной безопасности Республики Таджикистан на 2026–2030 годы как

основу для межведомственной координации мер в сфере производства, торговли, резервов, социальной защиты и продовольственной безопасности в целом [2].

Проведенный анализ показывает, что продовольственная безопасность Республики Таджикистан формируется под воздействием комплекса взаимосвязанных факторов. К числу ключевых относятся импортозависимость по ряду продовольственных групп, отрицательное сальдо внешней торговли, высокая доля расходов домашних хозяйств на питание, инфраструктурные ограничения, технологическая неоднородность аграрного сектора и возрастающие климатические риски.

В 2024–2025 гг. страна продемонстрировала положительную динамику сельскохозяйственного производства, однако этого пока

недостаточно для существенного снижения внешней уязвимости. Следовательно, стратегическая задача состоит не только в увеличении выпуска, но и в создании устойчивой продовольственной системы, включающей переработку, логистику, контроль качества, доступность продуктов для населения и институциональную координацию государственной политики.

Таким образом, укрепление продовольственной безопасности в Таджикистане должно опираться на сочетание производственных, торговых, социальных и инфраструктурных решений. Только комплексный подход позволит снизить внешнюю зависимость, повысить устойчивость внутреннего рынка и улучшить качество продовольственного обеспечения населения.

Список источников

1. «О продовольственной безопасности»: Закон Республики Таджикистан от 29.12.2010 № 671 : с изм. и доп. // Национальный центр законодательства при Президенте Республики Таджикистан : официальный сайт. URL: <https://ncz.tj/content/закон-республики-таджикистан-о-продовольственной-безопасности>.
2. «О Программе продовольственной безопасности Республики Таджикистан на 2026–2030 годы»: Постановление Правительства Республики Таджикистан от 31.07.2025 № 429 // Континент : сайт. URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=33998272.
3. «О Программе безопасности продовольственной продукции Республики Таджикистан на 2024–2028 годы»: Постановление Правительства Республики Таджикистан от 29.04.2024 № 224 // Континент : сайт. URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=32759809.
4. Социально-экономическое положение Республики Таджикистан. Январь-декабрь 2024 года. Душанбе : Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан, 2025. 144 с. URL: <https://www.stat.tj/wp-content/uploads/2025/07/12-2024-doklad-rusi.pdf>.
5. Доклад о социально-экономическом положении Республики Таджикистан. За январь-декабрь 2025 // Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан : официальный сайт. URL: <https://www.stat.tj/ru/doklad-o-soczialno-ekonomicheskom-polozhenii-respubliki-tadzhikistan-za-yanvar-dekabr-2025/>.
6. Продовольственная безопасность и бедность // Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан. 2024. № 4. 50 с. URL: <https://www.stat.tj/wp-content/uploads/2025/12/4-2024-russ.pdf>.
7. Таджикистан в цифрах. 2024 : статистический сборник. Душанбе : Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан, 2025. 174 с. (На тадж.). URL : <https://www.stat.tj/wp-content/uploads/2024/11/tadzhikistan-v-cifrah-2024-1.pdf>.
8. Национальные счета Республики Таджикистан. Душанбе : Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан, 2024. 189 с. URL: <https://www.stat.tj/wp-content/uploads/2025/02/sbornik-sns-2024g.pdf>.
9. FAO. GIEWS Country Brief. Tajikistan // Food and Agriculture Organization of the United Nations : официальный сайт. (На англ.). URL: <https://www.fao.org/giews/countrybrief/country.jsp?code=TJK&lang=en>. Reference date: April 01, 2025.
10. Tajikistan Economic Update 2025. World Bank Group : официальный сайт. (На англ.). URL: <https://www.worldbank.org/en/country/tajikistan/publication/economic-update-2025>. Дата публикации: 30.07.2025.

References

1. "On Food Security": Law of the Republic of Tajikistan dated December 29, 2010 No. 671: with amendments and add. National Center of Legislation under the President of the Republic of Tajikistan: official website. (In Russ.). Available from: <https://ncz.tj/content/закон-респресси-таджикистан-о-проводственный-защитности>.

2. "On the Food Security Program of the Republic of Tajikistan for 2026–2030": Resolution of the Government of the Republic of Tajikistan dated July 31, 2025 No. 429. Continent: website. (In Russ.). Available from: https://continent-online.com/Document/?doc_id=33998272.
3. "On the Food Security Program of the Republic of Tajikistan for 2024–2028": Resolution of the Government of the Republic of Tajikistan dated April 29, 2024 No. 224. Continent: website. (In Russ.). Available from: https://continent-online.com/Document/?doc_id=32759809.
4. Socio-economic situation in the Republic of Tajikistan. January-December 2024. Dushanbe: Statistical Agency under the President of the Republic of Tajikistan, 2025. 144 p. (In Russ.). Available from: <https://www.stat.tj/wp-content/uploads/2025/07/12-2024-doklad-rusi.pdf>.
5. Report on the socio-economic situation in the Republic of Tajikistan. For January-December 2025. Statistical Agency under the President of the Republic of Tajikistan: official website. (In Russ.). Available from: <https://www.stat.tj/ru/doklad-o-soczialno-ekonomicheskom-polozenii-respubliki-tadzhikistan-za-yanvar-dekabr-2025/>.
6. Food Security and Poverty. Agency on Statistics under the President of the Republic of Tajikistan. 2024. No. 4. 50 p. (In Russ.). Available from: <https://www.stat.tj/wp-content/uploads/2025/12/4-2024-russ.pdf>.
7. Tajikistan in Figures. 2024: statistical digest. Dushanbe: Agency on Statistics under the President of the Republic of Tajikistan, 2025. 174 p. (In Tajik). Available from: <https://www.stat.tj/wp-content/uploads/2024/11/tadzhikistan-v-czifrah-2024-1.pdf>.
8. National Accounts of the Republic of Tajikistan. Dushanbe: Agency on Statistics under the President of the Republic of Tajikistan, 2024. 189 p. (In Russ.). Available from: <https://www.stat.tj/wp-content/uploads/2025/02/sbornik-sns-2024g.pdf>.
9. FAO. GIEWS Country Brief. Tajikistan. Food and Agriculture Organization of the United Nations: official website. Available from: <https://www.fao.org/giews/countrybrief/country.jsp?code=TJK&lang=en>. Reference date: April 1, 2025.
10. Tajikistan Economic Update 2025. World Bank Group: official website. Available from: <https://www.worldbank.org/en/country/tajikistan/publication/economic-update-2025>. Publication date: July 30, 2025.

Сведения об авторах

З. М. Хурамова — кандидат экономических наук, доцент, преподаватель кафедры менеджмента.

Information about the authors

Z. M. Khuramova — Candidate of Science (Economics), Associate Professor, lector of the Department of Management.

Статья поступила в редакцию 01.06.2026; одобрена после рецензирования 15.06.2026; принята к публикации 22.06.2026.

The article was submitted 01.06.2026; approved after reviewing 15.06.2026; accepted for publication 22.06.2026.

Вестник Башкирского института социальных технологий). 2026. № 2(71). С. 144–155
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2026;2(71):144–155

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЭКОНОМИКИ

Научная статья

УДК 376:378.147(470)

doi: 10.47598/2078-9025-2026-2-71-144-155

ПОВЫШЕНИЕ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ ГРАЖДАН ПОЖИЛОГО ВОЗРАСТА КАК ЦЕНТРАЛЬНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В ПОДГОТОВКЕ СПЕЦИАЛИСТОВ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ

Светлана Соломоновна Лебедева¹, Светлана Михайловна Безух²,
Марина Александровна Семенова³, Юлия Юрьевна Платонова⁴✉

Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы, Санкт-Петербург, Россия

¹lebedevalanna@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6811-0789>

²smb5353@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4143-4983>

³semenovama7@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0007-6302-6469>

⁴y-platonova78@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-6188-4140>

Аннотация. В статье продолжается профессиональный дискурс об образовании специалистов, работающих с маломобильными группами населения [1–3]. Совершенствование социальной политики в отношении повышения качества жизни этих групп, в том числе граждан пожилого возраста, на данном этапе должно предусматривать научно-обоснованные образовательные инновации, которые необходимо вносить в подготовку специалистов, обслуживающих эту социальную группу. Современная социальная политика учитывает социально-экономические достижения, геронтологические и гериатрические исследования, развитие институционализации, совершенствование структур для оказания профессиональной помощи, ориентируется на разработку обоснованных рекомендаций для профессионально-личностного развития специалистов, обслуживающих граждан пожилого возраста в конкретных социально-реабилитационных учреждениях. Помимо содержания общей андрагогической подготовки специалистов социальной сферы, которая рассматривалась авторами ранее, ставится вопрос о новой актуальной проблеме. Возникает необходимость обосновывать группы знаний, которыми должны владеть специалисты по социальной работе, обеспечивающих в значительной степени качество жизни пожилых людей. Углубленный анализ практики показывает, что данные специалисты должны владеть группами знаний показателей качества жизни пожилых и их учетом в социальной реальности; группами знаний об объекте деятельности — гражданах пожилого возраста; знаниями о социальных структурах, предоставляющих им услуги в условиях реализации межведомственного подхода, о стратегических коммуникациях с объектами социальной реальности с целью повышения качества жизни; знаниями о возможностях самого субъекта деятельности — специалиста по социальной работе, осуществляющего сопровождение в системе сложных коммуникационных связей и реализующего творческий диапазон своих профессиональных и личностных интересов и поисков в условиях цифровизации.

Ключевые слова: граждане пожилого возраста, специалист по социальной работе, качество жизни, социальные услуги, образование, самообразование

Для цитирования: Лебедева С. С., Безух С. М., Семенова М. А., Платонова Ю. Ю. Повышение качества жизни граждан пожилого возраста как центральное направление в подготовке специалистов социальной сферы // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2026. № 2 (71). С. 144–155. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2026-2-71-144-155>.

Research article

IMPROVING THE QUALITY OF LIFE FOR ELDERLY CITIZENS AS A CENTRAL FOCUS IN THE TRAINING OF SOCIAL SPECIALISTS

Svetlana S. Lebedeva¹, Svetlana M. Bezukh², Marina A. Semenova³, Yulia Yu. Platonova⁴✉

St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work, St. Petersburg, Russia

¹lebedevalanna@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6811-0789>

²smb5353@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4143-4983>

³semenovama7@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0007-6302-6469>

⁴y-platonova78@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-6188-4140>

Abstract. The article continues the professional discourse on the education of specialists working with low-mobility groups of the population [1–3]. At this stage, the improvement of social policy in relation to improving the quality of life of these groups, including elderly citizens, should include scientifically-based educational innovations that need to be introduced into the training of specialists serving this social group. Modern social policy takes into account socio-economic achievements, gerontological and geriatric research, the development of institutionalization, and the improvement of structures for providing professional assistance. It focuses on the development of substantiated recommendations for the professional and personal development of specialists serving elderly citizens in specific social and rehabilitation institutions. In addition to the content of the general andragogical training of specialists in the social sphere, which was previously discussed by the authors, a new and relevant issue is raised. There is a need to justify the groups of knowledge that social workers should possess in order to significantly improve the quality of life of elderly people. An in-depth analysis of practice shows that these specialists should possess knowledge about the indicators of the quality of life of the elderly and their consideration in social reality; knowledge about the object of their activity, which is elderly citizens; knowledge about the social structures that provide services to them in the context of an interdepartmental approach; knowledge about strategic communications with the objects of social reality in order to improve the quality of life; and knowledge about the capabilities of the subject of their activity, which is the social worker, who provides support in a complex system of communications and implements the creative range of their professional and personal interests and pursuits in the context of digitalization.

Keywords: elderly citizens, social specialist, quality of life, social services, education, self-education

For citation: Lebedeva S. S., Bezukh S. M., Semenova M. A., Platonova Yu. Yu. Improving the quality of life for elderly citizens as a central focus in the training of social specialists. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2026;(2(71)):144–155. (In Russ.). <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2026-2-71-144-155>.

Инновационность социальной практики в области повышения качества жизни пожилых людей как центрального направления социальной политики остро ставит вопрос о расширении функциональных возможностей специалистов, обслуживающих данную группу населения, и повышении уровня их профессиональной деятельности в связи с возникающими вызовами современной ситуации развития общества.

Будущие специалисты, ориентированные на социальную защиту граждан пожилого возраста, должны быть вооружены общим систем-

ным подходом для решения проблем повышения качества жизни этой социальной группы в условиях реализации нормативно-правовой базы и постоянно усложняющейся социальной реальности. Это обстоятельство расширяет спектр видов деятельности специалистов, усложняет их функциональные обязанности и требует от них постоянного обновления знаний, профессиональной рефлексии и прогностического мышления.

В целях реализации идеи системного подхода к профессиональной деятельности в области повышения качества жизни пожилых лю-

дей актуализируется вооружение будущих специалистов группами знаний, куда входят:

- комплексные знания об особенностях объекта деятельности — пожилых людях в биопсихосоциальном аспекте;

- знания о развитии социальной реальности, о социальных структурах, обслуживающих граждан пожилого возраста, о стратегических коммуникациях с объектами социальной реальности в целях повышения качества жизни;

- знания о возможностях самого субъекта деятельности — специалиста по социальной работе, осуществляющего сопровождение граждан пожилого возраста в системе сложных коммуникационных связей, что требует от него постоянного саморазвития.

Безусловно, трансляция этого багажа знаний должна быть направлена на повышение качества жизни граждан пожилого возраста с учетом их индивидуальных возможностей в конкретных социальных ситуациях.

Повышение качества жизни пожилых людей тесно связано с их социальным благополучием, для оценки которого используются социальные показатели. Под социальными показателями понимаются качественные и количественные характеристики состояния, тенденций и направлений функционирования и развития социальных субъектов, процессов и явлений разного уровня. При использовании социальных показателей в отношении изучения социального благополучия населения, в том числе граждан пожилого возраста, целесообразно обратиться к рассмотрению этого вопроса с позиции современных теорий [4–5].

Показатель «социальная безопасность» анализируется с позиции теории социальной безопасности, в рамках которой благополучие представлено как высокий уровень социальной защищенности человека от рисков, угроз, непредвиденных обстоятельств, опасностей. Система социальных показателей социального благополучия включает: демографическую ситуацию, развитость системы охраны здоровья, системы образования (общего, профессионального, дополнительного), системы социальной защиты населения, в том числе и социального обслуживания, уровень занятости населения, условия труда и ряд других.

Показатели социального благополучия находят свое отражение в позициях теории социального самочувствия. Здесь показатели направлены на исследование субъективной стороны, а именно удовлетворенности жизнью в целом и ее отдельными сторонами. Изучаются субъективные мнения в ретроспективном, актуальном и перспективном аспектах. Выявляются основные опасения, которые могут быть в будущем в связи с возможным социальным реформированием, а именно степенью подготовки к трудностям. В рамках теории социального самочувствия изучаются следующие характеристики: тревожность/спокойствие, терпимость/пессимизм, психологический дискомфорт/комфорт, ощущение беспомощности, вера в собственные силы, вера в успех/неуспех, социальная напряженность, стабильность и т. д. [6].

В содержании теории социального здоровья благополучие рассматривается как высокий уровень социального здоровья субъектов и общества в целом. В систему показателей социального благополучия входят следующие структуры: физическая, психологическая, интеллектуальная, социальная, духовно-нравственная. Выделяются две группы показателей социального благополучия:

- на индивидуальном уровне: физическое, психическое, социальное самочувствие, интеллектуальное развитие, степень освоения социальной культуры, духовно-нравственные установки, свойства личности;

- на уровне общества в целом: демографические показатели, показатели уровня развития системы здравоохранения, показатели уровня развития профилактической, пропагандистской и просветительской работы в отношении развития культуры здорового образа жизни населения.

Теория социальной сферы ориентирует на изучение уровня благополучия, который зависит от состояния социальной сферы, ее структурных элементов. В этом контексте рассматриваются следующие показатели: социальная структура общества; показатели уровня развития качества функционирования социальной инфраструктуры; показатели, протекающие в разных областях социальной сферы; показатели степени удовлетворенности потребностей

социальных субъектов в продуктах и услугах меж отраслевого подхода. В результате можно выявить уровень благополучия, который определяется качеством функционирования социальной сферы [7].

В системе работы по повышению качества жизни пожилых людей центральное место занимают опирающиеся на нормотворческую базу управленческие решения, направленные на обоснование, создание, внедрение и совершенствование социальных регуляторов, под которыми рассматривается совокупность мероприятий по упорядочению процессов, направленных на создание специальных условий для защиты интересов граждан. Они обосновывают эффективное производство и распределение социальных благ, необходимых для потребления социальными субъектами на разных уровнях их жизнедеятельности в условиях повышения качества жизни [8].

Анализ деятельности учреждений социальной защиты показывает, что в системе социального обслуживания граждан пожилого возраста в целях создания условий для их социального благополучия осуществляется система мероприятий, по которой можно судить об использовании всех основных показателей, заявленных выше: социальной безопасности, социального самочувствия, социального здоровья. Важно увидеть на практике, как реализуются идеи теории социальной сферы и как представлена реальная картина качества жизни граждан пожилого возраста. Под этим углом зрения целесообразно рассмотреть, как влияет профессионализм социального работника на повышение качества жизни пожилых людей, каковы должны быть резервы развития специалиста, обслуживающего пожилого человека, в каких направлениях должно идти его профессионально-личностное развитие для решения задач повышения качества жизни граждан пожилого возраста.

Материалы и методы, используемые в работе, включают в себя:

- системно-структурный подход, в основе которого использованы показатели качества жизни граждан пожилого возраста;
- контент-анализ публикаций по проблемам социальной работы гражданами пожилого возраста;

- контент-анализ нормативно-правовой базы социальной защиты граждан пожилого возраста — получателей социальных услуг в государственных учреждениях;

- контент-анализ сайтов организаций и учреждений, занимающихся социальным обслуживанием граждан;

- опрос получателей социальных услуг социально-досуговых и социально-реабилитационных отделений комплексных центров социального обслуживания населения (КЦСОН) Санкт-Петербурга.

Проблемы пожилых людей в связи с повышением качества их жизни находят отражение в ряде публикаций. Ученые, исследующие эту проблему в теоретическом плане, С. М. Безух, Г. К. Зайцев, С. С. Лебедева, Л. Г. Татарникова и др., рассматривали эту проблему в аспекте развития здоровья, социального благополучия, социальной безопасности, анализировали социальную сферу граждан пожилого возраста и др. [9–10]. Публикации Е. И. Холостовой показали определенный интерес к этой проблеме. Однако вопросы, связанные с обслуживанием граждан пожилого возраста, направленные на повышение качества жизни, специально не рассматривались в связи с профессионализмом кадров социальных структур.

Повышение качества жизни граждан пожилого возраста как социальная проблема нуждается в специальном изучении в теоретическом и практических планах. Выделенные в результате теоретического анализа показатели качества жизни граждан пожилого возраста могут быть использованы для анализа результативности деятельности социальных институтов, обеспечивающих их обслуживание на основе Федерального закона «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» от 28.12.2013 № 442-ФЗ [11].

С этой целью проведен анализ нормативно-правовой базы и осуществлена детализация социальных регуляторов социального благополучия на федеральном, региональном и районном уровнях.

Начиная с 2010-х годов нашла свое развитие идея институционализации, в результате которой были созданы структуры внутри социальной сферы для обслуживания граждан по-

жилого возраста — КЦСОН, Социальные дома, Дома ветеранов и др.) [11].

Закрепление в нормативно-правовых документах положения о необходимости развития межведомственного подхода в работе социальных учреждений с учреждениями других ведомств и общественных структур создало дополнительные условия для повышения качества жизни в первую очередь в таких областях как физическое здоровье (поддержка поликлиник, социально-реабилитационных центров, общественных организаций разных видов направленности: проблемы с диабетом, с опорно-двигательным аппаратом, с сенсорно-моторными проблемами и др.) [12].

Возникает необходимость в разработке специального модуля подготовки специалистов социальной сферы, обслуживающих граждан пожилого возраста, включающего три группы проблем.

В первой группе проблем, решаемых на базе социального учреждения в работе с пожилыми людьми, уделяется большое внимание направлениям организации здорового образа жизни, социальной поддержки, проведению мероприятий культурно-образовательного характера, защиты законных интересов граждан и т. д. Участие в этих программах поднимает адаптационный потенциал, развивает активность, самостоятельность и творческие возможности лиц пожилого возраста. Как известно, состав этих граждан чрезвычайно разнообразен: по состоянию здоровья, наличию инвалидности, по социальному самочувствию, культурно-образовательным предпочтениям др. Это обстоятельство требует от социального работника общих знаний, которые могут быть представлены специальным циклом занятий, которые включают знания о следующих позициях: умеренных расстройствах когнитивных функций (нарушения памяти, нарушения адаптации, негативное видение, трудности концентрации, беспорядочности мыслей, постоянное беспокойство); поведенческих нарушениях (снижение аппетита, нарушения сна, самоизоляция, пренебрежение к обязанностям или откладывание их исполнения); эмоциональных нарушениях (удрученность, подавленность, бесперспективность, вспыльчивость, чувство одиночества, депрессивное состояние).

Разнообразный состав получателей социальных услуг, широкий диапазон их личностных проблем и обстоятельств вызывают необходимость использования дифференцированного подхода к запросам и потребностям пожилых людей в системе деятельности социальных, социально-медицинских, реабилитационных и социокультурных структурах.

В целях изучения качества жизни граждан пожилого возраста и действий социальных регуляторов нами была рассмотрена система деятельности районных отделений КЦСОН, направленная на удовлетворение потребностей в социальных услугах.

Коллективом авторов на кафедре теории и технологии социальной работы Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы было проведено исследование пожилых людей — получателей услуг КЦСОН Петроградского, Невского, Фрунзенского и Приморского районов Санкт-Петербурга. Всего в исследовании приняло участие 150 респондентов, выборка квотная.

Как показывает общая статистика, из 1455,2 тыс. чел. пенсионного возраста в Санкт-Петербурге только около 10% пользуются услугами государственных социальных центров [13]. При этом наибольшим количеством услуг пользуются жители Василеостровского района (свыше 15 тыс. чел.) [14], Московского района (свыше 13 тыс. чел.) [15], и Красносельского района (свыше 11 тыс. чел.) [16].

При проведении авторами исследования потребности состава пожилых людей отделений КЦСОН различных районов города было обращено внимание, что большинство из них имеет сохраненный интеллект, который позволяет им заботиться о своем здоровье. Так, например, из получателей социальных услуг КЦСОН 64% считают, что здоровье находится на среднем уровне, 21,5% — на хорошем уровне и 9% оценивают свое здоровье на низком уровне.

Приведем конкретные примеры работы на отделениях КЦСОН. Специалисты по социальной работе, обслуживающие граждан на социально-досуговом отделении, обращают большое внимание на развитие когнитивных способностей, на что указывают 84% опрошенных в ходе исследования получателей со-

циальных услуг. Из видов деятельности, которые высоко оценивают пожилые люди, первое место отводится разным видам активности на свежем воздухе. Большое внимание уделяется учету особенностей социально-культурных и образовательных предпочтений пожилых людей, среди которых около 82 % являются людьми, имеющими высшее и средне-специальное образование. Это обстоятельство формирует структуру их интеллектуальных запросов, которые находят отражение в многообразной творчески богатой культурно-досуговой деятельности учреждений.

Организаторы занятий реализуют в своей деятельности универсальный принцип коммуникативного взаимодействия, идут по линии постоянного усложнения коммуникативных практик. Эта проблема особенно актуальна, так как большинство респондентов отмечают необходимость общения для улучшения социального самочувствия (26,7 % респондентов отметили общение как одно из важных для себя направлений социальной реабилитации и 28 % отметили общение как наиболее интересный для себя вид занятий). Также значимым видом занятий для респондентов после общения является чтение книг, газет и журналов (15,6 % респондентов). Для этой цели используется потенциал межведомственного подхода, привлекаются к работе библиотеки, обсуждение художественных произведений, определенных литературных направлений и их авторов. Такой подход чрезвычайно актуален в условиях Санкт-Петербурга. Социально-досуговые отделения посещают люди с высоким уровнем образования и ярко выраженными культурными предпочтениями. Посещение библиотек, музеев, культурных центров дает возможность пожилым людям подтвердить свою идентичность, свою позитивную субъектность. Они неоднократно вносят свои предложения по совершенствованию культурно-образовательных, культурно-оздоровительных и других программ. Большинство считает, что активные программы по различным актуальным направлениям способствуют их самореализации.

Необходимо обратить особое внимание на получателей социальных услуг с негативной субъектностью, которые выбирают в качестве использования такие методы коммуникации,

как избегание, самоизоляция, а в некоторых случаях даже конфронтация. Такие получатели услуг требуют особого индивидуального внимания, подбора специфических технологий арт-терапии. Процент таких получателей социальных услуг небольшой (6 % от количества опрошенных), но они находятся в центре внимания специалистов по социальной работе и психологов.

Однако, как показывает проведенное исследование, часто имеет место использование мягкого подхода в организации занятий: приветствия, способы передачи информации, лояльность в общении, акцентирование на положительных сторонах. Все это позволяет преодолеть дистанцию между более и менее активными людьми, включенными в коммуникативный процесс. Создается более смягченный эмоциональный ландшафт поведения в общей группе, что способствует взаимной интолерантности и совместному участию в общих проектах. В целом свое пребывание на социально-досуговом отделении положительно оценивают большинство получателей социальных услуг (около 95 % респондентов отметили положительное влияние на свое самочувствие пребывания на социально-досуговом отделении).

Приведем примеры пребывания граждан пожилого возраста на социально-реабилитационном отделении. Его посещают получатели социальных услуг, имеющие проблемы со здоровьем и нуждающиеся в реабилитации. В связи с этими задачами выступают формирование психического, когнитивного здоровья, адаптивной активности, формирование независимого поведения в повседневной жизни. Отделение принимает 20 пожилых граждан и работает в формате дневного полустационара. В связи с тем, что нахождение в нем превышает 4 часа, пожилые люди обеспечиваются трехразовым питанием, носящим диетический характер. Первичный прием определяет логику обеспечения здорового образа жизни: индивидуальный план на восстановление жизненных функций организма, персонализированное комплексное лечение, гимнастику, физические упражнения. В целях непрерывного лечебного процесса предусматривается система домашних заданий, подкрепляющееся трудотерапией в зависимости от индивидуальных воз-

возможностей. Все это обеспечивает адаптацию к повседневной жизни и уменьшает степень зависимости от других людей. На основании комплексных оценок получатели социальных услуг делятся на три группы и участвуют в реабилитационных мероприятиях в зависимости от уровня адаптации и степени самостоятельности. Мероприятия способствуют преодолению двигательных (нарушение статики и координации) и речевых (афазия, дизартрия) нарушений, помогают преодолевать вестибулярные расстройства, снижают когнитивные нарушения, позволяют преодолеть эмоционально-волевые нарушения, депрессии, негативизм, тревоги.

В социально-реабилитационное отделение обращаются люди, имеющие большие ограничения по здоровью (у 60% респондентов имеется инвалидность I и III группы), и знающие специфику своего заболевания. Обращение пожилых граждан в специализированное отделение демонстрирует ответственный подход и нацеленность на помощь себе средствами комплексной реабилитации. Основные ограничения, которые испытывают получатели социальных услуг, относятся к работе по дому (30%), в передвижении по дому (30%) и трудоустройстве (17%). Основные проблемы, с которыми сталкиваются респонденты в своей повседневной жизни — это одиночество, потеря смысла жизни, конфликты в семье, проблемы защиты своих прав. Наиболее востребованными реабилитационными мероприятиями, по мнению респондентов, являются: занятия адаптивной физкультурой; медицинская и психологическая помощь; общение; игры, связанные с поддержанием познавательных функций; творческая и прикладная деятельность.

Проведенное исследование показало, что 87% получателей социальных услуг указали, что прохождение реабилитации на отделении положительно повлияло на их состояние; а 77% получателей услуг отделения отметили комплексный эффект реабилитации (пожилые люди чувствуют улучшение физического состояния, повышение уровня когнитивных функций и более открытое отношение к окружающим).

Результаты опросов и наблюдений показывают, что в процессе обслуживания пожилые

люди рассматриваются в биопсихосоциальном аспекте, что им позволяет получать комплексное социальное обслуживание и сопровождение.

Занимая определенное место в системе социального учреждения, специалист по социальной работе должен видеть всю региональную социальную систему в целом, содержание и структуру деятельности своего социального учреждения, специфические задачи отделения и его связь с другими структурами. Межведомственное взаимодействие в настоящее время включает в себя: участников межведомственного взаимодействия (органы исполнительной власти и сложная структура подведомственных учреждений); виды взаимодействия (информационное, создание рабочих групп, заключение соглашений для организации совместных действий); нормативно-правовую базу и технологии взаимодействия (единая система межведомственного электронного взаимодействия); электронную систему социального учреждения, возможности получателя социальных услуг ее использовать.

Учитывая, что в настоящее время только 10% граждан пожилого возраста от общего числа людей пенсионного возраста, проживающих в Санкт-Петербурге, пользуются услугами учреждений социального обслуживания (это является довольно тревожным фактом), возникает необходимость в эффективной системе их информирования с использованием межотраслевого подхода. По результатам исследования выявлено, что 53% обслуживаемых в социальных учреждениях узнали о возможности получения услуг от друзей, знакомых, родственников.

Подготовка специалистов социальной сферы осуществляется в следующих образовательных учреждениях Санкт-Петербурга: Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы, Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, СПб ГБУ

«Профессионально-реабилитационный центр» и др. Необходимо отметить, что специалисты социальных государственных учреждений проходят курсы переподготовки и повышения квалификации. В 2025 году в Санкт-Петербургском государственном институте психологии и социальной работы более 400 специалистов защитных учреждений прошли курсы повышения квалификации.

Изложенное выше в определенной степени указывает на направленность профессионального совершенствования специалистов социальной сферы.

Структура знаний специалиста в социальной сфере на сегодняшний день достаточно широка. Она включает в себя: обширный пласт знаний о человеке; знания об особенностях структуры и функций учреждений региона, в котором специалист работает; умение разбираться в структуре и функциях учреждений других ведомств, технологии социальной работы. Целесообразно знать методы изучения граждан пожилого возраста для проведения регулярного мониторинга. Также необходимо знать нормативно-правовые основы организации функционирования социальной сферы и специальные функции субъектов межведомственного взаимодействия. И, конечно, в силу того, что социальная работа относится к типу профессий «человек-человек» — специалисту необходим развитый эмоциональный, социальный интеллект, побуждение к совершенствованию собственной личности.

Реализация творческого потенциала у специалистов сферы социального обслуживания всегда находится на пересечении нескольких плоскостей: необходимости решения профессиональных задач (очень часто это происходит на фоне ограниченности ресурсов), появления новых социальных явлений и в связи с этим появления новых запросов от получателей социальных услуг, которые невозможно решить уже реализующимися технологиями. Задачи расширения профессиональной деятельности или профилактики профессионального выгорания могут быть осуществлены в разы эффективнее, если специалист обладает высоким уровнем профессиональной компетентности, сформированным эмоционально-ценностным отношением к помогающим профессиям, увле-

чениями (хобби), способностью привлекать дополнительные ресурсы.

Каждому специалисту необходимо самостоятельно поставить перед собой задачу решения профессиональной проблемы, исходя из потребностей и запросов получателей социальных услуги и их реальной жизненной ситуации.

В процессе профессиональной деятельности специалист по социальной работе выполняет ряд функций [17], важнейшей из которых выступает функция коммуникатора, вносящего свой вклад в управление человеческим сознанием, в данном случае граждан пожилого возраста, для решения ряда профессиональных задач, например, мобилизовать на совместную деятельность, удовлетворить потребности в информации, деликатно откликнуться на индивидуальный запрос. Повышается значимость научной рефлексии социального работника как специалиста, которая способствует поиску новых адаптационных механизмов для пожилых людей, выявляет новые виды их активности, творческие предпочтения.

Специалист по социальной работе в качестве коммуникатора помогает интерпретировать информацию, способствует организации смыслового поля, определяет стратегический путь коммуникации продуктивного творческого характера, при необходимости вступает в диалог в целях гуманизации отношений. Включение его в широкий культурный контекст предъявляет определенные требования к профессиональному поведению специалиста социальной сферы.

Специалист по социальной работе выступает как коммуникатор и в роли посредника между многообразными социальными субъектами, что дает возможность пожилому человеку получить новую услугу, новую необходимую информацию, позволяющую повысить потенциал и тем самым обеспечить более высокое качество жизни и многомерность существования в социокультурном пространстве.

Изучение пожилого человека в системе социальных связей требует от социального работника высокого уровня развития ценностных, мотивационно-волевых и когнитивных компонентов развития личности.

Специалист по социальной работе, выполняющий функцию коммуникатора, имеет воз-

возможность видеть систему социального обслуживания на широком поле политического, экономического, психологического, социально-культурного ландшафта. Такой взгляд побуждает развивать стратегические связи для решения проблем пожилых людей. Современное законодательство способствует расширению социальных связей с опорой на межведомственный подход, что содержательно обогащает индивидуальную программу реабилитации получателей социальных услуг. КЦСОН взаимодействуют с другими социозащитными учреждениями, медицинскими и социально-реабилитационными учреждениями, учреждениями культуры, некоммерческими организациями, благотворительными фондами и органами исполнительной власти, другими организациями в зависимости от потребностей получателей социальных услуг. Это взаимодействие актуализирует реализацию индивидуальных потребностей получателя социальных услуг.

Цифровое мышление специалистов по социальной работе позволяет при решении проблем оперативно получить необходимую информацию. Использование системного подхода к организации деятельности по повышению качества жизни пожилых людей предполагает в дальнейшем обоснование будущей прогностической модели деятельности специалиста социальной сферы и реализацию ее осуществления. Практически в каждом КЦСОН организованы курсы компьютерной грамотности, которые можно разделить на три основных направления: первоначальная компьютерная грамотность, доступный интернет, владение смартфоном. Создаются условия для получения дополнительного образования, участия в инновационных проектах и региональных программах.

Проведенное исследование показало, что проблема развития качества жизни граждан пожилого возраста в последние годы получает свое развитие в теоретическом и практическом аспектах. Практической реализации этой проблемы служит социальная политика, вносящая новые законодательные акты, создающие возможности получения социальной поддержки и реальные механизмы, позволяющие по личному желанию граждан по возможности обеспечивать их конкретными услугами

на базе предпочитаемых для них социальных учреждений.

Изучение качества жизни пожилых людей на индивидуальном уровне, осуществляемое в учреждениях социального обслуживания в ряде районов Санкт-Петербурга по таким показателям как: физическое, психическое здоровье, отношение к социальному обслуживанию, возможность интеллектуального развития, степень освоения культуры и образования, развитость мотивационной сферы с помощью метода опроса выявило в основном положительные результаты.

Изучение качества жизни пожилых людей на общественном уровне указывает на рост социальных учреждений (особенно отделений, учитывающих потребности пожилых граждан в широком диапазоне социально-психологических и медицинских услуг).

Совершенствование нормативно-правовой базы социального обслуживания и рост государственных программ, направленных на повышение качества жизни пожилого поколения, требует специальных механизмов, в числе которых находятся социальные учреждения с четко разработанной системой оказания социальных услуг с учетом индивидуальных потребностей пожилых людей.

Исследования показывают, что профессиональная деятельность специалистов социальной сферы оказывает существенное влияние на качество социального обслуживания, создание устойчивого социума и в целом на качество жизни граждан пожилого возраста. В связи с этим целесообразно организовывать целенаправленную подготовку специалистов, обслуживающих людей пожилого возраста не только в плане совершенствования андрологических знаний, на что указывалось исследователями ранее [1–3], но именно в тех направлениях, которые затрагивают биопсихосоциальные особенности людей данного исторического периода и требует особого внимания к ним.

Специалисты должны формировать целостные представления об обслуживании граждан пожилого возраста, опираясь на современный научный потенциал и инновационную практику цифровой образовательной среды.

Необходимо создание нового образовательного модуля в системе подготовки, вклю-

чающего в себя содержательные компоненты цифровой трансформации экономики. Использование в обучении компонентов цифровых технологий позволяет своевременно и более полно изучать изменяющиеся потребности пожилых людей, вносить в содержание новые технологии, тщательнее осуществлять индивидуальный подход к каждому получателю социальных услуг, обеспечивая высокий уровень реализации процесса сопровождения и обслуживания. В целом возникает острая необходимость обеспечивать комплексный процесс сопровождения получателей социальных услуг в ретроспективном, актуальном и прогностическом планах на протя-

жении указанного времени нахождения в социальном учреждении.

В процессе получения образования по предлагаемому модулю специалисты должны быть вооружены знаниями методов, с помощью которых необходимо проводить изучение данных, свидетельствующих о динамике потребностей и путях их удовлетворенности. Это дает возможности выявить качество жизни пожилых людей и пути его совершенствования в современных условиях.

Успешное решение проблемы повышения качества жизни пожилого населения требует дальнейших исследований на региональном уровне.

Список источников

1. Бардукова А. А. Особенности социально-реабилитационного обслуживания граждан пожилого возраста // Инновации в образовании и социальном обслуживании инвалидов и лиц пожилого возраста в процессе их реабилитации в условиях социальной неопределенности / под ред. д-ра пед. наук С. С. Лебедевой. Санкт-Петербург : СПбГИПСР, 2022. С. 49–51.
2. Бондаренко Т. В., Трофимова С. В. Влияние медико-социальных факторов на качество жизни петербуржцев пенсионного возраста // Успехи геронтологии. 2008. Т. 21, № 3. С. 453–458. EDN: JUVDMT.
3. Инновационные технологии социальной реабилитации и абилитации лиц пожилого возраста и инвалидов / С. С. Лебедева, Ю. Ю. Платонова, С. М. Безух [и др.] : монография. Санкт-Петербург : СПбГИПСР, 2021. 184 с. EDN: POAYBG.
4. Козырева П. М., Смирнов А. И. Социальная изоляция и одиночество в пожилом возрасте // Социологическая наука и социальная практика, 2022. Том 10, № 4. С. 46–63. DOI: 10.19181/snsp.2022.10.4.9282. EDN: WIIQWF.
5. Руднев М. Г. Социальный статус людей старшего возраста в сравнительной перспективе: особенности посткоммунистических стран // Социологический журнал. 2021. Том 27, № 4. С. 8–31. DOI: 10.19181.socjour.2021.27.4.8641.
6. Латкина И. Н. Опыт решения актуальных проблем преподавания курса „Основы взаимодействия незрячих пользователей с сенсорными устройствами на базе операционных систем iOS и Android“ // Инновации в образовании и социальном обслуживании инвалидов и лиц пожилого возраста в процессе их реабилитации / под ред. д-ра пед. наук С. С. Лебедевой. Санкт-Петербург : СПбГИПСР, 2022. С. 74–77.
7. Андрагогическая направленность образовательной подготовки специалиста социальной сферы в условиях реализации инновационных проектов / Ю. Ю. Платонова, С. С. Лебедева, С. М. Безух, И. В. Мишина // Человек и образование. 2022. № 3. С. 57–66. DOI: 10.54884/5181570410023162-3.
8. Инновационная направленность современного содержания образования специалистов социальной сферы в условиях цифровой цивилизации / Ю. Ю. Платонова, С. С. Лебедева, С. М. Безух, И. В. Мишина // Человек и образование. 2023. № 2. С. 170–179. DOI: 10.54884/5181570410026441-0.
9. Сенкевич Л. В., Шагидаева А. Б. Экзистенциальные проблемы личности в современной зарубежной геронтопсихологии: результаты анализа исследований за последние пять лет // Современная зарубежная психология. 2017. Том 6, № 3. С. 22–29. EDN: XIGCUU.
10. Тасоева А. С. Опыт реализации концепции долговременного ухода в отделении социального обслуживания граждан пожилого возраста и инвалидов на дому (на примере СПб ГБУ СОН КЦ Василеостровского района) // Социальная работа: теория, методы, практика. 2020. № 2. С. 90–94. EDN: LXPSNR.
11. «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» : Федеральный закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ : Принят Государственной Думой 23 декабря 2013 года : Одобрен Советом Федерации 25 декабря 2013 года // КонсультантПлюс : справочно-правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156558/ (дата обращения: 03.03.2026).
12. «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» : Федеральный закон от 27.07.2010 N 210-ФЗ : Принят Государственной Думой 7 июля 2010 года : Одобрен Советом Федерации

14 июля 2010 года // КонсультантПлюс : справочно-правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103023/ (дата обращения: 03.03.2026).

13. Численность пенсионеров, проживающих в городской и сельской местности // ЕМИСС Государственная статистика : официальный сайт. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/62332> (дата обращения: 20.02.2026).

14. Информация об общем количестве мест, предназначенных для предоставления социальных услуг, о наличии свободных мест, в том числе по формам социального обслуживания и адресам предоставления социальных услуг // Санкт-Петербургское государственное бюджетное учреждение социального обслуживания населения «Комплексный центр Василеостровского района» : официальный сайт. URL: <https://gu87.site.gov.spb.ru/o-centre/informacija-ob-obschem-kolichestve-mest>. Дата публикации: 05.07.2024.

15. Санкт-Петербургское государственное бюджетное учреждение «Комплексный центр социального обслуживания населения Московского района» : официальный сайт. URL: <https://kcon.tumos.gov.spb.ru/nashi-otdelenija/> (дата обращения: 03.03.2026).

16. Санкт-Петербургское государственное бюджетное учреждение «Комплексный центр социального обслуживания населения Красносельского района» : официальный сайт. URL: <https://kconkrasnoselsk.krsl.gov.spb.ru/> (дата обращения: 03.03.2026).

17. «Об утверждении профессионального стандарта „Специалист по социальной работе“» : Приказ Минтруда России от 06.09.2024 № 455н : Зарегистрировано в Минюсте России 08.10.2024 № 79732 // КонсультантПлюс : справочно-правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_487751/ (дата обращения: 03.03.2026).

References

1. Bardukova A. A. Features of social rehabilitation services for elderly citizens. *Innovacii v obrazovanii i social`nom obsluzhivanii invalidov i licz pozhilogo vozrasta v processe ix reabilitacii v usloviyah social`noj neopredelennosti / pod red. d-ra ped. nauk S. S. Lebedevoj = Innovations in education and social services for disabled people and the elderly in the process of their rehabilitation in conditions of social uncertainty / edited by Dr. of Pedagogical Sciences S. S. Lebedeva*. Saint Petersburg: SPbGIPSR; 2022. P. 49–51. (In Russ.).

2. Bondarenko T. V., Trofimova S. V. The influence of medical and social factors on the quality of life of retirement-age residents of Saint Petersburg. *Uspexi gerontologii = Advances in Gerontology*. 2008;21(3):453–458. (In Russ.). EDN: JUVDMT.

3. Innovative technologies for social rehabilitation and habilitation of the elderly and disabled / S. S. Lebedeva, Yu. Yu. Platonova, S. M. Bezukh [et al.]: monograph. Saint Petersburg: SPbGIPSR; 2021. 184 p. (In Russ.). EDN: POAYBG.

4. Kozyreva P. M., Smirnov A. I. Social isolation and loneliness in old age. *Sociologicheskaya nauka i social`naya praktika = Sociological Science and Social Practice*, 2022;10(4):46–63. (In Russ.). DOI: 10.19181/snsp.2022.10.4.9282. EDN: WIIQWF.

5. Rudnev M. G. Social status of older people in comparative perspective: features of post-communist countries. *Sociologicheskij zhurnal = Sociological Journal*. 2021;27(4):8–31. (In Russ.). DOI: 10.19181.socjour.2021.27.4.8641.

6. Latkina I. N. Experience in solving current problems in teaching the course “Fundamentals of interaction between blind users and touch devices based on iOS and Android operating systems”. *Innovacii v obrazovanii i social`nom obsluzhivanii invalidov i licz pozhilogo vozrasta v processe ix reabilitacii / pod red. d-ra ped. nauk S. S. Lebedevoj = Innovations in Education and Social Services for Disabled People and the Elderly in the Process of Their Rehabilitation / edited by Dr. of Pedagogical Sciences, S. S. Lebedeva*. St. Petersburg: SPbGIPSR; 2022. P. 74–77. (In Russ.).

7. Andragogic focus of educational training of a social sphere specialist in the context of implementing innovative projects / Yu. Yu. Platonova, S. S. Lebedeva, S. M. Bezukh, I. V. Mishina. *Chelovek i obrazovanie = Man and Education*. 2022;(3):57–66. (In Russ.). DOI: 10.54884/5181570410023162-3.

8. Innovative focus of the modern content of education for social specialists in the context of digital civilization / Yu. Yu. Platonova, S. S. Lebedeva, S. M. Bezukh, I. V. Mishina. *Chelovek i obrazovanie = Man and Education*. 2023;(2):170–179. (In Russ.). DOI: 10.54884/5181570410026441-0.

9. Senkevich L. V., Shagidaeva A. B. Existential problems of personality in modern foreign gerontopsychology: results of research analysis over the past five years. *Sovremennaya zarubezhnaya psixologiya = Modern Foreign Psychology*. 2017;6(3):22–29. (In Russ.). EDN: XIGCUU.

10. Tasoeva A. S. Experience in implementing the concept of long-term care in the department of social services for elderly citizens and people with disabilities at home (on the example of the St. Petersburg State

Budgetary Institution of Social Services, the Vasileostrovsky District Social Work Center). *Social`naya rabota: teoriya, metody`, praktika = Social Work: Theory, Methods, Practice*. 2020;(2):90–94. (In Russ.). EDN: LXPSNR.

11. "On the Fundamentals of Social Services for Citizens in the Russian Federation": Federal Law dated December 28, 2013 No. 442-FL: Adopted by the State Duma on 23 December 2013: Approved by the Federation Council on 25 December 2013. ConsultantPlus: legal reference system. (In Russ.). Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156558/ (date of access: March 3, 2026).

12. "On the Organization of the Provision of State and Municipal Services": Federal Law dated July 27, 2010 No. 210-FL: Adopted by the State Duma on July 7, 2010: Approved by the Federation Council on July 14, 2010. ConsultantPlus: legal reference system. (In Russ.). Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103023/ (date of access: March 3, 2026).

13. Number of pensioners living in urban and rural areas. EMISS State Statistics: official website. (In Russ.). Available from: <https://www.fedstat.ru/indicator/62332> (date of access: February 20, 2026).

14. Information on the total number of places intended for the provision of social services, the availability of places, including by forms of social services and the addresses where social services are provided. St. Petersburg State Budgetary Institution of Social Services to the Population "Comprehensive Center of Vasileostrovsky District": official website. (In Russ.). Available from: <https://gu87.site.gov.spb.ru/o-centre/informacija-ob-obschem-kolichestve-mest/>. Publication date: July 5, 2024.

15. St. Petersburg State Budgetary Institution "Comprehensive Center of Social Services to the Population of Moskovsky District": official website. (In Russ.). Available from: <https://kcon.tumos.gov.spb.ru/nashi-otdelenija/> (date of access: March 3, 2026).

16. St. Petersburg State Budgetary Institution "Comprehensive Center of Social Services to the Population of Krasnoselsky District": official website. (In Russ.). Available from: <https://kconkrasnoselsk.krsl.gov.spb.ru/> (date of access: March 3, 2026).

17. "On Approval of the Professional Standard "Social Work Specialist": Order of the Ministry of Labor of Russia dated September 6, 2024 No. 455n: Registered with the Ministry of Justice of Russia on October 8, 2024 No. 79732. ConsultantPlus: legal reference system. (In Russ.). Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_487751/ (date of access: March 3, 2026).

Сведения об авторах

С. С. Лебедева — доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры теории и технологии социальной работы;

С. М. Безух — доктор медицинских наук, профессор, профессор кафедры теории и технологии социальной работы;

М. А. Семенова — кандидат социологических наук, доцент кафедры теории и технологии социальной работы;

Ю. Ю. Платонова — кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой теории и технологии.

Information about the authors

S. S. Lebedeva — Doctor of Science (Pedagogical), Professor, Professor of the Department of Social Work Theory and Technology;

S. M. Bezukh — Doctor of Science (Medical), Professor, Professor of the Department of Social Work Theory and Technology;

M. A. Semenova — Candidate of Science (Sociological), Associate Professor of the Department of Social Work Theory and Technology;

Yu. Yu. Platonova — Candidate of Science (Pedagogical), Associate Professor, Head of the Department of Theory and Technology.

Статья поступила в редакцию 18.05.2026; одобрена после рецензирования 15.06.2026; принята к публикации 22.06.2026.

The article was submitted 18.05.2026; approved after reviewing 15.06.2026; accepted for publication 22.06.2026.

Вестник Башкирского института социальных технологий). 2026. № 2(71). С. 156–165
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2026;2(71):156–165

Научная статья

УДК 316.4

doi: 10.47598/2078-9025-2026-2-71-156-165

ПАЛИТРА ИНКЛЮЗИВНОЙ ПОЛИТИКИ: НА ПРИМЕРЕ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ ИНВАЛИДОВ

Танзиля Алтафовна Нигматуллина¹, Людмила Олеговна Терновоя²

¹Башкирский институт социальных технологий (филиал) Академии труда и социальных отношений, Уфа, Россия, ufabist@ufabist.ru

²Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ), Москва, Россия, 89166272569@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается эволюция подходов к социальной инклюзии и эксклюзии в отношении людей с инвалидностью, анализируются исторические и современные аспекты социальной политики, направленной на защиту прав и обеспечение равных возможностей для лиц с ограниченными возможностями здоровья. Особое внимание уделяется различию между медицинской и социальной моделями инвалидности, а также значению инклюзивной политики в современном обществе. Описываются международные и российские правовые основы социальной защиты инвалидов, приводятся примеры успешной социальной адаптации и личных достижений людей с инвалидностью. Отдельный раздел посвящен вопросам инклюзивного образования, его принципам, этапам развития и международным стандартам. В заключение подчеркивается важность формирования благоприятной социально-психологической среды, свободной от стереотипов и дискриминации, как ключевого условия полноценной интеграции людей с ограниченными возможностями здоровья в общество.

Ключевые слова: инвалидность, социальная инклюзия, социальная эксклюзия, ограниченные возможности здоровья (ОВЗ), социальная политика, инклюзивное образование, социальная защита, медицинская модель, социальная модель, права инвалидов, доступная среда, стигматизация, равенство возможностей

Для цитирования: Нигматуллина Т. А., Терновоя Л. О. Палитра инклюзивной политики: на примере социальной защиты инвалидов // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2026. № 2 (71). С. 156–165. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2026-2-71-156-165>.

Research article

THE PALETTE OF INCLUSIVE POLICY: THE CASE OF SOCIAL PROTECTION OF DISABLED PEOPLE

Tanzilya A. Nigmatullina¹, Lyudmila O. Ternovaya²

¹Bashkir Institute of Social Technologies (branch) of the Academy of Labor and Social Relations, Ufa, Russia, ufabist@ufabist.ru

²Moscow Automobile and Road Construction State Technical University (MADI), Moscow, Russia, 89166272569@mail.ru

Abstract. The article examines the evolution of approaches to social inclusion and exclusion in relation to people with disabilities, analyzes historical and modern aspects of social policy aimed at protecting the rights and ensuring equal opportunities for people with disabilities. Particular attention is paid to the difference between medical and social models of disability, as well as the importance of inclusive policy in modern society. The article describes the international and Russian legal framework for social protection of disabled people, provides examples of successful social adaptation and personal achievements of people

with disabilities. A separate section is devoted to issues of inclusive education, its principles, stages of development and international standards. In conclusion, the importance of creating a favorable socio-psychological environment free from stereotypes and discrimination is emphasized as a key condition for the full integration of people with disabilities into society.

Keywords: disability, social inclusion, social exclusion, disabilities, social policy, inclusive education, social protection, medical model, social model, rights of disabled people, accessible environment, stigmatization, equal opportunities

For citation: Nigmatullina T. A., Ternovaya L. O. Palette of inclusive policy: the example of social protection of disabled people. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2026;(2(71)):156–165. (In Russ.). <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2026-2-71-156-165>.

Ярким примером демонстрации непрерывного маятникового движения между множеством дихотомий, характеризующих консервативные и либеральные полюса как общественного сознания, так и государственного управления, можно считать стремление в практике социального управления реализовать установки и социальной эксклюзии (лат. *exclusio* — исключение), и социальной инклюзии (лат. *inclusio* — включение, вовлечение). Поляризации этих подходов способствовало выделение заботы о социально уязвимых группах (англ. *socially vulnerable groups*) населения в специальное направление социальной политики [1, с. 35–44]. Во многом эти действия были инициированы обращением экспертов Всемирного банка (англ. *The World Bank*) в 1990-х гг. и многих авторов к тематике социальных рисков [2; 3, с. 10–12; 4, с. 10–12].

Взаимосвязь тематики социальной уязвимости и социальных рисков определяется не только прямой зависимостью наиболее уязвимой части населения от всевозможных вызовов, имеющих политико-экономическое или природное происхождение, но и возрастающей способностью домохозяйств и индивидуумов на них отвечать. Но сохраняется неготовность общества противостоять им при распаде социальных связей, а также из-за отсутствия возможности у широкого круга людей принимать участие в социальной жизни в силу исключенности из наиболее значимых для них общественных процессов по множеству разных причин.

Исследования показывают, что власти и обществу нельзя ограничиваться констатацией социального неблагополучия и на этом основании искать способы его сокращения или преодоления. Оценка любых проявлений социальных бедствий лишь с точки зрения экономиче-

ских или политических барьеров, создаваемых для развития, ограничивает признание того, что причиной социальной эксклюзии часто выступает совсем иной барьер — препятствие в виде социального статуса. Из этого следует, что политика социальной инклюзии отлична от борьбы с бедностью, безработицей, неграмотностью и т. д., поскольку в первую очередь предполагает создание благоприятной социально-психологической среды. В этой среде отсутствуют негативные стереотипы восприятия любых уязвимых групп, которые базируются на этнических, религиозных, региональных, гендерных, возрастных, профессиональных или прочих основаниях.

Статистика инвалидности в мире неутешительна. Так, согласно статистическим данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ; англ. *World Health Organization, WHO*), около 15% населения нашей планеты имеют ту или иную форму инвалидности. Более того, исследователи констатируют, что доля людей с инвалидностью постоянно повышается. Это объясняется общим старением населения планеты, ростом числа лиц, имеющих хронические заболевания. Но также на эти показатели влияет совершенствование методов, применяемых при измерении показателей инвалидности и больший статистический охват населения, позволяющий выявить проблемный контингент.

Продвижение к созданию такой социально-психологической атмосферы, несмотря на утопичность этой цели, можно считать одной из существенных характеристик социального государства. Она выражает понимание принципа социальной справедливости как неограниченного параметрами материального благополучия. При этом в социальном государстве существенные усилия прикладываются властями

и общественными институтами для того, чтобы перечисленные параметры социальной уязвимости оказывались в центре инклюзивных действий [5–6].

Понятие «инвалидность» (лат. *invalidus* — немощный, слабый) является объединяющим термином для различных нарушений, ограничений активности и возможного участия в жизни общества. Под нарушениями понимаются проблемы, возникающие в функциях или структурах организма. Ограничения активности означают трудности, испытываемые индивидом при выполнении каких-либо заданий или действий. Тогда как под ограничениями участия подразумеваются сложности, испытываемые человеком во время его вовлечения в жизненные ситуации. Эти три ситуации диктуют социальные императивы поддержки принципов инклюзивного развития.

Такое вовлечение охватывает все стороны жизни человека, имеющего проблемы, которые получили обобщенное наименование «ограниченные возможности здоровья» (ОВЗ), то есть состояние, когда физические или психические особенности человека затрудняют освоение различных жизненных программ без дополнительной посторонней помощи. Перечислим некоторые виды ОВЗ: нарушения слуха; нарушения зрения; нарушения опорно-двигательного аппарата; нарушения интеллектуального развития; речевые отклонения; расстройства аутистического спектра (РАС).

Еще в 1980 году ВОЗ рекомендовала использовать британский вариант трехзвенной шкалы ОВЗ:

– первая ступень — недуг, который подразумевает утрату или аномалию психологической, физиологической, анатомической структуры или функции; при недуге имеются легкие и чаще всего обратимые препятствия к осуществлению деятельности;

– вторая ступень — дефекты с потерей жизненно важных способностей; на этой стадии у человека есть ярко выраженный дефект, приведший к ограничению или утрате возможности выполнять общепринятые действия, доступные большинству людей;

– третья ступень — недееспособность (инвалидность), которая характеризуется наличием заболевания, полностью ограничивающего

возможности в какой-либо сфере деятельности.

Выделяются две концептуальные модели инвалидности. Первая — медицинская, в которой инвалидность рассматривается как свойство, присущее человеку в результате болезни, травмы или другого воздействия на состояние здоровья и требующее медицинской помощи, помогающей решить проблему. Вторая — социальная. В ней инвалидность предстает в первую очередь как социальная ситуация, а не связывается со свойством индивида. Отсюда следует основной подход, состоящий в социально-экономическом и политическом вмешательстве, способном урегулировать различные дисбалансы, мешающие нормальной жизни лица, имеющего ОВЗ. И в той, и в другой моделях можно увидеть рациональное зерно. Но, учитывая сложность феномена инвалидности, их нельзя рассматривать изолированно.

Инвалидность во все времена была серьезной социально-психологической проблемой. Однако с течением времени она претерпела серьезные изменения. В прошлом нанесение увечий часто оказывалось не только наказанием для преступников, но и способом политической борьбы. Например, в Византийской империи соперников, чтобы убрать из политической жизни, ослепляли, кастрировали, лишали носа или других частей тела. В византийском праве существовал запрет на убийство. Поэтому нанесение увечий или изгнание были политически не менее действенны, чем смертная казнь и тюремное заключение. Яркий пример такого наказания — ослепление византийского полководца Льва Фоки Старшего в 919 году после неудачного восстания против императора Романа I Лакапина (ок. 870–948). В русской традиции были похожие истории, когда 16 февраля 1446 г. Великий князь московский Василий II Васильевич Темный (1415–1462) был захвачен в Троице-Сергиевой лавре. Ночью от имени Дмитрия Юрьевича Шемяки, Ивана Можайского и Бориса Тверского он был ослеплен путем выжигания глаз оловом. От этого он и получил прозвище «Темный».

В Средневековье широта распространения слепцов выразилась в притче о слепых, которую изобразил Питер Брейгель Старший (ок. 1525–1569) на одной из самых проникновен-

ных картин «Слепые», написанной в 1568 году. Считается, что в основу сюжета художник взял одну из библейских притч, которая гласит: «Если слепой ведет слепого, то оба они упадут в яму». В этой картине, как почти во всех остальных полотнах Брейгеля, тоже скрыта аллегория, что слепые — это не те, у кого отсутствует зрение, а те, кто следует за кем-то, слепо ему веруя. Точный диагноз мастера в середине прошлого столетия подтвердили офтальмологи, которые констатировали, что: у одного персонажа картины роговица затянута белой пленкой, что могло явиться следствием лейкомы; у другого, задравшего голову к небу, есть явные признаки атрофии глазного яблока, что происходит, когда при запущенной глаукоме повреждается глазной нерв.

Неудивительно, что государственная власть очень давно поняла необходимость опеки инвалидов. Стремление прийти на помощь солдатам, потерявшим на войне способность содержать себя, проявилось во Франции еще при Карле Великом (742/747 или 748–814). Он тогда наложил на монастыри обязанность принимать инвалидов в качестве служек. Позже их стали назначать в гарнизоны небольших укреплений. В 1254 году Людовик IX Святой (1214–1270) учредил орден «*Quinze-Vingts*» («Триста») для трех сотен рыцарей, которые в крестовом походе были ослеплены сарацинами. Затем Генрих III (1551–1589) образовал из инвалидов подобие кавалерийского ордена, входившие в который инвалиды размещались в разных монастырях. Далее Генрих IV (1553–1610) в 1604 году приказал поселить инвалидов в предместье Парижа в госпитале «Христианского Милосердия», а его сын — Людовик XIII Справедливый (1601–1643) приказал в 1632 году основать в Бисетрском замке убежище для офицеров и солдат, пострадавших на войне и лишенных средств к жизни. Опыт предшественников учел Людовик XIV (1638–1715), по чьему приказу от 24 февраля 1670 г. было начато строительство Дворца инвалидов (фр. *Hôtel des Invalides*) в Париже. Этот дом призрения заслуженных армейских ветеранов («инвалидов войны») стал одним из первых инвалидных домов в Европе. В наши дни этот комплекс также принимает инвалидов. В нем

располагаются несколько музеев и некрополь военных.

Несмотря на наличие государственной политики, поддержки инвалидов со стороны общественных организаций и волонтеров, огромное значение имеет персональный настрой человека, имеющего ограничения по здоровью. И здесь очень многим может быть полезен опыт выдающихся личностей, которые, невзирая на недуги, не только смогли проявить пример личной мобилизации, но и во многом изменить этот мир. К таким личностям надо отнести: 32-го президента США Франклина Делано Рузвельта (1882–1945); мексиканскую художницу Фриду Кало (1907–1954); советского летчика-героя Великой Отечественной войны Алексея Маресьева (1916–2001), по истории которого Борисом Полевым (1908–1981) была написана «Повесть о настоящем человеке»; американского слепого музыканта, одного из самых известных исполнителей музыки в стилях соул, джаз и ритм-энд-блюз Рэя Чарльза (1930–2004); британского физик-теоретика, космолога, астрофизика Стивена Хокинга (1942–2018); первого в мире альпиниста, достигшего вершины Джомолунгмы, будучи незрячим, Эрика Вайхенмайера (р. 1968); американского музыканта Стиви Уандера (р. 1950); тенора, писателя и музыкального продюсера Андреа Бочелли (р. 1958); основателя организации для людей с ограниченными физическими возможностями *Life Without Limbs* Ника Вуйчича (р. 1982).

В современном обществе инклюзивная политика становится ключевым элементом обеспечения равных возможностей для всех граждан, включая людей с инвалидностью. Социальная защита инвалидов — одна из важнейших сфер, где принципы инклюзии реализуются на практике. Инклюзивная политика направлена на создание условий, при которых все члены общества, независимо от физических, ментальных или социальных особенностей, могут полноценно участвовать в его жизни. Основные принципы инклюзивной политики включают:

- равенство возможностей, предполагающее устранение барьеров в доступе к образованию, труду, здравоохранению;
- доступность, означающую адаптации инфраструктуры, информации и услуг;

– участие, заключающееся в широком вовлечении лиц с инвалидностью в принятие решений;

– недискриминацию как законодательное закрепление прав и гарантий.

Социальная защита инвалидов выступает важнейшим элементом инклюзивной политики. Государственные меры поддержки людей с ОВЗ включают:

– пенсии и пособия, представляющие собой материальную помощь для обеспечения базовых потребностей;

– программы реабилитации и абилитации, состоящие из медицинской, профессиональной и социальной адаптации;

– трудоустройство, предполагающее квотирование рабочих мест и субсидии работодателям;

– создание безбарьерной среды, обеспечивающей доступный транспорт, здания, цифровые сервисы.

При этом остаются проблемы низкой эффективности трудоустройства, недостатка доступного жилья, стигматизации инвалидов в обществе.

Опыт социальной поддержки лиц с ограничениями по здоровью опирается на международную и национальную правовую базы, прежде всего на Конвенцию ООН о правах инвалидов от 13 декабря 2006 г. [7]. Российская Федерация ратифицировала эту Конвенцию в 2012 г. Среди других документов в первую очередь следует упомянуть Декларацию ООН о правах умственно отсталых лиц (1971) и Всемирный доклад об инвалидности, выпущенный ВОЗ (2011) [8–9]. В России действует Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» [10]. Также имеется государственная программа «Доступная среда» [11].

Понимание проблемы инвалидности как одной из глобальных озабоченностей привело к тому, что мировое сообщество выработало социальные механизмы акцентирования внимания на этой проблематике. Международный день борьбы за права инвалидов отмечается ежегодно 5 мая, а Международный день инвалидов — 3 декабря. Эти ежегодные акции призваны обратить внимание общественности на трудности, связанные с защитой прав людей

с ОВЗ. Имеется Международный символ доступности (англ. *International Symbol of Access, ISA*), представленный синим квадратом, на который белым (или контрастными цветами) нанесено стилизованное изображение человека в инвалидном кресле. Этот знак поддерживается как международный стандарт ISO 7001, созданный Международной комиссией по технологиям и доступности (ICTA) и Международным комитетом реабилитации (RI).

Одной из наиболее важных сфер работы с лицами, имеющими ОВЗ, выступает образование. Сложилась четкая система принципов инклюзивного подхода в образовании: изменение отношения к различиям (принятие, уважение, эмпатия); доступность (в том числе средовая); разнообразие форм и методов образования; расширенные возможности воспитательной, образовательной, развивающей среды; ориентированность на потребность личности.

Под инклюзивным или включенным образованием обычно понимают процесс обучения детей, имеющих особые потребности из-за отличий в развитии, в общеобразовательных (массовых школах). Для достижения успеха здесь важно исходить из того, что ценность любого обучающегося не зависит от его способностей и достижений, а каждый человек одарен возможностью чувствовать и думать. Для детей с ОВЗ существенно, что их развитие выстраивается в контексте реальных взаимоотношений, при поддержке и дружбе ровесников. А разнообразие только усиливает все стороны жизни человека.

До 1945 года в образовании преобладала «медицинская модель», когда предпочтение отдавалось специальным школам и школам-интернатам. В 1970-х годах в Скандинавских странах появилось понятие «нормализация». Оно указывало на то, что ребенок с ОВЗ — это развивающаяся личность, способная осваивать различные виды деятельности. Поэтому социум должен признавать ее особенности и обеспечить условия жизни, максимально приближенные к нормальным. Позже в противоположность нормализации возникла концепция инклюзивности, предлагающая отдавать приоритет автономии каждой группы и признающая право каждого человека на его отличие от остальных.

За рубежом формирование законодательства об инклюзивном образовании проходило в два этапа:

– первый — охватывал 1970–1980-е годы и был связан с переходом от интегрированного обучения к инклюзивному путем создания коррекционных классов в общеобразовательных школах и таких же групп в детских садах;

– второй — пришелся на 1990-е годы, когда на международном уровне произошло признание принципа инклюзивного образования.

Тогда была принята «Саламанкская декларация о принципах, политике и практической деятельности в сфере образования лиц с особыми потребностями» (1994), которая ввела термин «инклюзия» в педагогическую практику [12]. Вышеупомянутая Конвенция ООН о правах инвалидов (2006) в статье 24 обязывает государства обеспечивать инклюзивное образование на всех уровнях и обучение в течение всей жизни.

При этом в разных государствах сложились собственные подходы к инклюзивному образованию. Так, в Германии параллельно с инклюзивными школами работают специальные учебные заведения, где обучающиеся с тяжелыми нарушениями получают адресную поддержку. В Италии делается упор на раннюю интеграцию детей с ОВЗ, которые посещают обычные детские сады совместно со сверстниками. В Канаде для каждого ребенка с ОВЗ создается персональный план обучения, учитывающий его потребности и способности. В обычных школах Японии созданы специальные классы или группы, в которых обучающиеся с ОВЗ получают дополнительную помощь от учителей и специалистов.

Наблюдается дальнейшее развитие концепции инклюзивного образования, которая постепенно отходит от ориентации на обучающихся с особыми потребностями и начинает охватывать все другие группы, имеющие различия по расе, этничности, гендеру и иным признакам. Популярный «интерсекциональный подход» основан на интегральном взгляде на разнообразия и понимание взаимозависимости развития идентичностей. Новой задачей стало уже не просто привлечение квалифицированных кадров в различные форматы инклюзивного образования и продвижение мно-

гообразия педагогов, в частности, привлечение к работе в инклюзивных классах учителей с инвалидностью, а обеспечение цифровой доступности образовательных услуг для обучающихся с ОВЗ, расширение предложений в области дополнительного образования и создание обучающих программ для самообразования с помощью искусственного интеллекта.

Следующей за проблемой образования лиц с ОВЗ идет проблема занятости. По оценкам Международной организации труда (МОТ), безработица среди инвалидов в некоторых государствах достигает 80%. Конвенция о правах инвалидов обязывает страны: принимать меры, направленные на запрет дискриминации по признаку инвалидности в отношении всех вопросов, относящихся к занятости; обеспечивать инвалидам возможность осуществлять свои трудовые и профсоюзные права наравне с другими; расширять на рынке труда возможности для трудоустройства инвалидов и их продвижения по службе; оказывать помощь в поиске, получении, сохранении и обновлении работы.

Трудности заключаются не столько в том, что работодатели не видят в инвалидах эффективных сотрудников. Основная сложность состоит в непригодности многих рабочих мест для того, чтобы на них трудились люди с ОВЗ. А со стороны самих инвалидов выявлено устойчивое желание работать. В целом в мире сложилась система мер по содействию занятости инвалидов. Эта практика включает: разработку специальных программ; создание банка вакансий; проведение мероприятий, рассчитанных на инвалидов; обеспечение для них доступности государственных услуг и полезной информации; работу по повышению мотивации и желания работать.

Со стороны государства должен поддерживаться контроль труда лиц с ОВЗ, одним из главных направлений которого выступает нормирование рабочего дня инвалида. В России работнику, имеющему I или II группу инвалидности, нельзя устанавливать ненормированный рабочий день. Однако прямого запрета на установление ненормированного рабочего дня для работников-инвалидов в Трудовом кодексе Российской Федерации (ТК РФ) не содержится [13]. Работодатели обязаны учитывать об-

щие положения, касающиеся режима работы сотрудников. Согласно ст. 92 ТК РФ для работников, являющихся инвалидами I или II группы, устанавливается сокращенная продолжительность рабочего времени — не более 35 часов в неделю. Этот сокращенный график не является основанием для снижения оплаты труда.

Еще один инструмент решения вопроса трудоустройства инвалидов состоит в квотировании для них рабочих мест. В силу положений ст. 13 Закона Российской Федерации «О занятости населения в Российской Федерации» одной из дополнительных гарантий занятости для отдельных категорий граждан, обеспечиваемых государством, является квота для приема на работу инвалидов, которая устанавливается в соответствии с Федеральным законом от 24.11.1995 № 181-ФЗ [14]. Квота для приема на работу инвалидов устанавливается в организациях независимо от их организационно-правовых форм или форм собственности. Причем принимать инвалидов на работу на квотируемые места работодатели имеют право на равных основаниях, как непосредственно обращающихся к ним лиц с ОВЗ, так и кандидатов, направленных органами службы занятости. Статьей 20 Федерального закона от 24.11.1995 № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» предусмотрено, что инвалидам предоставляются гарантии трудовой занятости путем проведения специальных мероприятий, способствующих повышению их конкурентоспособности на рынке труда [10].

В силу ст. 24 Федерального закона от 24.11.1995 № 181-ФЗ работодатели в соответствии с установленной квотой для приема на работу инвалидов обязаны:

- создавать или выделять рабочие места для трудоустройства инвалидов и принимать локальные нормативные акты, содержащие сведения о данных рабочих местах;
- создавать инвалидам условия труда в соответствии с индивидуальной программой реабилитации или абилитации инвалида;
- предоставлять в установленном порядке информацию, необходимую для организации занятости инвалидов.

Для разных групп лиц с ОВЗ существуют собственные сложности и разрабатываются специальные программы поддержки занято-

сти. В частности, программа поддержки предпринимателей с инвалидностью «Доступная бизнес-среда» имеет целью развитие самозанятости и повышение предпринимательской активности людей с инвалидностью. В ее задачи входит: проведение конкурсов адаптированных бизнес-планов для предпринимателей и самозанятыми с ограниченными возможностями здоровья; подготовка специалистов системы поддержки субъектов малого и среднего бизнеса к оказанию услуг предпринимателям с инвалидностью; исследование социального портрета российского предпринимателя с инвалидностью, организация межрегионального слета предпринимателей и самозанятых с инвалидностью, посвященного взаимодействию с органами поддержки малого и среднего предпринимательства; проведение факультативного курса «Основы самозанятости и предпринимательства» для студентов с ОВЗ.

Поскольку инвалидность является проблемой, в основном затрагивающей сферу здоровья, то значительная часть ее решения связана со здоровым образом жизни и спортивной активностью. В мире сложилась разветвленная система инклюзивного спорта. На уровне спорта высоких достижений регулярно проводятся Паралимпийские игры (англ. *Paralympic Games or Paralympics*) и Специальные Олимпиады (англ. *Special Olympics World Games*) для лиц с ментальными особенностями. На Паралимпийских играх выступают спортсмены с ограничениями подвижности и зрения. Они организуются сразу после классической Олимпиады, на тех же самых спортивных объектах. Первые Паралимпийские игры прошли в 1960 году. Международная организация *Special Olympics International*, основанная в 1968 году в Чикаго, занимается вопросами организации спортивных мероприятий для лиц с умственными отклонениями. На Специальной Олимпиаде участие важнее достижений, медалей и рекордов. Особенность таких соревнований заключается в проведении унифайд-матчей (англ. *unified* — единый, объединенный), в которых встречаются команды, включающие обычных спортсменов и игроков с особенностями. В России за последние годы прошли десятки унифайд-матчей по футболу. Кроме спортсменов, в них нередко участвуют

звезды кино, телевидения, бизнеса, политики — все, кто хочет привлечь внимание общества к проблеме включения людей с особенностями развития в обычную жизнь.

Танец не менее чем спорт ценен с точки зрения физической нагрузки. Но еще он добавляет к радости движения ощущение легкости, красоты и гармонии. Широко распространился инклюзивный танец, когда в дуэте или коллективе партнеры представляют собой людей с ОВЗ и профессиональных танцоров. Известно много примеров такой активности. В России команда профессионалов в сфере инклюзивного танца и танцевальной реабилитации объединилась в благотворительном фонде «Inclusive Dance», деятельность которого направлена на развитие студий и школ инклюзивного танца для людей с инвалидностью в разных частях страны.

Очень важно, чтобы с детства и у тех, кто имеет проблемы со здоровьем, и у тех, у кого их нет, формировалось понимание того, что ситуация ОВЗ не является приговором и не ограничивает возможности максимально плодотворной жизни. Этому способствуют детские книги и мультипликационные фильмы, поднимающие проблемы инвалидности, такие, как сказка Валентина Катаева (1897–1986) «Цветик-семицветик», написанная в 1940 году, и мультфильм, снятый по ее сюжету в 1948 году режиссером Михаилом Цехановским (1889–1965); роман Мариам Петросян «Дом, в котором...», опубликованный в 2009 году; британский мультфильм «Макрополис» (англ. *Macropolis*; 2012) и др.

Также необходимо постоянное внимание к тому, чтобы создавались условия не только для жизни и работы людей с ОВЗ, но и их творчества. Именно на это направлена премия мэра Москвы имени Николая Островского, которая ставит задачи привлечения внимания к людям с инвалидностью, их поощрение за достигнутые результаты в творчестве и мотивация на новые свершения. В 2025 году эта

премия присуждалась по десяти номинациям, причем по пяти из них награду могли получить только заявители с ОВЗ. Это такие номинации, как номинации за выдающиеся достижения: в изобразительном искусстве; исполнительском искусстве; кинематографическом искусстве; литературе и публицистике; различных сферах жизнедеятельности, имеющих высокое социальное и культурное значение. Другие номинации предполагали выделение заслуг в интеграции лиц с ОВЗ в сфере креативных (творческих) индустрий; духовно-нравственном служении и поддержке лиц с ОВЗ; вкладе в воспитание и всестороннее развитие детей и молодежи в инклюзивном обществе, создание условий для интеграции и возвращения лиц с ОВЗ к активной жизни и в области создания инклюзивных проектов и программ по популяризации истории и культуры Москвы. Еще один пример: организация в рамках Петербургского международного экономического форума в 2025 году Международного конкурса дизайна на адаптивную одежду «На крыльях».

Несмотря на то, что в России и в мире стало гораздо больше внимания уделяться социальной поддержке людей с ОВЗ, многие проблемы в этой области остаются нерешенными. Прежде всего, имеются финансовые ограничения на реализацию программ. Сохраняются недостаточная информированность общества и разрыв между законодательством и реальной практикой. Но в то же время можно выделить и некоторые положительные моменты: достаточно широко распространяются лучшие практики интеграции инвалидов, получает поддержку деятельность НКО и волонтерских инициатив. Мы не можем не замечать внедрение универсального дизайна в городскую среду. Инклюзивная политика в сфере социальной защиты инвалидов — это долгосрочный процесс, требующий комплексного подхода. Независимо от существующих трудностей, ее развитие способствует созданию более справедливого и комфортного общества для всех.

Список источников

1. Терновая Л. О. Понимание проявлений эксклюзии и инклюзии в осмыслении специфики социального государства // Бюллетень экономических и социологических исследований. 2023. № 1. С. 35–44.
2. Доклад о мировом развитии, 2024 года. Как повысить эффективность услуг для бедного населения / пер. с англ. А. А. Блинова, Л. Волков, Н. Заборин и др. Москва : Весь Мир, 2004. 351 с.

3. Mosley P., Holzmann R., Jorgensen S. Social Protection as Social Risk Management: Conceptual Underpinnings for Social Protection Sector Strategy Paper // Journal of International Development. 1999. Vol. 11, No. 7. P. 1005–1027. (In Eng.). DOI: 10.1002/(SICI)1099-1328(199911/12)11:73.3.CO;2-2.
4. Siegel P., Alwang J. An Asset-Based approach to social risk management: a conceptual framework // Social Protection Discussion Paper. 1999. № 9926. 74 p.// ACADEMIA : сайт. URL: https://www.academia.edu/11370004/An_asset_based_approach_to_social_risk_management_A_conceptual_framework. (In Eng.).
5. Мисихина С. Г. Социальная поддержка уязвимых групп населения. М. : Изд-во Института Гайдара, 2011. 90 с. : ил. (Научные труды).
6. Терновоя Л. О., Гольдин Г. Г. Защита прав, свобод и интересов человека в международном праве: история, направления, формы. Москва : Этносоциум, 2015. 428 с.
7. Конвенция о правах инвалидов : Принята резолюцией 61/106 Генеральной Ассамблеи от 13 декабря 2006 года // ООН : официальный сайт. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml.
8. Всемирный доклад об инвалидности. Резюме // Всемирная организация здравоохранения : официальный сайт. URL: https://web.archive.org/web/20120127045351/http://www.who.int/disabilities/world_report/2011/report/ru/index.html.
9. Декларация о правах умственно отсталых лиц : Принята резолюцией 2856 (XXVI) Генеральной Ассамблеи от 20 декабря 1971 года // ООН : официальный сайт. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/retarded.shtml.
10. «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» : Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ : Принят Государственной Думой 20 июля 1995 года : Одобрен Советом Федерации 15 ноября 1995 года : последняя редакция // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8559/.
11. «Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Доступная среда"» : Постановление Правительства РФ от 29.03.2019 № 363 : с изменениями и дополнениями, вступившими в силу с 01.01.2026 // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_322085/.
12. Саламанкская декларация и рамки действий по образованию лиц с особыми потребностями, принятые Всемирной конференцией по образованию лиц с особыми потребностями: доступ и качество, Саламанка, Испания, 7–10 июня 1994 г. // ООН : официальный сайт. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/pdf/salamanka.pdf.
13. Трудовой кодекс Российской Федерации» от 30.12.2001 № 197-ФЗ : ред. от 29.12.2025, с изм. от 06.02.2026 // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/.

References

1. Ternovaya L. O. Understanding the Manifestations of Exclusion and Inclusion in Understanding the Specifics of the Welfare State. *Byulleten` e`konomicheskix i sociologicheskix issledovanij = Bulletin of Economic and Sociological Studies*. 2023;(1):35–44. (In Russ.).
2. World Development Report 2024. How to Improve the Effectiveness of Services for the Poor / translated from English by A. A. Blinova, L. Volkov, N. Zaborin, et al. Moscow: Ves Mir; 2004. 351 p. (In Russ.).
3. Mosley P., Holzmann R., Jorgensen S. Social Protection as Social Risk Management: Conceptual Underpinnings for Social Protection Sector Strategy Paper. *Journal of International Development*. 1999;11(7):1005–1027. DOI:10.1002/(SICI)1099-1328(199911/12)11:73.3.CO;2-2.
4. Siegel P., Alwang J. An Asset-Based approach to social risk management: a conceptual framework. *Social Protection Discussion Paper*. 1999. № 9926. 74 p. ACADEMIA: site. Available from: https://www.academia.edu/11370004/An_asset_based_approach_to_social_risk_management_A_conceptual_framework.
5. Misikhina S. G. *Social Support for Vulnerable Groups of the Population*. Moscow: Gaidar Institute Publishing House; 2011. 90 p. : ill. (Scientific Works). (In Russ.).
6. Ternovaya L. O., Goldin G. G. *Protection of human rights, freedoms and interests in international law: history, trends, forms*. Moscow: Ethnosocium; 2015. 428 p. (In Russ.).
7. *Convention on the Rights of Persons with Disabilities: Adopted by General Assembly resolution 61/106 on 13 December 2006*. UN: official website. (In Russ.) Available from: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml.
8. *World report on disability. Summary*. World Health Organization: official website. (In Russ.) Available from: https://web.archive.org/web/20120127045351/http://www.who.int/disabilities/world_report/2011/report/ru/index.html.

9. Declaration on the Rights of Mentally Retarded Persons: Adopted by General Assembly resolution 2856 (XXVI) of December 20, 1971. UN: official website. (In Russ.) Available from: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/retarded.shtml.

10. "On the Social Protection of Disabled Persons in the Russian Federation": Federal Law dated November 24, 1995 No. 181-FL: Adopted by the State Duma on July 20, 1995: Approved by the Federation Council on November 15, 1995: latest version // ConsultantPlus: website. (In Russ.) Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8559/.

11. "On Approval of the State Program of the Russian Federation "Accessible Environment": RF Government Resolution dated March 29, 2019 No. 363: with amendments and additions that entered into force on January 1, 2026). ConsultantPlus: website. (In Russ.) Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_322085/.

12. Salamanca Declaration and Framework for Action on Special Needs Education adopted by the World Conference on Special Needs Education: Access and Quality, Salamanca, Spain, 7–10 June 1994. UN: official website. (In Russ.) Available from: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/pdf/salamanka.pdf.

13. "Labor Code of the Russian Federation" dated December 30, 2001 No. 197-FL: as amended on December 29, 2025, as amended on February 6, 2026. ConsultantPlus: website. (In Russ.) Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/.

Информация об авторах

Т. А. Нигматуллина — доктор политических наук, кандидат исторических наук, профессор, директор;

Л. О. Терновая — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры социологии и управления.

Information about the authors

T. A. Nigmatullina — Doctor of Science (Political), Candidate of Science (Historical), Professor, Director;

L. O. Ternovaya — Doctor of Science (Historical), Professor, Professor of the Department of Sociology and Management.

Статья поступила в редакцию 07.10.2025; одобрена после рецензирования 05.11.2025; принята к публикации 22.06.2026.

The article was submitted 07.10.2025; approved after reviewing 05.11.2025; accepted for publication 22.06.2026.

Вестник Башкирского института социальных технологий). 2026. № 2(71). С. 166–173
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2026;2(71):166–173

НАУЧНОЕ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО

Научная статья

УДК 371.8

doi: 10.47598/2078-9025-2026-2-71-166-173

МЕХАНИЗМ УПРАВЛЕНИЯ ДЕЦЕНТРАЛИЗОВАННОЙ СИСТЕМОЙ СЕРТИФИКАЦИИ ДОСТИЖЕНИЙ В ДОПОЛНИТЕЛЬНОМ ИТ-ОБРАЗОВАНИИ ШКОЛЬНИКОВ НА ОСНОВЕ БЛОКЧЕЙН: МОДЕЛЬ, ВНЕДРЕНИЕ И ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ

Екатерина Сергеевна Авдеева¹, Виталий Сергеевич Резник²✉

^{1,2}Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина —
филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Саратов, Россия

¹Avdeeva_ek@mail.ru

²trance963@gmail.com ✉, <https://orcid.org/0009-0008-8435-117X>

Аннотация. В статье предложен механизм управления децентрализованной системой сертификации достижений школьников в дополнительном ИТ-образовании на основе технологии блокчейн. Актуальность обусловлена ростом проектных и краткосрочных форм обучения и одновременной фрагментацией подтверждений результатов (сертификаты курсов, интенсивов, хакатонов), что снижает доверие и переносимость достижений между организациями. Цель исследования — разработать управленческую модель (участники, роли, ответственность, регламенты доступа), описать алгоритм внедрения блокчейн-системы в дополнительное образование и предложить подход к оценке эффективности на уровне образовательной организации и региональной системы. Показано, что технологическая устойчивость решения невозможна без институционального дизайна: распределения полномочий, процедур валидации и отзыва достижений, разграничения контуров данных с учетом требований к защите персональных данных несовершеннолетних. В качестве целевой архитектуры рассматривается разрешенная (*permissioned*) сеть распределенного реестра консорциумного типа, в которой образовательные организации выступают эмитентами записей, а проверяющие стороны получают доступ к подтверждению статуса достижения в формате реестровой записи. Дополнительно обоснована связь реестровой сертификации с концептом микросвидетельств, применимым к модульным результатам ИТ-обучения, и предложены управленческие метрики эффективности: снижение транзакционных издержек проверки, сокращение сроков подтверждения, повышение прозрачности и управляемости системы, а также снижение рисков фальсификации.

Ключевые слова: дополнительное образование, ИТ-образование школьников, сертификация достижений, микросвидетельства, управление образовательными данными, децентрализованная система, распределенный реестр, разрешенный блокчейн, смарт-контракты, цифровое портфолио, оценка эффективности

Для цитирования: Авдеева Е. С., Резник В. С. Механизм управления децентрализованной системой сертификации достижений в дополнительном ИТ-образовании школьников на основе блокчейн: модель, внедрение и оценка эффективности // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2026. № 2 (71). С. 166–173. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2026-2-71-166-173>.

Research article

DIGITAL CERTIFICATION GOVERNANCE MECHANISM FOR SCHOOL STUDENTS' ACHIEVEMENTS IN ADDITIONAL IT EDUCATION BASED ON BLOCKCHAIN: MODEL, IMPLEMENTATION, AND EFFECTIVENESS EVALUATION

Ekaterina S. Avdeeva¹, Vitaly S. Reznik²✉

^{1,2}Volga Region Institute of Management named after P. A. Stolypin — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Saratov, Russia

¹Avdeeva_ek@mail.ru

²trance963@gmail.com✉, <https://orcid.org/0009-0008-8435-117X>

Abstract. The article proposes a governance mechanism for a blockchain-based decentralized certification system to validate school students' achievements in additional IT education. The relevance stems from the rapid growth of project-based and short-term learning formats and the fragmentation of credentials, which undermines trust and portability across organizations. The study aims to develop a governance model (stakeholders, roles, responsibilities, access rules), describe an implementation algorithm, and propose an effectiveness evaluation framework at institutional and regional levels. It is argued that technological robustness is unattainable without institutional design: distribution of authority, validation and revocation procedures, and separation of data layers in compliance with minors' personal data protection requirements. A permissioned consortium-based distributed ledger architecture is considered, where education providers issue verifiable registry records and verifiers access credential status through controlled mechanisms. The paper also links registry-based certification with the concept of micro-credentials for modular IT learning outcomes and specifies effect metrics: reduced verification transaction costs, shorter confirmation time, improved transparency, and lower fraud risks.

Keywords: additional education, school IT education, credentialing, micro-credentials, educational data governance, decentralized system, distributed ledger, permissioned blockchain, smart contracts, digital portfolio, effectiveness evaluation

For citation: Avdeeva E. S., Reznik V. S. Digital certification governance mechanism for school students' achievements in additional IT education based on blockchain: model, implementation, and effectiveness evaluation. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social'ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2026;(2(71)):166–173. (In Russ.). <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2026-2-71-166-173>.

Введение

Дополнительное образование детей в России рассматривается как самостоятельный сегмент образовательной системы, ориентированный на самореализацию, развитие талантов и профессиональное самоопределение. В IT-направлениях дополнительного образования формируется специфический тип результата: он часто выражается не итоговой отметкой, а выполненным проектом, цифровым портфолио, участием в командной разработке, защитой решения на интенсиве или соревновании [1].

Практика показывает, что результаты дополнительного IT-обучения школьников подтверждаются множеством разнородных доку-

ментов: сертификатами прохождения курса, дипломами участия в проектной школе, свидетельствами по итогам хакатона, рекомендательными письмами, ссылками на репозиторий. При этом сертификатный контур плохо поддерживает управленческие задачи: переносимость достижения между организациями, сопоставимость результатов и быструю верификацию подлинности. В результате ценность документа для вуза или работодателя нередко определяется не содержанием, а репутацией конкретного провайдера.

Параллельно государственный контур развивает реестровую логику подтверж-

дения документов об образовании и документов об обучении: сведения фиксируются в информационных системах и предоставляются в виде проверяемых записей. На этом фоне усиливается разрыв между реестровыми механизмами формального образования и практикой дополнительного образования, где результаты чаще подтверждаются маке-

тами сертификатов без общих правил верификации [2].

Цель исследования — предложить механизм управления децентрализованной системой сертификации достижений школьников в дополнительном IT-образовании на основе блокчейна, описать алгоритм внедрения и подход к оценке эффективности.

Проблематика сертификации достижений в дополнительном IT-образовании школьников

В дополнительном IT-образовании результаты обладают рядом особенностей. Во-первых, результат микромодульный. Значимыми становятся малые достижения, такие как: завершение курса, выполнение проекта, прохождение стажировочного модуля, призовое место в соревновании. Во-вторых, доказательная база результата цифровая: код, репозиторий, демонстрация, журнал активности. В-третьих, среда многосубъектна: школа, центр дообразования, платформы, наставники, родители, внешние эксперты, организаторы мероприятий и потенциальные проверяющие (вузы, работодатели) [3].

В таких условиях возникают типовые ограничения:

1. Фрагментация критериев и несопоставимость сертификатов;
2. Высокая стоимость проверки подлинности и содержания результата;
3. Отсутствие унифицированной процедуры отзыва/замены достижения;
4. Слабая переносимость достижения при переходе между организациями и треками обучения;
5. Риски раскрытия персональных данных несовершеннолетних при публикации подтверждений.

Следовательно, задача сертификации не только технологическая, но и управленческая: требуется согласованная модель ролей, ответственности, доступа к данным и процедур жизненного цикла достижения.

Реестровая логика и микросвидетельства как рамка управленческого решения

Особое значение имеет понятие реестровой записи. Это структурированная запись о достижении, доступная для проверки по идентификатору и статусу [4].

Несмотря на то, что реестровая модель снижает транзакционные издержки, для дополнительного IT-образования школьников важна и содержательная сторона: запись должна отражать что именно подтверждается. Для этого полезно использовать концепт микросвидетельств [5], предполагающий наличие метаданных о компетенции/результате, критериях и доказательствах, а не только факта участия. Такой подход лучше соответствует модульным и проектным форматам обучения, где результаты накапливаются и формируют траекторию.

Если смотреть на задачу практически, то становится понятно, что главный вопрос здесь в следующем: сначала нужно понять, как выстроить доверие между разными участниками (между школой и центром дополнительного образования, между онлайн-платформой и организатором хакатона или региональным оператором). У них могут быть разные масштабы, разная методическая база и разный уровень цифровой готовности. Поэтому для такой среды логичнее рассматривать не полностью открытую сеть, а разрешенный консорциумный реестр. В нем участники работают по заранее принятым правилам, когда оператор отвечает за аудит и спорные ситуации. Такая технология фиксирует историю записей в правильном русле, чтобы результат нельзя было незаметно изменить задним числом [6].

Модель управления децентрализованной системой сертификации

Минимальный набор ролей должен включать:

1. Эмитент (англ. *issuer*) как образовательная организация, фиксирующая достижение в системе;

2. Валидатор (англ. *validator*) как субъект, подтверждающий соответствие результата критериям (комиссия, наставник, внешний эксперт);

3. Оператор консорциума (англ. *consortium operator*) как координирующая структура, отвечающая за правила сети, прием участников, аудит, управление инцидентами;

4. Держатель (англ. *holder*) как обучающийся, обладающий достижением;

5. Законный представитель (англ. *guardian*) как родитель/опекун, участвующий в соглашениях и управлении доступом к данным;

6. Проверяющая сторона (англ. *verifier*) как вуз, работодатель, организатор конкурса.

Ролевая модель позволяет разделить ответственность: эмитент отвечает за первичные данные, валидатор — за оценочную часть, оператор — за правила и доверенную среду, держатель и представитель — за управление раскрытием.

Кроме того, для переносимости необходим единый профиль записи. В качестве минимального стандарта могут выступать: идентификатор достижения (ID); тип результата (курс/проект/соревнование); идентификатор программы/модуля и уровень; период выполнения и дата выдачи; эмитент и валидатор (идентификаторы организаций/ролей); критерий подтверждения (кратко: «защита проекта», «итоговый тест», «экспертная оценка»); ссылка на доказательство в защищенном контуре (или его хэш); статус (действителен/отозван/заменен) [7].

Для разных типов результатов допускается расширение профиля. Например, для проектов логична фиксация типа доказательства (код/демо/протокол) и вариант учета вклада участника; для соревнований логичнее место и категория; для курса же подойдет итоговый результат и шкала.

Для устойчивости системы необходимо закрепить: ответственность эмитента за полно-

ту и корректность обязательных полей; ответственность валидатора за протокол оценивания (критерии, порог, дата защиты); обязанность оператора проводить выборочный аудит записей и мониторинг аномалий.

Практически это реализуется через пороговые правила сети. Запись о достижении считается действительной только при наличии подтверждения эмитента и валидатора. Для результатов повышенной значимости могут применяться более жесткие правила. Например, подтверждение организатора мероприятия или независимого эксперта.

С учетом требований к защите персональных данных несовершеннолетних [8] в открытый (проверяемый) контур не должны попадать избыточные сведения.

Предлагается двухконтурная схема:

1. On-chain (реестр): идентификаторы, тип результата, эмитент/валидатор, даты, статус, хэш доказательств, политика доступа;

2. Off-chain (защищенный контур): персональные данные, детальные критерии, материалы проекта, протоколы защиты, журналы активности, документы согласия законного представителя, журнал выдачи доступов.

Таким образом, реестр хранит доказуемый минимум, а детальные материалы доступны строго по правилам и соглашениям.

Для управляемой сертификации не менее важно формализовать жизненный цикл достижения: создание черновика записи (англ. *draft*); валидация (англ. *validated*) через подтверждение критериев; публикация (англ. *issued*) через доступ к записи для проверки статуса; предъявление (англ. *presented*) через держателя предоставляющего доступ проверяющей стороне; отзыв/замену (англ. *revoked/replaced*) при ошибке, нарушении, обновлении результата.

Смарт-контракт в этой схеме необходим как правило перехода между статусами. Если запись отзывается, она не должна исчезать из системы. Иначе теряется сама логика проверяемой истории. Меняется актуальный статус и основание отзыва хранится в защищенном контуре. Так можно сохранить историю результата и при этом оставить системе возможность

исправлять ошибки, спорные случаи и обновления [9].

И конечно, нужно обозначить то, как мы будем работать с доступами и согласиями. Для школьников критичен контроль раскрытия данных [10]. В управленческой модели должны быть предусмотрены:

1. Режим минимально необходимого раскрытия (проверка факта и статуса без передачи материалов);

2. Разграничение прав ученика и законного представителя (кто и какие согласия дает, кто отзывает доступ);

3. Протоколирование обращений к данным и выдачи доступов;

4. Оконная логика доступа (временный доступ проверяющей стороне) и его автоматическое завершение.

Организационно это закрепляется в регламенте обработки данных и правилах консор-

циума: без такого регламента технология не обеспечивает правомерность доступа.

Модель угроз и мер снижения рисков для дополнительного образования включает: фальсификацию результатов (подделка сертификатов, выдача без прохождения); несанкционированное раскрытие персональных данных; конфликт интересов (валидатор связан с эмитентом); ошибочные записи (неверные даты, тип результата, неверный держатель); технологические риски (сбой узла, некорректная интеграция).

Снижение рисков предлагается достигать за счет: обязательности двойного подтверждения эмитент-валидатор; аудита оператором консорциума и мониторинг аномалий; процедура апелляции и исправления ошибок с сохранением истории; регламента доступа, журналирование, регулярные проверки прав доступа; резервирования инфраструктуры и регламент восстановления [11].

Алгоритм внедрения блокчейн-системы в дополнительное IT-образование школьников

Этап 1. Нормативно-организационная подготовка: оператор/консорциум, профиль достижения, политика данных и согласий, процедура отзыва/апелляции.

Этап 2. Проектирование архитектуры и интеграций: *permissioned*-платформа, смарт-контракты, интеграция с ЛМС/учетными системами, защищенное хранилище доказательств.

Этап 3. Пилотный контур: 2–4 организации, ограниченный набор достижений (проектная

защита и интенсив/хакатон), проверка статусов/отзыва/скорости/нагрузки/согласий.

Этап 4. Масштабирование и эксплуатация: подключение по стандартной процедуре, аудит качества данных, интерфейсы для проверяющих, мониторинг метрик, корректировка регламентов.

Этап 5. Управление изменениями и подготовка персонала: обучение ролям, унификация критериев, поддержка учеников и родителей, регламент реагирования на инциденты.

Оценка эффективности системы: показатели и методика

Экономический эффект будет рассчитываться через изменение средней стоимости одной проверки до и после внедрения системы, которая определяется по формуле:

$$C_{\text{verify}} = (H_{\text{admin}} \times R_{\text{hour}} + C_{\text{infra}} + C_{\text{support}}) / V,$$

где H_{admin} — суммарные трудозатраты сотрудников на проверку и администрирование подтверждений за период;

R_{hour} — средняя стоимость часа работы сотрудника;

C_{infra} — инфраструктурные затраты;

C_{support} — затраты на сопровождение системы;

V — количество проверок за период.

При этом, экономический эффект за период рассчитаем по формуле:

$$\Delta C = (C_{\text{verify_before}} - C_{\text{verify_after}}) \times V - C_{\text{impl}},$$

где C_verify_before и C_verify_after представляют собой среднюю стоимость одной проверки до и после внедрения системы, а C_impl представляет затраты на внедрение, отнесенные к оцениваемому периоду.

Кроме финансовых метрик важно оценить T_verify — среднее время проверки и N_req — количество ручных запросов к организациям-эмитентам.

Управленческий эффект будет измеряться через показатели: $Share_std$, Err_rate , Rev_time , $Trust_use$.

Образовательный эффект будет измеряться через показатели: $Portability$, $Track_cont$, $Portfolio_use$.

Рекомендуется сочетать анализ «до/после», сравнение пилотных и непилотных организаций (квази-контрольная группа), экспертные интервью и анкетирование пользователей, аудит выборки записей. Такой дизайн позволяет отделить эффект технологии от эффекта организационных изменений и методической стандартизации [12].

Заключение

Предложенный механизм управления децентрализованной системой сертификации достижений школьников в дополнительном IT-образовании показывает, что устойчивость и полезность решения достигаются не столько выбором технологии, сколько институциональным дизайном доверия. Консорциумная *permissioned*-сеть распределенного реестра обеспечивает проверяемость и переносимость достижений, снижает транзакционные издержки проверок и формализует процедуры отзыва/замены при сохранении истории.

Ключевые условия успешного внедрения: стандартизация профиля достижения, разграничение контуров данных *on-chain/off-chain*, четкое распределение ответственности эмитент-валидатор-оператор, управляемая модель доступа с учетом персональных данных несовершеннолетних, пилотирование, обучение персонала и регулярный аудит качества данных. Предложенные метрики дают основу для управленческого решения о масштабировании системы на уровне организации и региона.

Список источников

1. «Об образовании в Российской Федерации» : Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ : Принят Государственной Думой 21 декабря 2012 года : Одобрен Советом Федерации 26 декабря 2012 года : последняя редакция // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 01.06.2026).
2. «О проведении эксперимента по формированию цифровых документов об образовании и (или) о квалификации, документов об обучении посредством модуля “Единый реестр цифровых документов об образовании” федеральной информационной системы “Федеральный реестр сведений о документах об образовании и (или) о квалификации, документах об обучении” в 2024 году» : Постановление Правительства Российской Федерации от 14.02.2024 № 173 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202402160022> (дата обращения: 01.06.2026).
3. «Об утверждении Концепции развития дополнительного образования детей до 2030 года» : Распоряжение Правительства Российской Федерации от 31.03.2022 № 678-р : ред. от 01.07.2025 // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_413581/ (дата обращения: 01.06.2026).
4. «О федеральной информационной системе “Федеральный реестр сведений о документах об образовании и (или) о квалификации, документах об обучении”» : Постановление Правительства Российской Федерации от 31.05.2021 № 825 : ред. от 01.11.2025 // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_385324/ (дата обращения: 01.06.2026).
5. Муравьева А. А., Олейникова О. Н. Микросвидетельства как альтернативные средства признания квалификаций в образовании // Образование и наука. 2024. Т. 26, № 4. С. 121–147. DOI: 10.17853/1994-5639-2024-4-121-147.
6. Алешин Т. А., Мочалов Н. Е., Швандар Д. В. Применение технологии блокчейна для электронного документооборота в компаниях, действующих в условиях коммерческой и государственной тайны // Вестник Евразийской науки. 2025. Т. 17, № 5. URL: <https://esj.today/PDF/53FAVN525.pdf> (дата обращения: 01.06.2026).

7. ГОСТ Р 59999-2025. Цифровой документооборот организации. Требования к эталонной модели. Москва : Российский институт стандартизации, 2025. 36 с. URL: <https://www.gostinfo.ru/catalog/Details/?id=7778910> (дата обращения: 01.06.2026).

8. «О персональных данных» : Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ : Принят Государственной Думой 8 июля 2006 года : Одобрен Советом Федерации 14 июля 2006 года : последняя редакция // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения: 01.06.2026).

9. Агамиров Л. В. Система управления цифровыми дипломами на основе Hyperledger Fabric / Л. В. Агамиров, В. Л. Агамиров, Н. В. Тутова и др. // Моделирование, оптимизация и информационные технологии. 2025. Т. 13, № 4. DOI: 10.26102/2310-6018/2025.51.4.053. URL: <https://moitvvt.ru/ru/journal/pdf?id=2106> (дата обращения: 01.06.2026).

10. Лескина Э. И. Информационная безопасность несовершеннолетних в аспекте функционирования цифровой образовательной среды // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2024. № 4 (59). С. 37–43. DOI: 10.17308/law/1995-5502/2024/4/37-43.

11. Жигульский И. А. Правовые и этические аспекты обеспечения безопасности персональных данных учащихся при повсеместном переходе образовательных учреждений на электронные сервисы // Управление образованием: теория и практика. 2025. Т. 15, № 7-2. С. 118–129. DOI: 10.25726/y0635-8417-0264-i.

12. Волох Т. С., Таскумбаева А. К. Актуальные проблемы и перспективы управления процессами цифровой трансформации в сфере образования // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2024. Т. 18, № 4. С. 129–139. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2024.18.4.13.

References

1. "On Education in the Russian Federation": Federal Law dated December 29, 2012 No. 273-FL: Adopted by the State Duma on December 21, 2012: Approved by the Federation Council on December 26, 2012: latest version. ConsultantPlus: legal reference system. (In Russ.). Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (date of access: June 1, 2026).

2. "On Conducting an Experiment to Generate Digital Documents on Education and (or) Qualifications, Documents on Training through the "Unified Register of Digital Documents on Education" Module of the Federal Information System "Federal Register of Information on Documents on Education and (or) Qualifications, Documents on Training" in 2024": Resolution of the Government of the Russian Federation dated February 14, 2024 No. 173. Official Internet Portal of Legal Information. (In Russ.). Available from: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202402160022> (date of access: 01.06.2026).

3. "On Approval of the Concept for the Development of Supplementary Education for Children until 2030": Order of the Government of the Russian Federation dated March 31, 2022 No. 678-r: ed.: as amended on July 1, 2025. ConsultantPlus: legal reference system. (In Russ.). Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_413581/ (date of access: June 1, 2026).

4. "On the Federal Information System 'Federal Register of Information on Education Documents and (or) Qualifications, Training Documents'": Resolution of the Government of the Russian Federation dated May 31, 2021 No. 825: as amended on November 1, 2025. ConsultantPlus: legal reference system. (In Russ.). Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_385324/ (date of access: June 1, 2026).

5. Muravyova A. A., Oleynikova O. N. Microcertificates as alternative means of recognizing qualifications in education // Education and Science. 2024;26(4):121–147. (In Russ.). DOI: 10.17853/1994-5639-2024-4-121-147.

6. Aleshin T. A., Mochalov N. E., Shvandar D. V. Application of blockchain technology for electronic document management in companies operating in conditions of commercial and state secrets. *Vestnik Evrazijskoj nauki = Bulletin of Eurasian Science*. 2025;17(s5). (In Russ.). Available from: <https://esj.today/PDF/53FAVN525.pdf> (date of access: 01.06.2026).

7. Interstate Standard R 59999-2025. Digital Document Management in an Organization. Requirements for the Reference Model. Moscow: Russian Institute of Standardization, 2025. 36 p. (In Russ.). Available from: <https://www.gostinfo.ru/catalog/Details/?id=7778910> (date of access: 01.06.2026).

8. "On Personal Data": Federal Law dated July 27, 2006 No. 152-FL: Adopted by the State Duma on 8 July, 2006: Approved by the Federation Council on 14 July 2006: latest version. ConsultantPlus: legal reference system. (In Russ.). Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (date of access: June 1, 2026).

9. Agamirov L. V. Digital diploma management system based on hyperledger fabric / L. V. Agamirov, V. L. Agamirov, N. V. Tutova, et al. *Modelirovanie, optimizaciya i informacionny`e texnologii = Modeling, Optimization, and*

Information Technology. 2025;13(4). DOI: 10.26102/2310-6018/2025.51.4.053. (In Russ.). Available from: <https://moitvvt.ru/ru/journal/pdf?id=2106> (date of access: June 1, 2026).

10. Leskina E. I. Information security of minors in the aspect of the functioning of the digital educational environment". *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Bulletin of the Voronezh State University. Series: Law*. 2024;(4(59)):37–43. (In Russ.). DOI: 10.17308/law/1995-5502/2024/4/37-43.

11. Zhigul'skiy I. A. Legal and ethical aspects of ensuring the security of students' personal data during the widespread transition of educational institutions to electronic services. *Upravlenie obrazovaniem: teoriya i praktika = Education Management: Theory and Practice*. 2025;15(7-2):118–129. (In Russ.). DOI: 10.25726/y0635-8417-0264-i.

12. Volokh T. S., Taskumbaeva A. K. Actual problems and prospects of managing digital transformation processes in education. *Nauka o cheloveke: gumanitarny`e issledovaniya = Human Science: Humanitarian Research*. 2024;18(4):129–139. (In Russ.). DOI: 10.57015/issn1998-5320.2024.18.4.13.

Информация об авторах

Е. С. Авдеева — доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры корпоративной экономики;

В. С. Резник — аспирант.

Information about the authors

E. S. Avdeeva — Doctor of Science (Economics), Associate Professor, Professor of the Department of Corporate Economics;

V. S. Reznik — a postgraduate student.

Статья поступила в редакцию 01.06.2026; одобрена после рецензирования 15.06.2026; принята к публикации 22.06.2026.

The article was submitted 01.06.2026; approved after reviewing 15.06.2026; accepted for publication 22.06.2026.

Вестник Башкирского института социальных технологий). 2026. № 2(71). С. 174–182
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2026;2(71):174–182

Научная статья
УДК 37.01:34
doi: 10.47598/2078-9025-2026-2-71-174-182

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ УЧЕБНОЙ МОТИВАЦИИ ОБУЧАЮЩИХСЯ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ: ОТДЕЛЬНЫЕ ПРАВОВЫЕ АКЦЕНТЫ

Анна Михайловна Анисимова¹, Мария Александровна Волкова²,
Иван Данилович Кочанжи^{3✉}, Наталия Александровна Пшеничникова⁴

^{1,2,3,4}Университет «Синергия», Москва, Россия

¹danissimo27@mail.ru

²Mvolkova2013@bk.ru

³89031310246@mail.ru ✉

⁴Pshenichka2@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию отдельных аспектов учебной мотивации обучающихся гражданско-правовой направленности образовательного учреждения в новейшей России. Научной базой исследования являются многочисленные научные труды отечественных и зарубежных ученых-исследователей. Научная актуальность исследования вызвана востребованностью использования научного опыта многочисленных ученых-исследователей для решения стоящих перед государством и обществом задач. В работе отражены отдельные взгляды и оценка различных исследователей по рассматриваемым вопросам в области образования и особенно института учебной мотивации.

Ключевые слова: гражданско-правовая направленность, мотив, обучающийся, образовательное учреждение, образование, профессиональное обучение, учебная мотивация

Для цитирования: Некоторые аспекты учебной мотивации обучающихся в условиях современного образовательного учреждения: отдельные правовые акценты / А. М. Анисимова, М. А. Волкова, И. Д. Кочанжи, Н. А. Пшеничникова // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2026. № 2 (71). С. 174–182. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2026-2-71-174-182>.

Research article

SOME ASPECTS OF EDUCATIONAL MOTIVATION OF STUDENTS IN A MODERN EDUCATIONAL INSTITUTION: SEPARATE LEGAL ACCENTS

Anna M. Anisimova¹, Mariya A. Volkova², Ivan D. Kochanzhi^{3✉}, Nataliya A. Pshenichnikova⁴

^{1,2,3,4}Synergy University, Moscow, Russia

¹danissimo27@mail.ru

²Mvolkova2013@bk.ru

³89031310246@mail.ru ✉

⁴Pshenichka2@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the study of certain aspects of the educational motivation of students of a civil law educational institution in modern Russia. The scientific basis of the research is the numerous scientific works of domestic and foreign research scientists. The scientific relevance of the research is caused by the demand for using the scientific experience of numerous research scientists to solve the

tasks facing the state and society. The work reflects the individual views and assessments of various researchers on the issues under consideration in the field of education and especially the institute of educational motivation.

Keywords: civil law orientation, motive, student, educational institution, education, vocational training, educational motivation

For citation: Some aspects of educational motivation of students in a modern educational institution: separate legal accents / A. M. Anisimova, M. A. Volkova, I. D. Kochanzhi, N. A. Pshenichnikova. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2026;(2(71)):174–182. (In Russ.). <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2026-2-71-174-182>.

*Жажда знаний есть плод долгих лет учения.
Оскар Уайльд*

Актуальность научных исследований по вопросам института учебной мотивации обучающихся по-прежнему сохраняет свою высокую научную и практическую значимость. Большое количество ученых и исследователей уделили много внимания изучению и исследованию института учебной мотивации [1–15] в таком объеме, что это вызывало необходимость обобщения авторами многочисленной литературы с целью дальнейшего изучения и раскрытия института учебной мотивации в более широком смысле, а также актуализации представленной тематики с применением массива научных публикаций самых различных ученых и исследователей с целью подробного уяснения их содержания и смысла, а также объективной оценки для последующего использования.

Вопросы учебной мотивации обучающихся в образовательной деятельности по-прежнему являются актуальными как для педагогики, так и для других сфер наук. Многообразие идей и мнений наглядно и обоснованно подтверждаются в трудах ученых и исследователей [1–15].

По мнению авторов, учебная мотивация представляет особую научно-практическую ценность как для науки, образования, так и для разрешения государственных и общественных задач, в соответствии с Федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ [16].

Вместе с тем, учитывая важность и огромную научную значимость представленных научных работ [1–15], они, по мнению авторов научного исследования, имеют несколько объемный, формализовано-абстрактный, философско-психологический характер, что не всег-

да дает возможность непосредственно выделить и закрепить конкретные результаты по исследуемому научному направлению. Отсюда авторами предопределяется необходимость проведения отдельного авторского научного исследования.

Помимо этого также необходимо отметить, что постоянно происходят изменения в российском законодательстве в области образования, поскольку реальность сложных российских условий такова, что она диктует нам новые правила и установленные требования с целью их разрешения не только самим государством, но также и посредством задействования общества, педагогических работников и самих обучающихся.

Кроме того, отмеченные выше научные труды многочисленных авторов по данной тематике указывают путь, направленный на постановку новых целей и задач, их детальное исследование, дальнейшую объективную оценку, с необходимостью изучения и трактовки новых понятий, характеристик и особенностей института учебной мотивации обучающихся для их последующего закрепления и практического применения. Все это в дальнейшем будет способствовать применению приобретенных теоретических знаний и практических навыков по непосредственному использованию их в области образовательной деятельности в качестве «специального учебного инструмента», необходимого для обеспечения высокоэффективного учебного процесса посредством использования института учебной мотивации.

Как известно, мотивация в широком смысле является одним из движущих факторов положительного и успешного обучения и подготовки обучающихся и переподготовки кадров.

При этом мотивация как механизм внутреннего и внешнего побуждения не сохраняется на одном и том же месте, поскольку в зависимости от различных факторов как чувствительный элемент она может постоянно видоизменяться, переходя то в нижнюю критическую точку, то в верхнюю. Мотивация постоянно подвергается трансформации, вольно и невольно воздействуя на поведение как отдельно обучающегося, так и на коллектив обучающихся. Все это позволяет сделать вывод, что на начальном этапе обучения у обучающегося очевидно одна мотивация — мотивация к обучению, а на последнем курсе, возможно, уже другая мотивация, в зависимости от осознания правильности выбора будущей деятельности или же ее ошибочности, а также других объективных и субъективных факторов.

Как известно, поворотным моментом в жизни первокурсника является то, что с момента поступления в учебное заведение у него формируется и закладывается внутреннее желание побыстрее ассимилироваться в совершенно новый социальный общественно-учебный коллектив, причем без особых душевных переживаний и волнений и тем самым стараться успешно осваивать учебно-образовательные программы, для эффективной подготовки себя как будущего специалиста. Особенно ярко это прослеживается относительно подготовки будущих юристов.

Вместе с тем неправильное представление, ошибочная уверенность, приведшая

к определенной неадекватности понимания целей и задач обучения, могут стать причинами не только разочарований, но и плохой успеваемости, а затем и отчисления из учебного заведения, что, разумеется, представляет общественно-экономическую, особенно в нынешних реалиях, проблему, где каждый специалист и работник важен и ценен для государства и общества. Следовательно, мотивационная составляющая сегодняшнего обучающегося, и особенно будущих юристов, представляет собой одну из серьезных проблем как в общественно-социальном, экономическом, педагогическом, так и в правовом смысле. Указанная проблема будет успешно разрешена или хотя бы минимизирована, когда она будет разрешаться всесторонне и комплексно. Российская образовательная действительность требует одновременного многопланового разрешения существующих вопросов с обязательным привлечением государства, общества и семьи для того, чтобы в согласительном порядке, с учетом мнений и предложений всех сторон, вопрос образования и образовательной деятельности обучающихся обеспечивал бы достижения высокопрофессионального уровня специалистов и результативности будущих кадров, и особенно подготовки будущих юристов, что имеет важное значение для любого государства в рамках формирования и функционирования его правовой системы.

Материалы и методы исследования

Объектом научно-исследовательской работы является действующая образовательная система обучения и подготовки обучающихся в образовательных учреждениях России.

Предметом научного исследования в рамках заявленного научного исследования являются: общий уровень и степень мотивированности к учебе обучающихся; условия и средства развития учебно-профессиональной мотивации у обучающихся средне-профессионального образования в рамках подготовки будущих юристов.

Для научного анализа и раскрытия в представленном авторском исследовании отдельных существенных характеристик и особенностей

института учебной мотивации целью является изучение ранее опубликованных научных публикаций многочисленных авторов по данной тематике, позволяющее выявить особенности и специфику института учебной мотивации. Требуется провести предварительный анализ мотивации обучающегося, выявить факторы, способствующие повышению степени активности мотивационных составляющих обучающихся и, наоборот, фазы пассивности, инфантильности, бездеятельности, когда степень так называемой в данном случае мотивации попросту равна нулю или же вовсе является отрицательной. Для этого необходимо изучить закономерности и процесс изменения мотивации

вазии в образовательной среде при осуществлении учебно-образовательной деятельности обучающихся.

Для достижения цели были поставлены следующие общие задачи: изучение многоаспектности природы института мотивации и прежде всего отдельных элементов, таких как причин и обстоятельств, препятствий, а также некоторых проблем, которые носят злободневный и принципиальный характер как в образовательной, социальной, так и в общественной жизни общества и государства, отчего заяв-

ленное научное исследование, вероятно, потребует своего дальнейшего развития с помощью научных разработок многих других ученых и исследователей.

Для выполнения намеченных задач, авторами применены следующие методы: общенаучные методы познания, наблюдение, синтез, моделирование, имеющее функциональное значение при разработке подобного направления научной работы. Логический метод и метод функционального анализа характеризуют многосторонность и целостность научной работы.

Результаты исследования и обсуждение

Подвергая анализу и оценке разнообразные научные доктрины и концепции в области учебной мотивации обучающихся, авторы пришли к единому мнению, что они представляют собой открыто выраженный научно-дискуссионный характер, что предопределяет дальнейшее продолжение проведения научно-исследовательской деятельности по данной научной тематике, носящей многоаспектный характер.

Как и всякое слово, понятие, мотивация имеет свое начало, а также свою историю происхождения.

Первым исследователем в вопросах познания и раскрытия сущности поведенческих действий человека в социуме принято считать величайшего ученого Аристотеля. По его мнению, человек как существо социальное постоянно «куда-то устремляет свой взгляд», всегда он движим к своей, порою необъяснимой цели, которая характеризуется как побудительными положительными свойствами, так и отрицательными, порождающими как радость, так и горечь.

Примечательно, что в русском языке в древние времена мотивация вовсе не была известна и никак не использовалась.

Если же общаясь друг с другом люди, заинтересованные в общих делах, связанные взаимными симпатиями и уважением, вдруг впадали во внутреннее душевное состояние, подталкивающее совершить определенное положительное действие во имя других, как очень важное, потребное, так и чрезвычайно опасное для совершаемого лица, которое в той или

иной мере облегчило бы жизнь близких, а может быть и вовсе их спасло бы, то считалось, что такой человек «чистый душою и бескорыстен собою».

Непосредственно использовать мотивацию на Руси начали богатые люди в начале XVIII в. для объяснения степени состояния человеческого настроения, и она употреблялась в понимании как мотивация себя.

Термин «мотивация» берет свое начало от термина «*movere*», то есть движение, пробуждение и впервые был введен в понятийный аппарат в начале XIX в. А. Шопенгауэром в статье «Четыре принципа достаточной причины». Мотивацию, согласно А. Шопенгауэру, можно истолковать как некую побуждающую, подталкивающую причину, формируемую внутри самого человека и «вырывающуюся не только из внутренних его душевных недр», но и также из «заложенной божественной силы», выраженной в облике и характере человека.

Под мотивацией понималось то, что движет живым существом, является причиной человеческого поведения [1, 2, 9]. Мотивация является механизмом установления иницирующих к действию факторов, проходящих через сознание человека.

Мотивация имеет в основе слово «мотив», но понятия «мотивация» и «мотив» имеют разный смысл и их не следует отождествлять, поскольку «мотив» — это именно тот конкретный материальный предмет, вещь, иное имущество, на что направлена воля человека, результатом которого являются обычно материальные блага как потребности, которые наглядно показа-

ны в многостраничном научном исследовании А. Маслоу «Мотивация и личность» [12].

Поскольку понятие «мотивация» имеет широкий смысл и применяется в различных направлениях видов деятельности, то логично при трактовке понятия «мотивация», исходя из разных направлений, предметы данного понятия также различные, утверждать его критерием разграничения многочисленных особенностей и признаков при исследовании общего понятия «мотивация».

Содержательное определение для оценки понятия «мотивация» дает А. А. Леонтьев через характеристику понятия «мотив», а именно, — это те внутренние силы, которые связаны с потребностями личности и побуждают ее к определенной деятельности, свойство, которое приобретает в конкретной ситуации материальный или идеальный предмет, на который направлена деятельность и ради которого она осуществлялась [9].

Однако, здесь необходимо отметить, что степень мотивации обучающегося, как принято большинством мнений, зависит не только от отношения к обучающемуся со стороны руководства образовательного учреждения, педагогов и одноклассников-студентов, но и от самого обучающегося: насколько он будет как личность активным в учебе и в общественной жизни образовательного учреждения, как он будет целеустремлен, ответственен и насколько он будет «гореть желанием учиться» и добиваться намеченных целей.

Многочисленные трактовки понятий «мотивация» и «мотив» представлены в научных трудах исследователей [1–15].

Так, под мотивацией понимают совокупность побудительных психических процессов, обуславливающих поведение живого организма. В свою очередь мотив — это то, что побуждает деятельность человека, ради чего она совершается. В широком смысле к мотивам в психологии относят потребности и инстинкты, влечения и эмоции, установки и идеалы.

По трактовке Г. М. Коджаспировой, мотивация — это вся совокупность стойких мотивов, побуждений, определяющих содержание, направленность и характер деятельности личности, ее поведения. Мотив — субъективная причина (осознанная или неосознанная) того или

иного поведение, действия человека, психическое явление, непосредственно побуждающее человека к выбору того или иного способа действия и его осуществлению [6].

В словаре Д. Н. Ушакова понятие «мотивация» раскрывается в двух смыслах: 1) система доводов, аргументов в пользу чего-нибудь, мотивировка; 2) совокупность мотивов, обуславливающих тот или иной поступок.

По мнению Д. Н. Ушакова, мотив — это довод в пользу чего-нибудь [15].

Как видно из приведенного выше, понятие «мотив» является основой понятия «мотивация», что предопределяет необходимость формулировки понятия «мотив» как первопричины, имеющей различную природу возникновения и требующей уяснения его смысла с подачи определений и других ученых и исследователей [3–14].

В настоящее время мотивация и мотив как научные понятия употребляются в нескольких областях наук: в социологии, психологии, педагогике и др.

Исходя из заявленной темы научной работы, авторы в большей степени нацелены на использование понятия «мотивация» в педагогическом смысле, поскольку мотивация и учебная мотивация имеют несколько разные содержание и смысл.

Учебная мотивация как образовательная категория представляет собой процессы, средства и методы побуждения учащихся к познавательной деятельности, деятельности по освоению сути образования. Истолковывая данную трактовку, учебная мотивация воспринимается как совокупность внешних и внутренних факторов, способствующих активизации обучающегося с целью направления его активной воли на обучение, получение знаний и приобретение навыков в образовательном учреждении. Таким образом, мотивация — это внутренний, «подсказывающий стержень», постоянно движущий субъект к определенным целям путем совершения им действий, поступков и юридических актов, порождающих возникновение субъективных прав и субъективных обязанностей.

В настоящее время смена государственной образовательной парадигмы, трансформации в структуре и содержании российского обра-

зования, развитие новой методологии в образовательной деятельности направлены на устранение допущенных ранее государством ошибок и «популистских нововведений», якобы способствующих, по мнению определенных заинтересованных кругов и лиц, интеграции российского образования в мировое образовательное пространство.

В современных условиях, при совершении государством «разворота назад», система образования начинает выдвигать и предъявлять принципиально новые требования к обучению, а также к уровню подготовки будущих специалистов.

Действующая система среднего профессионального образования призвана обеспечить подготовку высококвалифицированных специалистов, в том числе и подготовку будущих руководителей, которые, обладая необходимыми теоретическими знаниями и практическими навыками, полученными в образовательном учреждении, должны уметь их применять на практике в трудовых коллективах. Для этого обучающийся должен обладать высокой познавательной активностью, усердием, работоспособностью и любовью к своей будущей профессии.

Впоследствии будущие специалисты должны систематически работать над собой, профессионально совершенствуясь, устраняя выявленные ошибки при осуществлении своей профессиональной деятельности, доводя саморазвитие до такого уровня, при котором специалист будет способен не только адаптироваться в быстроизменяющихся условиях современного высокотехнологического производства, но и сам станет одним из субъектов подобной динамично развивающейся сферы, требующей не только применения в образовательном учреждении полученных знаний и навыков, но и способности генерировать новые подходы, идеи и другие творческие решения, без которых сегодняшний динамично развивающийся мир не может развиваться высокоэффективно. Только благодаря мотивации человека и специалиста, порождающей у него внутренний порыв, любовь к своей профессии и патриотизм, мы можем быть уверены, что наша страна будет успешно развиваться, приумножать свои достижения благодаря вы-

сокому уровню подготовки мотивированных кадров, нацеленных на достижение высоких результатов, при непосредственной реализации и применении образовательной системы среднего и высшего профессионального образования, которая и призвана решать важную государственную задачу в соответствии с Федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации» [16].

В связи с этим, по мнению авторов, к выпускникам должны быть предъявлены предельно серьезные требования, где особое место занимают профессионализм, компетентность, деловые качества, нравственность, ответственность, способность быстро реагировать на какие-либо внутренние и внешние факторы, способность, порою экстренно, принимать в максимально сложных условиях адекватные и осознанные решения, готовность нести ответственность за принятые решения. Указанные качества необходимо прививать будущим специалистам с самого начала подготовки и обучения в образовательном учреждении, благодаря сформировавшемуся институту учебной мотивации.

Для максимального раскрытия внутреннего мотивационного потенциала личности обучающихся образовательных учреждений ставится сверхважная задача — выстраивать учебно-научную и воспитательную деятельность в учреждении таким образом, чтобы мотивационные ресурсы обучающихся были направлены на достижение высоких результатов в учебе. На наш взгляд только такая обеспечительная мера образовательных учреждений может дать положительные результаты и гарантировать достижение вышеуказанных задач в рамках образовательной деятельности.

Представленные требования предопределили целесообразность создания благоприятных условий в процессе обучения в образовательных учреждениях, необходимых для формирования у учащихся высокой степени профессиональной мотивации как гарантии по достижению высоких результатов.

В настоящее время учебная мотивация как институт образовательной системы является особо актуальной, находящейся в центре внимания как государства, так и общества, так как мотив является главным источником дея-

тельности обучающегося, выполняющим побудительную функцию и служащим главным, эффективным инструментом, на котором держится и функционирует вся система образования. Следовательно, каждый педагог должен обладать необходимыми знаниями о мотивах поведения каждого обучающегося, исходя из его личностных потребностей и интересов.

Формирование учебной мотивации у обучающихся образовательного учреждения является самой главной задачей, а при невозможности ее полнейшего разрешения становится основной проблемой развития современного образования.

Становление и развитие учебно-образовательной мотивации у обучающихся на сегодня носит не только актуальный, но и злободневный характер, затрагивающий интересы родителей, образовательных учреждений, самих обучающихся и общества в целом, существенным образом влияющий на уровень учебно-образовательной подготовки, особенно обучающихся младших курсов

Характерной особенностью сегодняшней учебно-образовательной деятельности является очень объемное и разностороннее содержание учебных программ. В силу большой учебной нагрузки досконально ее изучить и закрепить в рамках аудиторных работ не всегда удается полностью, а отсюда наблюдается и невысокая результативность. Возникает вопрос, а как быть с тем объемом материала, который не удалось «пройти» на текущих занятиях? Ответ здесь прост и однозначен — не освоенный аудиторно материал обучающийся изучает в рамках самостоятельной работы, то есть в домашних условиях. И в этой ситуации встает очередной вопрос, как без контроля педагога, администрации образовательного учреждения, порою и родителей приучить, заинтересовать обучающегося выполнять самостоятельную работу во внеаудиторных условиях. Необходимо выработать высокую степень мотивации у обучающегося, которая по аналогии с институтом дееспособности предполагает осознание фактического характера совершаемых действий и способность ими руководить.

Все обучающиеся являются дееспособными или частично дееспособными, в силу недостижения возраста 18 лет, они могут заключать любые не запрещенные действующим ГК РФ сделки, а лица в возрасте от 14 до 18 лет должны получить на это также письменное согласие своих законных представителей. Поскольку, согласно общему правилу, лица указанных возрастов, сами, самостоятельно определяют свою волю как внутреннее желание лица совершать определенные действия, то есть сделку, приобретая таким образом субъективные права и субъективные обязанности, то если можно предположить и рассматривать «самостоятельную работу» как «механизм аналогичной сделки», то и в данном случае должны создаваться субъективные права и субъективные обязанности, как при «активном» совершении действий, направленных на выполнение самостоятельной работы, так и при «пассивном» совершении действий, выражающихся в невыполнении данной работы, где наглядным образом демонстрируется общее правило: «Каждому праву противостоит строго определенная обязанность и каждой обязанности корреспондируется право. Как не бывает права без обязанностей, так и не бывает обязанности без прав».

Применение данной аналогии через механизм «сделка» позволило авторам прийти к заключению, что необходимо предоставлять обучающимся не только права на реализацию своего субъективного права на получение образования, но и обязанность выполнить все требования учебной программы и не нарушать действующее федеральное законодательство об образовании и локальные акты образовательного учреждения.

Обозначенные авторами проблемы будут успешно разрешены или хотя бы минимизированы, когда они будут разрешаться всесторонне и комплексно, с обязательным привлечением к их решению государства, общества и семьи, для того, чтобы в согласительном порядке, с учетом мнений и предложений всех сторон, образовательная деятельность обучающихся обеспечивала достижение высокого профессионального уровня и результативности будущих специалистов и кадров в различных сферах деятельности.

Список источников

1. Алексеева Л. В. Мотивация и эмоции : учебное пособие. Тюмень : Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2011. 427 с. : ил.
2. Бадмаева Н. Ц. Влияние мотивационного фактора на развитие умственных способностей. Улан-Удэ : ВСГТУ, 2005. 203 с. : ид.
3. Ведута О. В., Формирование учебной мотивации студентов учреждений среднего профессионального образования технического профиля : автореферат дис. ... кандидата педагогических наук: 13.0.01 Тюменский гос. ун-т, 2011. 25 с.
4. Гараева Е. А. Историко-педагогический анализ идей стимулирования и мотивации учебной деятельности в трудах отечественных педагогов конца IX — начала XX вв. // Современные наукоемкие технологии. 2022. № 11. С. 112–116. DOI: 10.17513/snt.39405.
5. Ильин Е. П. Мотивация и мотивы. СПб. : Питер, 2002. 512 с. : ил. (Мастера психологии).
6. Коджаспирова Г. М., Коджаспиров А. Ю. Педагогический словарь : для студентов высших и средних педагогических учебных заведений. Москва : Academia, 2003. 176 с.
7. Крылова М. Н. Способы мотивации учебной деятельности студентов вуза // Перспективы науки и образования. 2013. № 3(3). С. 86–91.
8. Леванова А. Е. Урайская И. Н. Формирование у студентов мотивации к обучению // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2013. № 3 (11). С. 121–126. EDN: RDYUKZ.
9. Леонтьев А. А. Что такое деятельностный подход в образовании? // Начальная школа: плюс-минус. 2001. № 1. С. 3–6.
10. Макклелланд Д. Мотивация человека / пер. с англ. А. Богачев и др. Москва и др. : Питер, 2007. 669 с. : ил. (Мастера психологии).
11. Малашонок Н. Г., Семенова А. А., Терентьев Е. А. Учебная мотивация студентов российских вузов: возможности теоретического осмысления // Вопросы образования. 2015. № 3. С. 92–120.
12. Маслоу А. Г. Мотивация и личность / пер. с англ. Т. Гутман, Н. Мухина. 3-е изд. Москва и др. : Питер, 2003. 351 с. (Мастера психологии).
13. Мормужаева Н. В. Мотивация обучения студентов профессиональных учреждений // Педагогика: традиции и инновации : материалы IV Международной научной конференции, Челябинск, 20–23 декабря 2013 г. Казань : Молодой ученый, 2013. С. 160–163.
14. Соколова Л. А. Формирование учебной мотивации: от древности до современности // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2012. № 6. С. 115–124. DOI: 10.17513/snt.39405.
15. Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка : 100 000 слов и словосочетаний. Москва : Аделант, 2014. 799 с.
16. «Об образовании в Российской Федерации» : Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ : Принят Государственной Думой 21 декабря 2012 года : Одобрен Советом Федерации 26 декабря 2012 года : редакция от 15.10.2025 // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации : официальный сайт. URL: https://legalacts.ru/doc/273_FZ-ob-obrazovanii/ (дата обращения 23.01.2026).

References

1. Alekseeva L. V. Motivation and emotions: a textbook. Tyumen: Publishing house of Tyumen State University; 2011. 427 p.: ill. (In Russ.).
2. Badmaeva N. Ts. Influence of motivational factor on development of mental abilities. Ulan-Ude: VSGTU; 2005. 203 p.: ill. (In Russ.).
3. Veduta O. V. Formation of educational motivation of students of secondary vocational education institutions of technical profile: Abstract of Dissertation ... Candidate of Pedagogical Sciences: 13.0.01. Tyumen State University; 2011. 25 p. (In Russ.).
4. Garaeva E. A. Historical and pedagogical analysis of ideas of stimulation and motivation of educational activity in the works of domestic educators of the late 9th — early 20th centuries. *Sovremennyye naukoemkie texnologii = Modern science-intensive technologies*. 2022;(11):112–116. (In Russ.).DOI: 10.17513/snt.39405.
5. Ilyin E. P. Motivation and Motives. St. Petersburg: Piter; 2002. 512 p.: ill. (Masters of Psychology). (In Russ.).
6. Kodzhaspirova G. M., Kodzhaspirov A. Yu. Pedagogical Dictionary: for students of higher and secondary pedagogical educational institutions. Moscow: Academia; 2003. 176 p. (In Russ.).
7. Krylova M. N. Methods of Motivating the Academic Activity of University Students. *Perspektivy nauki i obrazovaniya = Prospects of Science and Education*. 2013;(3(3)):86–91. (In Russ.).

8. Levanova A. E., Uraiskaya I. N. Formation of Students' Motivation to Learn. *Professional`noe obrazovanie v Rossii i za rubezhom = Professional Education in Russia and Abroad*. 2013;(3(11)):121–126. (In Russ.). EDN: RDYUKZ.
9. Leontiev A. A. What is an Activity-Based Approach in Education? *Nachal`naya shkola: plus-minus = Primary School: Plus-Minus*. 2001;(1):3–6. (In Russ.).
10. McClelland D. Human Motivation / translated from English by A. Bogachev et al, Moscow [at all.]: Piter; 2007. 669 p., ill. (Masters of Psychology). (In Russ.).
11. Malashonok N. G., Semenova A. A., Terentiev E. A. Academic Motivation of Students at Russian Universities: Possibilities of Theoretical Understanding. *Voprosy` obrazovaniya = Educational issues*. 2015;(3):92–120. (In Russ.).
12. Maslow A. G. Motivation and Personality / translated from English by T. Gutman, N. Mukhina. 3rd ed. Moscow [at all.]: Piter; 2003. 351 p. (Masters of Psychology). (In Russ.).
13. Mormuzhaeva N. V. Motivation for Learning of Students of Professional Institutions. *Pedagogika: tradicii i innovacii : materialy` IV Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Chelyabinsk, 20–23 dekabrya 2013 g. = Pedagogy: Traditions and Innovations: Proceedings of the IV International Scientific Conference, Chelyabinsk, December 20–23, 2013*. Kazan: Young Scientist; 2013. P. 160–163. (In Russ.).
14. Sokolova L. A. Formation of Academic Motivation: From Antiquity to the Present Day. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Bulletin of the Chelyabinsk State Pedagogical University*. 2012;(6):115–124. (In Russ.).DOI: 10.17513/snt.39405.
15. Ushakov D. N. Explanatory dictionary of the modern Russian language: 100,000 words and phrase combinations. Moscow: Adelant; 2014. 799 p. (In Russ.).
16. "On Education in the Russian Federation": Federal Law dated December 29, 2012 No. 273-FL: Adopted by the State Duma on December 21, 2012: Approved by the Federation Council on December 26, 2012: version on October 15 2025. Laws, Codes, and Normative-Legal Acts of the Russian Federation: official website. (In Russ.). Available from: https://legalacts.ru/doc/273_FZ-ob-obrazovanii/ (accessed 23.01.2026).

Информация об авторах

A. M. Анисимова — кандидат юридических наук, доцент кафедры правового регулирования бизнеса и прикладной юриспруденции;

M. A. Волкова — кандидат исторических наук, доцент кафедры правового регулирования бизнеса и гражданского судопроизводства;

I. D. Кочанжи — кандидат исторических наук, доцент кафедры правового регулирования бизнеса и гражданского судопроизводства;

N. A. Пшеничникова — старший преподаватель кафедры правового регулирования бизнеса и гражданского судопроизводства.

Information about the authors

A. M. Anisimova — Candidate of Science (Law), Associate Professor in the Department of Legal Regulation of Business and Applied Jurisprudence;

M. A. Volkova — Candidate of Science (Historical), Associate Professor in the Department of Legal Regulation of Business and Civil Procedure;

I. D. Kochanzhi — Candidate of Science (Historical), Associate Professor in the Department of Legal Regulation of Business and Civil Procedure;

N. A. Pshenichnikova — Senior Lecturer of the Department of Legal Regulation of Business and Civil Procedure.

Статья поступила в редакцию 27.01.2026; одобрена после рецензирования 18.02.2026; принята к публикации 22.06.2026.

The article was submitted 27.01.2026; approved after reviewing 18.02.2026; accepted for publication 22.06.2026.

ЦЕНТР UNEVOC В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НА БАЗЕ БИСТ (ФИЛИАЛА) ОУП ВО «АТИСО»

Научная статья
УДК 377:327(470)
doi: 10.47598/2078-9025-2026-2-71-183-188

**СЕРТИФИКАЦИЯ ПРОГРАММ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ
ПО РЕКОМЕНДАЦИЯМ UNESCO-UNEVOC
КАК РЕАЛИЗАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКИ**

Танзиля Алтафовна Нигматуллина¹, Наталья Георгиевна Курамшина²

^{1,2}Башкирский институт социальных технологий (филиал) Академии труда и социальных отношений, Уфа, Россия

¹ufabist@ufabist.ru

²n-kuramshina@mail.ru

Аннотация. В работе представлена характеристика создания и значение сети ЮНЕВОК для решения глобальных задач устойчивого развития мира через совершенствование технического и профессионального образования. Одной из задач Центра ЮНЕВОК в Российской Федерации на базе БИСТ (филиала) ОУП ВО «АТИСО» является организация и проведение сертификации по ЮНЕВОК в образовательных учреждениях России и СНГ. Сертификация программ центрами ЮНЕВОК означает подтверждение их соответствия международным стандартам и практикам в сфере образования, что повышает качество и признание этих программ на национальном и международном уровнях.

Ключевые слова: Центр ЮНЕВОК, сертификация образовательных учреждений по ЮНЕВОК, профессиональное образование, реформирование национальных образовательных систем, качественное образование для устойчивого развития

Для цитирования: Нигматуллина Т. А., Курамшина Н. Г. Сертификация программ профессионально-технического образования по рекомендациям UNESCO-UNEVOC как реализация международной политики // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2026. № 2 (71). С. 183–188. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2026-2-71-183-188>.

BASHKIR INSTITUTE OF SOCIAL TECHNOLOGIES (BRANCH) EDUCATIONAL INSTITUTION
OF THE TRADE UNIONS OF HIGHER EDUCATION
"ACADEMY OF LABOR AND SOCIAL RELATIONS" UNEVOC CENTER

Research article

**CERTIFICATION OF VOCATIONAL AND TECHNICAL EDUCATION PROGRAMS
ACCORDING TO THE RECOMMENDATIONS OF UNESCO-UNEVOC
AS A REALIZATION OF INTERNATIONAL POLICY**

Tanzilya A. Nigmatullina¹, Natalia G. Kuramshina²

^{1,2}Bashkir Institute of Social Technologies (branch) of the Academy of Labor and Social Relations, Ufa Russia

¹ufabist@ufabist.ru

²n-kuramshina@mail.ru

Abstract. The paper presents the characteristics of the creation and significance of the UNEVOC network for solving global sustainable development challenges through improving technical and vocational education. One of the tasks of the UNEVOC Center at BIST is to organize and conduct UNEVOC certification

in educational institutions in Russia and the CIS. Certification of programs by UNEVOC centers means confirming their compliance with international standards and practices in the field of education, which enhances the quality and recognition of these programs at the national and international levels.

Keywords: UNEVOC Center, certification of educational institutions by UNEVOC, professional education, reform of national educational systems, and quality education for sustainable development

For citation: Nigmatullina T. A., Kuramshina N. G. Certification of vocational and technical education programs according to the recommendations of UNESCO-UNEVOC as a realization of international policy. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2026;(2(71)):183–188. (In Russ.). <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2026-2-71-183-188>.

Сеть ЮНЕВОК была создана в 1992 году. В классическом смысле центры сети — это не вузы, а институты, занимающиеся профессионально-техническим образованием и подготовкой кадров. Они могут быть представлены университетами, научно-исследовательскими институтами, национальными органами, регламентирующими органами или поставщиками образовательных услуг.

В мире работают более 250 центров всемирной сети ЮНЕВОК, в том числе пять образовательных учреждений в России. Ее деятельность фокусируется на техническом и профессиональном образовании и обучении (TVET), а не на высшем образовании в традиционном понимании [1–2].

Центры ЮНЕВОК — это институты, которые входят в глобальную сеть ЮНЕСКО и работают над развитием национальных систем профессионально-технического образования. В доступных источниках нет статистики о динамике присоединения вузов или учреждений к сети ЮНЕВОК в ЕС и СНГ. Однако известно, что по состоянию на ноябрь 2021 года в категории «Европа, СНГ и Северная Америка» насчитывалось 50 центров ЮНЕВОК [3].

В СНГ Национальный центр ЮНЕСКО-ЮНЕВОК в Российской Федерации, созданный в 1994 году, выступает координатором усилий профессионального сообщества стран СНГ по развитию системы профессионального образования и подготовки кадров в русскоязычных странах.

Следует отметить, что пересмотренные Рекомендации ЮНЕСКО о техническом и профессиональном образовании (2001) определяет техническое и профессиональное образование (ТПО) как всеобъемлющий термин, который ссылается на аспекты образовательного процесса, включающие, помимо общего образования, изучение технологий и смежных наук, а также приобретение практических умений,

установок, понимания и знаний, касающихся занятий в различных секторах экономической и социальной жизни.

Конвенция ЮНЕСКО по техническому и профессиональному образованию (принята на Генеральной конференции ЮНЕСКО в 1989 г.) добавляет к рекомендации, что ТПО «распространяется на все формы и уровни технического и профессионального образования, которые обеспечиваются в учебных заведениях или через совместные программы, организованные совместно образовательными учреждениями, с одной стороны, и промышленными, сельскохозяйственными, коммерческими и другими организациями, связанными с миром труда» [4].

В настоящее время ТПО определено как одно из четырех приоритетных направлений образовательной программы ЮНЕСКО и является неотъемлемой частью инициативы образования для всех. Благодаря своей ориентации на мир труда и приобретение умений, ТПО играет важную роль в содействии экономическому росту страны и внесении вклада в сокращение нищеты. Руководствуясь этой стратегией, деятельность ЮНЕВОК направлена на продвижение ТПО и развитие умений для мира труда в более широких рамках обучения в течение всей жизни.

Глобальный рост «зеленой» программы во многих странах указывает на необходимость в ТПО продвижения подготовки специалистов в области развития технологий с низким содержанием углерода и устойчивых к изменению климата.

В рамках Десятилетия ООН по образованию для устойчивого развития (ОУР) (2005–2014), и одним из ключевых приоритетов ЮНЕСКО-ЮНЕВОК «озеленение» ТПО является необходимостью для зеленой экономики, общества и окружающей среды.

ЮНЕВОК запустил Межведомственную рабочую группу по «озеленению» ТПО и развитию умений в 2012 году. Эта группа объединяет международные организации и соответствующие заинтересованные стороны для решения проблем устойчивого развития в ТПО [5].

Сеть ЮНЕВОК — одна из флагманских программ и играет важную роль в производстве. Она связывает учреждения, распространение исследований и публикаций по всему миру. Центры ЮНЕСКО-ЮНЕВОК располагают более 2500 экспертов ТПО из более 170 стран, а также представителей региональных и международных организаций и их количество все увеличивается [6].

В рамках Петербургского Международного экономического форума 2025 тема ООН прозвучала в контексте устойчивого развития и реформ многосторонних институтов.

Современный этап развития нашего общества характеризуется актуальностью пересмотра глобальной финансовой архитектуры и перехода к зеленым инвестициям. При этом образование, как высший приоритет ЮНЕСКО и является одним из основных прав человека и фундаментом мира и устойчивого развития.

В глобальной повестке в области образования ЮНЕСКО поручено руководство повесткой «Образование 2030», что имеет очень большое значение для достижения целей устойчивого развития (ЦУР). Содержание ЦУР отражает общую направленность повестки дня ключевых международных институтов глобального управления («Группа двадцати» и БРИКС) по обеспечению сильного, устойчивого и сбалансированного экономического роста [7].

В Российской Федерации международный Центр ЮНЕВОК открыт на базе Башкирского института социальных технологий (филиала) Образовательного учреждения профсоюзов высшего образования «Академия труда и социальных отношений». В настоящее время в Центре ЮНЕВОК создан большой Экспертный совет, в который вошли известные ученые, преподаватели крупнейших вузов нашей страны и СНГ, а также представители крупного бизнеса [5].

Одной из задач Центра ЮНЕВОК на базе БИСТ (филиала) ОУП ВО «АТИСО» является организация и проведение сертификации по

ЮНЕВОК образовательных учреждений России и СНГ. Сертификация программ центрами ЮНЕВОК означает подтверждение их соответствия международным стандартам и практикам в сфере образования, что повышает качество и признание этих программ на национальном и международном уровнях.

Особое значение сертификации ЮНЕВОК — это ряд преимуществ, которые она дает программам и образовательным учреждениям. К ним относятся:

1. Повышение качества образования. Программы проходят экспертную оценку на соответствие современным требованиям и лучшим практикам в области ТПО. Это способствует улучшению учебных планов, методик преподавания и инфраструктуры.

2. Международное признание. Сертификация усиливает доверие к программам со стороны работодателей, студентов и партнеров из других стран. Это особенно важно для участия в международных проектах и обмена опытом.

3. Доступ к ресурсам и сетям. Учреждения, получившие сертификацию, могут участвовать в глобальных инициативах ЮНЕСКО, получать техническую поддержку, обмениваться знаниями и опытом с другими центрами сети.

4. Содействие в развитии национальных систем образования. Сертификация помогает странам адаптировать образовательные программы к международным стандартам, что способствует повышению квалификации рабочей силы и снижению безработицы.

5. Укрепление сотрудничества. Центры ЮНЕВОК способствуют диалогу между государственными органами, неправительственными организациями и бизнесом в сфере образования.

Сертификация ЮНЕВОК для образовательных учреждений и программ открывает возможности:

- участвовать в разработке национальных стратегий ТПО;
- получать доступ к международным публикациям и исследованиям;
- организовывать мероприятия (конференции, семинары) под эгидой ЮНЕСКО;
- налаживать партнерские связи с другими центрами сети.

Для программ это означает:

- повышение конкурентоспособности на рынке образовательных услуг;
- возможность большего привлечения иностранных студентов и преподавателей;
- улучшение репутации и расширение влияния учреждения.

В России по данным на 2020 год прошли сертификацию ЮНЕВОК пять образовательных учреждений.

Ранее, в 2010 году, был создан Национальный центр ЮНЕСКО-ЮНЕВОК в Российской Федерации с центральным офисом в Институте теории и истории педагогики некоммерческой общероссийской общественной организации «Российское авторское общество». Также были открыты региональные отделения в Республике Татарстан и Ленинградском государственном университете имени А. С. Пушкина [8].

Целью сертификации является оценка соответствия образовательной программы требованиям ЮНЕСКО-ЮНЕВОК, направленным на подготовку квалифицированных специалистов с инновационным мышлением, практическими компетенциями и устойчивым подходом к развитию отрасли.

Для проведения экспертизы на сертификацию по стандартам ЮНЕСКО-ЮНЕВОК, касающейся инновационной, современной и устойчивой подготовки технических и профессиональных специалистов, необходимо сформировать перечень требований (показателей), отражающих ключевые аспекты качества образования и его соответствия принципам устойчивого развития [9].

Ниже представлен основной перечень требований и показателей, основанный на документах и рекомендациях ЮНЕСКО-ЮНЕВОК, а также современных международных практиках в области TVET:

1. Инновационность образовательной программы:

- Внедрение современных технологий и методов обучения: использование цифровых платформ, симуляторов, VR/AR, дистанционного обучения.

- Актуальность содержания: учебные программы регулярно обновляются с учетом новых технологий, требований рынка труда и научно-технического прогресса.

- Развитие критического мышления и творческих навыков: интеграция проектной деятельности, кейс-стадии, междисциплинарных задач.

- Поддержка предпринимательских компетенций: обучение навыкам стартапа, инновационного менеджмента и бизнес-планирования.

2. Современность и соответствие требованиям рынка труда:

- Партнерство с работодателями и индустрией: наличие договоров и совместных проектов с предприятиями, участие работодателей в разработке и обновлении программ.

- Практическая направленность: обязательные стажировки, практика на реальных производствах, лабораторные и мастерские занятия.

- Компетентный подход: программы ориентированы на формирование конкретных профессиональных компетенций, востребованных на рынке.

- Гибкость и адаптивность: возможность индивидуализации обучения, модульная структура программ, признание неформального и информального обучения.

3. Устойчивое развитие и социальная ответственность:

- Интеграция принципов устойчивого развития: обязательное включение тем экологии, энергетической эффективности, ответственного потребления и производства в учебные планы.

- Обучение «зеленым» профессиям и технологиям: подготовка специалистов в области возобновляемой энергетики, экологического мониторинга, устойчивого строительства и т. п.

- Социальная инклюзия: обеспечение равного доступа к образованию для всех групп населения, включая уязвимые.

- Этические стандарты и гражданская ответственность: формирование ценностей устойчивого развития, этики профессии и социальной ответственности.

4. Качество педагогического состава и методик обучения:

- Повышение квалификации преподавателей: регулярное обучение педагогов новым методикам, технологиям и трендам в TVET.

- Использование активных и интерактивных методов обучения: главными являются

проблемное обучение, групповая работа, цифровые инструменты.

– Оценка и мониторинг качества обучения: систематическая оценка знаний, навыков и компетенций обучающихся, обратная связь.

5. Инфраструктура и ресурсы:

– Современное техническое оснащение: наличие лабораторий, мастерских, оборудования, соответствующего современным стандартам.

– Доступ к цифровым ресурсам: электронные библиотеки, обучающие платформы, базы данных.

– Экологическая устойчивость инфраструктуры образовательного учреждения: энергетическая эффективность зданий, использование возобновляемых источников энергии.

6. Управление и политика образовательной организации:

– Наличие стратегии развития, ориентированной на инновации и устойчивое развитие: образовательное учреждение должно иметь четкую стратегию, включающую цели по внедрению инноваций и принципов устойчивого развития.

– Мониторинг и оценка эффективности образовательных программ: регулярный сбор и анализ данных о результатах обучения, удовлетворенности студентов и работодателей, а также о трудоустройстве выпускников.

– Вовлечение заинтересованных сторон: активное участие представителей индустрии, студентов, преподавателей и сообщества в управлении и развитии образовательных программ.

– Прозрачность и отчетность: открытость информации о деятельности учреждения, результатах обучения и использовании ресурсов.

– Поддержка инновационных проектов и исследований: стимулирование научно-исследовательской деятельности и внедрение результатов исследований в образовательный процесс.

7. Международное сотрудничество и обмен опытом;

– Участие в международных проектах и сетях ЮНЕВОК: обмен опытом, участие в совместных программах и инициативах.

– Мобильность студентов и преподавателей: программы обмена, стажировки и обучение за рубежом.

– Адаптация лучших международных практик: внедрение современных методик и стандартов, признанных на международном уровне.

8. Оценка и сертификация компетенций:

– Использование компетентного подхода: оценка знаний, умений и навыков на основе четко определенных стандартов.

– Практическая оценка: проведение экзаменов и тестов в реальных или максимально приближенных к реальности условиях.

– Признание неформального и информального обучения: возможность подтверждения компетенций, приобретенных вне формального образования.

– Прозрачность и объективность процедур сертификации: четкие критерии и стандарты оценки, обязательное участие независимых экспертов [9].

Следует подчеркнуть, что само заключение о сертификации по требованиям ЮНЕВОК, программ преподавания и обучения должно быть структурированным, объективным и содержать четкую оценку соответствия программы выше установленным международным критериям.

Представленный перечень требований (показателей) можно рекомендовать для подготовки образовательного учреждения для экспертизы на сертификацию ЮНЕСКО-ЮНЕВОК программ профессионально технического образования и обучения.

Особо следует подчеркнуть, что сертификация по ЮНЕВОК дает образовательным учреждениям России и СНГ международное признание и вносит вклад в достижение глобальных целей устойчивого развития.

Список источников

1. UNEVOC International Centre for Technical and Vocational Education and Training // UNESCO : официальный сайт. URL: <https://unevoc.unesco.org/home/About+UNEVOC/>.

2. UNECKO Publications: bridging knowledge and driving global change // UNESCO : официальный сайт. URL: <https://www.unesco.org/en>.

3. Центры UNEVOC в России // UNESCO : официальный сайт. <https://unesco.ru/activity/unevoc/>. Дата публикации: 01.02.2020.

4. Convention on Technical and Vocational Education : Date and place of adoption 10 November 1989, Paris, France // UNESCO : официальный сайт. <https://www.unesco.org/en/legal-affairs/convention-technical-and-vocational-education>.

5. Нигматуллина Т. А., Курамшина Н. Г. Центр UNEVOC в Российской Федерации на базе БИСТ (филиала) ОУП ВО «АТИСО»: совершенствование технического, профессионального образования в целях устойчивого развития стран мира // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий. 2025. № 4(69). С. 201–203.

6. Recommendation concerning technical and vocational education and training (TVET) // UNESCO : официальный сайт. URL: <https://www.unesco.org/en/legal-affairs/recommendation-concerning-technical-and-vocational-education-and-training-tvet>.

7. Ломакина Т. Ю. Потенциал Национального центра ЮНЕВОК: сотрудничество на национальном уровне // Проблемы современного образования. 2011. № 5. С. 13–19.

8. Ломакина Т. Ю. Национальный центр ЮНЕВОК в Российской Федерации // Проблемы современного образования. 2012. № 3. С. 129–134.

9. TVET quality management system and assurance manual // TVETA : официальный сайт. URL: <https://www.tveta.go.ke/wp-content/uploads/2023/10/TVET-Quality-Management-System-.pdf/>.

References

1. UNEVOC International Centre for Technical and Vocational Education and Training. UNESCO: official website. Available from: <https://unevoc.unesco.org/home/About+UNEVOC/>.

2. UNESCO Publications: bridging knowledge and driving global change. UNESCO: official website. Available from: <https://www.unesco.org/en>.

3. UNEVOC Centers in Russia. UNESCO: official website. Available from: <https://unesco.ru/activity/unevoc/>. Publication date: February 1, 2020.

4. Convention on Technical and Vocational Education : Date and place of adoption 10 November, 1989, Paris, France. UNESCO: official website. (In Russ.). Available from: <https://www.unesco.org/en/legal-affairs/convention-technical-and-vocational-education>.

5. Nigmatullina T. A., Kuramshina N. G. UNEVOC Center in the Russian Federation based on BIST (branch) of the Academy of Labor and Social Relations: improving technical and vocational education for the purposes of sustainable development of countries of the world. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social'ny`x texnologij = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2025;(4(69)):201–203. (In Russ.).

6. Recommendation concerning technical and vocational education and training (TVET). UNESCO: official website. Available from: <https://www.unesco.org/en/legal-affairs/recommendation-concerning-technical-and-vocational-education-and-training-tvet>.

7. Lomakina T. Yu. Potential of the UNEVOC National Center: cooperation at the national level. *Problemy` sovremennoogo obrazovaniya = Problems of Modern Education*. 2011;(5):13–19. (In Russ.).

8. Lomakina T. Yu. UNEVOC National Center in the Russian Federation. *Problemy` sovremennoogo obrazovaniya = Problems of Modern Education*. 2012;(3):129–134. (In Russ.).

9. TVET quality management system and assurance manual // TVETA : официальный сайт. official website. Available from: <https://www.tveta.go.ke/wp-content/uploads/2023/10/TVET-Quality-Management-System-.pdf/>.

Сведения об авторах

Т. А. Нигматуллина — доктор политических наук, кандидат исторических наук, профессор, директор, руководитель Центра UNEVOC в РФ на базе БИСТ;

Н. Г. Курамшина — доктор биологических наук, профессор, заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин и профсоюзного движения, председатель Экспертного совета Центра UNEVOC в РФ на базе БИСТ.

Information about the authors

T. A. Nigmatullina — Doctor of Science (Political), Candidate of Science (Historical), Professor, Director, Head of the UNEVOC Russia Centre at BIST;

N. G. Kuramshina — Doctor of Science (Biological), Professor, Head of the Department of Humanities and Trade Union Movement, Chair of the UNEVOC Expert Council.

Статья поступила в редакцию 01.06.2026; одобрена после рецензирования 15.06.2026; принята к публикации 22.06.2026.

The article was submitted 01.06.2026; approved after reviewing 15.06.2026; accepted for publication 22.06.2026.

ФОРУМ «АТАЙСАЛ»

23 мая 2026 г. Чишминский район Республики Башкортостан стал настоящим центром притяжения для всей западной и центральной части республики. Народный проект «Атайсал» в Чишмах объединил сердца 12 районов. Здесь развернулся масштабный зональный форум «Ватан көсө — сила Отечества».

«Атайсал» переводится как «малая родина», но по смыслу это гораздо глубже. Это место силы, откуда мы родом, куда всегда стремимся вернуться сердцем. Проект «Атайсал», инициированный Главой республики Р. Ф. Хабировым, уже доказал свою эффективность.

Центр UNEVOC на базе Башкирского института социальных технологий (филиала) Образовательного учреждения профсоюзов высшего образования «Академия труда и социальных отношений» стал организатором одной из самых интересных секций «Атайсал — территория просвещения» (модераторы: Т. А. Нигматуллина — доктор политических наук, директор БИСТ (филиала) ОУП ВО «АТИСО», руководитель Центра UNEVOC в Российской Федерации на базе БИСТ (филиала) ОУП ВО «АТИСО», региональный координатор сети Ассоциированных школ ЮНЕСКО региона Башкортостан; А. А. Яйкарова — заместитель директора АНО «Центр науки, просвещения, экологии, культуры и туризма «Геопарк Торатау»).

В работе секции, проходившей в Детской школе искусств, приняли участие муниципальные работники, директора, учителя, дети, представители глобальных геопарков и биосферных заповедников — объектов ЮНЕСКО Башкортостана муниципальных районов Республики Башкортостан: Альшеевского, Бакалинского, Бижбулякского, Белебеевского, Благоварского, Буздякского, Давлекановского, Еремеевского, Миякинского, Салаватского, Туймазинского, Шаранского, Чишминского, г. Октябрьский.

Участники секции показали, что «Атайсал» — это не только благотворительность и помощь, а системное вовлечение всех заинтересованных сторон. «Атайсал» — это управленческая философия через диалог, партнерство и совместное решение.

Одна из ключевых идей Ассоциированных школ ЮНЕСКО звучит: «Мыслить глобально — действовать локально!». Калейдоскоп проектов малой родины, представленных участниками секции, позволил убедиться, что «Атайсал» — это не только помощь родному селу или школе — это целая философия просвещения, которая объединяет древние наследия и современные образовательные технологии, глобальный статус ЮНЕСКО и локальную силу «Атайсал», усилие государства, бизнеса, ответственности и личную ответственность каждого учителя, родителя и ученика.



**ТРЕБОВАНИЯ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЕ К СТАТЬЯМ,
НАПРАВЛЯЕМЫМ В ЖУРНАЛ «ВЕСТНИК БИСТ
(БАШКИРСКОГО ИНСТИТУТА СОЦИАЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ)»**

1. Максимальный объем статьи 15 полных страниц, минимальный — 5 страниц, набранных в соответствии с указанными ниже требованиями:

- текстовый редактор Microsoft Word, шрифт Times New Roman, кегль 14 пт, междустрочный интервал 1,5;
- параметры страницы: левое поле — 3 см, верхнее, нижнее поля — 2 см, правое — 1,5 см;
- абзацный отступ 1,25 см устанавливается автоматически;
- ориентация книжная;
- выравнивание по ширине.

2. Встречающиеся в тексте условные обозначения и сокращения раскрываются при первом упоминании их в тексте.

3. Таблицы в тексте рекомендуется выполнить в редакторе Microsoft Word. Не принимаются в работу отсканированные таблицы и в виде рисунка.

4. Графики, схемы, рисунки, диаграммы, фотографии и другие графические объекты должны быть пронумерованы и дополнительно представлены отдельными файлами в формате *.jpg или *.tif в черно-белом изображении с разрешением не менее 300 dpi. Подписи к объектам указываются в основном тексте в месте, куда должен быть помещен объект. Изображения должны располагаться в пределах рабочего поля, допускать перемещение в тексте и возможность изменения размеров. Линии графиков и рисунков в файле должны быть сгруппированы.

5. Формулы должны быть набраны в стандартном редакторе формул.

6. Файл именуется по фамилии автора (например, «Иванов.doc»); графические файлы именуются по номеру рисунка, таблицы и т. п. (например, «рисунок 1.jpg», «таблица 3.doc»).

7. Перечень затекстовых библиографических ссылок помещают после основного текста статьи с предшествующими словами «Список источников». Он должен содержать не более 15 источников, в том числе не более 3 ссылок на публикации авторов статьи и их соавторов с целью избежать недобросовестного увеличения библиометрических показателей авторов.

Библиографическую запись для перечня затекстовых библиографических ссылок составляют по ГОСТ Р 7.0.5—2008.

В перечень затекстовых библиографических ссылок включают записи только на ресурсы, которые упомянуты или цитируются в основном тексте статьи.

Библиографические записи в перечне затекстовых библиографических ссылок нумеруют и располагают в порядке цитирования источников в тексте статьи.

Отсылки на затекстовые библиографические ссылки в тексте статьи заключаются в квадратные скобки.

Дополнительно приводят перечень затекстовых библиографических ссылок на английском языке („References”) согласно Vancouver Style.

Пример:

Сорокин Д. Е., Сухарев О. С. Структурно-инвестиционные задачи развития экономики России // Экономика. Налоги. Право. 2013. № 3. С. 4–15.

Sorokin D. E., Sukharev O. S. Structural and investment objectives of the development of the Russian economy. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics. Taxes. Law*. 2013;(3):4-15. (In Russ.).

8. Заголовок статьи приводят на русском и английском языках.
 9. Основные сведения об авторе(ах) приводятся на русском и английском языках и содержат:
 - имя, отчество, фамилию автора (полностью);
 - наименование организации (учреждения), ее подразделения, где работает или учится автор (город, страна);
 - электронный адрес автора (e-mail);
 - открытый идентификатор ученого (Open Researcher and Contributor ID — ORCID) (при наличии).
 10. Аннотацию формируют по ГОСТ Р 7.0.99 на русском и английском языках. Объем аннотации не должен превышать 250 слов.
 11. Ключевые слова (словосочетания) должны соответствовать теме статьи и отражать ее предметную, терминологическую область. Количество ключевых слов (словосочетаний) не должно быть меньше 3 и больше 15 слов (словосочетаний). Их приводят на русском и английском языках.
 12. Материалы публикуются на безгонорарной основе.
 13. Авторы полностью несут ответственность за достоверность сведений, точность цитирования и ссылок на официальные документы и другие источники, а также отсутствие сведений, не подлежащих опубликованию в открытой печати.
 14. Редакция оставляет за собой право на редактирование статей, без изменения их научного содержания.
 15. Статьи, не соответствующие указанным требованиям, решением редакционной коллегии не публикуются, рукописи не возвращаются.
 16. Автор, ответственный за переписку, должен предоставить в редакцию заполненные регистрационные карты на всех авторов и согласие на обработку персональных данных, разрешенных для распространения, от каждого из них.
- Регистрационную карту можно скачать на сайте *vestnik-bist.ru*.

Вестник БИСТ

(Башкирского института социальных технологий)

Серия «Общественные науки». 2026. № 2 (71)

Компьютерная верстка *А. Г. Бурмистровой*
Техническое редактирование: *Т. Е. Бочарова*

Сдано в набор 22.06.2026. Дата выхода в свет 29.06.2026.
Формат 60 x 84/8. Усл. печ. л. 22,32. Уч.-изд. л. 16,89.
Гарнитура «FranklinGothicBookC». Бумага офсетная. Печать ризографическая.
Тираж 150 экз. Заказ 35

Цена: бесплатно

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-34653 от 2 декабря 2008 г.

Башкирский институт социальных технологий (филиал)
ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений»
Адрес редакции и издателя:
Проспект Октября, д. 74/2, г. Уфа, Республика Башкортостан, 450054
Тел. +7 (347) 216-41-62
e-mail: vestnikbist@mail.ru
www.vestnik-bist.ru

Отпечатано в типографии ИП Абдуллина Ирина Аркадьевна
Проспект Октября, д. 27, корп. 2, оф. 61, г. Уфа, Республика Башкортостан, 450059
www.proprint02.ru